ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. Г. КАРАЯНИ, И. В. СЫРОМЯТНИКОВ

ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Учебник
для специалистов психологической работы
Вооруженных Сил Российской Федерации

МОСКВА – 2016

ББК – Ю 942 я 73
К 21

Приказ министра обороны № 573 от 7.08.2013 г.

Рецензенты:
доктор психологических наук, профессор *С. Л. Кандыбович*;
кандидат психологических наук *В. Б. Ионкин*

Караяни А. Г., Сыромятников И. В.
К 21 Военная психология : учебник для специалистов психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации. – М. : ВУ, 2016. – 500 с.

В учебнике раскрываются предмет, задачи, методы, принципы и место военной психологии в системе научного знания. На основе разработанной психологической модели боя анализируется влияние боевых стресс-факторов на психические процессы, личностные свойства, боевые действия, взаимоотношения воинов. Показана роль суеверий и слухов в формировании боевых установок воинов. Раскрыты сущность и симптоматика боевого стресса, боевой психической травмы, посттравматического стрессового расстройства. Обоснованы цель, задачи, методы, уровни и технологии психологического обеспечения боевых действий военнослужащих, роль, место и функциональные схемы деятельности военного психолога в боевой обстановке.

Раскрыты сущность, содержание, силы и средства психологической работы в соединении (воинской части) в мирное время. Представлены компетентностный профиль, система профессиональных знаний, умений и навыков военного психолога. Обоснованы направления и методы психологического изучения индивидуально-психологических и личностных качеств военнослужащих и социально-психологических явлений в воинских коллективах. Изложены пути профилактики девиантного поведения военнослужащих, укрепления воинской дисциплины, психологического обеспечения несения боевого дежурства и караульной службы.

ББК – Ю 942 я 73

ВВЕДЕНИЕ

Я уверен, что не численность
и вооружение приносят победу в бою,
а победит тот, у кого крепче дух.
Ксенофонт

Революционное развитие средств вооруженного насилия, методов политического, информационного, психологического противоборства привело к тому, что в XXI в. мир стал более незащищенным, хрупким и уязвимым, чем в предыдущие исторические эпохи. По оценкам ведущих военных аналитиков, в последние годы существенно расширилось пространство военных рисков, в том числе и для России.

Президент Российской Федерации В. В. Путин, анализируя текущую военно-политическую обстановку в мире, отмечает: «Мир меняется. Идущие в нем процессы глобальной трансформации таят в себе риски самого разного, зачастую непредсказуемого характера. В условиях мировых экономических и прочих потрясений всегда есть соблазн решить свои проблемы за чужой счет, путем силового давления. Не случайно уже сегодня раздаются голоса, что, мол, скоро «объективно» встанет вопрос о том, что национальный суверенитет не должен распространяться на ресурсы глобального значения. Вот таких даже гипотетических возможностей в отношении России быть не должно. Это значит – мы никого не должны вводить в искушение своей слабостью» [379].

Предельная приближенность боевой натовской инфраструктуры к России на всех стратегически важных направлениях ее обороны, существенное увеличение людского, экономического и военного потенциала этого блока в связи с вступлением в него все новых государств, сформировавшаяся у США привычка безнаказанно вмешиваться в дела и судьбы других государств, все это – достаточная «критическая масса» для возгорания большой войны.

Именно глобальная военно-политическая игра США привела к образованию кипящего котла военной напряженности в Афганистане, Ираке, Сирии, Украине, резкому росту агрессивных амбиций сегодняшнего турецкого руководства.

В складывающейся ситуации сакральный завет «Помни войну» приобретает актуальное значение. Он требует всемерно укреплять обороноспособность нашего государства, создавать и совершенствовать современные Вооруженные Силы, способные противостоять сильному, технологически оснащенному, опытному в военном отношении противнику.

Важнейшим элементом боевых возможностей армии является высокое морально-психологическое состояние военнослужащих. Хорошо известно, что «моральное состояние… самое могущественное оружие, известное человеку; более могущественное, чем самый тяжелый танк, чем самая разрушительная бомба. Высокое моральное состояние – это средство, способное превратить поражение в победу. Армия не разбита, пока она не прониклась сознанием поражения, ибо поражение – это заключение ума, а не физическое состояние. История войн и военного искусства убеждает в том, что когда борьба принимает затяжной характер, исход ее решает моральная, а не физическая сила [168, с. 22, 26].

Морально-психологическое состояние представляет собой совокупность психологических возможностей, степень мобилизованности и настроенности психики каждого военнослужащего на активные и самоотверженные действия в боевой обстановке.

Важнейшим фактором формирования и укрепления боевого духа воинов является научно обоснованная психологическая работа с военнослужащими, направленная на формирование у них психической устойчивости к мощным стрессорам современного боя и их психологической готовности к эффективному решению боевых задач в соответствии со штатным предназначением.

Центральная роль в процессе организации и осуществления психологического обеспечения различных видов воинской деятельности военнослужащих принадлежит военному психологу и другим специалистам психологической работы соединения (воинской части).

объединенных в группы психологической работы, психологов-управленцев в органах военного управления, психологов-исследователей и методистов в центрах психологической работы Вооруженных сил, военных округов и флотов. Теперь важнейшей задачей является превратить эту службу в единый, слаженный, эффективно функционирующий организм, а психолога – в высококлассного специалиста, обладающего психологическим видением мира, психологическим чутьем, психологическим мышлением и стилем поведения. Сложность состоит в том, что основная масса специалистов психологической работы в войсках – люди, не имеющие военно-психологической подготовки.

Руководящие документы возлагают на психолога большой круг важных и ответственных задач. Однако главной его миссией является всемерное расширение психологических возможностей военнослужащих, позволяющих им быть успешными в бою и в мирной обстановке, одновременно сохраняя свою жизнь и здоровье.

Данный учебник призван помочь психологу сформировать целостное представление о психологических явлениях, характерных для деятельности военнослужащих в мирное и военное время, о методах, месте, роли и организационных схемах деятельности военного психолога при психологическом обеспечении задач военной службы. Его содержание разработано с учетом того, что в едином комплексе с данным учебником, в рамках совершенствования методического обеспечения деятельности психологической службы Вооруженных сил будут разработаны учебные пособия «Психологическая подготовка военнослужащих», «Психологическая помощь военнослужащим», «Защита военнослужащих от негативного психологического воздействия».

Учебник ориентирован на психологов соединений и воинских частей и слушателей факультета повышения квалификации Военного университета, изучающих курс военной психологии. Он разработан с учетом того, что военные специалисты психологической работы имеют базовое психологическое образование и знакомы с основными положениями общей, социальной, клинической психологии и психологии труда. Вместе с тем он будет

полезен курсантам, студентам и слушателям, обучающимся по специальностям «Психология», «Психология служебной деятельности», «Педагогика и психология девиантного поведения».

Первая глава учебника посвящена раскрытию теоретико-методологических основ военной психологии, ее предмета, задач, принципов, методов и места в системе научного знания.

Во второй главе анализируются влияние боя на психику и боевую деятельность военнослужащих, особенности проявления групповой психологии и руководства воинским коллективом в боевой обстановке.

В третьей главе обосновываются цель, задачи и технологии психологического обеспечения боевых действий, роль и место военного психолога в бою.

В четвертой главе излагаются основные направления психологической работы в соединении (воинской части) в мирное время, компетентностный профиль, обязанности, методы и этические нормы деятельности военного психолога, психотехнологии профилактики девиантного поведения, укрепления воинской дисциплины, обеспечения качественного несения военнослужащими задач боевого дежурства и караульной службы.

Глава 1
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Прежнее понимание о бое, как о насилии физическом, об истреблении противника, о захвате – как цели, приходится изменить и центр тяжести о насилии, из области физической перенести в область психическую.

Г. Е. Шумков

■ Объект и предмет военной психологии ■ Внутренние разделы военной психологии ■ Принципы военной психологии ■ Общие задачи военной психологии ■ Специальные задачи военной психологии ■ Место военной психологи в системе научного знания ■ Методы военной психологии ■ Психологическая модель боя ■ Факторы боевой активности воинов (боевые, эколого-эргономические, социально-психологические, психофизиологические, психологические)

1.1. Объект, предмет и задачи военной психологии

Раскрывая внутреннюю логику научного познания, Л. С. Выготский отмечал, что «для всякой науки раньше или позже наступает момент, когда она должна осознать себя самое как целое, осмыслить свои методы и перенести внимание с фактов и явлений на те понятия, которыми она пользуется» [48, с. 310]. Без разработки теоретических основ любая прикладная отрасль способна превратиться в сборник догм.

Поэтому военная психология должна четко определить свой объект, предмет, круг решаемых задач, место в системе научного знания и психологической практики.

Теоретический анализ военно-психологического наследия создателей военно-психологической науки представляет возможным выделить объект военной психологии, то есть ту часть

объективной реальности, на которую направлена ее исследовательская активность. В качестве **объекта военной психологии** выступает военнослужащий, включенный в боевой коллектив и совместно с другими воинами выполняющий боевые и учебно-боевые задачи.

Специфика объекта и предмета военной психологии обусловлена особенностями ее положения в системе научного знания и внутренней логикой ее строительства (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1

Основания для определения предмета военной психологии

Объект военной психологии	Особенности военной психологии			
	Сферы интереса	Двойственное положение: отрасль психологии и военной науки	Теоретическое знание и прикладная отрасль	Появление отраслей внутри военной психологии
Отдельный военнослужащий	Боевые действия	Боевые возможности Психологические возможности	Закономерности проявления психики Технологии управления психическими явлениями	Общая военная психология
Воинский коллектив	Подготовка к боевым действиям в мирное время	Боевые возможности Групповые психологические факторы	Закономерности коллективной психологии Методы управления групповыми процессами	Социальная военная психология
Воинская деятельность		Боевая эффективность Психологические факторы эффективности	Военная профессиология Методы психологического отбора, боевой и психологической подготовки, психологической помощи, реабилитации и реадаптации	Психология воинского труда и военного управления

Из табл. 1.1 видно, что предмет военной психологии многогранен и сложен для определения. Дать четкую дефиницию ему

можно, предварительно очертив предметное поле военной психологии и исследуемую ею проблематику.

Создатели военной психологии исходили из того, что определить ее предметную область можно, лишь описав психологические особенности боевой деятельности. Они постоянно указывали на то, что «военная психология ставит себе задачу изучить работу психики в … особых условиях войны. Основной ее проблемой является исследование психики бойца в бою» [74, с. 160]. Дело в том, что «деятельность человека-бойца во время войны и боя носит особый характер», так как «протекает в условиях хронической опасности, т. е. постоянной опасности потерять здоровье или жизнь, а, с другой стороны, в условиях не только безнаказанного уничтожения себе подобных, коль скоро они являются врагами, но и в прямой необходимости и в поощряемом желании делать это как во имя конечных целей общего благополучия для своего народа, так и в целях собственного самосохранения. Если обыватель, которому грозит случайная опасность, избегая ее или даже совершенно уклоняясь от нее, не теряет лица и пользуется по-прежнему общим уважением, то боец, ушедший с поля сражения или отказавшийся идти в бой, подвергается не только общему презрению, но и привлекается к суровой ответственности по уголовному закону [74].

Г. Е. Шумков отмечал, что «область, подлежащая нашему научному исследованию, есть бой, центральное место в котором занимает боец. Психика его, его свойства и деятельность во время боя составляют для нас задачу» [366, с. 14]. Учитывая, что деятельность воина проходит не только в боевой обстановке, но и в мирное время, «военная психология по области исследования разделяется на две части: психология боя и психология мирного времени». При этом психология боя призвана, «во-первых, возможно подробно изучить психику воинов во время сражений; во-вторых, наметить те принципы, которыми нужно руководствоваться при ведении боя. Психология мирного времени указывает научные пути, как привить воинам в мирное время те психологические принципы, которые намечены психологией боя» [366].

В связи со сказанным, «…изучение душевных переживаний воинов, влияющих на боевую деятельность, изучение явлений,

способствующих воодушевлению и храбрости, явлений, понижающих боевую деятельность (страх и паника), моментов, ослабляющих способность противника, причин нарушения воинского долга» является важнейшей задачей военной психологии [365], так как «…покажет нам к чему и как должны мы подготовить воинов в мирное время, чтобы в боевое время они были непоколебимы» [364].

В-четвертых, формирование военной психологии происходит, с одной стороны, посредством углубления научных представлений о закономерностях проявления психики военнослужащего и психологии коллектива в условиях воинской деятельности, с другой стороны, за счет появления новых военно-психологических разделов.

Военная психология включает в поле своего интереса все области военного строительства. Трудно указать на какую-либо сторону Вооруженных сил, где военная психология не решала бы каких-то специально поставленных перед нею задач, не занималась исследованиями, не делала обобщений, не давала рекомендаций. Практическое применение военной психологии неуклонно расширяется. В ее внутренней структуре закономерно возникают специфические области знания и разрабатываются соответствующие им технологии, совокупность которых можно определить как разделы военной психологии.

Эти разделы находятся в предметном поле, заключенном двумя пределами: «одним пределом исследования являются общепсихологические дисциплины и в частности применение их в условиях военного быта для наилучшей обработки бойца. Другим пределом являются патологическая психология и психиатрия» [74, с. 161].

Военные психологи зарубежных стран выделяют основную проблематику военной психологии: приложение психологии к совершенствованию средств исследования военных способностей и классификационных процедур, тренировке людей, конструированию военного снаряжения для использования человеком, упрощению операций по управлению оружием, проблемам ненормальных солдат и матросов, психологической войне, моральному состоянию и человеческим отношениям» [334, с. 51]; повышение боеспособности армии, опираясь на достижения современной науки о чело-

веческой психике» [334]; выявление пределов точности восприятия и правил получения наиболее точных восприятий; получение нужных навыков, эффективность в работе и действиях; подбор-классификация, выбор подходящих людей для соответственной работы; обучение, изучение, превращение способностей в освоенные специальности; личная приспособленность к военной жизни, ее мотивация, ее мораль, реакция на поражение, чувство страха; взаимоотношения – руководство, влияние слухов, их контролирование, природа паники, взаимоотношение людей различных рас и их обычаи; мнения и пропаганда – сбор публичного мнения, настроения и психологическая война [25, с. 11–14].

Анализ подходов отечественных и зарубежных военных психологов к пониманию границ предметного поля и проблематики военной психологии позволяет определить, что **предметом** (часть объекта, которая подвергается исследованию конкретной наукой) военной психологии является психология военнослужащего, в составе воинского коллектива осуществляющего подготовку к боевой деятельности и выполнение боевых задач.

В контексте такого понимания предмета **военная психология** рассматривается как область специального научного знания и практики, нацеленная на исследование психологических особенностей совместной боевой деятельности военнослужащих и обоснование методов обеспечения ее эффективности.

Задачи военной психологии

Военная психология решает две группы задач: 1) основные (решаемые военными психологами) и специальные (к исследованию и решению которых привлекаются другие специалисты).

В современных условиях военная психология решает следующие *основные задачи*:

1. Исследование психологического содержания войны и боя, влияния боевых стресс-факторов на индивидуальную и групповую боевую деятельность военнослужащих; изучение специфики психических процессов, состояний, свойств личности под влиянием боевых, эколого-эргономических, социально-психологических, психофизиологических и психологических факторов.

2. Изучение зависимости боевой мотивации и активности воинов от содержания общественного сознания, отношения народа к целям, способам и средствам ведения войны, к противнику и собственной армии, от уровня сплоченности воинских коллективов и авторитетности боевого руководства.

3. Познание психологических особенностей управленческой деятельности в боевой остановке. Выявление психологических особенностей оперативного и тактического руководства войсками и факторов его эффективности.

4. Создание психологических основ тактики, оперативного искусства и стратегии; развитие психотехнологий введения противника в заблуждение и военной маскировки.

5. Психологическое обоснование целей, принципов и методов боевой подготовки войск в интересах формирования у воинов боевого мастерства.

6. Разработка теории и технологий психологической подготовки военнослужащих к боевым действиям для формирования психологической готовности и устойчивости к стресс-факторам современного боя.

7. Обоснование задач и способов психологического сопровождения боевых действий (непрерывный психологический мониторинг (прогнозирование, изучение, оценка) боевой обстановки, уровня утомления, качества сна, психогенных потерь среди личного состава, психологическая поддержка и реабилитация психотравмированных военнослужащих).

8. Обоснование целей, сил, средств, способов информационно-психологического противоборства с противником.

9. Разработка целостной системы социально-психологической реадаптации участников боевых действий, реабилитации комбатантов с посттравматическим стрессовым расстройством.

10. Создание научно обоснованной системы профессионально-психологического отбора военнослужащих для выполнения различных видов воинской деятельности.

11. Исследование условий обеспечения эффективности деятельности психологической службы ВС РФ.

К *специальным задачам* военной психологии относятся: психологическое обоснование решений при конструировании боевой техники и оружия; психологическое обеспечение использования животных для решения боевых задач; психологическая подготовка военнослужащих к активному поведению в плену, побегу из плена, психологическая помощь освобожденным из плена; изучение потенциала психотропных препаратов по расширению психологических возможностей военнослужащих при решении задач в экстремальных условиях, психологическое обеспечение деятельности военных разведок и др.

1.2. Методологические основы военной психологии

Методологические аспекты всякого научного исследования (научной отрасли, области знания) являются важным моментом его организации, осуществления и интерпретации полученных результатов. Методология позволяет опереться на законы функционирования более широкой объективной реальности, придать исследованию целостный, «единоязыковый» характер, войти в уже организованное смысловое поле применяемых научных категорий, связать воедино теоретические положения и практические методы исследования, обработки и интерпретации результатов, доказать правомерность избранной стратегии, ее адекватность свойствам объекта.

При определении методологического основания настоящей работы использовалось утвердившееся в отечественной психологии представление о методологии как о трехуровневой системе, включающей: 1) общую методологию как некоторый общий философский подход, общий способ познания принимаемый исследователем; 2) частую (специальную) методологию – совокупность исходных исследовательских принципов, применяемых в данной области знания; 3) методологию как совокупность конкретных методических приемов исследования или методику [4].

Для того чтобы дать характеристику методологии военной психологии необходимо ответить на вопросы: а) какая философская парадигма заложена в ее основу, б) какие научные принципы

привлекаются для объяснения психологических феноменов, составляющих ее предмет, в) какие методы используются для познания психологических феноменов войны и боя и управления ими.

На уровне общей методологии в основу военной психологии положен *философский материализм.* Его положения, как известно, предполагают признание первичности материи и вторичности сознания. Это означает, что мозг, как материальный объект, первичен, психика, как его функция, вторична. Полагается, что окружающий человека материальный мир в принципе познаваем. Следовательно, мозг и его важнейшая функция – психика – доступны для изучения. Отсюда вытекает, что психические процессы, состояния, свойства и образования людей можно формировать и корректировать.

Психика человека, психология коллектива находятся в непрерывном изменении, которое обусловливается как изменением внутренних элементов (состояние здоровья, настроение, отношение к окружающему, коллективное мнение, характер отношений в группе, наличие опыта деятельности и др.), так и внешних обстоятельств (условия выполнения деятельности, ее материальная обеспеченность и др.).

Однако общефилософский уровень методологии определяет лишь общую позицию в понимании сущности психических явлений. Сегодня остро ощущается необходимость в выработке частно-научных принципов построения военно-психологической науки. Историко-психологический, теоретико-методологический анализ состояния военной психологии, сравнительные исследования других прикладных научных отраслей позволяют выделить следующие принципы построения современной военной психологии.

Принцип системного понимания субъекта боевой деятельности. Для того, чтобы выявить формы и особенности проявления психики военнослужащего в боевой обстановке и определить пути психологического вспомоществования ему, необходимо рассматривать воина как *целостную систему* (индивид – личность – субъект деятельности), в которой выделяются подсистемы, условно обозначаемые как «человек разумный», «человек деятельный»

и «человек социальный» [37]. Другими словами, каждый военнослужащий – это индивид, реагирующий на изменения внешней и внутренней среды не отдельными составляющими психики (психическими процессами, состояниями, свойствами, образованиями), а как единое целое, опосредуя свои действия, поступки, поведение и отношения личностными свойствами. При этом все элементы здоровой психики находятся в отношениях взаимной детерминации, дополнения и компенсации (отсутствие или недостаточное развитие одних компенсируется действием других; целенаправленное развитие личностных качеств влияет на проявление психических процессов и состояний, воздействие на бессознательное человека влечет за собой коррекцию сознательных компонентов психики и т. д.).

«Разумность» человека проявляется в его способности адекватно отражать явления и объекты окружающего мира и свое место в нем, что обусловливается качествами ощущений, восприятия, знаний, мышления и интеллекта. Знания создают у военнослужащего впечатление о боевой обстановке. Они формируются посредством процесса восприятия, который тесно связан с мышлением, чувствами, волей, зависит от прошлого опыта, установок и эмоционального состояния человека. В связи с этим усиление интеллектуализации процесса восприятия боевой обстановки (узнавание, оценка качественно-количественных параметров элементов ее объектов, выделение в них свойств, способствующих эффективному выполнению задачи) сопровождается снижением эмоционального фона [109]. Отсюда вытекает важное положение для понимания задач военной психологии: *чем большими знаниями о современном бое, его психологических факторах и явлениях обладает военнослужащий, тем меньше у него остается поводов для тревоги, беспокойства, страха.*

Знания выступают средством систематизации опыта социальной деятельности, позволяют достигать единого понимания военнослужащими боевой задачи, пространственно-временных, организационно-функциональных и других параметров их боевого взаимодействия. Они отражают личностное значение тех или иных событий боевой обстановки для военнослужащего и, следо-

вательно, играют важнейшую роль в формировании мотивации боевой деятельности. От того *что собственно видит каждый военнослужащий в происходящих событиях, в поставленной ему задаче в решающей степени зависит его боевая активность.*

Для понимания человека как **деятеля** важным является выделение таких признаков деятельности, как осознанность, мотивированность, эргичность (волевая природа) [109]. *Осознанность деятельности означает* наличие у деятеля ее динамичной когнитивной модели, отражающей информацию относительно объекта, субъекта и самого процесса деятельности. Применительно к боевой деятельности это значит, что у каждого воина должно быть четкое представление о противнике (преследуемые им цели и ведущие мотивы действий, психологические возможности и «уязвимые места», психологическое состояние, сильные и слабые места тактики действий, возможности боевой техники и оружия, социальная база), о предстоящих боевых действиях (цель, место в общей системе боевых действий, порядок действий подразделения, средства достижения цели, сигналы управления и взаимодействия, психологические условия и факторы, характерные и возможные психологические явления), о себе самом (что, в какой последовательности, с помощью каких средств, во взаимодействии с кем, где и в какие сроки необходимо сделать, с помощью каких критериев оценивать качество своих действий, приемы диагностики собственных психических состояний, способы психологической поддержки сослуживцев и психической саморегуляции и условия их применения).

Наличие адекватной и полной когнитивной модели боевых действий характеризует человека не как «средство» войны, а как сознательного «деятеля».

Боевое мастерство является важнейшим фактором победы над врагом.

Британский военный специалист К. Макнаб приводит следующий факт, раскрывающий связь между боевым мастерством и моральным духом войск. Во время Второй мировой войны в течение 38 дней (с июня по 13 июля 1944 г.) проводился сравнительный анализ психологических потерь среди раненых в двух американ-

ских воинских соединениях. Элитная 82-я воздушно-десантная дивизия понесла внушительные потери (4 196 раненых) во время жестоких боев в Нормандии. Здесь на каждые 100 раненых приходилось около 6 психически травмированных бойцов. В то же время пехотная дивизия, воевавшая в Италии, потеряла 1 800 человек ранеными, но процентное соотношение психически травмированных в два раза превышало подобные случаи у десантников; психологические потери пехоты составили 13 человек на каждые 100 раненых бойцов. То есть боевое мастерство является своего рода «предохранителем», ресурсом против психотравматизации военнослужащих [190].

Мотивированность боевой деятельности отражает меру сочетания потребностей военнослужащего с целью его действий. Известно, для того чтобы активность человека переросла в деятельность, вызвавшая ее потребность должна «опредметиться в мотиве» [109]. Мотив как движущая сила человеческого поведения выполняет три функции: побуждения к деятельности, придания ей направленности и смыслообразования. Как и всякая сложная деятельность, боевая деятельность полимотивирована.

М. И. Дьяченко выделил три вида мотивации боевых действий, которые могут быть изложены как: широкие социальные, коллективно-групповые и индивидуально-личностные мотивы.

Опыт ведения боевых действий показывает, что наиболее легко вырабатываются и устойчиво функционируют мотивы боевого товарищества. Однако при приобретении боевыми действиями затяжного характера в преимущественном положении оказывается та сторона, которой удается сохранить действие широких социальных мотивов.

Эргичность (волевая природа) деятельности понимается как способность человека к выбору ее целемотива посредством осознания соответствия цели действий духовным принципам и нормам личности и воинского коллектива. Действия по принципу «цель оправдывает средства» истощают нравственные силы военнослужащего, деморализуют личность, порождают негативные социально-психологические явления. В этой связи формирование условий для осознанного выбора воинами целей своей деятельно-

сти, создание у них системы внутренней регуляции боевой активности должны быть элементом содержания психологического обеспечения боевых действий.

«Социальность» личности военнослужащего проявляется в том, что человеческая личность формируется и развивается через реальное или номинальное участие в жизнедеятельности социальных групп. Конкретные социально-психологические характеристики социального окружения оказывают существенное влияние ни проявление личностных качеств людей, усиливая выраженность одних и снижая интенсивность проявления других. Даже простое присутствие тех или иных сослуживцев может оказывать существенное и различное влияние на психические состояния и поведение человека. Изменение социальной среды влечет за собой изменение ряда личностных характеристик человека, требует его «встраивания» в новый социум – социально-психологической адаптации.

В среде, окружающей военнослужащего, можно выделить по крайней мере три слоя: макросоциальный (мировое сообщество, общество, вооруженные силы, группировка войск, местное население, противник), микросоциальный (коллектив воинского подразделения, части) и эргономический (природно-географическая, технико-технологическая среда). Их влияние на деятельность может быть положительным или отрицательным, гармонизированным, несбалансированным или разнонаправленным. Следовательно, *неправомерно рассматривать психологические характеристики личности военнослужащего вне ее взаимосвязи с психологическими условиями среды деятельности.* Поэтому в качестве субъекта боевой деятельности и одновременно объекта психологического обеспечения необходимо брать не изолированного военнослужащего или отдельные воинские коллективы, а систему человек – среда – деятельность. Она включает военнослужащего, а также элементы социальной и эргономической среды, которые влияют на психологические компоненты его боевой деятельности (цель, мотивы, психические состояния, способы действий).

При таком подходе военнослужащий как субъект боевых действий рассматривается в трех ракурсах: а) со стороны его внутренних, психологических возможностей осуществлять боевые действия; б) со стороны поддерживающих его действия психологических условий социальной и эргономической среды; в) со стороны неблагоприятных и противодействующих психологических обстоятельств среды.

Необходимость системного рассмотрения воина как субъекта боевой деятельности подтверждается теорией функциональных систем П. К. Анохина (см. рис. 1.1). Из рисунка видно, что для того, чтобы воин эффективно выполнял боевые действия необходимо согласованное взаимодействие всех перечисленных элементов:

1. Стимулы боевой обстановки (действия противника, своих войск, изменение эколого-эргономических условий, поведение населения в районе боевых действий и т. д.) должны быть обнаружены и опознаны военнослужащим (самостоятельно или при помощи сослуживцев), несмотря на дезорганизующие действия противника (маскировка, военная хитрость).

2. Опознанные боевые стимулы не должны вызвать у воина астеничных психических состояний (безволие, отчаяние, паника и др.). Необходимо проявление смелости.

3. Военнослужащий должен осознать положение, принять решение и определить программу действий (самостоятельно или при внешней помощи), несмотря на дезорганизующее психологическое воздействие противника. Программа действий соотносится с поставленной командиром боевой задачей. Необходимо проявление решительности.

4. Воин должен проявить волевое усилие и действовать целенаправленно по реализации выработанной программы, преодолевая сопротивление противника, неблагоприятные факторы боевой обстановки и негативные эмоциональные состояния.

5. Военнослужащий должен уметь правильно оценивать результаты свой деятельности, сверять с поставленной задачей, переживать временный неуспех, корректировать программу действий и проявлять волю для повторного их выполнения.

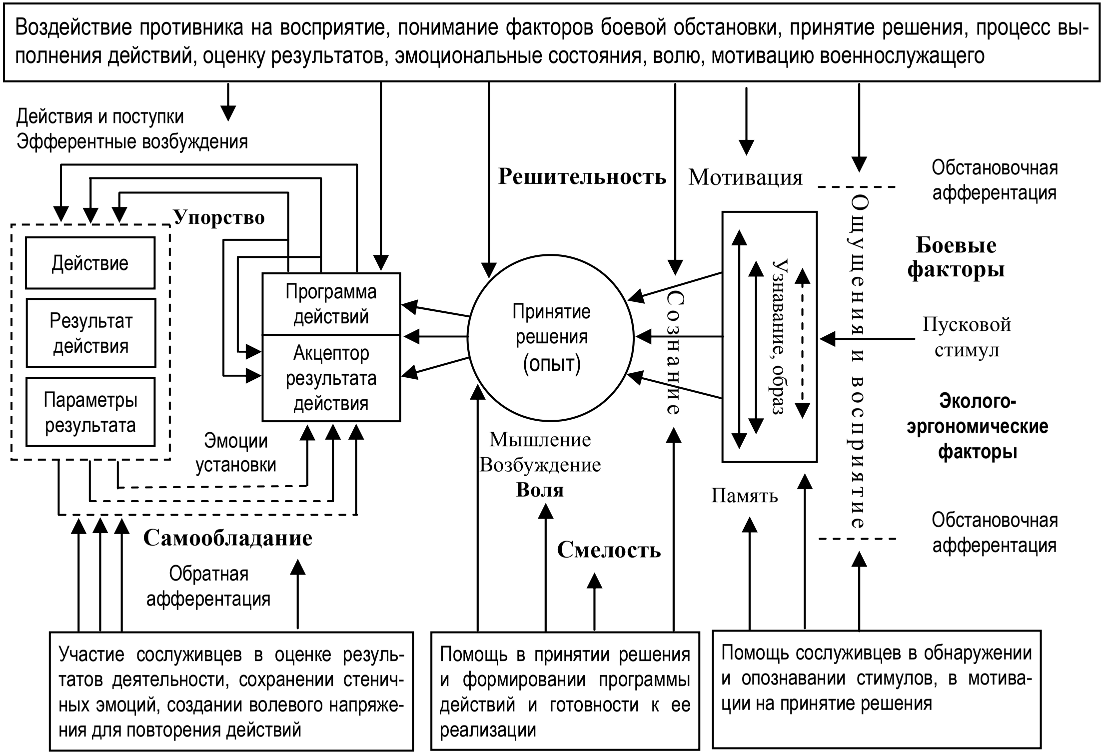

Рис. 1.1. Схема взаимосвязи индивидных, личностных, субъектных качеств и влияния внешних воздействий на действия воина (на основе схемы функциональной системы П. К. Анохина)

6. Командиры, сослуживцы воина должны быть способными оказать ему психологическую поддержку на всех этапах выполнения боевой задачи.

7. Противник должен быть психологически подавлен настолько, чтобы не иметь возможности блокировать деятельность воина на любом из этапов выполнения боевой задачи.

Рассмотренные составляющие выполнения боевой задачи субъектом боевой деятельности позволяют: во-первых, очертить круг психологических явлений, подлежащих исследованию и, во-вторых, определить пути и способы психологического обеспечения боевых действий военнослужащих. Они определяют содержание последующих глав и параграфов данного учебного пособия.

Из рассмотренного выше принципа вытекает **принцип психологического ресурса.** Он ориентирует исследователей на поиск *любых нравственно приемлемых психологических ресурсов (условий, обстоятельств)* для максимального расширения психологических возможностей военнослужащего в интересах эффективного решения им боевых задач, сохранения психического и физического здоровья, выживания на поле боя. Совокупность имеющихся в распоряжении военнослужащего и потенциально доступных для использования психологических условий, позволяющих эффективно решать боевые задачи определенного *типа (класса),* называется *целевым психологическим ресурсом* (психологическим ресурсом для достижения конкретной цели).

В качестве такого ресурса рассматриваются и индивидуально-психологические и личностные качества, и состояния воина (наличие точного образа предстоящих боевых действий, высокая мотивация, боевой настрой и т. д.), и социально-психологические феномены (психологическая совместимость и сплоченность коллектива, лояльность общественного мнения, доверие к командиру и т. д.), и психологическая подавленность противника, и т. д.

Задача командира состоит в том, чтобы взаимодействуя с психологом, буквально выискивать психологический ресурс во всех элементах психологической модели боя, привлекать на «службу» все рассмотренные выше факторы, обусловливающие боевую активность воинов.

Именно целевой психологический ресурс подлежит прогнозированию, оценке, сравнению с ЦПР противника, формированию, сохранению и восстановлению в ходе боевых действий.

Принцип психологического обеспечения боевых действий ориентирует военных психологов на построение военной психологии не по образу психологической науки, а по образу конкретной психологической задачи. Военная психология должна не делиться на «военную общую психологию, «военную социальную психологию» и т. д., а использовать возможности, методы, принципы этих научных отраслей для интегративного решения каждой прикладной задачи, выделяя в ней психофизиологический, общепсихологический, социально-психологический, управленческий и др. уровни.

В качестве своеобразного стрежня, объединения психологических, психофизических, социально-психологических и других уровней вспомоществования военнослужащему выступает *психологическое обеспечение* воинской деятельности – целенаправленная деятельность командиров, психологов, других специалистов, направленная на формирование, поддержание и восстановление психологических возможностей военнослужащих и воинских коллективов (целевого психологического ресурса), необходимых для успешного выполнения боевых задач. Такое обеспечение пронизывает воинскую деятельность от «входа» до «выхода», актуализируя и расширяя психические возможности воинов на всех ее этапах.

1.3. Место военной психологии в системе научного знания

Как было показано выше, военная психология является одновременно отраслью двух наук: военной науки и психологии.

Для того чтобы понять сущность военной науки, необходимо отграничить ее от военного искусства. Более столетия назад российские военные ученые считали, что военное дело состоит из двух элементов – рационального (соизмеримого, вещественного, поддающегося точному анализу и классификации) и иррационального, духовного (несоизмеримого). Рациональная часть – достояние военной науки. Иррациональная, духовная часть – достоя-

ние военного искусства. Искусство – удел немногих избранных, как правило, – выше науки. Наука сливается с искусством лишь в натурах гениальных. Подобно тому, как ценность сплава определяется процентом благородного металла в нем, уровень полководчества зависит от преобладания военного искусства над военной наукой в нем. «Наполеон в большинстве своих кампаний, Суворов во всех своих кампаниях – дают нам золото 96-й пробы. Полководчество Фридриха II – гений сильно засоренный рутиной и «методикой», – золото уже 56-й пробы. Полководчество Мольтке-старшего – таланта, а не гения – уже не золото, а серебро (довольно высокой, впрочем, пробы), полководчество его племянника – лигатура, олово» [149].

Действительно, военное искусство Александра Македонского, Фемистокла, Ганнибала, Суворова – не ниже сегодняшних выводов военной науки. Военная наука «внеличностна», «внеситуативна», «рекомендательна», «среднестатистична». Но военное искусство может быть обнаружено, выявлено, оценено, систематизировано и, главное, передано последователям только через науку.

Именно военная наука и военное искусство являются заказчиками на конкретные исследования и практическую деятельность военных психологов. Они определяют вид, тип, место, стратегические, оперативные и тактические особенности военных событий, к которым нужно готовить военнослужащих, оружие и технику, которыми они должны владеть, необходимую для победы в войне степень психологической совместимости и сплоченности воинских коллективов и т. д.

В свою очередь военная психология предоставляет в распоряжение военной науки и военного искусства разработанные положения о влиянии войны и боя на психику воинов, о взаимосвязи общественной, групповой и индивидуальной психологии, о мотивах героического и отклоняющегося поведения военнослужащих, о путях повышения морально-психологического состояния своих войск и снижении морального духа войск противника, об этнопсихологических особенностях воинов ведущих армий мира и т. д.

Вторым основным фактором, определяющим принципы и методы исследовательской и практической деятельности военных

психологов, является общая психология. Именно она задает исходные методологические основания для понимания сущности психики, личности воина, воинской деятельности, закономерностях ощущений, восприятия, эмоциональных состояний, мотивации действий, особенностей проявления темперамента, характера, способностей в экстремальных условиях и т. д.

В отечественной военной психологии в качестве методологической платформы выступает общая психология, сформированная на базе деятельностного подхода и психологической теории деятельности. В армии США – на основе бихевиоризма, в японских вооруженных силах – на основе буддистской трактовки духовной жизни и т. д. У общей психологии военная психология берет также основные методы исследования психологических явлений войны и боя, экстраполирует их теоретические выводы на боевые ситуации.

Для военной психологии важнейшим источником теоретических и экспериментальных наработок, касающихся содержания, механизмов и последствий влияния психологии больших и малых социальных групп на установки, ценностные ориентации, групповое и массовое поведение людей, психологических механизмов управления и взаимного влияния воинов (подражание, психическое заражение, внушение, убеждение), является социальная психология. В последнее время в военной психологии активно исследуется роль военно-организационной культуры в формировании морально-психологического состояния военнослужащих, воинской дисциплины, достижении эффективности боевого применения войск. По существу военная психология – психология социальная. Ведь, как показано выше, война и бой представляют собой частный вид социального конфликта – вооруженное противоборство. На это в середине 80-х гг. прошлого века указывали А. В. Барабанщиков, В. П. Давыдов, М. И. Дьяченко, Э. П. Утлик, Н. Ф. Феденко.

Роль естественнонаучного основания военной психологии выполняет физиология. Она раскрывает логику и механизмы взаимосвязи человеческого организма, его психики с окружающей средой, с условиями боевой обстановки.

Военная психология активно взаимодействует с историей общей и историей военного искусства, получая от них представление о культурно-исторической обусловленности героизма и трусости, стойкости и предательства, военной этики и девиаций, о зависимости тактических форм ведения боевых действий от достигнутого уровня культуры, оружия и техники и т. д.

Ценную информацию военная психология получает от возрастной психологии (об этапах психического развития, возрастных кризисах, особенностях возрастных групп военнослужащих и т. д.), от психологии труда (о специфике воинской деятельности, ее мотивов, целей, средств, способов, условий; о профессионализации, профессиональной и социальной идентичности военнослужащих; о содержании и методах военно-профессиональной ориентации, профессионального психологического отбора и сопровождения военнослужащих), от инженерной психологии (о взаимовлиянии конструктивных и эргономических особенностей боевой техники и оружия и психических состояний военнослужащих, степени реализации ими своих способностей и т. д.), от клинической психологии (о формах психотравматизации военнослужащих и посттравматическом стрессовом расстройстве; о психологических последствиях ранений и инвалидизации и др.), от психотерапии (о содержании и методах психологической помощи психотравмированным военнослужащим), от психологии управления (о психологических факторах и эффективных моделях управления подчиненными в экстремальных условиях деятельности).

Исследуя войну и бой, военная психология активно взаимодействует с философией и социологией. Обращаясь к философии, военная психология принимает ее позицию относительно решения вопроса о соотношении психики и материи, сознания и бытия, трактовке войны и мира, понимании сущности пограничных ситуаций в жизни человека. Изучая последствия воздействия боевой обстановки на психику воина она обращается к теоретическим наработкам и практическим рекомендациям военной психиатрии; определяя цели, средства и методы психологической подготовки, психологические аспекты боевой подготовки военнослужащих,

она учитывает результаты военно-педагогических исследований и военно-педагогической практики.

Следует подчеркнуть, что психология во взаимосвязи с другими науками не выступает исключительно в качестве иждивенца, она предоставляет в их распоряжение научные данные об особенностях социальных, возрастных, деятельностных, психопатологических феноменов, проявляющихся в боевой обстановке.

Таким образом, военная психология тесно связана с военной наукой и военным искусством, всеми основными отраслями современной психологии, другими социальными и гуманитарными отраслями научного знания. Во взаимодействии с ними она расширяет границы своего предмета, обогащается теоретическими положениями и эмпирическими фактами, оснащается методически, благодаря чему активно развивается как современная теоретическая и прикладная научная отрасль.

1.4. Методы военной психологии

Для военной психологии, исследующей человеческую психику и личность в экстремальных условиях современного боя, проблема выбора адекватных методов исследования является жизненно важной.

Арсенал основных методов военной психологии был в общем плане обозначен еще в начале XX в. В ходе Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн в России (1814–1818 г.) психологи Н. Н. Головин, Г. Е. Шумков, Г. Д. Хаханьян не только предложили, научно обосновали, но и частично проверили на практике основные методы военно-психологического исследования.

Анализируя их подходы и современные наработки в области методологии военно-психологических изысканий и практической психологической работы, можно выделить *две группы методов* военной психологии: 1) методы военно-психологических исследований и 2) методы военно-психологической практики.

Рассматриваемые методы довольно хорошо описаны в военно-психологической литературе [36; 37; 143, 300 и др.]. Следует отметить, что каждый из методов имеет свои преимущества и

ограничения в соответствующей обстановке. Подробно рассмотреть их в рамках данной работы в силу ограниченности ее объема не представляется возможным. В связи с этим остановимся на их краткой презентации.

I. Методы военно-психологических исследований:

1. Опрос участников боевых действий (письменный – анкетирование, интервьюирование, индивидуальная и групповая беседы).

2. Экспертный опрос лиц медицинского персонала, военных психологов, командиров, сослуживцев о психофизических состояниях раненых.

3. Анализ документов, связанных с участниками боевых действий (медицинские карты, журналы динамического наблюдения, фотографии, дневники, письма, стихи, песни участников и свидетелей боев, боевые донесения и донесения о психологической работе).

4. Анализ результатов боевых действий войск и исследование материалов военной истории (хода и исхода сражений, построений войск, мер психологического обеспечения, морально-психологического состояния сторон и его динамики и т. д.).

5. Анализ художественных произведений о войне.

6. Наблюдение (включенное и не включенное, формализованное и неформализованное, прямое и опосредованное и др.).

7. Эксперимент (естественный и лабораторный).

8. Скрытые методы исследования (методы интерпретации сопутствующих явлений).

9. Корреляционные методы (методы выявления связей между событиями и явлениями).

В меньшей мере в литературе описаны скрытые методы исследования, а, между тем, они обладают значительным диагностическим потенциалом. Они, например, позволяют: по количеству заболеваний военнослужащих соматическими болезнями, обморожений, натертостей ног, фактов членовредительства, симуляций, совместных фотографирований, конфликтов между военнослужащими, писем домой, числу лиц, возвращающихся в свои части из госпиталей, ждущих дивизионные, армейские и фронтовые газеты, по продолжительности пребывания в госпиталях, по мо-

лодцеватости внешнего вида участников боевых действий и т. д. судить о доминирующих психических состояниях военнослужащих, боевом настрое, популярности войны среди различных категорий личного состава, психологическом климате в воинской части, авторитете военного руководства; по истертости обложек и страниц военных трудов размышлять об их популярности и т. д.

Не менее информативным методом познания психологии войны и боя является метод анализа художественных произведений о войне и бое. К примеру, знакомство с такими литературными произведениями, как «Психология войны» Б. Момышулы или «На западном фронте без перемен» Э.-М. Ремарка могут рассказать о психологических явлениях войны больше, чем многие современные учебники о войне, из которых выхолощены чувства и переживания людей, их высокие душевные порывы и страдания, доблести и подлости, подлинная фронтовая дружба и предательство и т. д.

II. Методы военно-психологической практики:

1. Методы военной профессиографии (методы описания военных профессий, специальностей и видов деятельности).

2. Методы военно-профессиональной ориентации и набора в армию.

3. Методы профессионального психологического отбора (методы психофизиологического обследования и социально-психологического изучения лиц, поступающих на военную службу).

4. Методы психологической подготовки военнослужащих к боевым действиям, формирования у них психологической устойчивости к боевым стресс-факторам и психологической готовности к выполнению конкретных боевых задач (методы моделирования факторов опасности, внезапности, новизны, напряженности, ответственности и др. на занятиях по боевой подготовке; боевой, природно-географической, климатической, биоритмической, режимно-деятельностной адаптации; формирования когнитивной модели боя; создания эмоционального настроя; формирования навыков и привычек выполнения типичных для боя задач; расширения психических возможностей (внимания, памяти, интуиции, зрения, слуха, обоняния, тактильной чувствительности, ночного

видения, перенесения боли, холода, жары, голода); эффективного поведения в плену и др.).

5. Методы психологического прогнозирования и оценки боевой обстановки (парного сравнения психологических возможностей противоборствующих сторон).

6. Методы прогнозирования и расчета психогенных потерь (в условиях применения обычного оружия и оружия массового поражения).

7. Методы психологической поддержки военнослужащих (коммуникативные, деятельностные, аутогенные, установочные, фармакологические).

8. Методы психологической реабилитации участников боевых действий (обсуждение стресса; дебрифинг стресса критических инцидентов; индейская банная; рэп-группы; рациональная и другие виды психотерапии и др.).

9. Методы социально-психологической реадаптации участников боевых действий («психологического карантина»; создания реадаптирующей среды; терапия семей участников боевых действий).

10. Методы психологической помощи лицам, переживающим утрату.

11. Методы диагностики посттравматических стрессовых расстройств у ветеранов боевых действий (структурированное клиническое интервью; шкала оценки выраженности травматического стресса; боевые шкалы миннесотского и миссисипского опросников ПТСР; опросник травматического стресса И. О. Котенева; опросник депрессивности Бека и др.).

12. Методы ведения психологических операций и защиты войск от психологического воздействия противника (печатные, радиотелевизионные, звуковещательные, «приклеивания информации», демонстративных действий, психологического изнурения (звуками, запахами, мерцающим светом) и т. д.).

14. Методы военной маскировки, введения противника в заблуждение и достижения внезапности (создания иллюзий восприятия, мышления и антиципации).

15. Методы анализа и поддержания воинской дисциплины в воинских подразделениях и частях и предупреждения девиаций на войне.

Даже простое перечисление методов, используемых военными психологами в своей практике, говорит о том, что военная психология активно осваивает не только теоретическое пространство своего предмета, но и целенаправленно выстраивает психотехнологическую базу. При этом часть методов она заимствует у других отраслей психологии (психодиагностика, психологическое консультирование, психотерапия, психокоррекция и др.) и после соответствующей их адаптации включает в арсенал своих методических средств. Другие методы она разрабатывает сама, так как, кроме нее, ни одна наука этими проблемами не интересуется (например, методы расчета психогенных потерь, психологической оценки обстановки, психологической поддержки в бою и др.).

Военная психология сегодня находится в расцвете своих возможностей, она активно проникает во все сферы воинской жизни, ей по плечу решение самых сложных задач. Как и прежде, ее главной целью является поиск путей, методов и средств расширения психологических возможностей воинов в решении сложных боевых задач, сохранение их жизни и боевой активности, возвращение с полей сражений в мирные условия психически и физически полноценных граждан России.

1.5. Психологическая модель боя

Война – самое суровое и жестокое испытание физических и психологических возможностей человека, его плоти и духа. Крупнейший авторитет в области военной теории и практики Карл фон Клаузевиц отмечал: «Война по существу своему – бой… Бой – это измерение духовных и физических сил путем взаимного столкновения сторон … состояние духа оказывает самое решающее влияние на военные силы» [154, с. 120].

Вместе с тем война – это чудовищная по силе своей реалистичности и трагичности драма, которая неизменно разыгрывается в душе каждого солдата, оставляя неизгладимые, незаживающие

отметины и пылающие раны. Она в большей степени «специализируется» на разрушении, а не созидании. И это касается не только боевой техники и человеческой плоти, но и человеческих душ. Поэтому главным вектором войны является перманентная психотравматизация ее участников.

Для исследования влияния боя на психику воина необходимо, во-первых, построить хотя бы простейшую психологическую модель боя, во-вторых, используя эту модель, выделить факторы, определяющие активность воинов в боевой обстановке, в-третьих, проанализировать характер и последствия влияния этих факторов на психику участников боевых действий.

Модельный подход к анализу и практическому решению задач психологической работы вытекает из представления о том, что психолог использует в своей деятельности двухуровневую схему. Сталкиваясь с любой проблемой, он обращается к ней: 1) на уровне понимания психологического явления и 2) на уровне управления этим явлением. Понимание предполагает прежде всего *выделение психологического явления* из окружающей действительности. Так, обратив в ходе боя внимание на военнослужащего, психолог может заметить выраженную бледность, сильный тремор, частоту и поверхностность дыхания, облизывание губ, напряженную позу и устремленный в пустоту взгляд и т. д. Вторым шагом процесса понимания является *описание* (название) *явления психологическим языком*. Возвращаясь к примеру выше, психолог определяет совокупность наблюдаемых симптомов как «боевой стресс». Далее психолог *представляет (вспоминает, создает) психологическую модель* наблюдаемого явления. Он вспоминает, что в динамическом плане стресс протекает через три фазы: тревоги (шок и противошок), совладания (стабилизации) и истощения. Он также знает, что по уровню воздействия на психику человека стресс может быть конструктивным, деструктивным или травматическим. Оценивая состояние воина, он определяет, что, скорее всего, он переживает фазу шока. Это естественная фаза приспособительного реагирования воина на стресс-факторы боевой обстановки.

Модельно представив состояние воина, психолог может перейти на второй уровень работы. Здесь он может пойти одним из

двух возможных путей: а) *порекомендовать непосредственному начальнику* воина отвлечь его от психотравмирующих мыслей, поручить проверить готовность личного оружия, боеприпасов, амуницию, повторить предполагаемый порядок действий и т. д. или б) *самому оказать воину* вербальную (тактильную, визуальную и т. д.) *психологическую поддержку*, порекомендовать ему выполнить один из экспресс-приемов психической саморегуляции.

Итак, для выявления всего комплекса влияний, оказываемых современным боем на психику воинов, и определения путей расширения его психологических возможностей необходимо построить психологическую модель боя.

Модель – любой образ, аналог (мысленный или условный: изображение, описание, схема и т. п.) какого-либо объекта, процесса или явления, используемый в качестве его «заместителя», «представителя».

Моделирование – исследование каких-либо явлений, процессов или систем путем построения и изучения их моделей.

Исходя из общего понимания модели, **психологическая модель боя** представляет собой мысленный образ (аналог, своеобразная карта) психических процессов и явлений, имеющих место в реальном бою.

Война и бой – это чрезвычайно многообразные, обладающие разными ипостасями реальности. Клаузевиц почти 200 лет назад отмечал, что война «может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением простого вооруженного наблюдения» [159, с. 36]. Современный бой может быть кратковременным или длиться на протяжении долгого времени, вестись дистанционно (в виде обмена авиационными и ракетными ударами) или в форме рукопашного боя. Полем боя могут быть горы, пустыня, море, Крайний Север или джунгли. Боевые действия могут проходить в условиях чрезвычайно низких или экстремально высоких температур, днем или ночью. В боевом противоборстве могут участвовать как регулярные, так и иррегулярные формирования, как мелкие подразделения, так и многочисленные воинские фор-

мирования. Бой может вестись в виде наступления, обороны, засады, боевого рейда, разведки боем и т. д.

Естественно, содержание психологической модели каждого вида боя будет иметь качественную специфику. Поэтому мы можем вести здесь речь лишь о самой общей, схематической психологической модели боя.

При разработке психологической модели боя целесообразно опереться на методологическую платформу психологической концепции конфликтов. Под конфликтом мы понимаем наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями и чувствами, переживаемыми ими по отношению друг к другу.

В рамках психологической конфликтологии можно рассматривать войну и бой как частный случай конфликта, достигшего крайней формы социальной остроты и осуществляющегося с применением средств вооруженного насилия.

Используя несколько усовершенствованную структурно-логическую схему конфликта, можно представить психологическую модель боя. Эта модель основывается на пяти «П»: **П**редмет конфликта, **П**ротивоборствующие стороны, **П**ротивоборство (средства и способы), **П**ространство конфликта, **П**сихологические последствия конфликта. Модель включает следующие элементы (см. рис. 2.1):

1. Предмет противоборства (мотив боевой деятельности каждой стороны). История войн и военного искусства убедительно доказывает, что объектом противоборства в бою и войне являются не территория, не военные объекты и боевая техника и даже не живая сила противоборствующей стороны, а *способность и воля противника к сопротивлению.*

Клаузевиц подчеркивал, что «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю», «физическое насилие является средством, а целью будет – навязать противнику нашу волю» [154, с. 23].

Предмет определяет качественно-количественные параметры всех остальных элементов модели. Ошибки в оценке способности противника к сопротивлению, как правило, влекут трагические последствия. Примером тому могут служить ошибки в оценке противника командованием Красной Армии перед войной с Финляндией (1939 г.), фашистским командованием вермахта воли к победе советских воинов, военно-политическим руководством США морального духа вьетнамского народа и т. д.

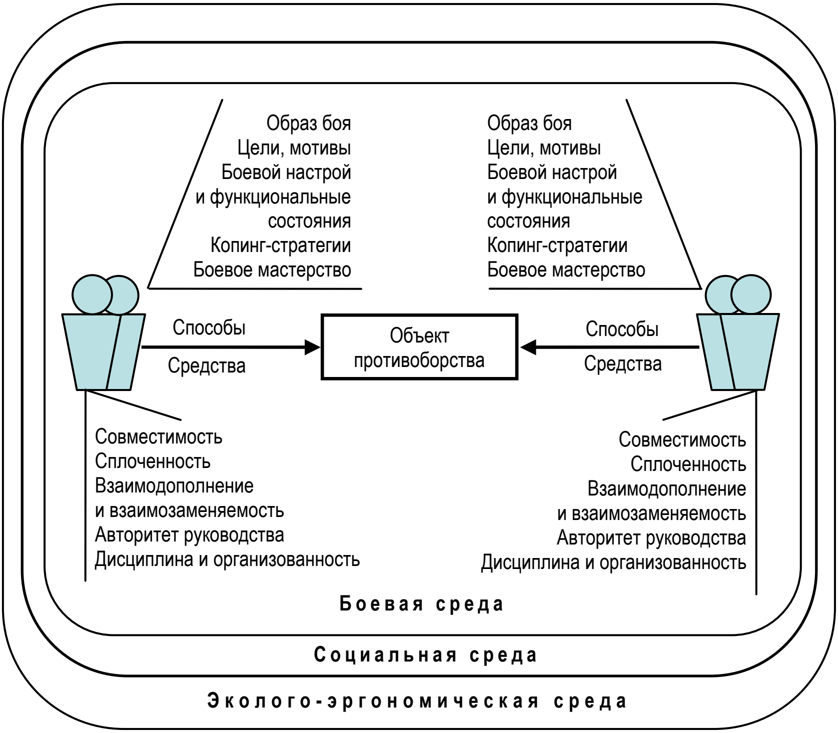

Рис. 2.1. Схема психологической модели боя [143]

2. Противоборствующие стороны с сформировавшимся у них ресурсом конфликтных действий (образами конфликтной ситуации, установками, целями, мотивами, навыками эффективных действий

в конкретных конфликтах, психофизиологическими возможностями) и социальными рангами.

Качественно-количественная характеристика противоборствующих сторон определяет: масштаб противоборства, идеологические и моральные аспекты образа конфликта, формирующегося у участников, боевые установки и мотивацию боевых действий.

3. Групповые психологические феномены, влияющие на боевые действия (мнения, настроения, традиции, совместимость, сплоченность, психологический климат, авторитетность руководства и т. д.).

4. Конфликтные действия (стратегии, уровни, формы, виды, способы, приемы).

5. Средства вооруженного противоборства (обычное оружие, оружие массового поражения, оружие несмертельного действия и др.).

6. Среда или условия конфликта (социальные, эколого-эргономические, боевые).

Таким образом, *в структурном плане* психологическая модель боя состоит из качественно различных феноменов, оказывающих прямое или опосредованное влияние на психику воинов. Однако простая совокупность этих феноменов не может быть названа моделью. Модель должна отражать функциональные связи между этими элементами.

В *функциональном отношении* психологическая модель боя обладает следующими свойствами:

1. Совокупность психологических явлений может называться моделью лишь тогда, когда она включает все основные явления, имеющие место в реальном бою. «Выпадение» любого элемента ведет к нарушению взаимосвязи между составляющими модели, изменению их характеристик и характера функционирования.

Так, один из организаторов обороны Волоколамского шоссе в 1941 г. Б. Момышулы писал, что командиры и бойцы Красной Армии часто не имели четкой картины боя, так как пользовались картами 20-х гг. За прошедшие 20 лет в Подмосковье выросли новые населенные пункты, изменилась конфигурация дорог, появи-

лись различные элементы инфраструктуры. Отсутствие точного представления о предстоящих боевых действиях пагубно сказывалось не только на планировании боя и управлении боевыми действиями, но и на психологическом состоянии военнослужащих. В данном случае неотвратимо срабатывала закономерность «Чего не знаю, того боюсь».

Другой пример. Психологическая модель «ячеистой» обороны, характерная для тактики Красной Армии в начале Великой Отечественной войны, не учитывала такой социально-психологический фактор, как «чувство локтя», взаимная поддержка и эмоциональное заражение воинов. Как следствие в этой модели был искаженно представлен индивидуально-психологический компонент (психическое состояние, мотивация воинов, их психологическая устойчивость). Воины чувствовали себя одинокими на поле боя, не имели информации о действиях сослуживцев, боялись остаться без помощи в случае ранения и т. д. Это порождало беспокойство, неуверенность, страх, а иногда панику.

Более свежий пример. При планировании боевых действий в Грозном зимой 1995 г. из психологической модели предстоящих боевых действий «выпал» такой элемент, как социальная среда, в частности возможность сопротивления федеральным войскам со стороны местного населения. В результате были неправильно представлены такие элементы модели, как способы и средства решения боевых задач, и рассчитаны временные характеристики боевой операции.

Правительственные войска в Сирии длительное время были не осведомлены об использовании повстанцами средств визуального контроля поля боя (например, видеокамеры, спрятанные в рваной обуви или замаскированные под камни). Это позволяло боевикам наносить точные удары по регулярным правительственным подразделениям, вовремя избегать нежелательных боестолкновений и т. д. Психологическим следствием отсутствия в модели этого элемента было преувеличение осведомленности, вездесущести, боевого мастерства и свойств оружия бандформирований.

Следовательно, при планировании психологического обеспечения боевых действий необходимо учитывать состояние, видеть

динамику развития и планировать оптимизацию каждого элемента психологической модели боя.

2. Модель отражает характер взаимосвязи психических явлений в бою – изменение одного влечет изменение всех остальных. Отсюда вытекает положение о том, что влиять на ход и исход боя можно путем изменения качественного состояния **любого** из элементов модели.

Например, использование ядерного оружия влечет за собой изменение тактики действий войск, использование специальных средств защиты, специфические состояния психики военнослужащих и взаимоотношений между ними. Применение тактики засадных действий обусловливает выбор оружия, специальную психологическую подготовку военнослужащих и т. д. Изменение общественного мнения о войне способно повлиять на вид используемых средств вооруженной борьбы, на тактику действий и психологическое состояние войск и т. д.

3. Модель позволяет прогнозировать динамическое изменение каждого элемента в бою. Например, зная боевые качества и этнопсихологические особенности противника и своих войск можно предвидеть колебания их боевой активности в процессе выполнения боевой задачи в зависимости от изменения тактической обстановки, социальных и погодно-климатических условий.

4. Модель позволяет создавать действенные системы психологического обеспечения боевых действий. То есть использование модели дает возможность на практике осуществить **системный подход** к планированию боя, определяя меры по оптимизации каждого ее элемента.

Таким образом, модельный подход к исследованию психологических аспектов боя позволяет выделить и подвергнуть анализу, оценке и в последующем коррекции все важнейшие психологические явления, характерные для боя. Без моделирования психологической феноменологии боя нельзя создавать эффективные системы его психологического обеспечения. Военные психологи, планируя любое мероприятие психологического обеспечения, обязаны обосновывать его с использованием психологической модели конкретного боя.

1.6. Факторы, влияющие на боевую активность воинов

В боевой обстановке психика военнослужащего подвергается множеству разнообразных воздействий. Одни из них способствуют мобилизации и концентрации физических и духовных возможностей человека, повышению боевой активности, смелости, самоотверженности. Другие, напротив, дезорганизуют боевую деятельность воина, блокируют доступ к имеющимся резервам организма, расстраивают работу нервной системы и психики. Третьи не оказывают заметного влияния на боевое поведение.

Для военной психологии важно знать, что определяет психологические реакции, состояния и действия военнослужащих в бою, то есть каковы факторы (причины, движущие силы, существенные обстоятельства), обусловливающие их боевую деятельность. Исследованием таких факторов психологи занимаются давно. Так, один из родоначальников отечественной военно-психологической науки Г. Е. Шумков подчеркивал, что «военная психология только тогда явится наукой, необходимой для полководца, когда она откроет ему секрет боевой силы или работоспособности бойца во всех фазах боевой обстановки… выработает свои научные положения о моментах, понижающих и повышающих работоспособность бойца, укажет совместное действие различных моментов на боевую силу; укажет средство борьбы с наступающим понижением силы в своих войсках и наметит моменты, способствующие угнетению и ослаблению своего противника» [366].

Указать «совместное действие всех моментов» на психику и поведение воинов призвана психологическая модель боя. Однако работа психолога непосредственно с такой моделью довольно сложна. Поэтому целесообразнее выделить из нее наиболее важные обстоятельства, причины или движущие силы психологических явлений боя, то есть **факторы** боевой активности и эффективности воинов. Эти факторы сосредоточены в каждом элементе модели.

Анализ психологических исследований боевых действий в войнах прошлых веков и начала XX в. (К. М. Вольф, С. К. Гершельман, Н. Н. Головин, А. М. Дмитриевский, П. И. Изместьев, П. А. Корф, В. Н. Полянский, А. С. Резанов, Г. Д. Хаханьян, Г. Е. Шу-

мков и др.), в ходе Великой отечественной войны (Г. Д. Луков, М. И. Дьяченко, М. П. Коробейников, А. М. Столяренко, Н. Ф. Феденко), в Республике Афганистан (Р. А. Абдурахманов, С. В. Захарик, В. Е. Попов) и предложенной психологической модели боя позволяет выделить следующие группы факторов, влияющие на боевую деятельность войск: боевые, эколого-эргономические, социальные, психофизиологические и психологические. Рассмотрим их.

Боевые факторы

Боевые факторы отражают свойства конкретных тактических форм, средств противоборства, особенности боевых событий, которые определяют психические реакции, состояния, мотивацию и поведение военнослужащих в бою. Наибольшей силой влияния на психику и боевую активность воинов, как показывает боевой опыт, обладают: вид и интенсивность боевых действий, особенности применяемого оружия, объем и соотношение потерь сторон, применение военной хитрости, маскировки и методов информационно-психологического противоборства.

Вид и способ боевых действий. Отечественная военная наука выделяет два вида боя: наступление и оборону. Учет психологических особенностей видов боевых действий – важное условие их целесообразной организации, психологического обеспечения и достижения психологического превосходства над противником.

С психологической точки зрения наступление и оборона – два вида деятельности, различающиеся по целям, способам, средствам, когнитивным, эмоциональным и поведенческим аспектам.

Наступление имеет целью разгром (уничтожение) противника и овладение важными районами (рубежами, объектами) местности. Оно заключается в поражении противника всеми имеющимися средствами, решительной атаке, стремительном продвижении войск в глубину его боевого порядка, захвате вооружения, техники и намеченных районов (рубежей) местности.

История войн и военного искусства свидетельствует о том, что наступление, как правило, ассоциируется с боевым и духовным преимуществом, преобладающей волей наступающей стороны. Наступательные боевые действия оказывают особенно мобилизующее

и активизирующее влияние на военнослужащих, когда они предпринимаются после затяжных и неуспешных боев. В этом случае наступление связывается с надеждами на перелом в боевых событиях, с возможностью захватить инициативу, значительно приблизить победу над врагом. Переход к наступлению вызывает у воинов надежду на то, что командиры все тщательно оценили, выявили слабые места в боевом состоянии противника, сделали выводы из прошлых неудач, создали превосходящие силы, правильно выбрали время и место наступления, что, безусловно, обеспечит успех боя.

Вызывая боевое возбуждение, азарт, наступательный порыв, активные совместные действия воинов притупляют у воинов страх, колебания, мобилизуют все возможности воинов, их волю. Многочисленные задачи по подготовке боевой техники, оружия, снаряжения, стоящие перед воинами, на какое-то время отвлекают их от психотравмирующих переживаний. Энергия наступательного движения способствует развитию массового героизма, творческой боевой инициативы воинов. Этому в значительной мере способствуют процессы психического заражения и подражания. В результате на фоне общего боевого энтузиазма даже нерешительные люди проявляют активность и включаются в боевые действия. Народная молва гласит, что даже раны, полученные в наступлении, заживают быстрее, чем полученные при обороне.

Из опыта войн также известно, что переход к наступлению сопровождается заметным усилением и активизацией социально-психологических связей между военнослужащими, сплочением воинских подразделений, повышением их «управляемости», дисциплины. Отношения коллективизма, взаимопомощи, взаимовыручки психологически как бы «втягивают» воинов в решение сложных и опасных задач с меньшими психологическими издержками, создавая для этого дополнительную мотивацию.

Специалисты также отмечают ряд тактико-психологических особенностей наступления. Так, у атакующего перед обороняющимся есть ряд преимуществ, которые значимо влияют на его психическое состояние: стрелять с высоты своего роста вниз удобнее, чем обороняющемуся из окопа вверх; гранатой проще поражать противника сверху, чем попасть ею по бегущему солда-

ту; у находящегося сверху значительно больше свободы маневра, чем у обороняющегося в окопе; наступающий при налаженной и эффективной разведке знает, куда обрушивать свой огонь, чтобы уничтожить главные силы противника [195, с. 77, 88].

В наступлении существенно снижается «вес» боевых потерь в достижении победы над противником. Результаты исследований военных специалистов показывают, что в среднем атакующие войска прекращают наступление лишь тогда, когда их потери вдвое превышают потери обороняющихся.

Вместе с тем с психологической точки зрения наступательные действия характеризуются рядом психологических сложностей. Так как наступление ведется на территории, занимаемой противником, немалое значение имеет *фактор неизвестности*. Наступающим не всегда удается предугадать, с чем они столкнутся в глубине обороны врага. Поэтому каждый куст, холмик, разрушенный объект воспринимаются воинами как источник опасности. Особенно сложными в этом плане являются боевые действия в населенных пунктах, горах, лесу.

В наступлении также есть несколько критически сложных с психологической точки зрения моментов. Прежде всего момент выхода из окопа (укрытия) и перехода в атаку. Б. Момышулы в своей известной книге «Психология войны» проводит анализ героизма и героев. Он пишет о том, что есть герои, совершающие яркие подвиги, которые становятся символами и воодушевляют сотни и тысячи людей. Есть герои другого типа, такие, кто первыми поднимаются в атаку под ураганным огнем врага. Без их подвига были бы невозможны многие победы и подвиги-символы.

Поднимаясь в атаку, каждый военнослужащий должен однозначно сделать выбор идти навстречу риску, опасности. Как свидетельствуют участники боевых действий, момент выхода из укрытия и вступления в бой многократно проигрывается в сознании, что обусловливает его существенное сужение и сосредоточение на одном-двух объектах боевой обстановки.

В таких условиях большая психологическая нагрузка ложится на командиров подразделений: они призваны не только принять решение о том, чтобы послать людей навстречу опасности и все-

ми способами побуждать их к активным боевым действиям, но и самим демонстрировать пример самообладания. Л. Л. Байков, иллюстрируя сложность задачи вести подчиненных в бой, пишет о том, что в «сердце человека происходит долгая, тяжелая борьба двух противоположных стремлений, положительного «победить» и отрицательного «отказаться от боя». Под Ваграмом из 22 тыс. французов наполеоновской армии 12 тыс. растаяли, не дойдя до позиции, под разными предлогами, как-то изнеможение, вынос раненых и т. д., а некоторые притворялись даже мертвыми. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. отмечались случаи, когда под предлогом выноса раненого, группируясь около него, с поля боя уходили по 10 человек [13, с. 81–82].

Во время Второй мировой войны американским военным психологом С. Л. А. Маршаллом было установлено, что «из бойцов, которые в каждый момент боевых действий могут и должны пускать в ход вверенное им оружие, всего 15% ведут огонь по неприятельским позициям. Если к этой ничтожной части непосредственно действующих бойцов присоединить тех, кто проявляет какую-либо личную инициативу… то процент реальных участников боя может быть доведен до 25%» [198, с. 50]. Эта тенденция в той или иной мере присуща всем армиям мира. Как заметил один из боевых командиров, воевавших в начале прошлого века: «Легче везти по песку воз, нагруженный камнями, чем продвигать цепи под огнем».

Изучая состояние воина в момент атаки, русские военные психологи К. М. Вольф, В. Н. Полянский, Г. Е. Шумков установили, что она совершается в особом нервном состоянии, которое можно назвать «*шоком*». Вместе с тем шок – это не полное выключение сознания, потеря чувствительности и заторможенность нервной системы, а специфическое чувство, похожее на опьянение, всецело поглощающее существо человека [46, с. 100]. Воины участвуют в атаке без четкого контроля сознания, автоматически и практически неуправляемы. Их ориентировка в обстановке боя может быть неадекватной, что вызывает усиление внутренних трудностей, рост числа ошибок в действиях. Участники боевых действий указывают на возможное проявление в ходе атаки тако-

го явления, как «притяжение земли». Его суть состоит в том, что у отдельных военнослужащих после очередной перебежки и падения на землю практически утрачивается способность оторваться от земли и совершить новый бросок вперед.

Приближение к противнику увеличивает ощущение опасности, воин все более превращается в субъекта массовых действий, постепенно снижается его сознательная деятельность, повышается внушаемость, человек «превращается в автомат» [233; 234]. По оценкам Г. Е. Шумкова, когда на расстоянии примерно 200 шагов до противника бойцы бросаются бегом, у них развивается сила, которая движет вперед, преодолевая любые препятствия, они уже не отступят [369, с. 5].

Оборонительные боевые действия имеют целью отразить наступление превосходящих сил противника, нанести ему максимальные потери, удержать важные районы (объекты) местности и тем самым создать благоприятные условия для перехода в наступление. Оборона в современной войне может носить позиционный и маневренный характер, осуществляться преднамеренно и вынужденно, готовиться заблаговременно и в ходе боя, в условиях соприкосновения с противником и в условиях отсутствия соприкосновения. Несмотря на большие различия в тактике ведения той или иной разновидности оборонительного боя, в условиях перехода к ним имеются общие закономерности проявления психики и поведения воинов в обороне.

В ряде исследований показано, что оборонительные боевые действия связываются воинами с утратой боевой инициативы, наличием у противника боевого и морально-психологического превосходства «…ибо обороняющийся знает, что противник сильнее его, что он диктует ему свою волю» [77, с. 25–26]. При этом возможности противника (его оружия, боевой техники, тактических приемов, действий) нередко преувеличиваются.

Пропорционально продолжительности времени нахождения в обороне возрастает неуверенность воинов в своих боевых возможностях, развивается ощущение собственного бессилия, безысходности. Это сопровождается снижением авторитета военных руководителей, что еще более усугубляет неуверенность в возмож-

ности благоприятного изменения боевой ситуации, способствует развитию общей подавленности, раздражения, пессимизма. У обороняющихся может формироваться «бункерное мышление», когда солдату кажется, что в окопе безопасно, и поэтому у него возникает желание не покидать окопа. Не готовясь к активным действиям вне позиций, обороняющиеся сами загоняют себя в психологическую ловушку. Общий уровень психологической готовности к бою снижается [195, с. 69].

На первый взгляд обороняющиеся в окопах и траншеях имеют все преимущества перед наступающими. Они практически полностью закрыты бруствером в отличие от видимого, как на ладони, противника. У них пристреляны секторы обстрела, что повышает эффективность огня. Перед самим боестолкновением обороняющиеся физически устали намного меньше, чем атакующие. Однако по мере приближения атакующих обороняющиеся утрачивают свое психологическое превосходство. Их психологическое напряжение становится предельным, что резко снижает эффективность огня.

Специалисты указывают на проявление в обороне «феномена неуязвимости противника». Наступающие ведут бой мелкими перебежками: они поднимаются, совершают перебежку, падают, перекатываются и поднимаются уже в другом месте. Обороняющиеся видят, что то в одном, то в другом месте появляется атакующий его противник. А поскольку все обмундированы одинаково, то определить, сколько атакующих ведут наступление, затруднительно. Со страха количество противника преувеличивается. К тому же обороняющемуся трудно отслеживать эффективность своего огня, поскольку атакующие постоянно падают и поднимаются. Ему кажется, что он все время промахивается, а его враг, несмотря на потери, неуклонно приближается. Он видит противника и практически не видит своих сослуживцев [195, с. 76]. Возникает ощущение одиночества на поле боя, способствующее развитию панического настроения.

Оборона создает условия для повышения эффективности психологических диверсий противника (распространение листовок, звуко- и радиовещания и др.), циркуляции панических слухов и настроений. Это особенно характерно для тех случаев, ко-

гда оборона организуется вынужденно, поспешно, в условиях сильного огневого воздействия и психологического давления противника, при ведении боя в изоляции от своих войск, на зараженной местности.

В поведенческом отношении оборонительные боевые действия характеризуются некоторым снижением управляемости, воинской дисциплины военнослужащих, сплоченности воинских подразделений.

Вклинивание противника, расчленение обороняющихся на части ведет к потери связи между подразделениями, росту изолированности отдельных групп воинов, к появлению лиц с *«синдромом окруженца»* [300]. А, как подчеркивал еще К. И. Дружинин, «психика бойцов при современных условиях продолжительности и упорства боя может вынести какое угодно требуемое от нее напряжение, но только до тех пор, пока есть надежда на победу и армия стоит лицом к противнику» [77, с. 25–26].

Психологические особенности ведения боевых действий ночью. Боевые действия ночью имеют существенные психологические особенности. По мнению Н. А. Корфа, «успех ночного боя основан почти целиком на духовных данных» [165, с. 41]. Среди негативных психологических явлений ночного боя: нарушение ориентировки в пространстве; действие эффекта новизны, неопределенности; снижение воинского мастерства воинов; затрудненность слаженных совместных действий; ухудшение управления подразделениями; возрастание тревоги и чувства изолированности от своих войск; усиление подверженности панике и др.

Однако ночной бой содержит и положительные психологические предпосылки эффективности боевых действий: возможность действовать внезапно и вести боевые действия с деморализованным и дезорганизованным противником; возможность снизить страх перед численно и технически превосходящим противником; возможность предотвратить у воинов действие некоторых фобий (например, снайперобоязни, агорафобии (боязни открытых пространств) и др.).

Боевой опыт показывает, что наиболее эффективными *способами* действий являются засады, налеты, диверсии, поиск, рейд,

то есть методы, характерные для войск специального назначения. По оценкам специалистов, такие способы вооруженной борьбы в локальном военном конфликте имеют целый ряд существенных преимуществ по сравнению с традиционными. Достаточно сказать хотя бы о том, что эффективность поражения огнем стрелкового оружия в налетах и засадах повышается в 4–7 раз, гранатометов и огнеметов – в 16–30 раз, мин и минно-взрывных заграждений – в 60–75 раз. Борьба с диверсионными подразделениями требует значительно больше сил и средств, чем ведение боевых действий с равными по численности общевойсковыми подразделениями [63]. Это объясняется тем, что действия таких групп не связаны с удержанием каких-либо объектов, рубежей, районов.

Вид применяемого оружия. Как отмечалось выше, современный бой может вестись с использованием как обычного оружия, так и оружия массового поражения (ОМП). Используемые в вооруженном противоборстве средства отличаются выраженными особенностями влияния на человеческую психику. Знание этой специфики позволяет подготовить людей, предупредить действие факторов новизны, неожиданности, внезапности, быстро преодолевать психологические последствия их применения.

Обычное оружие – огневые и ударные средства, применяющие артиллерийские, зенитные, авиационные, стрелковые, инженерные боеприпасы, ракеты в обычном снаряжении, зажигательные боеприпасы и огнесмеси и др. Оно способно производить не только уничтожающий и разрушающий, но и психологический эффект. Вид огневых валов, вздымающихся в небо столбов земли и дыма, массовых разрушений, искореженной боевой техники, тел убитых, грохот взрывов, свист пуль, крики и стоны раненных, жар от очагов возгорания и др. оказывают мощное психологическое воздействие на воинов.

Психологически последствия могут вызываться и непосредственными факторами применяемых боевых средств. Так, взрывная волна, возникающая после взрыва снаряда, мины или бомбы может травмировать внутреннее ухо и вызвать невротическое последствие, получившее название «контузия» («военный невроз»). Потеря крови или кислородная недостаточность во время

боя могут стать причиной психических нарушений, проявляющихся как замешательство, агрессивность, неспособность сосредоточиться [190, с. 49].

Психологический эффект *ОМП* обусловлен прежде всего спецификой действия его основных поражающих факторов: ударной волны, светового излучения, электромагнитного импульса, радиоактивного заражения местности.

Так, в результате специфического действия *светового излучения* возможны временная или длительная потеря зрения у большого количества людей, а иногда и у целых воинских подразделений. Психологические реакции, вызываемые ослеплением, известны с древних времен. Отмечалось, что частично или полностью ослепленные солдаты поддавались панике, переставали отличать своих сослуживцев от солдат противника, подчинялись неконтролируемым защитным реакциям, поражали своим огнем сослуживцев.

Световое излучение вызовет многочисленные возгорания. Человек легко поддается панике, если ему угрожает огонь, так как смерть в огне многие считают самой мучительной. Из-за врожденного страха перед огнем можно ожидать развития у военнослужащих так называемых «*термических неврозов*» [166; 307].

Ударная волна, распространяясь от эпицентра взрыва, производит мгновенное изменение картины поля боя. Вместе со световым излучением она в считанные секунды до неузнаваемости изменяет боевой пейзаж. По существу военнослужащий, очнувшись после секундного замешательства, обнаруживает, что находится в другом мире. Перед его взором может возникнуть пейзаж, похожий на лунный, дополняемый *картиной невиданных разрушений,* завалов, очагов пожаров, большого количества выведенной из строя боевой техники, пораженных военнослужащих. Воины увидят жуткую картину горящих лесов, строений, боевой техники, людей. Такая картина поля боя не может не вызвать у военнослужащих ошеломления, ужаса, дезориентации, так называемого «*шока новизны*». В таких условиях следует ожидать *нарушений восприятия, внимания, ориентировки в пространстве, во времени, в боевой ситуации.* На основе физических травм (особенно

головного мозга), ожогов, ранений возможно развитие психических расстройств различной тяжести.

Проникающая радиация может оказывать воздействие на психические состояния воинов как непосредственно (через поражение жизненных процессов в нервных клетках и расстройство условно-рефлекторных связей в коре головного мозга), так и своим устрашающим эффектом.

Психологический эффект проникающей радиации и радиоактивного заражения местности обусловлен определенными факторами. Во-первых, воздействие радиации *ни с чем не сравнимо*. Большинство воинов не имеют опыта действий на зараженной местности. В результате срабатывает известная психическая закономерность: «Чего не знаю, того боюсь», то есть действует известный в психологии восприятия «эффект новизны».

Во-вторых, радиация *не имеет цвета, запаха, звука, вкуса и обнаруживается только с помощью специальных приборов.* При их отсутствии или выходе из строя наличие радиоактивного заражения может предполагаться всегда; преувеличиваться или, напротив, игнорироваться. Это ведет к формированию у военнослужащих неверия в собственные силы, недоверия к людям, ответственным за контроль над радиоактивным заражением местности и людей.

Перечисленные факторы могут породить такое особое психологическое явление, как *атомобоязнь* или *индивидуальный ядерный невроз* [307; 20] («невроз радиации»). Ядерный невроз характеризуется тем, что даже опытные воины, страдающие этим расстройством, будут: повсеместно «обнаруживать» признаки выпадения радиоактивных осадков (роса, туман, лужи, бурые пятна на почве и деревьях, пыль и др.); рассматривать обычные нервно-психические реакции (головокружение, головная боль, тошнота, слабость в мышцах, жажда и др.) как симптомы лучевой болезни; отказываться от воды и пищи; сторониться товарищей; жаловаться на симптомы радиоактивного поражения; подвергаться слухам и панике; испытывать парализующее чувство тревоги, смертельной опасности, повышенную чувствительность к слухам о радиации, о полной невозможности защититься от нее. Особенно травмирующе действуют на людей страхи, связанные со

способностью радиации вызывать импотенцию и раковые заболевания [307].

Развитию негативных переживаний воина будет способствовать применение защитных комплектов. Действия в таких комплектах оказывают неблагоприятное влияние на психику и поведение воинов: нарушается теплообмен в организме (температура воздуха под прорезиненным костюмом может существенно повышаться); нахождение в костюме в течение трех часов снижает боеспособность воина на 50–80%; маска противогаза затрудняет обзор, так как очки запотевают от дыхания; существенно снижается способность военнослужащих слышать друг с друга; возникает ощущение физической изолированности от товарищей; некоторые реакции организма на действия в таком костюме (учащенное сердцебиение, усиленное потоотделение, затрудненность дыхания и т. д.) похожи на симптомы радиационного поражения [307; 20].

Применение военнослужащим, заподозрившим радиоактивное заражение, атропина сопровождается обезвоживанием организма, расстройством двигательного аппарата, нарушением мышления. Все это многократно усугубляет психическое состояние психологически неподготовленного военнослужащего.

Сильное психологическое воздействие на воинов окажет применение противником *отравляющих веществ*. Психологическая симптоматика отравления характеризуется сужением сознания, возникновением беспокойства, безотчетного страха, стремлением убежать, депрессией, манией преследования, подозрительностью, быстрой утомляемостью.

Многие виды ОВ представляют собой химические соединения без цвета, вкуса и запаха и обнаруживаются только с помощью специальных приборов. Порой единственный способ определить наличие ОВ – это снять противогаз.

Информация о применении ОМП, умышленно инсценируемая противником или распространяемая посредством слухов, способна вызвать *панические настроения* больших групп людей. Появление психотравмированных военнослужащих в расположении и боевых порядках войск, не пострадавших от ядерного взрыва, будет способствовать их деморализации.

Опыт показывает, что при угрозе применения ядерного химического и бактериологического оружия возможно возникновение ложных групповых и массовых поражений («психические инфекции»), развивающихся по механизму психического заражения и подражания.

Так, в годы Первой мировой войны в английской и французской армиях были ошибочно эвакуированы с поля боя 25 тыс. солдат, у которых отмечались симптомы поражения ОВ, хотя они и не находились в зоне применения газов.

На Западе разработана статическая модель возможных реакций военнослужащих на ядерный взрыв. Предполагается, что 12–25% личного состава сохранят способность выполнять боевую задачу, 75% временно и 10–25% на длительный срок утратят ее. Считается, что многие солдаты, не получившие физические повреждения, окажутся в состоянии психического шока: одни из них будут бесцельно бродить по полю боя, другие будут находиться в состоянии ступора, третьи откроют беспорядочный огонь по всему, что покажется им подозрительным, четвертые потянутся в тыл [300].

Интенсивность боевых действий. Установлено, что высокоинтенсивные боевые действия способствуют быстрому нарастанию переутомления военнослужащих и общему росту психотравматизации примерно в 1–2 раза по сравнению с низкоинтенсивными действиями.

На боевой дух воинов существенное влияние оказывает длительность пребывания в непосредственном соприкосновении с противником. Немецкий исследователь Е. Динтер выявил своеобразную закономерность, гласящую, что процесс адаптации к боевым действиям длится примерно 15–25 суток, к истечению которых военнослужащий достигает пика морально-психологических возможностей. После 30–40 суток непрерывного пребывания в непосредственном соприкосновении с противником, по данным исследователя, наступает их быстрый спад, связанный с истощением духовных и физических сил. Исходя из этого, Е. Динтер считает, что пребывание воинов на передовой не должно превышать более 40 суток.

Объем физических потерь. Военными психологами давно и пристально исследуется характер влияния на боевую активность воинов **объема физических** потерь. Н. Н. Головин ввел даже специальный термин «предел моральной упругости войск», под которым понимал их способность продолжать боевые действия, несмотря на потери. По его данным, в войнах конца XVIII и всего XIX в. средний предел моральной упругости войск оценивался в 25% кровавых потерь, после чего они теряли способность к сопротивлению.

Американские специалисты в 1980-х гг. исследовали зависимость поражения войск от уровня их потерь в 80 операциях и боях Второй мировой войны и в арабо-израильских конфликтах. Они пришли к выводу, что в среднем войска терпят неудачу (прекращают активные боевые действия) при потерях равных 6% (4% – в наступлении и 8% – в обороне) [132].

С уровнем потерь (убитыми и ранеными) коррелируют и психологические потери. Обычно рост числа пострадавших с реакциями боевого стресса происходит через 1–3 дня после увеличения числа раненых и убитых. Потери от 40 до 60% личного состава подразделения в течение нескольких минут или часов могут сделать небоеспособными всех оставшихся военнослужащих [183, с. 40].

Информационно-психологическое воздействие противника. Сегодня уже хорошо известно, что «подготовить бой, подготовить наступление – равносильно понятию – подорвать, расшатать, убить психические силы противника» [165, с. 163, 241]. В. Н. Полянский на основе обширного статистического материала пришел к выводу о том, что победа и поражение в бою есть величины психологические и что достаточно в среднем физически вывести из строя 17–20% личного состава, чтобы заставить живых бойцов отказаться от продолжения боевых действий. Остальные 80% терпят, по его мнению, чисто психологическое поражение. Из этого делается вывод: цель боя – не обязательно убить, но обязательно – устрашить [234, с. 53–54].

Отсюда появляется возможность практически использовать психологические средства для достижения победы над противником в

бою. Выработка таких средств, по мнению Г. Е. Шумкова, является одной из важнейших задач военно-психологической науки.

Во многих армиях мира идет активная разработка эффективных видов «психологического оружия», поиск путей надежной защиты личного состава от психологического деморализующего воздействия противника. К основным разновидностям такого оружия можно отнести уже широко известные и апробированные на практике системы информационно-психологического воздействия, находящиеся в стадии активных научных и опытно-конструкторских разработок: психотропное, техно-психологическое и сомато-психологическое, психофизиологическое, виртуальное и рассматривающееся в виде гипотезы психотронное оружие [см. подробнее 141; 142; 143].

Даже простое перечисление имеющихся в распоряжении военных специалистов видов психологического оружия и исследуемых перспективных средств показывает, насколько велики их возможности. Нередко его эффективность сравнивают с оружием массового поражения.

Не случайно, что в последние годы, например, в армии США почти в два раза увеличены силы информационно-психологического воздействия, активно развиваются средства информационно-психологического противоборства, кардинально перерабатываются теоретико-методологические основы этой деятельности. С 2010 г. здесь осуществляется переход от концепции «Психологических операций» к концепции «стратегической коммуникации» и тактике ее воплощения в практической деятельности – «информационной поддержке боевых операций». Цель этих преобразований – скрыть истинный смысл информационно-психологических акций, целенаправленное (открытое или скрытое) воздействие на психику военнослужащих противника, враждебно и лояльно настроенного населения.

Военная хитрость и маскировка. Мощным психологическим потенциалом влияния на боевую деятельность войск оказывает использование противоборствующими сторонами приемов военной хитрости и маскировки. Они «позволяют застигнуть противника врасплох, вынудить его неподготовленным вступить в бой (сраже-

ние, войну), т. е. парализовать его волю и лишить возможности оказывать организованное сопротивление». «Всякий шаблон или старая схема, всякая оперативная «сухость» и отсутствие творческой изобретательности выхолащивают военное искусство. Военная хитрость – антипод шаблонов, схем и штампов» [184, с. 30].

По своей сущности военная хитрость, маскировка, внезапность – это сугубо психологические феномены, достигаемые с помощью тактических и технических средств. Они входят в систему мероприятий, обозначаемых как «рефлексивное управление противником». Управлять противником рефлексивно – значит активно влиять на процессы восприятия им боевой обстановки, дезориентировать относительно ее пространственно-временных и событийных элементов, придавать нужную направленность его мышлению в целях принятия априори проигрышных решений.

С помощью военной хитрости и маскировки достигается эффект внезапности, который стал главным фактором победы над противником во многих сражениях.

Эколого-эргономические факторы

Эколого-эргономические факторы отражают специфику влияния внешних (природно-географических, погодно-климатических, технико-технологических) обстоятельств и режима боевой деятельности (продолжительность, режим, частота столкновений с противником, эргономичность боевой техники, степень изолированности от главных сил и т. д.) на психологическое состояние противоборствующих сторон. Они обусловливают степень задействованности психики военнослужащего в процессе выполнения боевых задач. Знакомые условия и привычная деятельность, хорошо освоенные способы боевого поведения позволяют воинам действовать на поле боя с преимущественным использованием подсознания (автоматизмов, навыков, закрепленных в подсознании моделей), с минимальным привлечением сознания и эмоций. И наоборот, незнакомые обстоятельства и неосвоенные приемы боевой деятельности обусловливают необходимость постоянного включения сознания, возникновение негативных эмоциональных переживаний, что снижает эффективность действий военнослужащего.

Природно-географические и погодно-климатические факторы. Длительное пребывание военнослужащих в неблагоприятных климатических условиях способствует развитию у них как соматических, так и психических расстройств. В Афганистане советские войска находились в условиях неблагоприятного жаркого климата и горно-пустынной местности. Экстремальные природно-географические условия, боевая деятельность в которых сопровождалась истощением компенсаторных ресурсов, увеличивали риск развития психических нарушений. Негативно действовали на психическое состояние воинов пониженное давление воздуха и содержание кислорода в нем, частые и резкие колебания погодных условий, высокая температура воздуха летом и низкая зимой в районах высокогорья, повышенное ультрафиолетовое и тепловое излучение, низкая влажность воздуха и пыль [183, с. 51].

В условиях неблагоприятного климата возникают: расстройства функциональных систем организма, обеспечивающих тепловую регуляцию; истощение водно-солевых ресурсов; понижение физической работоспособности и психофизиологических возможностей; существенное снижение массы тела (иногда за день боя воин терял 4–5 кг веса), а в тяжелых условиях – тепловое поражение. Такие симптомы характеризуют развивающийся у военнослужащих в неблагоприятных климатических условиях «синдром хронического эколого-профессионального перенапряжения» [183].

Кроме того, горные условия Афганистана и Чечни были более привычными в психологическом (в плане умения ориентироваться, обнаруживать противника, определять расстояние до целей, рассчитывать силы и время) отношении повстанцам, чем нашим войскам.

Гипоксия. На высоте более 3 500 м над уровнем моря солдаты, неадаптированные к условиям высокогорья, могут ощущать хроническую усталость. У них отмечается потеря способности к сосредоточению, резкие перепады настроения, возникают проблемы как с кратковременной, так и с долговременной памятью, снижается общая боеспособность. Так, меткость стрельбы на больших высотах над уровнем моря снижается почти на 50%.

Особенно страдает кучность огня [190, с. 52]. Для акклиматизации в горной местности солдату требуется до двух недель.

Гипоксия ведет также к функциональному перенапряжению органов и систем, управляющих кислородным обеспечением организма. В результате около 50% военнослужащих, не адаптированных к условиям горно-пустынной местности в Афганистане, утрачивали работоспособность на 7–8 сутки боевых действий [183].

Температура воздуха. Экстремальные температуры окружающего воздуха как высокие, так и низкие могут быть смертельными. Психологическими последствиями чрезвычайно высоких или низких температур воздуха являются нарушение ощущений (потеря чувствительности) и восприятия (возникновение иллюзий, зрительных, слуховых, обонятельных и осязательных галлюцинаций), снижение умственных способностей, внимания, памяти, нарушение логики действий, резкие перепады настроения, безволие, рассеянность, неспособность принимать решения и совершать действия.

Жара провоцирует быстрое нарастание усталости, апатии, безволия, страха смерти от жажды. Сочетание жары, ветра и пыли в условиях Афганистана было крайне труднопереносимым, астенизирующим фактором и совершенно изматывало военнослужащих. Воины подвергались также прямому влиянию пыли: раздражение слизистых оболочек глаз, носа, загрязнение одежды, техники, приборов, аппаратуры [183].

Степень изолированности действующих на поле боя соединений и частей от основных сил. По оценкам специалистов, боевые возможности изолированного от своих войск подразделения снижаются на половину в течение 48 часов из-за усиливающегося страха.

Экологичность боевой техники. Экипажи бронемашин работают в условиях замкнутого пространства, что значительно повышает риск развития психических расстройств. В бою эти условия становятся причиной появления чувства собственной уязвимости и страха перед огневым поражением. Во избежание стрессовых нагрузок следует постоянно поддерживать связь с другими экипажами [190, с. 61].

Боевая техника должна удовлетворять хотя бы минимальные требования комфорта и гигиены. Результаты исследований показывают, что при неудовлетворительном микроклимате в боевой машине скорость ее вождения снижается на 19%, время на выполнение огневых задач возрастает на 35%, число промахов – на 40%, каждый день наступательной операции ведет к снижению боеспособности личного состава на 7–10%. Ограничение подвижности человека в течение трех суток снижает его работоспособность на 30%. Частота вибрации боевой техники может совпадать с частой колебаний важнейших органов человека, что может привести к нарушению в их функционировании и разрушающему влиянию на деятельность нервной системы [109].

Малавуа сводит все эргономические факторы, способствующие развитию утомления боевых экипажей в три группы: анатомические, физиологические и психологические. К *анатомическим факторам* он относит прежде всего позы и движения, которые военнослужащий вынужден использовать при действиях в боевой обстановке. Состояние (напряжение, расслабление, блокирование) различных мышечных групп оказывает заметное влияние на протекание процессов дыхания, кровообращения, пищеварения, мочеотделения, самочувствие и уровень активации человека. Известна закономерность: «Чем менее удобна поза и чем больше мышечных усилий требуется для ее сохранения, тем сильнее будет утомление» [293, с. 222], что необходимо учитывать: а) при проектировании боевой техники и оружия, строительстве боевых сооружений и позиций; б) при обучении военнослужащих действиям в соответствии с их функциональным предназначением; при осуществлении контроля за деятельностью личного состава.

К числу эргономических причин, способствующих нарастанию утомления, относят температуру и состав воздуха, уровень шумового фона и вибрацию. Наиболее негативное влияние на работоспособность экипажей и десантов боевых машин оказывает окись углерода, содержащаяся в выхлопных газах и составе воздуха, циркулирующего в боевой технике. При превышении ее концентрации в 1,5 единицы на 1 000 единиц воздуха смерть наступает в течение одного часа [293, с. 223]. При отравлении суб-

летальными концентрациями этого газа наблюдается существенное снижение боеспособности военнослужащих, проявляющееся в усилении чувства усталости, снижении интеллектуальной активности и нарастании числа перцептивных и других ошибок, замедлении реакций, усилении вялости, сонливости вплоть до развития коматозного состояния. Особенно интенсивно отравление военнослужащих происходит при напряженной деятельности. По Малавуа, во время работы интоксикация наступает в три раза быстрее [293, с. 223].

В исследовании Малавуа показано, что шум, сопровождающий работу двигателей боевой техники, оказывает не только травмирующее влияние на слуховой аппарат человека, затрудняет общение экипажей и десантов, но и разрушающе воздействует на нервную систему. Так, шум вызывает острое болевое ощущение, когда достигает громкости 140 децибел при кратковременном воздействии и всего 85 децибел при длительном воздействии. При громкости звука в 100 децибел происходит нарушение слуха. Последствия влияния шума на деятельность организма во многом сходно с воздействием окиси углерода. Наряду с этим могут наблюдаться нарушения зрения, цветоощущения, потеря памяти, рост психической неустойчивости [293, с. 225].

Неблагоприятное воздействие на психическое состояние и действия военнослужащих в бою оказывает вибрация. Особенно пагубное влияние на человека оказывает вибрация, сочетающаяся с толчками. В этом случае имеют место непроизвольные мышечные сокращения, сбои в ритмике диафрагмы, нарушения обменных процессов и пр. Установлено, что различные отделы и системы организма человека резонируют при разной частоте вибрации (голова при 10–25 герц, глазное яблоко при 25–45 и 60–90 герц, брюшные органы – при низких частотах колебаний) [293, с. 227].

При длительных действиях в боевой технике и укрытиях у военнослужащих могут возникать *агорафобия* (навязчивый психоневроз, при котором человек испытывает страх перед открытыми пространствами) и они оказываются не в силах выйти из машины, блиндажа, и ее противоположность – *клаустрофобия,* проявляющаяся в страхе перед замкнутым пространством.

Надежность индивидуальных и групповых средств защиты (например, противогазов, защитных комплектов, приборов радиоактивного и химического контроля и др.) оказывают существенное влияние на психические состояния, взаимоотношения, воинскую дисциплину военнослужащих.

Социально-психологические факторы

Вся история войн и военного искусства свидетельствует о том, что социально-психологические факторы выступают основой для формирования широких социальных мотивов боевого поведения и прочных боевых установок воинов.

Морально-психологическое состояние участников боевых действий в значительной степени зависит от *отношения народа к войне*, от популярности войны в сознании масс. Популярность в свою очередь определяется понятностью для людей и внутренним принятием ими целей войны, представленностью социальных, экономических, национальных, религиозных интересов в структуре вызвавших ее причин. Образ войны в сознании людей приобретает ту или иную эмоциональную окраску в зависимости и от того, насколько успешно и на чьей территории ведутся боевые действия, а также от того, какая часть населения страны физически и психологически принимает в них участие.

Благодаря работе механизмов психического заражения, внушения, подражания военнослужащие усваивают господствующий в обществе настрой, формируют соответствующие установки и мотивы боевого поведения. Еще в начале века военные психологи России отмечали, что «воин, будучи сколком своего народа, верно и точно отражает как доблести, так и немощь своего народа», что «никакой энтузиазм в армии невозможен, когда не будет его в Отечестве».

Анализ хода и исхода вооруженных конфликтов последнего времени убедительно подтверждает психологическую закономерность: *победоносные войны имеют в своей основе идеи, понятные и близкие сердцу бойца и всего народа.*

Состояние морального духа воинов в значительной мере зависит от *отношения народа к своей армии*. Эта закономерность выяв-

лена военными психологами еще в прошлом веке. Так, М. В. Зенченко подчеркивал, что для мощи войск необходимы симпатии всего населения, а А. С. Агапеев на примере отношения народов Германии и Франции к своим армиям показал, что оно является существенным фактором достижения победы в бою. Действие этой закономерности отчетливо ощущалось в ходе войны США во Вьетнаме, боевых действий наших войск в Афганистане и Чечне.

Не менее важным фактором боевого духа воющей армии является *отношение народа к противнику*. Опыт войны убедительно показывает, что в сражениях чаще побеждает та армия, воины которой видят в противнике лютого и ненавистного врага, посягающего на свободу и достояние их Родины. Великая Отечественная война еще раз подтвердила верность выявленной военными психологами закономерности: необходимо уже в мирное время прививать воинам ненависть к армиям тех стран, которые выражают в своих действиях агрессивные устремления и являются потенциально опасными. А это означает, что всякая война требует длительной работы по формированию военного сознания людей.

Таким образом, в условиях войны действует своеобразный социально-психологический закон, отражающий взаимосвязь между состоянием психологии общества и его армии. Он гласит, что *основной источник морально-психологического состояния воюющей армии находится не внутри нее, а в обществе, интересы которого она защищает.* Сказанное реализует действие еще одной закономерности войны: «*от того, какой образ потенциального или реального конфликта сложился в общественном сознании и какое место в нем отведено армии в значительной степени зависит возможность привлечения широких социальных мотивов для побуждения военнослужащих к активным боевым действиям*».

Сегодня уже ни у кого не возникает сомнений, что самым мощным мотиватором боевых действий и наиболее эффективным «психотерапевтом» для воинов является воинский коллектив. *Отношения коллективизма, сплоченность воинского подразделения* служат своеобразным основанием для поддержания высокой психологической устойчивости и активности отдельных военнослужащих. Боевой опыт ведущих армий мира свидетельствует, что

отделения, экипажи, расчеты, состоящие из хорошо знавших друг друга военнослужащих (родственников, земляков и др.), как правило, проявляют большую активность, инициативу, стойкость. Изучая эту закономерность, немецкий военный психолог Е. Динтер подчеркивает, что страх потерять доверие группы, оказаться в моральной изоляции из-за трусости действует сильнее всего, позволяет совершать смелые поступки.

На боевые стрессоры накладываются также уныние и тревога из-за долгого **отрыва от семей**, дефицит информации о близких, изолированность от общества, отсутствие положительных эмоций, ностальгические переживания [183, с. 32].

Авторитетность руководства боевыми действиями. Опыт боевого применения войск в локальных военных конфликтах конца XX – начала XIX в. свидетельствует о том, что военнослужащие, испытывающие доверие и уважение к своему командиру, могут активно выполнять даже такие задачи, существо которых не понимают или нравственно отвергают.

Воинская дисциплина. Воинская дисциплина – главное условие возникновения синергии – дополнительной силы воинского коллектива, порождаемой согласованностью функционально-ролевых отношений военнослужащих, формированием внутренних и коллективно-групповых регуляторов активности, четкой управляемостью воинского подразделения (части).

Физиологические факторы

К числу физиологических факторов, влияющих на боевую активность воинов, относятся боевой стресс, усталость, монотония, депривация (дефицит, задолженность) сна, голод, жажда и т. д.

Сегодня принято считать, что центральным психическим феноменом боя, оказывающим влияние на проявление всех психических процессов, свойств, состояний и образований, является **боевой стресс**. Главной функцией стресса является мобилизация психологического ресурса воина, необходимого для преодоления стресс-факторов боя.

Сильным стрессогенным фактором боевой обстановки являются чрезмерные физические нагрузки. Боевые действия, особенно в

локальных военных конфликтах, против иррегулярных формирований часто ведутся в труднодоступных местах (в горах, пустынях, разрушенных городах). Передвижения осуществляются на пересеченной местности, в условиях резких перепадов высот и атмосферного давления. Применение техники в таких условиях ограничено. В результате, например в Афганистане, нашим военнослужащим приходилось нести на себе экипировку весом 56–63 кг. Энергозатраты в таких условиях достигают 4 500–6 000 ккал/сут. и более, что при высоких физических нагрузках приводило к состоянию боевого истощения и боевой усталости [183, с. 52].

У воинов, длительно находящихся в условиях кумулятивного действия факторов напряжения, происходит утрата оперативности, снижение сопротивляемости неблагоприятным воздействиям. В результате менее напряженные ситуации могут восприниматься как травматические, и потребуется больше усилий для преодоления воздействия в последующем. Как следствие повышается риск появления упадка сил, истощения, потери способности к сопротивлению, когда человек попадает в неожиданную опасную ситуацию. В связи с этим у военнослужащих в боевой зоне могут развиваться стрессовые расстройства даже при отсутствии существенного травмирующего события [183, с. 44].

Продолжительность и качество сна оказывает существенное влияние на боевую активность воинов и могут быть основной причиной боевого стресса. Недостаточный и некачественный сон в боевой обстановке – одна из главных причин перенапряжения механизмов адаптации к боевым стресс-факторам и условие психотравматизации военнослужащих.

Нарушение естественных ритмов сна в ночной период, особенно с 2.00 до 6.00 часов, когда сон наиболее глубок (снижается температура тела, замедляются обменные процессы и пр.), значительно снижает способность солдата думать и действовать. Согласно исследованиям, проведенным в США и Великобритании, отсутствие сна в течение 48 часов и более практически полностью деморализует боевое подразделение, солдаты которого начинают страдать психическими отклонениями, в частности слуховыми и зрительными галлюцинациями. При этом страдают память и спо-

собность к принятию решений, повышается беспокойство, нарушаются биоритмы организма [190].

Нарушение биоритмов жизнедеятельности. При многократном пересечении часовых поясов во время длительных перелетов сбиваются биоритмы. Включение в боевую деятельность не адаптированных по биоритмам военнослужащих существенно снижает возможности их внимания, памяти, мышления, ухудшает самочувствие, уменьшает физические возможности. Авиапереброска воинов через 6 часовых поясов требует порядка 12 суток адаптации.

Усталость. Одной из причин возникновения дистресса и вместе с тем его показателем выступает *усталость*. Известно, что сопротивление организма воина боевым стресс-факторам, его приспособление к условиям боевой обстановки сопровождается мощным расходом энергетических ресурсов, утомлением, нервным истощением. Утомление – состояние, сигнализирующее о степени израсходования энергетических запасов организма и необходимости их восполнения. Утомление субъективно воспринимается воином как усталость – ощущение слабости, бессилия, вялости, дискомфорта, сопровождающееся негативными эмоциональными реакциями, потерей интереса и мотивации боевой деятельности. Усталость отрицательно сказывается на эффективности действий военнослужащих ведет к нарушению чувствительности, внимания, памяти, мышления. Так, например, в состоянии усталости у людей могут возникать различные иллюзии восприятия объектов боевой обстановки, появляется болезненная чувствительность к определенным раздражителям, повышается конфликтность во взаимоотношениях с сослуживцами и т. д.

Усталость возникает как следствие: сильных и продолжительных физических нагрузок; перцептивного, интеллектуального, эмоционально-волевого и мотивационного перенапряжения; нарушения привычного ритма жизнедеятельности (чередования и качества деятельности, отдыха, сна, питания и др.); сбоев в системе психической саморегуляции и физического здоровья человека и т. д.

Усталость порождает дистресс, апатию, пассивность, массовые галлюцинации, недоверие к командирам, способствует развитию панических настроений и действий, дезертирству и сдаче в плен.

Качество военно-полевого быта. Сбои в питании и голод, нарушение водоснабжения, условий для соблюдения личной гигиены, вши, мухи, «витринность жизнедеятельности», постоянное нарушение личного пространства негативно влияют на стрессоустойчивость участников боевых действий, унижают человеческое достоинство, воинскую гордость. Трудно побудить голодного и вшивого солдата к героическому подвигу.

Психологические факторы

В системе психологических факторов боевой активности воинов можно выделить первичные и вторичные факторы.

Первичные психологические факторы – это явления, выполняющие роль своеобразного «адаптора», трансформирующего смысл и энергию боевых, эколого-эргономических, социальных, физиологических и вторичных психологических факторов в боевое поведение воинов.

К первичным психологическим факторам относятся психологическая готовность к бою и психологическая устойчивость к боевым стресс-факторам.

Исследования показывают, что в преодолении неблагоприятных стресс-факторов (в том числе и боевых), значительная роль принадлежит копинг-стратегиям в поведении воинов. Копинг-стратегии – это способы актуализации знаний, умений и навыков воина, мобилизации и использования целевого психологического ресурса для эффективной адаптации к изменяющейся обстановке боя.

От состояния психической готовности и устойчивости зависит характер реакции воина на *вторичные психологические факторы*: опасность, осознание вины за участие в жестоком насилии, ответственность за результаты своей деятельности, неожиданность, внезапность, новизна наступления боевых событий, восприятие смерти и ранений боевых товарищей, переживание собственных ран, информационная «перегрузка» и «недогрузка».

Социальные, боевые, физиологические и психологические факторы боевого поведения воинов действуют в разное время с разной силой, в различных комбинациях. Реально угрожающая жизни обстановка будет по разному восприниматься воинами,

различным образом понимающими цели войны, неодинаково относящимися к противнику, к сослуживцам, командирам, участвующими в разных видах боя, отличающимися боевым опытом, типом нервной системы и т. д. Очевидно, что если воин знает привычки и тактические схемы действий противника, набор его ухищрений, то действия неприятеля не станут для него неожиданными или новыми. А это значит, что не будет места удивлению, информационным перегрузкам и недогрузкам, и как следствие ситуация не будет ощущаться как избыточно опасная.

Перечисленные факторы могут стать непреодолимой преградой на пути воина, причиной его психотравматизации, а могут составить психологический ресурс, расширяющий его боевые возможности. Например, бой в ночных условиях для плохо подготовленного к ночным действиям воина может стать настоящей драмой, а для мастера ночных действий – условием боевого и психологического превосходства над противником.

Военные руководители всех уровней, психологи должны предвидеть специфику влияния факторов боя на поведение воинов и стремиться придать им положительный мобилизующий, активизирующий характер.

Психологическая модель боя позволяет глубже понять закономерности боевых действий, характер действия различных факторов на поведение воинов, и, следовательно, выстраивать эффективную систему их психологического обеспечения. Психологическая модель боевых действий показывает: что является побудителем боевой активности воинов; какие факторы влияют на боевое поведение; какие изменения в психике участника боя происходят под воздействием стрессогенных факторов; какие психологические явления должны подвергаться коррекции в боевой обстановке для достижения эффективности боевых действий. Она позволяет системно влиять на боевую активность воинов путем воздействия как на их внутренние психологические возможности, так и на окружающую их социальную, боевую и эколого-эргономическую среду.

Контрольные вопросы

1. Что выступает в качестве объекта и предмета военной психологии?
2. Каковы общие задачи военной психологии?
3. Как можно охарактеризовать взаимодействие военной психологии с другими науками?
4. Какие методы относятся к методам военно-психологической практики?
5. Какие принципы составляют конкретно-научный уровень методологии военной психологии.
6. Каково назначение психологической модели боя?
7. Какие факторы определяют боевое поведение военнослужащих?

Литература

а) основная:

1. *Караяни, А. Г., Сыромятников, И. В.* Прикладная военная психология. – СПб. : Питер, 2006.
2. *Караяни, А. Г., Сыромятников, И. В.* Введение в профессию военного психолога. – М. : Академия, 2007.

б) дополнительная:

3. Военная психология: методология, теория, практика. – М., 1998.
4. Военная психология / под ред. А. Г. Маклакова. – СПб. : Питер, 2005.
5. *Дьяченко, М. И.* Психологический анализ боевой деятельности советских воинов. – М. : ВПА, 1974.
6. *Калинчук, Л. В., Караяни, А. Г., Логинов, И. А.* Технологии морально-психологического обеспечения: теория, методология, практика. – М. : ВУ, 1997.
7. *Караяни, А. Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах. – М. : ВУ, 1998.
8. *Корчемный, П. А.* Военная психология : учебник. – М., 2005.
9. *Луков, Г. Д., Платонов, К. К.* Психология. – М. : Воениздат, 1964.

Глава 2
ВЛИЯНИЕ БОЯ НА ПСИХИКУ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

«…в громадных битвах, в которых принимают участие тысячи воинов, каждый из них в самом себе переживает душевную войну, душевную драму. И из этой личной борьбы каждый воин выходит победителем или побежденным»

Г. Е. Шумков

■ Влияние боя на психические познавательные процессы воинов (ощущения, восприятие, внимание, память, мышление, воображение, речь) ■ Психические состояния воинов в бою ■ Мотивация боевых действий ■ Воинское мастерство и бой ■ Позитивные последствия участия в боевых действиях ■ Формирование новых потребностей участника боевых действий ■ Суеверия военного времени ■ Слухи ■ Девиации в боевой обстановке ■ Патологическое влияние войны на психику воина ■ Воинский коллектив в бою ■ Психология управления воинскими подразделениями

2.1. Психология боевого стресса

Человеческое существо весьма уязвимо перед мощными стресс-факторами войны. В бою с помощью таких суровых «тестов», как страх, лишения, боль, голод, холод, чудовищное физическое и психическое напряжение испытываются все индивидуально-психологические и личностные качества человека, во всей полноте раскрываются особенности его психических процессов, состояний, свойств и образований.

Б. Момышулы писал: «Психология боя многогранна: нет ничего незадеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится

под огнем. Мужество или совсем покидает, или проявляется во всей полноте только в бою» [210, с. 15–16].

В бою воины ведут себя по-разному. У одних экстремальная обстановка боя вызывает боевое возбуждение, способствующее обострению органов чувств, внимания, памяти, мышления, боевой активности и боеспособности бойца. У других, напротив, опасная для жизни обстановка может способствовать понижению чувствительности, замедлению реакций на внешние раздражители, ухудшению координации движений и устойчивости действий, ослаблению памяти и внимания, что снижает боевые возможности воина, его шанс на выживание в бою.

Интегральным выражением сущности человека-бойца выступает боевой дух. Английский военный специалист Н. Коупленд определяет боевой дух как реакцию человека на страх. «Перед лицом неизбежной беды, – отмечает он, – один бежит прочь, другой сопротивляется с яростью дикого зверя, третий противопоставляет ей хладнокровную осмотрительность» [168, с. 68].

Военный психолог должен отчетливо представлять, как и почему проявляются различные формы реакций людей на стресс-факторы боевой обстановки, какими способами можно усилить положительные и нейтрализовать отрицательные проявления ощущений, восприятий, памяти, внимания, мышления, мотивации, эмоциональных состояний, взаимоотношений между военнослужащими.

Сегодня военные психологи сходятся на том, что главным психологическим феноменом боевых действий, так или иначе влияющим на все психические и нравственные проявления воина (подвиг, самоотверженность, паника, предательство и др.), является боевой стресс.

Понятие «стресс» введено канадским физиологом Гансом Селье в 1936 г. для описания адаптационного синдрома. В развитии стрессовой реакции выделяются три стадии:

1. Стадия тревоги, продолжающаяся от нескольких часов до двух суток и включающая две фазы: шока и противошока. На стадии противошока происходит мобилизация защитных сил организма.

2. На стадии сопротивляемости (резистентности) повышается устойчивость организма к различным воздействиям. Эта стадия либо приводит к стабилизации состояния и выздоровлению, либо к третьей стадии адаптационного синдрома.

3. Стадия истощения – характеризуется расходованием энергии и истощением возможностей организма, повышением тревоги, появлением *дистресса*, перенапряжения.

Боевой стресс рассматривается специалистами как многоуровневый процесс адаптационной активности человеческого организма в условиях боевой обстановки, сопровождаемый напряжением механизмов реактивной саморегуляции и закреплением специфических приспособительных психофизиологических изменений [291, с. 32].

Здесь важно обратить внимание на каждую из составляющих. Боевой стресс – это процесс адаптации воина к изменяющимся условиям боевой обстановки, ответная реакция организма на внешние и внутренние стимулы, проявляющиеся в бою. В этом отношении стресс – это важнейшее условие выживания человека на войне. Без своевременной и полноценной адаптации, без мобилизации всех сил организма человек на войне был бы простой мишенью или «пушечным мясом». Но если бы эта характеристика исчерпывала описание стресса, то, по-видимому, военнослужащие стояли бы в очереди за «таблетками стресса». Однако важно понять, что адаптация воина к боевым условиям жизнедеятельности сопровождается «напряжением механизмов саморегуляции», интенсивным расходом энергии. И это напряжение может превышать возможности этих механизмов, вести к истощению организма. И наконец результатом работы механизмов стресса могут стать специфические новообразования – закрепленные в поведении приспособительные психофизиологические изменения.

Специалисты выделяют *срочную адаптацию* военнослужащих к боевой обстановке как комплекс реакций, направленных на приспособление к непривычным стимулам боевых условий, и *долговременную адаптацию*, сопровождающуюся такими кардинальными изменениями психики и личности воина, которые позволяют выжить в экстремальной обстановке войны [183].

Срочная адаптация проявляется одной из трех возможных реакций на боевой стрессор:

а) *импульсивный тип дезадаптивного поведения:* резкое снижение организованности поведения, импульсивные, преждевременные и несвоевременные действия, утрата сформированных навыков, повтор ответной двигательной реакции, снижение надежности из-за повышения общей чувствительности;

б) *тормозной тип дезадаптивного поведения*: торможение действий и движений, их замедление вплоть до ступора, подавление процессов восприятия и мышления, ведущее к нарушениям приема и переработки информации (пропуск значимых сигналов), а также принятия решений;

в) *адаптивный тип поведения*: целесообразная активность, четкое восприятие и осмысление ситуации, высокий самоконтроль, адекватные действия [36, с. 344].

У лиц, принимающих длительное участие в боевых действиях, «закрепляется памятный след новых поведенческих навыков и стереотипов, имеющих первостепенное значение для выживания и выполнения поставленных задач». Среди них: восприятие окружающей среды как враждебной; гиперактивация внимания, тревожная настороженность; готовность к импульсивному защитному реагированию на угрожающий стимул в виде укрытия, бегства, агрессии и физического уничтожения источника угрозы; сужение эмоционального диапазона, стремление к «уходу» от реальности и оценки ряда нравственных проблем; эффективное межличностное взаимодействие в микрогруппе, включающее способность к коллективной индукции; способность к моментальной полной мобилизации сил с последующей быстрой релаксацией; соответствующее экстремальному режиму психического функционирования нейровегетативное обеспечение. Адаптация к боевым условиям закрепляет в характере некоторых воинов повышенную ранимость, недоверчивость, отгороженность, разочарование и страх перед будущим, нарушение социальной коммуникации, склонность к агрессивному, саморазрушающему поведению и злоупотреблению наркосодержащими веществами. Кроме этого, у участников боевых действий нередко отмечаются усиление

тревожности, подавленности, чувства вины, повышенная чувствительность к несправедливости, «застревание» на негативных переживаниях [300, с. 28–30] и др.

Боевой стресс можно классифицировать по различным основаниям. Так, в зависимости от вида воздействующего на организм стрессора, специалисты выделяют *физиологический* и *психологический* (эмоциональный и информационный) *стресс*. Физиологический стресс вызывается физиологическими стресс-факторами: болью, шумом боя, вибрацией земли, термическими воздействиями, химическими вредностями, гипоксией, голодом, жаждой, депривацией сна, физическим перенапряжением и т. д. Психологический стресс является ответом на психогенные стресс-факторы: страх смерти, боли, увечья; наблюдение смерти человека; переживание гибели или ранения боевых товарищей; частота и продолжительность боестолкновений с противником; уничтожение военнослужащих противника; дефицит сна; недостаток, избыток, противоречивость боевой информации; длительный отрыв от родных и близких.

Разделение стресса на биологический и психологический весьма условно, так как стрессоры в боевой обстановке действуют, как правило, комплексно.

Боевой стресс является важнейшим условием перехода психики и всех систем организма военнослужащего с мирного на военный режим функционирования, превращения человека в воина. Такому превращению способствуют процессы, входящие в комплекс стрессовых реакций.

Боевой стресс – это процесс мобилизации всех имеющихся возможностей организма: иммунной, защитной, нервной, психической систем для преодоления жизнеопасной ситуации. У человека происходит изменение состава крови. Впрыскиваемые туда из желез внутренней секреции гормоны вызывают у него тревогу, бдительность, агрессивность. Увеличивается объем легких, что позволяет доставлять больше кислорода к активно задействованным в работе органам. Сужение кровеносных сосудов ведет к повышению кровяного давления, усилению кровотока. Повышение частоты

сердцебиений (боле 125 ударов в минуту) и перераспределение кровотока от внутренних органов к скелетным (поперечнополосатым) мышцам обеспечивает энергией крупные группы мышц, участвующие в адаптивной реакции «бей или беги». Увеличение объема легких, углубление и учащение (свыше 32 тактов) дыхания сопровождается увеличением объема поступающего в кровь кислорода, необходимого для питания мышц энергией. Ускорение распада жиров, усвоение глюкозы, увеличение сахара в крови способствуют получению организмом «топлива» для быстрой энергии, необходимой для его «аварийной» активности. Отток крови от внутренних органов, кожи, слизистых оболочек, «перчаточно-носочной» зоны (температура кистей рук и стоп ног понижается до 25°С), повышение сворачиваемости крови обеспечивают снижение кровопотерь в случае ранения или травмы. Выделение в кровь эндорфинов дает эффект тотального обезболивания организма и повышает эмоциональный настрой. Повышение температуры тела (до 39°С) сопровождается созданием напряжения, необходимого для преодоления возникших трудностей и выполнения тяжелой физической работы. Усиление потоотделения, тремора, проявление «эффекта гусиной кожи» способствуют поддержанию необходимого температурного баланса в организме. Повышение уровня кортизола в организме делает его более устойчивым к неблагоприятным внешним воздействиям.

В состоянии стресса человек обладает невероятной силой. Известен факт, когда во время Великой Отечественной войны в пылу боя бойцы из расчета артиллерийского орудия затащили свою пушку на высотку, с которой после боя ее смогли снять только с использованием специальной техники. В боевой обстановке военнослужащий выполняет работу, превышающую по энергозатратам и физическому напряжению работу землекопа, шахтера и т. п., может активно действовать несколько суток без сна и еды.

Таким образом стресс дает каждому воину уникальный шанс постоянно находиться во всеоружии, проявлять высокую активность, упорство, боевое напряжение, использовать все имеющиеся энергетические ресурсы организма, преодолевать боль, усталость,

запредельные физические нагрузки, то есть быть высокоэффективной боевой машиной. Однако таким шансом может воспользоваться далеко не каждый. Это обусловлено тем, что военнослужащие отличаются уровнем *психологической устойчивости* – способности военнослужащего преодолевать стресс-факторы боя, сохранять необходимый уровень боеспособности и боевой активности.

Психологическая устойчивость выполняет функции своеобразного психологического бронежилета и состоит из: 1) знаний военнослужащего о тактике действий, вооружении, особенностях психологии противника, эффективных способах его уничтожения, о психологических явлениях, характерных для боя; 2) мотивации боевой активности (широкие социальные, коллективно-групповые и индивидуально-личностные мотивы); 3) эмоционально-волевого настроя на активные боевые действия, самоотверженное поведение; 4) боевого мастерства, уверенности в своих возможностях, оружии, боевой технике; 5) способности правильно интерпретировать происходящие события (копинг-стратегии) и регулировать свое психическое состояние.

Также, как бронежилеты разных классов (с первого по шестой), защищают военнослужащих от разных угроз (холодное оружие, осколки, выстрелы из пистолета, автомата, снайперской винтовки, огня и т. д.) психологический бронежилет (психологическая устойчивость) одним воинам позволяет преодолевать самые мощные психологические стрессоры боя, другим – лишь незначительные неприятности. Именно поэтому одни и те же боевые стрессоры вызывают у военнослужащих разные формы приспособительного поведения (стресса).

В рамках адаптивного поведения, ориентированного на выполнение боевой задачи выделяются *конструктивный* и *деструктивный* стрессы, а в рамках адаптивного поведения, ориентированного на самоспасение – *травматический стресс* и *стресс-девиации войны*.

Конструктивный боевой стресс можно сравнить с действиями гарнизона древней крепости. При получении сигнала о приближении врага, защитники крепости повышают бдительность, усиливают дозоры и составы дежурных сил, проверяют прочность стен, ворот и засовов, готовят к бою оружие и боеприпасы, запасы воды

и продовольствия, устанавливают особый режим жизнедеятельности, правила поведения на время осады. При нападении противника они мобилизуют все силы на отпор ему [143].

Конструктивный стресс: мобилизует все ресурсы организма; создает у воинов внутреннее напряжение, необходимое для активных, волевых, самоотверженных действий; увеличивает физическую силу; обостряет чувство гордости за принадлежность к воинской части, роду войск; способствует горизонтальному (между сослуживцами) и вертикальному (между командирами и подчиненными) сплочению боевого коллектива [281].

Внешне в боевой обстановке стресс проявляется в учащении пульса, дыхания, температуры тела военнослужащего, покраснении или побледнении кожных покровов, усилении потоотделения, высыхании во рту, треморе (дрожании мышц), изменении внешней активности (количества, частоты и амплитуды движений), учащении мочеиспускания, усилении тревоги и бдительности и др. Все перечисленные симптомы – это нормальные реакции человека на ненормальные обстоятельства боевой обстановки.

Длительное пребывание в состоянии стресса или воздействие гипрестрессора (то есть при перерастании стресса в **дистресс**) сопровождаются нарушением психических познавательных процессов, ухудшением психомоторики. Хотя при дистрессе сохраняется ориентация адаптационных процессов на выполнение боевой задачи, из-за перенапряжения адаптационных механизмов и истощения адаптационных ресурсов организма происходит снижение боевой активности и эффективности военнослужащих.

Если вернуться к метафоре осажденной крепости, то истощенные от боевых потерь, физического напряжения, недосыпания и голода защитники начинают допускать ошибки и просчеты, действовать из последних сил. Постепенно их охватывают неуверенность в своих силах и отчаяние.

Специалисты выделяют эмоционально-сенсорные, эмоционально-моторные и эмоционально-ассоциативные нарушения при дистрессе.

Эмоционально-сенсорные нарушения включают негативные изменения процессов ощущений и восприятий.

Примеры:

- солдат не может совместить мушку с целью;
- оператор не видит цели на экране локатора;
- штурман неправильно читает показания приборов;
- внимание «прилипает» к объектам и с трудом переключается на другие;
- у летчика возникают иллюзии пространственного положения;
- у моряков возникают иллюзии ожидаемых объектов (земля и т. д.).

Эмоционально-моторные нарушения сопровождаются снижением согласованности и точности движений.

Примеры:

- при передвижении у воина появляются «лишние» мышцы. Солдат вынужден передвигаться, преодолевая сопротивление собственных мышц-антагонистов, которые в состоянии скованности непроизвольно напрягаются;
- стрелок вместо мягкого спуска, грубо дергает спусковой крючок и срывает выстрел;
- нарушается соразмерность движений и управления тумблерами, рычагами (часто ломаются).

Эмоционально-ассоциативные нарушения – ошибочные умозаключения, принятие неверных решений.

Примеры:

- возникшая вокруг эмоционально насыщенных размышлений доминанта тормозит продуцирование других мыслей;
- снижаются логичность и критичность мышления, затрудняется работа памяти, может возникать полный ступор мыслительной деятельности.

Известный английский специалист по тактике действий и психологической подготовке спецподразделений К. Макнаб выделяет следующие симптомы боевого дистресса:

Агрессивность/раздражительность. Не только на врага, но и на окружающих людей и неодушевленные предметы. Для проявления агрессии порой достаточно малейшего повода (например, громкого звука).

Алкоголь/наркотики. В стремлении заглушить в себе тягостные воспоминания пострадавший значительно увеличивает потребление алкогольных напитков и наркотиков. При этом его состояние ухудшается, а беспокойство и угнетенность усиливаются.

Апатичность. Пострадавший в бою солдат «уходит в себя» и не проявляет интереса к происходящему вокруг.

Безрассудство – полное пренебрежение собственной безопасностью и безопасностью окружающих.

Бессмысленные поступки, как то беспредметные разговоры на одну и ту же тему, бесцельные разборка и сборка оружия и т. д.

Дрожь в руках, которая распространяется на все тело.

Кататонический синдром: пострадавший цепенеет и теряет способность двигать конечностями, даже при угрозе собственной жизни.

Нарушение режима питания – утрата интереса к пище, что приводит к потере веса, утомляемости и различным заболеваниям.

Подавленность – депрессивные состояния, сопровождающиеся болезненной самокритикой, безнадежным пессимизмом, страхом перед будущим и чувством усталости.

Потеря памяти – солдат не способен удержать в памяти слова команды, отданной несколько мгновений назад.

Проблемы с мочевым пузырем/кишечником. Непосредственно перед боем и в бою солдат утрачивает контроль над работой мышц мочевого пузыря и кишечника. Мочеиспускание становится учащенным и непроизвольным, и солдат страдает приступами диареи.

Рассеянность – неспособность сосредоточиться на объектах боевой обстановки и ясно мыслить.

Расстройство речи – синдром «каши во рту».

Резкая смена настроения – от глубокой подавленности до состояния эйфории.

Самобичевание. Солдат испытывает чувство неполноценности, видит себя в невыгодном по сравнению с другими людьми свете.

Скачки температуры тела – «то в жар, то в холод», независимо от температуры окружающей среды.

Тошнота/рвота, препятствующие нормальному приему пищи.

Усталость, возникающая без предшествующей нагрузки и не компенсируемая отдыхом.

Уход от реальности – изоляция солдата в собственных мыслях, в иллюзорном мире своего воспаленного воображения [190, с. 49–52].

Воздействие на военнослужащего гиперстрессоров боевой обстановки или постепенное накопление (аккумуляция) стрессовых факторов могут привести к слому их психологической устойчивости. В этом случае военнослужащий оказывается неспособным противостоять неблагоприятным обстоятельствам нормативными (социально приемлемыми) способами. Человеческий мозг ищет любые пути к самоспасению. В коре головного мозга возникает очаг патологической регуляции поведения, который дает команды соответствующим системам организма перейти на аварийные схемы функционирования. В результате в пылу боя, не получив каких-либо физических ранений, военнослужащий может на время ослепнуть, оглохнуть, утратить способность говорить. У него могут быть парализованы отдельные части тела (руки, ноги) или все тело. За короткое время в желудке воина может образоваться язва величиной с кулак. Воин может полностью утратить способность ориентироваться в боевой обстановке, пространстве, времени и собственной личности.

Перечисленные и другие подобные реакции военнослужащего на боевые стрессоры составляют картину *травматического стресса*, а его результат квалифицируется как *боевая психическая травма* (см. подробнее в 2.5).

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные реакции человека происходят без участия сознания военнослужащего и нацелены на самоспасение организма.

Если вновь обратиться к метафоре стресса как к жизнедеятельности осажденной крепости, то в данном случае речь идет о ситуации, когда противник неожиданно врывается в крепость сквозь пробитые стены и ворота. Среди обороняющихся начинается паника. Охваченные ужасом защитники крепости уже не думают о сопротивлении, а озабочены лишь собственным спасением.

Несколько особняком в классификации боевого стресса стоят *стресс-девиации войны*. Основанием для их включения в категорию «стресс» является то, что все формы девиантного поведения носят адаптивный характер. Эта адаптация, как и в случае с боевой психической травмой, патологична, однако эта патологич-

ность осознанна, очевидно безнравственна, асоциальна и является предметом правового преследования.

Военнослужащий, стремясь избежать ужасов войны и сохранить свое дрожащее от страха тела, способен симулировать болезнь или психическое расстройство, наносить себе травмы, дезертировать с поля боя, сдаваться в плен противнику и даже кончать жизнь самоубийством. Для труса, неспособного проявить воинские качества в бою, тело поверженного (убитого, пленного) противника или женщины становится своеобразным «полем боя», на котором он пытается доказать свою состоятельность (см. подробнее 2.3).

Так, в осажденной крепости находится предатель, оставляющий боевой пост или открывающий ворота врагу, отдавая в его власть жизнь своих собратьев.

В. Л. Марищук и В. Ю. Рыбников [36, с. 346–347], анализируя состояние стрессовых реакций, выделяют в них следующие паттерны эмоционального реагирования:

1. *Состояние «предстартовой мобилизации»* воина, заключающейся в мобилизации организмических и психических возможностей воина, подготовке его к реакции «бей» (агрессии) или «беги» (бегство из ситуации).

2. *Состояние боевой готовности*, проявляющееся в мобилизованности функциональных резервов, позволяющей действовать эффективно.

3. *Состояние «боевой лихорадки»*, характеризующееся чрезмерной и неадекватной активностью с поспешными решениями, большим количеством ошибочных действий, неспособностью сосредоточиться на решаемой задаче, внешней суетливостью, иногда сопровождаемой бравадой, показной смелостью. Безрезультатная активность в состоянии боевой лихорадки нередко переходит в перевозбуждение и боевую апатию.

4. *Состояние боевой апатии*, состоящее в выраженной пассивности, проявлении чувства обреченности, неспособности принимать необходимые решения, стремлении уклониться от решения боевой задачи, бездеятельности из-за ступора в мыслях, ожидания помощи, которой не предвидится.

При анализе боевого стресса важно понять его соотношение с **качеством сна**.

Дело в том, что в процессе сна осуществляется ряд важнейших организмических функций, связанных:

- с переработкой (фиксацией, структурированием, пониманием, вытеснением, забыванием) информации и подготовкой процесса принятия «дневных» решений;
- физическим и психологическим расслаблением, снятием неактуального физического и психического напряжения;
- отдыхом активно задействованных в дневное время мышечных групп, компонентов нервной системы и психики;
- восстановлением запасов энергии организма;
- самолечением организма и др.

Для реализации этих функций человеку в среднем необходимы 7–8 часов сна в сутки. Однако в боевой обстановке обеспечивать такую продолжительность сна не всегда предоставляется возможным. Это связано с тем, что войска, стремясь обеспечить скрытность маневров, совершают марши и перемещения, как правило, в ночное время. Противоборствующие стороны предпринимают специальные меры, чтобы нарушить нормальную жизнедеятельность неприятеля, не дать ему нормально спать, есть, восстанавливать силы. Для этого в ночное время применяется беспокоящий огонь, действуют диверсионные группы, снайпера, имитируются атаки и т. п. Особенно активно такие меры применяются в период с 2.00 до 6.00 – время наиболее продуктивного, восстанавливающего сна. Дело в том, что если для активных действий нужна повышенная температура тела, то для сна – пониженная. В период с 2.00 до 6.00 температура тела человека снижается до уровня, максимально благоприятного для сна.

Депривация сна проявляется в следующих формах:

- полное отсутствие сна на протяжении суток и более;
- продолжительность непрерывного сна менее 4 часов в сутки (если это не личная норма конкретного человека);
- неполноценный сон (трудное засыпание, сон с перерывами, раннее просыпание), сводящийся к дремоте;

- сдвиг привычного ритма сна (места сна в суточной структуре жизнедеятельности человека).

В многочисленных исследованиях установлено, что, с одной стороны, депривация (недостаточная продолжительность, прерывистость) сна является одним из условий дистресса и травматического стресса, а с другой стороны, сильный стресс ведет к снижению качества сна. Таким образом, возникает порочный круг: некачественный сон способствует повышению уровня стресса, а чрезмерный стресс вызывает дальнейшее ухудшение качества сна.

Дефицит сна влияет на уровень боевого стресса через существенное снижение эффективности боевой деятельности, сопровождающееся ухудшением самооценки и взаимоотношений с сослуживцами.

Установлено, что каждые сутки, проведенные без сна, ведут к падению эффективности когнитивной деятельности военнослужащего на 25%. В результате на третьи сутки военнослужащий утрачивает способность адекватно воспринимать и анализировать боевые события, критически мыслить, импровизировать, принимать решения, оценивать свои возможности [381]. Если ежесуточный сон не превышает 1,5 часа, то минимальный уровень боеспособности военнослужащих сохраняется не более пяти суток. При продолжительности ежесуточного сна 3 часа пятидесятипроцентный уровень боеспособности может поддерживаться на протяжении не более девяти дней.

Вот как специалисты описывают военнослужащего с **признаками дефицита сна**:

- пустой взгляд, красные глаза, шаткая походка, опущенная голова, вялое рукопожатие, низкая температура тела, невнятная речь;
- пониженный уровень настроения, энергии, бодрости, работоспособности, бдительности;
- рост числа ошибок, трудности в понимании информации, сбои в кратковременной памяти, внимания, понимания, мышления;
- снижение инициативы, раздражительность, агрессивность, истощение;
- пренебрежение личной гигиеной [380; 381].

Военнослужащий в таком состоянии не может быть в полной мере боеспособным, уверенным в себе, эффективным в решении боевых задач, что вызывает стресс.

Для военного психолога крайне важным является понимание **соотношения боевого стресса и боли**. Сегодня уже хорошо известно, что стресс является, кроме всего прочего, адаптацией к болевым ощущениям, которыми изобилует боевая деятельность. В процессе приспособления воинов к боевым стресс-факторам из «внутренней аптеки организма» в кровь направляются гормоны, среди которых есть гормоны опиатной группы – эндорфины (эндогенные морфины). Их важнейшая миссия – максимально обезболить организм человека, действующего в стрессогенной обстановке. Рана и травма являются мощными стрессорами, а чем сильнее стрессор, тем активнее работает система стрессового обезболивания организма. Все это приводит к тому, что нередко воины просто не замечают ранений в бою. Вот как описывает свои ощущения один из воинов, принимавших участие в боевых действиях в Чеченской республике: «Мы атаковали противника, укрываясь за боевой машиной. Огонь боевиков был просто ураганным. Особенно опасным было то, что боевики научились стрелять под днище БМП так, чтобы пули рикошетом попадали в нас. Вдруг я споткнулся и упал. Я быстро вскочил и бросился вперед, но упал снова. Глянул на землю, вроде цепляться не за что. Быстро поднялся, сделал шаг вперед и упал вновь. И тут, взглянув на ногу, я увидел, что она перебита».

Многие из раненых воинов вспоминают, что ранение в пылу боя воспринимается как удар палкой или камнем. Но таких ударов в бою много. Поэтому нередко воины просто не обращают на них внимания.

Почему же на поле боя нередко слышны «крики» и «стоны» раненых, если боевой стресс максимально обезболивает их? Крики и стоны – это тоже адаптивная, охранительная реакция воинов, направленная на такое приспособление к ранению, которое гарантирует выживание в бою. Главная их функция – обратить внимание боевых товарищей на ранение, на снижение или утрату боеспособности, на потребность в помощи. Одним из самых сильных

страхов воинов в бою является страх остаться раненым на поле боя. Этот страх и сигнализирует сослуживцам криками и стонами.

Подводя итог рассмотрению боевого стресса, следует отметить, что военный психолог должен знать закономерности его проявления у участников боевых действий и у себя самого. Он должен знать, что:

1. Боевой стресс накладывает существенный отпечаток на все стороны психической деятельности и поведение воинов.

2. Военнослужащие различным образом реагируют на боевые стресс-факторы. Необходимо обучать командиров подразделений глубокому познанию индивидуально-психологических и личностных качеств и возможностей военнослужащих, стресс-факторов боя, всего спектра возможных поведенческих проявлений воинов в обстановке стресса.

3. Это делает необходимым осуществлять целесообразную расстановку воинов по типам и этапам выполнения боевых задач с учетом их психологических возможностей и особенностей их приспособления к боевой обстановке.

4. Военный психолог должен разъяснять военнослужащим механизмы боевого стресса в целях профилактики страха перед болью – одного из самых мощных дезорганизаторов боевой активности воинов.

2.2. Бой и психические процессы военнослужащего

2.2.1. Ощущения и восприятие

Как подчеркивалось выше, важнейшим условием высокой психологической готовности воинов к боевым действиям и устойчивости к стресс-факторам боевой обстановки является четкое представление о важнейших элементах боя или точного образа (картины) боя. Важнейшая роль в формировании у воинов адекватного, реалистичного образа боя принадлежит психическим познавательным процессам (ощущениям, восприятию, вниманию, представлению, воображению, мышлению).

Ощущение – это простейший психический процесс, состоящий в отражении отдельных свойств предметов и явлений материального мира, а также внутренних состояний организма при непосредственном воздействии материальных раздражителей на соответствующие рецепторы.

Органы чувств (зрение, слух, осязание, обоняние) военнослужащего могут быть более или менее чувствительны к отображаемым ими явлениям, то есть могут отображать эти явления с большей или меньшей точностью. Чувствительность органа чувств определяется минимальным раздражителем, который в данных условиях оказывается способным вызвать ощущение. Минимальная сила раздражителя, вызывающая едва заметное ощущение, называется нижним абсолютным порогом чувствительности.

Раздражители меньшей силы, так называемые подпороговые (субсенсорные), не вызывают возникновения ощущений и сигналы о них не передаются в кору головного мозга. Нижний порог ощущений определяет уровень абсолютной чувствительности данного анализатора. Между абсолютной чувствительностью и величиной порога существует обратная зависимость: чем меньше величина порога, тем выше чувствительность данного анализатора.

Восприятие – отражение в сознании человека предметов и явлений при их непосредственном воздействии на органы чувств. В отличие от ощущений, восприятие отражает предмет в целом, в совокупности его свойств. При этом восприятие не сводится к сумме отдельных ощущений, а представляет собой качественно новую ступень чувственного познания с присущими ей особенностями. Наиболее важные особенности восприятия – предметность, целостность, структурность, константность и осмысленность.

Внимание – это направленность и сосредоточенность сознания, предполагающие повышение уровня сенсорной, интеллектуальной или двигательной активности индивида.

По характеру происхождения и по способам осуществления выделяют два основных вида внимания: непроизвольное и произвольное. Непроизвольное внимание возникает и поддерживается независимо от сознательных намерений и целей человека. Произвольное внимание – это сознательно направляемое и регулируемое сосредоточение.

Ощущение и восприятие

Органы чувств человека – совершенные аппараты познания окружающего мира. Специалистами выделены предельные возможности зрительного органа по обнаружению и различению объектов боевой обстановки (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1

Дальность визуального обнаружения объектов боевой обстановки

Объекты и признаки	Предельная видимость (км)
Колокольни, башни, большие дома на фоне неба	15–18
Населенные пункты	10–12
Деревни и отдельные большие дома	11
Отдельные небольшие дома	5
Окна в домах (без деталей)	4
Боевая техника	3
Стволы деревьев, столбы, люди (в виде точки)	1,5
Движение ног идущего человека	0,7
Миномет, станковый пулемет	0,5
Движение рук и головы человека	0,4
Автомат, цвет и части одежды, овал лица	0,25–0,3
Черепица на крыше, листья деревьев, проволока на	0,2
Пуговицы, пряжки	0,15–0,17
Черты лица, кисти рук, детали стрелкового оружия	0,1
Глаза в виде точки	0,07
Белки глаз	0,02

Не менее важным органом ощущения и восприятия свойств, характеристик и элементов боевой обстановки является слух.

Специалистами выявлены предельные возможности слухового восприятия объектов боевой обстановки, они представлены в табл. 2.2.

Таблица 2.2

Дальность
слухового обнаружения и различения объектов боевой обстановки

Источник звука (действия противника)	Слышимость
Стрельба очередями из боевого стрелкового оружия	5
Крик человека	1–1,5
Лай собак	2–3
Автомобильный сигнал	2–3
Разговорная речь	0,1–0,2
Звяканье котелков, ложек	0,5
Переползание	0,02
Шаги	0,03
Кашель	0,04–0,05
Резкая команда	0,5–1,0
Движение пехоты в строю по грунту (по шоссе)	0,3 (06)
Отрывка окопов вручную	0,6
Рубка леса топором	0,4
Движение автомобилей по грунту (по шоссе)	0,5 (1,5)
Движение бронетехники по грунту (по шоссе)	3 (4)
Выстрел из орудия (орудийный залп)	6 (15)

Из данных, приведенных в таблицах 2.1 и 2.2, видно, насколько чувствительными являются органы чувств человека. Однако перечисленных возможностей уже недостаточно для того, чтобы надежно отражать события современного динамичного и многообразного боя.

Не случайно в разных армиях мира предпринимаются огромные усилия по расширению естественных возможностей человека видеть, слышать, обонять, осязать. Поле современного боя подвергается многомерному «ощущению» и «восприятию» на всем его протяжении, днем и ночью, в любых природно-географических и погодно-климатических условиях. Так, на *стратегическом уровне* наблюдение за противником осуществляется с помощью боевых космических станций, позволяющих просматривать территории и акватории сражений любого размера и на любом удалении. На *оперативном уровне* за действиями противника и другими событиями на поле боя наблюдают с использованием беспилотных летательных аппаратов (неуправляемых, автоматических, дистанционно пилотируемых), способных осуществлять многоспектральный анализ боевой обстановки в районе диаметром не менее 1 000 км в течение 24 и более часов[*]. На *тактическом уровне* используются переносные беспилотные летательные аппараты малой дальности («микро» и «мини»), позволяющие передавать боевую информацию с расстояния до 10 км в течение часа и более. Практически каждый участник боевых действий сегодня может использовать умещающиеся на ладони «нано»-аппараты, позволяющие ему видеть, что происходит за ближайшим холмом, домом, в здании, в подвале и т. д.

Для наблюдения за военнослужащими противника на глубину ротных опорных пунктов используются различные боеприпасы, оснащенные видеокамерами. Например, в комплект автоматического гранатомета, состоящего на вооружении южно-африканской армии, входит граната с видеокамерой. Она выстреливается на расстояние порядка 400 м и в течение 7 мин. передает информацию о противнике, находящемся в траншеях, за естественными и искусственными укрытиями. Граната освещает поле боя инфракрасным светом, что дает возможность видеть боевую технику и

---

[*] Так, на вооружении армии США состоит около 7 500 беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), что составляет более 30% всего боевого летного парка. В ходе боевых действий против ИГИЛ в Сирии в декабре 2015 г. ежедневно в воздухе находилось до 50 американских БПЛА.

живую силу противника в условиях плохой видимости. На вооружение подразделений многих армий мира поступают роботы с системами видео- и аудионаблюдения, персональные переносные видеоустройства, позволяющие получать информацию о противнике, находящемся за укрытиями (например, за углом здания, в помещении и т. д.) на удалении нескольких метров. Военнослужащие нередко используют и самодельные устройства видеонаблюдения за полем боя, сделанные из простейших видеокамер, замаскированных под нейтральные объекты (кроссовок, банка, детская игрушка и т. п.).

Для наблюдения за противником в ночных условиях широко используются осветительные ракеты, приборы ночного видения. Обнаружить неприятеля, скрывающегося в густых зарослях или замаскированного с помощью специальных средств, можно с помощью тепловизоров и т. п.

И все же, какие бы приборы не использовались в современной войне, главными средствами обнаружения и восприятия противника являются органы чувств человека, прежде всего глаза, уши, нос. И от того, насколько развита чувствительность этих «рецепторов боя», в решающей мере зависит его успех.

В бою человеку приходится видеть, слышать, осязать, обонять, чувствовать на вкус такое, с чем он не мог встретиться в мирной жизни: огненные валы артиллерийского огня, всполохи взрывов, смертельно жалящие струи трассирующих очередей, горящие как бенгальские огни боевые машины, дымящиеся развалины строений, разрывающиеся в клочья человеческие тела, грохот, вой, гул, визг, треск, стук, издаваемый оружием и боевой техникой, боевые кличи, истошные крики и стенания раненных, стук своего сердца, запах сгоревших пороховых газов, гари, вкус крови и дорожной пыли, вздымаемая «на дыбы» земля, сотрясаемый взрывами вибрирующий воздух, боль ушибов и ран и т. д.

Психика «устроена» так, что неподготовленный специально человек прежде всего воспринимает то, что проявляется сильнее, ярче, громче, непривычнее. В боевой обстановке – это нередко второстепенные, мало значимые для исхода боя и человеческой жизни стимулы.

Психологически точно и ярко описал это Э.-М. Ремарк в своем романе «На западном фронте без перемен».

> «У нас большие потери, главным образом за счет новобранцев… Они… очень смутно представляют себе, как надо укрываться, а главное, не умеют присматриваться к местности. Они не видят ни бугорков, ни кочек, разве что самые заметные, не меньше полуметра в высоту.
>
> … Попав в … зону боев, они чувствуют себя беспомощными и гибнут как мухи. В современной позиционной войне бой требует знаний и опыта, солдат должен разбираться в местности, его ухо должно чутко распознавать звуки, издаваемые снарядами в полете и при разрыве, он должен уметь заранее определять место, где снаряд упадет, знать, на какое расстояние разлетаются осколки и как от них укрыться.
>
> … наше молодое пополнение почти ничего не знает обо всех этих вещах. Оно тает на глазах – новобранцы даже шрапнель от гранаты толком отличить не умеют, огонь косит их, как траву, потому что они боязливо прислушиваются к завыванию не столь опасных «тяжелых чемоданов», ложащихся далеко позади, но не слышат тихого, вкрадчивого свиста маленьких вредных штучек, осколки которых разлетаются над самой землей. Они толпятся, как бараны, вместо того, чтобы разбегаться в разные стороны, и даже после того, как их ранило, вражеские летчики еще добивают их, стреляя по ним, как по зайцам.
>
> … На одного убитого бывалого солдата приходится пять – десять погибших новобранцев» [263, с. 97–98].

Для того, чтобы выжить в бою и уничтожить врага, глаза, уши, нос настоящего бойца должны в хаосе визуальных и звуковых эффектов видеть общую логику боя, высматривать, подслушивать, вынюхивать его главные элементы.

Важнейшим условием достижения победы над врагом является его своевременное обнаружение и создание затруднений в обнаружении им своих войск. Эффективно действовать на поле боя можно, лишь существенно затруднив ведение огня неприятелю, сделав его неэффективным или исключив полностью.

Учитывая это, противоборствующие стороны предпринимают исчерпывающие меры для нарушения процессов ощущений и вос-

приятий противника: укрываются за непрозрачные и дымовые преграды (противник не видит или плохо видит куда стреляет, не может точно прицелиться, промахивается); маскируются, сливаясь с окружающей местностью; перемещаются по полю боя короткими перебежками, попадая в поле зрения противника не более чем на 3 сек.; в ночное время ослепляют друг друга ярким светом и лазерами; воздействуют непереносимыми по силе раздражителями на слух и обоняние противника; осуществляют тактику снайперского террора, когда снайпер не позволяет не только вести целенаправленно наблюдение, но и высунуть голову из окопа и т. д. [195, с. 24–26].

Стресс-факторы боевой обстановки ухудшают функционирование психики в бою. Они оказывают негативное влияние на точность восприятия элементов боевой обстановки, определение расстояний до целей, ориентировку на поле боя. В некоторых случаях у солдата может возникать эффект так называемого «туннельного» видения, когда его зрительное поле как будто ограничивается «трубой», вокруг которой – слепота. Участник боевых действий фиксирует лишь важные для него объекты – укрытия, маршруты движения к ним, источник опасности и т. п. Он утрачивает способность к полноценному боевому взаимодействию и к эффективным действиям.

Военнослужащий не может действовать в бою эффективно, если не обладает адекватным пространственным восприятием. Так, не оценив точно удаление рубежей, достигаемых наступающим противником в процессе боя, он не сумеет выставить правильное значение прицела на оружии и, следовательно, вести точной стрельбы. Известно, что если в мирных условиях лучшие «глазомерщики» при оценке дальности до целей допускают ошибку в 5% (на расстоянии 400 м она равна 20 м), то в боевой обстановке эта ошибка достигает 10–20% (и составляет на удалении 400 м – до 80 м). Воины с неразвитым глазомером делают еще более серьезные ошибки. Ошибки в установлении прицела на 1–2 деления в бою влечет существенное снижение точности стрельбы. Вследствие несформированности пространственного восприятия и непонимания баллистических процессов стрельбы, некото-

рые воины вообще не пользуются прицелами при ведении огня. Участник Первой мировой и Гражданской войны Г. Хаханьян свидетельствует о том, что «винтовки с прилипшими от ржавчины прицельными рамками или винтовки без прицелов, или винтовки с заржавелыми прицелами, с невидимыми делениями… не были редкостью на войне» [344, с. 194]. Аналогичные примеры имели место и во всех последующих войнах.

Как следствие «стрельба в бою дает ничтожные в смысле поражения результаты. Разность числа попаданий на стрельбищах и в бою определяет коэффициент падения психики под влиянием боевых переживаний. Во время смятения и паники коэффициент попадания падает до нуля. Даже в рукопашной схватке оружие действует неверно» [81, с. 184].

По оценкам специалистов, на одного убитого солдата во время Русско-японской войны приходилось 2 500–5 000 пуль. В Первую мировую войну эффективность стрельбы составляла 3–5% [344, с. 43]. В годы Второй мировой войны, чтобы убить одного противника расходовалось примерно 10 000 пуль. В локальных военных конфликтах XX в. – 50 000 пуль. И, как отмечалось выше, во время войны во Вьетнаме на каждую пораженную американскими солдатами цель приходилось 200 000–400 000 выстрелов [107; 195]. Причиной этому является не только низкая стрелковая подготовка, но прежде всего страх, нарушающий процессы восприятия боевой обстановки.

Приведенные факты говорят о том, что развитие у воинов необходимых для боя ощущений и восприятий является важнейшей задачей командиров и военных психологов. Для этого на занятиях по боевой подготовке вопросы обнаружения замаскированного противника, определения дальностей до целей, выставление правильного прицела, а, главное, изменение установок прицела в процессе сближения с противником должны тренироваться отдельно.

Учитывая это, командованием Сибирского военного округа во время первой антитеррористической кампании в Чеченской республике были внесены существенные изменения в контрольное упражнение стрельб из автомата. Например, при выполнении упражнения обучающемуся запрещается перемещение до тех пор,

пока не обнаружен и не поражен пулемет «противника», ведь в реальном бою об этом даже думать нельзя. Стреляющему запретили открывать огонь с места падения и производить без смены позиции более двух выстрелов, так как третью очередь на войне не позволяет сделать обнаруживший воина снайпер противника. Упражнение обязательно выполняется вдвоем, в том числе и из-за спины товарища, что дает возможность реально вырабатывать необходимые в бою навыки тактико-огневого взаимодействия. Запретили совершать перебежки, длящиеся более 5–6 сек и с малой скоростью, предписали выполнять упражнение с полной выкладкой. На учебном поле воспроизводились шумовые эффекты боя, слышались крики раненых, были разбросаны муляжи трупов с кровью и вывернутыми наружу внутренностями. Перед отправкой в зону боевых действий все подразделения проходили этап боевого слаживания, отрабатывали тактические приемы боевых действий в городе, в окружении, в засаде и др. Не случайно уровень подготовки «сибиряков» высоко оценили не только командование федеральных сил, но и противник [132].

Военнослужащие спецподразделений при наблюдении за полем боя учитывают действие следующих закономерностей восприятия:

- чем ближе расстояние, тем яснее и резче кажется объект;
- более крупные объекты кажутся ближе мелких, находящихся на том же расстоянии;
- предмет более яркой окраски кажется ближе, чем предмет темного цвета;
- ярко освещенные предметы кажутся ближе слабоосвещенных, находящихся на том же расстоянии;
- во время тумана, дождя, в сумерки, пасмурные дни, при насыщенности воздуха пылью наблюдаемые предметы кажутся дальше, чем в ясные и солнечные дни;
- чем резче разница в окраске предмета и фона, тем ближе они кажутся;
- предметы на ровной местности кажутся ближе, чем на холмистой местности;
- при наблюдении лежа предметы кажутся ближе, чем стоя.

Следует также учитывать, что визуальное восприятие боевой обстановки может ухудшаться вследствие боевой работы оружия и техники. Например, частички сгоревшего пороха, вылетающие из ствола пулемета, марево над разогретым стволом пулемета создают на некоторое время своеобразную маску, непроницаемую для взгляда стреляющего. Поэтому пулеметчик должен работать с напарником, помогающим ему более точно воспринимать элементы боевой обстановки [195, с. 142].

Важное *правило эффективности боевых действий* состоит в том, чтобы затруднять адекватное восприятие боевой обстановки противником. Это является главной задачей маскировки. Здесь важнее всего ликвидация разницы в расцветке и фактуре фигуры (военнослужащих, техники, строений) и окружающего фона, деформация формы маскируемых объектов за счет раскраски (камуфляжа), добавления деталей (например, веток, вплетенных в масхалат или масксеть), расположение объектов в тени, синхронизация движений объекта с движением окружающих элементов среды, исключение блеска и бликов, снижение звуковых и запаховых коррелятов деятельности войск.

2.2.2. Ночное зрение

Современный бой требует от воинов владения приемами эффективного наблюдения в ночное время. Для этого глаза должны быть адаптированы к темноте. Адаптация к темноте приобретает особое значение в боевой обстановке для деятельности разведчиков, военнослужащих, выполняющих боевые задачи в секретах, дозорах, органах наблюдения, в дежурных сменах и др.

Известно, что глаз человека отличается высоким развитием нервных элементов, совершенной оптической системой и разнообразными мышечными устройствами, позволяющими производить поворот глаз и настройку их оптического аппарата. Это дает человеку возможность фиксировать огромный диапазон видимых световых раздражителей, интенсивность которых может различаться в миллионы раз. Сетчатка глаза имеет сложное строение. Она состоит из нескольких слоев нервных клеток, заканчиваю-

щихся концевым аппаратом: колбочками и палочками, которые и представляют собой рецепторы света. Колбочки и палочки различным образом реагируют на разную интенсивность света. Первые обладают более низкой чувствительностью и представляют собой аппарат дневного света, позволяющий различать цвета (их в сетчатке – 7 млн). Вторые отличаются высокой чувствительностью к слабым интенсивностям света и являются аппаратами ночного зрения (их насчитывается в сетчатке около 130 млн).

Повышение световой чувствительности глаз по мере пребывания в темноте получило название *темновой адаптации*. Установлено, что темновая адаптация начинается с момента погружения глаз в темноту. Нарастание световой чувствительности происходит непрерывно в течение всего времени пребывания в темноте и стабилизируется через 60–80 мин. Особенно интенсивно адаптация происходит в первые 15–30 мин. А это значит, что военнослужащий, выйдя из помещения с ярким освещением в неосвещенное пространство (например, на пост, позицию наблюдения и т. п.), в течение значительного времени не способен вести эффективное наблюдение за происходящими вокруг событиями.

Познание **закономерностей ночного видения** позволяет существенно ускорить время темновой адаптации глаз, повысить их чувствительность к свету. Каковы же эти закономерности?

Во-первых, колбочки и палочки как рецепторы света распределены по сетчатке глаза неравномерно. Первые расположены в центре, вторые – на периферии. Отсюда следует, что для обнаружения малозаметных объектов в ночное время их лучше рассматривать периферической частью сетчатки.

Во-вторых, колбочки и палочки заметно отличаются по степени чувствительности к свету с различной длиной волн. Так, глаз, адаптированный к темноте, наиболее чувствителен к длинам волн порядка 511 миллимикрон и относительно не чувствителен к длинам волн, превышающим 620 миллимикрон.

Глаз «дневного зрения» максимально чувствителен к длинам волн порядка 554 миллимикрон. Это означает, что при ночном зрении глаз максимально чувствителен к синему цвету и относительно не чувствителен к красному. Говоря другими словами,

объекты синего цвета ночью мгновенно обнаруживаются человеком, но при этом возможна темновая дезадаптация глаз (т. е. снижение их чувствительности к свету, «засветка»).

Поэтому желательно, чтобы дежурное освещение в казармах и помещениях, где отдыхают караульные перед заступлением на посты, было красным. В годы Второй мировой войны в армии США были сконструированы плотно прилегающие красные очки, которые не пропускали лучей длиной волны меньше 620 миллимикрон, но через которые проходило достаточно света для функционирования колбочкового зрения. В таких очках воин мог находиться в хорошо освещенном помещении и одновременно полностью адаптироваться к темноте. Это позволяло практически исключить этап темновой адаптации глаз непосредственно в ходе выполнения боевой задачи и мгновенно включаться в деятельность.

Интересен и такой факт. Несмотря на знание этой закономерности, в 1939 г. Париж и Лондон перешли на светомаскировку с использованием синего света. Такая «маскировка» помогала немецким летчикам мгновенно обнаруживать цели и одновременно ослепляла расчеты средств французских и английских ПВО.

В-третьих, существует определенная динамика темновой адаптации глаз. Через 5 мин. чувствительность глаза увеличивается на 30% от исходного уровня, через 15–20 мин. – на 80%. Это время зависит от «перепада» между старой и новой, устанавливающейся чувствительностью. Одно дело, когда человек погружается в темноту из полумрака, другое – когда он предварительно находился в ярко освещенном помещении.

В-четвертых, выявлена закономерность дезадаптации глаз человека к темноте. Так, засветка адаптировавшегося к темноте глаза в течение 5 сек. снижает его чувствительность на 8–10 мин. На это же время снижается своевременность и дальность обнаружения объектов.

Следовательно, на постах, которые освещены лишь частично, часовые в течение длительного времени остаются практически слепыми. «Слепота» максимальна тогда, когда часовой погружается в темноту сразу после преодоления освещенного участка.

В-пятых, установлена закономерность функционирования симпатической нервной системы человека, проявляющаяся в том, что возбуждение одной из систем симпатической иннервации влечет за собой возбуждение прочих симпатических систем. Исходя из этого группа ученых Института психологии АПН РСФСР под руководством К. Х. Кекчеева в 1941–1946 гг. исследовала способы улучшения ночного зрения военнослужащих (разведчиков, диверсантов, наблюдателей, часовых). Были выделены так называемые «физиологические стимуляторы», позволяющие в короткое время значительно повысить световую чувствительность глаз. К таким стимуляторам отнесены:

а) форсированное дыхание (углубленное, резкое дыхание, начинающееся с полного выдоха);

б) термические раздражители (обтирание лица холодной водой, холодный компресс на затылок);

в) вкусовые раздражители (прием небольшого количества вкусной пищи – 10 граммов сахара или сладкие таблетки);

г) легкая мышечная работа (простейшие гимнастические упражнения).

Проведенные эксперименты до сих пор считаются классическими, а полученные результаты – актуальными. Они свидетельствуют о том, что применение физиологических стимуляторов позволяет повысить чувствительность ночного зрения и слуха на 40–50%. Время темновой адаптации глаз сокращается с 40–50 мин. до 4–5 мин., то есть зрительная чувствительность возрастает в 10 раз быстрее, чем при темновой адаптации без применения стимуляторов. При этом однократное их применение обеспечивает повышение чувствительности на 1–1,5 часа, многократное – на 2–3 часа. Одновременно названные стимуляторы являются надежным и эффективным средством снятия утомления в области кинестатической и сенсорной деятельности.

В других опытах, также ориентированных на нужды сражающейся армии и осуществляемых под руководством Л. А. Шварц, большие сдвиги зрительной чувствительности достигались посредством эмоционально-волевого усилия. Оказалось, что при использовании специальных инструкций, требующих определенного

уровня чувствительности в установленные сроки, она находилась на 470–845% выше по сравнению с исходной. Здесь психологическими механизмами изменения показателей чувствительности выступают убеждение (самоубеждение), внушение (самовнушение), настрой. Выявлено также стимулирующее влияние на остроту ночного зрения различного рода приятных раздражителей. Так, например, после употребления небольшого количества вкусной пищи (сахар) чувствительность ночного зрения возрастает на 210%, при прослушивании приятной музыки – на 240%. И, напротив, при прослушивании грустной музыки чувствительность к свету снижается на 60% и при употреблении горькой пищи – на 50%.

Приведенные данные позволяют военнослужащим использовать обширный арсенал средств для решения таких практических задач, как:

а) резкое сокращение или устранение периода адаптации органов зрения к темноте;

б) повышение световой чувствительности глаз;

в) сохранение достигнутой светочувствительности в течение длительного времени;

г) предупреждение темновой дезадаптации глаз.

Перечень способов повышения эффективности ночного зрения представлен в таблице 2.3.

Психологи и опытные боевые специалисты рекомендуют, ведя наблюдение ночью не сосредоточивать внимание на формах, а следить за силуэтами, сочетая зрительное наблюдение с использованием различных органов чувств [190, с. 186].

Учитывая то, что человеческий глаз ночью не может долго фокусироваться на объекте, выстрел по противнику нужно делать быстро, иначе его контуры расплывутся. Поэтому необходимо наблюдать за объектом не прямым, а боковым зрением. Лучшим способом наблюдения за объектом ночью – совершение глазами движения вокруг него в форме горизонтальной восьмерки. Пристально и долго всматриваться в темноту не следует, чтобы не утомлять зрение рекомендуется периодически закрывать глаза на 5–10 сек. Надо учитывать, что освещенные искусственным источником света объекты кажутся ближе, чем в действительности,

а темные кажутся меньшими по размеру и более удаленными. Наблюдение лучше вести сидя.

Таблица 2.3

Методы ускорения темновой адаптации военнослужащих

Метод, средство	Повышение эффективности адаптации
Очки с красными стеклами	Устраняют необходимость адаптации
Таблетка ВР 10	Сокращает время адаптации на 700% (до 5 мин.)
Глубокое дыхание	Сокращает время адаптации на 300% (до 10 мин.)
Черничный кисель, сахар, кофе, кофеин	Повышает чувствительность на 210%
Использование приятной музыки	Повышает чувствительность на 240%
Эмоционально-волевое напряжение (самоприказ, самоубеждение)	Повышает чувствительность глаза на 800%
Закрывание ведущего глаза при наблюдении за освещенными в ночи объектами	Повышает эффективность
Засветка одного глаза лучом красного света	Повышает эффективность
Обтирание прохладной водой затылка, висков и шеи	Повышает эффективность

Если нужно вести наблюдение за противником, находящемся ночью вокруг костра, днем со стороны солнца или на фоне блестящего снега, эффективнее делать это через дырочку в картонке или пуговице [195, с. 148].

Командиру следует учитывать возможности человеческих органов чувств. Так, адаптированный к темноте глаз способен увидеть горящий костер на расстоянии до 8 км, а горящую спичку до 1–1,5 км, огонек от сигареты – до 500 м.

При ведении боевых действий ночью солдат должен использовать все органы чувств. В целях усиления естественных возможностей слухового анализатора рекомендуется использовать: вкопанное наполовину в землю бревно, верхняя часть которого используется как своеобразный наушник; фляжка (бутылка) с водой, вкопанная в землю по уровню воды с вставленной в нее палкой; стойка на одной ноге с открытым ртом и др. В целях обеспечения безопасного наблюдения за противником в бою используют зеркальце с ручкой, перископы, снятые с боевой техники приборы наблюдения [195].

Опыт ведения боевых действий показывает, что у хорошо подготовленного к бою воина органы чувств должны быть высокочувствительными, хорошо настроенными «приборами» дневного и ночного видения, своеобразными локаторами, мгновенно и на дальних расстояниях обнаруживающими хорошо замаскированного противника, точно вычислять расстояния до боевых целей, оценивать результативность применения оружия.

В боевой обстановке у солдат проявляется особое состояние психики, как бы появляется новый орган чувств, предназначенный специально для восприятия боя. Это не зрение, не слух, не вкус, а что-то иное, необъяснимое, непонятное для самих участников войны. Это ощущение можно проследить в следующей мысли одного из героев романа Э.-М. Ремарка: «Наши лица не стали бледнее или краснее обычного; нет в них и особенного напряжения или безразличия, но все же они сейчас не такие, как всегда. Мы чувствуем, что у нас в крови включен какой-то контакт. Это не пустые слова; это действительно так. Фронт, сознание, что ты на фронте, – вот что заставляет срабатывать этот контакт. В то мгновение, когда раздается свист первых снарядов, когда выстрелы начинают рвать воздух, в наших жилах, в наших руках, в наших глазах вдруг появляется ощущение сосредоточенного ожидания, настороженности, обостренной чуткости, удивительной восприимчивости всех органов чувств. Все тело разом приходит в состояние полной готовности» [263].

Формировать у воинов такой «орган» восприятия войны – важная задача военного психолога и командира любого ранга.

Для командира подразделения, воинской части, соединения важным является восприятие пространства и времени. А. В. Суворов говорил, что деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего. Одна минута решает исход баталии, один час – исход кампании, один день – судьбу войны.

Современному командиру бригады в обороне необходимо вести наблюдение за полем боя, которое существенно превышает по своим размерам поле Бородинского сражения (оно составляло 8×4 км). В наступлении он должен отслеживать события, которые развиваются с темпом, в 2–3 раза превышающим темп наступления в годы Великой отечественной войны. Учитывая, что скорость совершения марша с того времени возросла с 3–4 км в час до 25–30 км и более, движение воинской части в неправильном направлении в течение 30 мин. уведет ее в сторону более чем на 15 км [356, с. 10, 13].

2.2.3. Внимание

Без устойчивого, способного к произвольному распределению внимания не могут эффективно выполнить задачу ни снайпер, ни разведчик, не оператор войск ПВО.

В боевой обстановке внимание военнослужащего существенно снижается. Причины этому бывают разные. Во-первых, отсутствие мотивации держать во внимании важнейшие элементы боевого противодействия. При перемещении под огнем противника солдаты редко смотрят в сторону противника: они стараются скрыть свое лицо, как будто не желая «смотреть опасности в глаза». Ввиду этого бывает трудно ориентировать движение в пространстве. Во время обороны отмечается такой вид стрельбы: боец, скрывшись в окопе весь и высунув часть оружия, стреляет «на ветер» [344, с. 194, 195].

Во-вторых, у воина может нарушаться способность к концентрации внимания, наступает временная амнезия (воин забывает, что нужно делать, в какой последовательности и т. д.), ложная идиотия (когда солдат не может произвести простые вычисления, логически связать элементарные события) и т. д.

В-третьих, отмечается повышение чувствительности и ориентированности внимания на стимулы боевой обстановки, которые могут быть потенциально опасными. При этом игнорируются малозначительные раздражители или обстоятельства, требующие дополнительных психических затрат [183, с. 135].

У опытного воина как будто формируется орган, осуществляющий селекцию раздражителей по признакам «опасный-безопасный», «важный-неважный», «свой-чужой».

Однако бой – это в значительной мере психологическое противоборство, в котором противники стремятся отвлечь внимание друг друга от главного и сосредоточить его на второстепенных обстоятельствах. На этом основаны многие приемы военной хитрости и маскировки.

Тяжелый урок необходимости быть внимательными в бою мы вынесли из боевых действий в Афганистане. Учитывая слабое развитие у наших командиров и солдат дисциплины огня, противник в течение довольно длительного времени использовал такой тактический прием:

> При входе наших войск в ущелье, по ним делалось несколько демонстративно громких выстрелов из крупнокалиберного орудия. Одновременно звучали несколько взрывов, сопровождающихся грохотом и дымом. В приборы наблюдения наши военнослужащие видели вдали противника, который, судя по всему, занимал боевые позиции. Как правило, по нему тут же открывался огонь из всех видов оружия, даже из оружия, не рассчитанного на такую дальность стрельбы. Противник оставался практически невредимым. А наши военнослужащие один за другим падали, сраженные пулями врага. Причем попадания были в основном в голову и в грудь. Иногда пули пробивали тело и дважды бронежилет.
>
> Был период, когда у наших солдат и офицеров возникли неуверенность в собственных силах, недоверие к своему оружию и идеализация оружия и меткости стрельбы противника. Это длилось до тех пор, пока не была раскрыта хитрость врага. Оказалось, что, приковав внимание наших воинов громкими шумами, обнаружив себя и вызвав беспорядочную шквальную стрельбу в свою сторону, он отвлекал внимание от снайперов, которые располагались в нескольких сотнях метров от входа в ущелье в хорошо за-

маскированных лисьих норах. Они из винтовок, снабженных приспособлениями для бесшумной и беспламенной стрельбы, вели смертельный огонь практически в упор.

Усваивая подобные уроки, военные психологи и командиры должны постоянно заботиться о развитии у военнослужащих общих качеств внимания и внимательности, а также таких, которые в большей степени востребуются их боевой специальностью.

2.2.4. Память воина

Память является психическим процессом, который делает возможной и целесообразной боевую и психологическую подготовку военнослужащих. Без надежной памяти даже самые детальные ощущения, восприятие боевой остановки и хорошо отлаженное внимание оказываются бессмысленными, потому что полученная информация будет постоянно утрачиваться. Без быстро работающей памяти невозможно вспомнить необходимые данные о противнике и своих войсках, характеристики оружия и боевой техники, сигналы боевого управления, порядок действий в экстремальной ситуации боя и т. д. Без развитой памяти трудно усваивать основы боевого мастерства, обретать боевой опыт, стать настоящей личностью.

Память – запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом его опыта. Основные процессы памяти: запоминание, сохранение, воспроизведение и забывание. Запоминание информации связано с накоплением индивидуального опыта в процессе жизнедеятельности. Использование в дальнейшей деятельности того, что запомнилось, требует воспроизведения. Выпадение информации из деятельности ведет к ее забыванию. Сохранение материала в памяти зависит от участия ее в деятельности личности, поскольку в каждый данный момент поведение человека определяется всем его жизненным опытом.

Виды памяти выделяются по следующим основаниям: 1) по характеру психической активности, преобладающей в деятельности, память делят на двигательную, эмоциональную, образную и

словесно-логическую; 2) по характеру целей деятельности – на непроизвольную и произвольную; 3) по продолжительности закрепления и сохранения материала – на кратковременную, долговременную и оперативную.

В разных видах боевой деятельности преобладают различные виды психической активности: моторная, эмоциональная, сенсорная, интеллектуальная. Каждый из этих видов активности выражается в движениях, чувствах, образах, мыслях. Обслуживающие их специфические виды памяти – двигательная, эмоциональная, образная и словесно-логическая.

При сильном стрессе логическая память дает сбои и практически единственным подспорьем солдату является мышечная память. Поэтому перед началом боевых действий необходимо обязательно проигрывать предстоящие боевые действия на карте, на ящике с песком (с наложением масштабной сетки, использованием макетов строений, фигурок солдат и т. д.) и неоднократным «проигрышем вхолостую» («всухую») порядка боевых действий на местности. При подготовке к выполнению тяжелых заданий, необходимо готовить аналоги боевых позиций противника и отрабатывать атаку на них. Таким образом у военнослужащих будет сформирована двигательная память. В боевой обстановке использование стандартных приемов действий, основанных на двигательной памяти существенно сокращает срок на отдачу распоряжения и его выполнение, снижает неразбериху боя и психическую нагрузку на солдата, повышая эффективность его действий в целом [195, с. 36].

Многие военачальники отличались выдающейся памятью. А. В. Суворов до конца жизни помнил по именам многих своих ветеранов, факты многих своих сражений, а также военные кампании разных исторических эпох. Уникальной памятью был наделен Наполеон. Его память обладала великолепной избирательностью: она удерживала только то, что нужно для боя. Выдающийся российский психолог Б. М. Теплов, исследовавший психологические особенности личности Наполеона, писал о нем: «Он помнил

иногда мельчайшие индивидуальные особенности отдельных солдат потому, что эти особенности были для него в высшей степени важны и знание их было ему необходимо. Он помнил номера частей, участвовавших в том или ином сражении, не потому, что обладал способностью запоминать всякие вообще числа, а потому, что у него было такое отношение к своим войскам, как у «любовника к своей возлюбленной». Достойным удивления у Наполеона является не столько сила памяти сама по себе, сколько обилие тех сведений, которые являлись для него «необходимыми», выступали перед ним как существенные, глубоко захватывали и интересовали его. Умение видеть важное и существенное в том, что большинству кажется недостойным внимания, – вот что прежде всего обусловливало богатство памяти Наполеона» [326, с. 80–81].

Командир должен учитывать возможность сбоев в работе собственной памяти и памяти своих подчиненных, среди них наиболее серьезные расстройства памяти – амнезия, гипермнезия, гипомнезия, парамнезия.

Амнезия – нарушения памяти, связанные с неспособностью запоминать новую или вспоминать ранее известную информацию.

Гипермнезия – чрезмерная память, выходящая за пределы нормы, вызывающая перегрузку сознания информацией.

Гипомнезия – память, не позволяющая запоминать необходимый для активной деятельности объем информации.

Парамнезия – нарушение памяти, при котором люди «узнают» ранее не виденное, «перемешивают» воспоминаемые события «во времени», «в пространстве», «в лицах».

Человек может забывать факты, которые реально имели место и «вспоминать» события, которых не было.

Сегодня разработано множество методик развития памяти и мнемотехник, позволяющих запоминать большие объемы необходимой информации. Военные психологи и командиры должны постоянно заботиться о развитии своих мнемических способностей и качеств памяти военнослужащих, определяющих боеспособность воинского подразделения (разведчиков, снайперов и т. д.).

2.2.5. Мышление
и воображение военнослужащего в бою

Современный бой – в значительной степени противоборство типов, стилей, качеств мышления и воображения противоборствующих сторон. Чем более логично, гибко, нестандартно, комплексно, быстро мышление, чем более объемно, детально, эвристично воображение командиров, боевых специалистов, всех воинов, тем большим психологическим ресурсом они владеют для эффективного решения сложных и нестандартных задач.

Мышление – психический процесс опосредствованного и обобщенного отражения действительности в ходе ее анализа и синтеза, неразрывно связанный с речью.

Формы мышления – понятия, суждения и умозаключения. Процессы мышления – анализ, синтез и обобщение. Анализ – это выделение в объекте тех или иных его сторон, элементов, свойств, связей, отношений, расчленение познаваемого объекта на различные компоненты. Синтез – объединение выделенных анализом компонентов целого. В процессе синтеза происходит соединение, соотнесение тех элементов, на которые был расчленен познаваемый объект. Анализ и синтез всегда взаимосвязаны. В ходе обобщения в сравниваемых предметах в результате их анализа выделяется нечто общее.

Вид мышления: 1) наглядно-действенное, 2) наглядно-образное и 3) отвлеченное (теоретическое) мышление.

Индивидуальные особенности: самостоятельность, гибкость, быстрота мысли. Самостоятельность мышления проявляется в умении увидеть и поставить новый вопрос, новую проблему и затем решить их своими силами. Гибкость мышления заключается в умении изменять намеченный вначале план решения задач, если он не удовлетворяет тем условиям проблемы, которые постепенно вычленяются в ходе ее решения и которые не удалось учесть с самого начала. Быстрота мысли особенно нужна в таких случаях, когда от человека требуется принимать определенные решения в очень короткий срок (например, во время боя).

Воображение – это необходимый элемент творческой деятельности человека, выражающийся в построении образа продукта деятельности и обеспечивающий создание программы поведения

в таких случаях, когда проблемная ситуация характеризуется неопределенностью. Воображение работает, когда неопределенность ситуации весьма велика.

Боевые специалисты подчеркивают, что «на войне не бывает репетиций, когда можно сыграть сперва для пробы, а потом, так как надо» [287, с. 14]. Бой сразу пишется набело. Поэтому здесь, как ни в какой другой сфере актуально «семь раз отмерь и только один раз отрежь». Ведь резать приходится по человеческим жизням и судьбам.

Только развитое мышление и воображение позволяют командиру и солдату объединить разрозненные факты ощущений, восприятия, памяти в целостную картину боевых событий. Мышление позволяет обнаруживать скрытые, глубинные, существенные связи и отношения между фактами, событиями, явлениями боевых действий. Оно, например, дает возможность видеть за разной частотой залпов батарей противника разные его намерения: изнурение, подавление, уничтожение, провоцирование на ответный огонь для выявления огневых позиций наших войск, для истощения их боекомплекта.

Лишь натренированное мышление способно обнаружить за очевидными на первый взгляд фактами ухищрения противника, ошибки в расчетах, случайное стечение обстоятельств. По взглядам военных специалистов различных стран, командиры должны навязывать противоположной стороне ложное видение обстановки, принуждать ее к ведению боевых действий в невыгодных для нее условиях. Это достигается путем проведения комплекса мероприятий, позволяющих, с одной стороны, нарушать процесс принятия решения противником, а с другой стороны, обрабатывать информацию эффективнее и быстрее, чем это способен делать командир противника. Не случайно в копилке боевого опыта зафиксирована своеобразная формула «Удивить – значит победить».

В армии США действует «правило трех», согласно которому солдат должен взвесить три возможных варианта принятия решения, выбрать оптимальный путь и претворить его в жизнь [190,

с. 143]. Одновременно с этим существует правило, выраженное в акрониме «KISS» («поцелуй»), который расшифровывается («Keep it simple, Stupid!») «Будь попроще, тупица!». Совместное использование этих правил требует от военнослужащего принимать простые решения на основе выбора из трех альтернативных.

Под воздействием боевых стрессоров снижаются качества логического и абстрактного мышления.

В боевой обстановке в перерывах между боями у военнослужащих может ухудшаться способность к умственной работе, требующей длительного напряжения внимания, точности, усидчивости, воспроизведения приобретенных в прошлом знаний. В часы отдыха отмечаются своеобразные состояния «бездумья» или, наоборот, вереницы всплывающих помимо воли воспоминаний, сопровождающихся острым ощущением тревоги. В начальный период участия в боевых действиях окружающее может восприниматься не вполне реальным, происходящим как будто во сне или в кинофильме, нередко с элементами уже виденного и пережитого, чувством замедления течения времени, ложными узнаваниями впервые встречаемых лиц [183, с. 136].

Опыт боевых действий показывает, что на войне востребуется наглядно-действенное (встроенное в процесс деятельности), «тактическое» мышление, «прокачивающее» любое событие через матрицу его тактического значения. Например, для выявления боевых позиций противника, его психологического и боевого истощения часто применяются огонь на подавление, разведка боем, ложные атаки и т. д. Противник заманивается на ведение полноценного ответного огня. Задача военнослужащего состоит в том, чтобы раскрыть замысел противника, не открывать ответного на неэффективный огонь, не ориентированный на подавление. Для этого необходимо уметь оценивать виды огня. Не случайно Н. Коупленд подчеркивал, что на войне «практическая сметка в десять раз ценнее абстрактного ума. Абстрактный мыслитель знает, что делать, зато сметливый человек знает, как сделать» [168, с. 89].

Американский специалист по боевой и психологической подготовке Р. Ригг отмечает: «Солдат должен усвоить, что сохранить жизнь и добиться успеха легче, сделав бросок вперед на 50 м, чем укрывшись за большим камнем» [265, с. 16]. На это обстоятельство указывал в начале прошлого века В. Н. Полянский, выявивший *феномен «притяжения укрытий»* [233]. Военные специалисты подчеркивают необходимость формировать у солдат установку избегать использования в бою слишком очевидных и легко доступных укрытий. За такими укрытиями, как правило, происходит «скучивание» военнослужащих. Противник чаще всего заранее пристреливает, либо минирует их, превращая в своеобразные «ловушки», которые поэтому называют «гнездами для вражеских снарядов». Кроме этого, противник может специально создавать ложные укрытия, удобные для их последующего уничтожения различными видами оружия [195, с. 67].

Специалист по тактике общевойскового боя А. В. Маркин отмечает, что действие в бою опытного солдата отличается тем, что он постоянно мыслит. Так, планируя перемещение от укрытия к укрытию, он просчитывает имеющееся у него время на перебежку до первого прицельного выстрела противника. Для этого он мысленно складывает время, требующееся противнику на обнаружение начала перебежки, вскидывание оружия, прицеливание и произведение выстрела, полет пули до цели и сравнить полученный результат со временем, необходимым для безопасной перебежки. Когда расчеты произвести сложно, солдат должен исходить из того, что в среднем на производство прицельного выстрела необходимо около 5 сек. Следовательно, на перемещение от укрытия к укрытию необходимо тратить не более 3 сек. Для этого солдат обучается делать перебежки с одновременным произнесением формулы: «(я) встал – он – меня – увидел – вниз» [195, 68].

Оценивая вид огня, солдат выбирает тип перемещения по полю боя. Так, при одиночном снайперском огне целесообразно перебегать «зигзагами», а при автоматно-пулеметном огне – по кратчайшим прямым направлениям.

2.2.6. Эмоциональные состояния и чувства участников боевых действий

Эмоции – особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающихся в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха, удивления и т. д.) значимости действующих на человека стимулов и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности.

Чувства – устойчивые эмоциональные отношения к явлениям действительности, отражающие значение этих явлений в связи с его потребностями и мотивами; высший продукт развития эмоциональных процессов в общественных условиях.

Эмоционально-волевая устойчивость – способность психики военнослужащих сохранять высокую функциональную активность в условиях воздействия стрессоров как в результате адаптации к ним, так и в результате их высокого уровня развития эмоционально-волевой саморегуляции.

Палитра эмоциональных состояний участников боевых действий весьма широка и далеко не исчерпывается переживаниями, связанными с боевыми событиями.

Боец – живой человек. Он грустит о жизни, о любви, он ждет ласки и нежности любимой, чудного лепета маленького, забавного карапузика сына или кудрявой малюсенькой дочки – он муж, он отец. Он трепещет от радости боевого подвига, радости любви, радости отцовского чувства, восхищается красотой природы, нежно любит вдыхать приятный аромат цветов. Приятно ощущает тепло яркого, солнечного сияющего дня. Он с любовью смотрит в голубое безоблачное звездное небо ночью. Это жизнь. Он живой человек. Он плачет, и плачет горько, опуская в могилу тело убитого боевого товарища. Он злится, нервничает, грустит, печалится, обижается на невнимательность близких людей, друзей и хороших товарищей.

Он устает физически и духовно: в голову лезут разные мысли, которые мешают, кусают, пристают, сверлят, точат, пилят и назойливо трут до крови, тяжело давят на тело и душу [210, с. 26].

Любовь, дружба, радость, счастье, удовлетворение, удивление, презрение, ненависть, злость, гнев, ярость, страх, отчаяние, бессилие – эти и другие чувства в боевой обстановке могут проявляться сильнее, чем в мирное время.

Вместе с тем эмоции и чувства, связанные с переживанием хода и исхода боевых действий, взаимоотношений с боевыми товарищами, командирами являются центральными в эмоциональной сфере солдат и офицеров.

Б. Момыш-Улы очень ярко и образно описывает эмоциональные «пружины» боевой активности воина.

> Смелость – есть сочетание расчета действия с риском.
>
> Лихость – есть сочетание ловкости со смелостью.
>
> Ловкость – есть результат строго последовательного воспитания (тренировки) ума, быстроты мышления, дисциплинированного тела, послушных мускулов для молниеносного действия.
>
> Мужество – не дар природы, а результат воинского воспитания, сознательного принуждения себя идти на опасность для выполнения долга, ограждая себя от всего, собственную честь и благородное достоинство гражданина от чувства стыда, низости и позора, соревнуясь с подобными себе в благородстве, равенстве, разделить не только благо жизни целого коллектива, но и опасность, стремление обезопасить себя и соотечественников путем наибольшего истребления врага, беспощадного мщения за зло, за смерть смертью, за кровь кровью (21).
>
> Воинская доблесть – самоотверженная решимость одержать победу, не считаясь ни с чем. Воинская доблесть слагается из дисциплины и мужества, умения, здоровья, силы, бодрости [210, с. 53].

Карл фон Клаузевиц отмечал, что если в ответ на опасность не появляется страх, значит он уравновешивается мужеством. «Мужество не является актом рассудка, является чувством сродни страху; последний направлен на физическое самосохранение, а мужество – на моральное» [154, с. 142].

П. Краснов полагал, что «…храбрость есть высшее исполнение долга, доведенное до полного самопожертвования. Как трусость, так и храбрость бывают разнообразными и многогранными. Бывает храбрость разумная и храбрость безумная. Храбрость экс-

таза атаки, боя, влечения, пьяная храбрость и храбрость, основанная на точном расчете и напряжении всех умственных и физических сил. Бывает храбрость отчаяния, храбрость, вызванная страхом смерти или ранения, или страхом испытать позор неисполнения долга» [171, с. 58].

Установлено, на фоне длительного напряжения, внутренней настороженности и повышения эмоциональной чувствительности у участников боевых действий может отмечаться сужение диапазона эмоциональных проявлений, изменчивость настроения с полярными проявлениями (экстаз и дискомфорт), экзальтированностью общения, экспрессивным выражением чувств и готовностью к импульсивным вспышкам раздражения и переключению на стереотипное выполнение привычных в боевой обстановке действий [183, с. 134].

В боевых условиях человеческая психика «обнажается», начинает «работать» на предельных режимах, в каждую секунду может произойти ее «слом». «Война и только война вызывает… страшное и совместное напряжение всех духовных сторон человека…» [59, с. 49].

Специалисты выделяют следующие виды эмоционального реагирования на действие боевых стресс-факторов:

1) эмоциональное возбуждение – сигнальная реакция нервной системы на различные психогенные воздействия;

2) эмоциональное напряжение – эмоционально окрашенное волевое усилие, направленное на решение какой-либо мыслительной или двигательной задачи;

3) эмоциональная напряженность – временное понижение устойчивости психических и психомоторных процессов и падение работоспособности, вызванные негативными, иногда чрезмерными психогенными воздействиями [36, с. 346–347].

Очевидно, что выделенные формы эмоционального реагирования по существу являются эмоциональными компонентами стрессовых реакций военнослужащего на стресс-факторы боя. В содержательном плане негативные эмоциональные проявления чаще всего в боевой обстановке проявляются в различных формах страха.

2.2.7. Опасность, страх, долг

Клаузевиц отмечал, что «стихия, в которой протекает военная деятельность, – это опасность. Непосредственным отражением опасности является желание избежать ее, а при неисполнимости последнего – страх и ужас [154, с. 43–44, 142]. Неверное истолкование опасности или осознание ее неизбежных негативных последствий порождают страх. Страх – одна из самых сильных эмоций. Даже храбрейшим приходится считаться с этим мучительным чувством. Особенно это чувство сказывается в первом бою [170, с. 44].

Важность эмоции страха в комплексе переживаний участника боевых действий обусловливает необходимость его отдельного рассмотрения.

Страх представляет собой эмоцию, возникающую в состоянии угрозы биологическому или социальному существованию человека, направленную на источник реальной или мнимой опасности. Эмоция страха – полезное приобретение человека в процессе фило- и онтогенетического развития. Он служит предупреждением человеку о предстоящей опасности, позволяет мобилизовать внутренние силы и резервы для ее избегания или преодоления.

Военными психологами установлено, что страх перед неизвестным всегда изнурительнее, чем страх перед известным. Когда люди не знают, что их ожидает, им свойственно подозревать худшее. Кода же факты, какими бы ошеломляющими они ни были, известны людям, они могут противодействовать им. Но человек не может противостоять неизвестному. Поэтому на поле боя солдаты обычно чувствуют себя спокойнее после перехода противника в атаку, чем до ее начала [168, с. 34].

Дать объяснение этому феномену можно с помощью информационной теории эмоций П. В. Симонова. Он доказывает, что для удовлетворения актуальной в каждый момент времени потребности человек должен совершать вполне определенные действия, поэтому ему важна информация о предметах и условиях, удовлетворяющих эту потребность. Чем острее проявляется потребность, тем больше нуждается человек в соответствующей информации.

В зависимости от наличия и качества информации, необходимой для организации действия по удовлетворению потребности, у человека возникают те или иные эмоции.

Для отражения характера этой зависимости автор предлагает своеобразную формулу:

$$Э = П\left(Н - С\right),$$

где Э – эмоции, П – потребности, Н – необходимая для деятельности информация, С – сообщенная (полученная) информация.

Данную формулу можно проиллюстрировать на следующем примере: группе военнослужащих предстоит действовать на зараженной местности. Если группа сформирована из опытных бойцов, неоднократно выполнявших подобные задачи, потребность в информации о характере и способах действий у них может оказаться минимальной, то и эмоции по данному поводу будут незначительными. Эмоции также слабо выражены, если необходимая для организации действий по удовлетворению потребности информация равна той, которая имеется в распоряжении специалистов. В таких случаях нет тревоги и страха. Когда же информация, прогностически необходимая для осуществления деятельности и удовлетворения потребности, отсутствует (равна 0), страх проявляется максимально. Острая необходимость действовать для удовлетворения потребности, с одной стороны, и отсутствие информации с другой – порождают страх и неуверенность в собственных возможностях. Здесь остро проявляется психологическая закономерность «Чего не знаю, того боюсь». Таким образом, важнейшим методом борьбы со страхом в боевой обстановке является всестороннее информирование военнослужащих о всех сторонах предстоящего боя, формирование у него четкого и детального образа предстоящего боя. Здесь должна сработать другая психологическая закономерность «Предупрежден, значит вооружен».

В военной психологии давно установлено, что абсолютно бесстрашных психически здоровых людей не бывает. По оценкам американского военного психолога Э. Боринга, полученным на обширном материале боевых действий во время Второй мировой войны, около 90% военнослужащих в бою испытывают

сильный страх [25, с. 248–249]. Офицер, принявший участие в 100 боях Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Б. Момышулы отмечает, что чувство страха преследует бойца постоянно и в каждом бою, что страх неизбежен. Имея боевой опыт, можно только иначе пережить, легче преодолеть это чувство страха, но бесстрашного солдата в абсолютном смысле слова найти невозможно. Бесстрашие бывалого солдата – в его опыте [210, с. 133].

Боринг, конкретизируя физиологические формы проявления страха, показывает, что у солдат в бою страх проявляется в таких соматических коррелятах, как: учащение сердцебиения (у 86%), ощущение тошноты в желудке (75%), волнение (59%), дрожь и подергивание (56%), холодный пот (55%), напряжение стенок желудка (53%), слабость и тошнота (51%), рвота (24%), потеря контроля над выделением кала (10%), потеря контроля над выделением мочи (10%) [25, с. 499].

Во время Второй мировой войны американским военным психологом и военачальником С. Л. А. Маршалом было установлено, что «из бойцов, которые в каждый момент боевых действий могут и должны пускать в ход вверенное им оружие, всего 15% ведут огонь по неприятельским позициям. Если к этой ничтожной части непосредственно действующих бойцов присоединить тех, кто проявляет какую-либо личную инициативу… то процент реальных участников боя может быть доведен до 25%» [293, с. 50].

По содержанию переживание страха проявляется в **виде** страха смерти, боли, ранения, инвалидности, страха потери боеспособности и уважения сослуживцев, страха остаться на поле боя раненым и др.

Состояние страха, как отмечают многочисленные исследователи, может варьироваться в широком *диапазоне переживаний*. Выделяют следующие формы страха: испуг, тревога, боязнь, аффективный страх, индивидуальная и групповая паника. Каждая из форм страха выполняет свою функцию, имеет специфическую динамику проявления.

Испуг – это мгновенная реализация врожденной, инстинктивной программы действий в целях сохранения целостности орга-

низма в ситуации действия угрожающих раздражителей. Если бы люди не обладали этой охранительной, защитной реакцией, они погибли бы, не успев оценить грозящей опасности.

Тревога представляет собой эмоциональное состояние, возникающее в ситуации неопределенной опасности и проявляющееся в ожидании неблагоприятного развития событий. Ее нередко называют беспричинным страхом, так как она связана с неосознаваемым источником опасности.

Тревога не только сигнализирует о возможной опасности, но и побуждает воинов к поиску и конкретизации ее источников, к активному исследованию обстановки боя. Она может проявляться как ощущение беспомощности, неуверенности в себе, бессилия перед надвигающейся опасностью, преувеличение угрозы.

Состояние *боязни* представляет собой как бы опредмеченную, конкретизированную тревогу и является реакцией на непосредственную опасность.

Аффективный страх (животный ужас) – самый сильный страх, вызываемый чрезвычайно опасными, сложными обстоятельствами, парализующий на какое-то время способность к произвольным действиям.

У каждого человека существует индивидуальный предел психического напряжения, после которого начинают преобладать защитные реакции: камуфляжа (попытки спрятаться, замаскироваться), стремление уклониться от опасности, покинуть угрожающую обстановку, как бы уменьшиться в размерах, заняв эмбриональную позу. Испытывая аффективный страх, воин или «цепенеет», не может сдвинуться с места, или бежит, нередко в сторону источника опасности. Переживание сильного страха ведет к значительной переоценке реальной опасности. Эта закономерность отражена в знаменитой суворовской формуле «У страха глаза велики».

Показывая драматическую борьбу между страхом и воинским долгом в душе участника боевых действий, Б. Момышулы пишет:

> «Опасность в бою из мнимой становится реальной, посредственной близостью – смерть окружает, наступает, атакует на каждом шагу сто, тысячи раз. Рядом падают товарищи, свистят тысячи пуль,

воют, жужжат разными голосами мины, снаряды, шлепнувшись о преграду, с сильным треском лопаются, со свистом разбрызгивая на стороны бесформенные осколки разной величины, режущие, калечащие, убивающие все то, что встречается на пути, острием и скоростью своей, поднимая взрывом своим громадный столб черного, густого дыма взрывчатки в смеси с землей, грязью, щепками и разорванными в клочья телами жертв, превращая мясо и кости в окровавленные кусочки, кровь в пыль, оставляя глубокую воронку в земле. Поле, воздух – все, все дышит смертью. Проходит час – 60 мин., в минуте 60 сек., в секунду – тысячи смертей, им приходится ползать, идти, бежать. Небывалый критический момент в жизни: чувство страха и чувство долга дерутся, царапаются, рвут друг на друге волосы – самые свирепые звери неспособны так жестоко бороться, как эти два чувства: «Ты погиб, твоя молодая жизнь пропала, тебя сейчас убьют или искалечат, изуродуют навсегда, твое тело разорвут в клочья и никому не найти и не похоронить».

«Спасайся, прячься, бежим, бежим скорее, бежим…» – говорит чувство страха, тянет, сильно тянет назад или со свинцовой тяжестью прижимает к земле, или хватает за подол шинели – не пускает вперед. Руки бессильно опускаются, палец отказывается нажать на спусковой крючок, зрачки расширяются, чуть не выходя из орбит, глаза боятся не только целиться, но и смотреть. Ноги подкашиваются, колени дрожат. Легкие хватают воздух, задыхаясь неравномерным потоком, захлебываются. Сердце усиленно-учащенно колотится в груди, всасывая кровь вовнутрь, оставляя поверхность мертвецки-бледной, полотняно-белой. Нервы туго натянуты, как струны – это говорит: бежим, бежим без оглядки, спасаться».

«Ты человек! Ты гражданин! У тебя есть чувство стыда, позора, низости – у тебя есть благородная личная гордость твоей семьи, гордость твоей нации – чувство долга. Ты не один, не тебе одному эта участь, рядом с тобой твои соотечественники, твои товарищи по оружию, и они не хуже тебя, и они тоже хотят жить, как и ты. Неужели из-за одного тебя твою семью, твоих родителей, твой народ будут другие считать трусливыми душонками! Не накладывай на себя, на семью, на народ клеймо позора, чтобы другие не говорили, что у них слово Родина только на языке, а не в сердце. Не делай, чтобы они стеснялись произносить твое имя и проклинали тебя навеки.

Подумай! Если побежишь, то покроешь себя и свое поколение позором и проклятьем – все и всё отрекутся от тебя: отрекутся от тебя отец и мать, как от изменника, и будут стыдиться смотреть в глаза соседям. Отречется жена и с горечью будет вспоминать тот несчастный день, когда решилась стать твоей женой. Отрекутся дети – милые дети твои – и будут они самыми несчастными из всех несчастных. Они будут стесняться носить твое имя и будут скрывать, кто был их отец. Отрекутся товарищи, земляки, с которыми ты не хочешь поделить горечь, трудности, опасность. Если тебя поймают, то расстреляют как предателя, изменника, предадут справедливому позору, твоей кровью смоют позор коллектива. Расстрелянный будешь валяться без чести, без совести, как падаль-дохлятина. Подумай, бегство – не спасение, это страшнее смерти.

Тебе никто жизнь дарить не будет, иди, завоевывай сам. Имей честь. Набирайся мужества: хочешь – убей тех, кто пришел убить тебя и твоих товарищей, тогда будешь жив. Товарища спасешь – слава и честь тебе. Героем назовут тебя – все гордиться будут тобою. Быть может станешь калекой – это лучше, чем быть калекой совести, презренным всеми. Быть может погибнешь, выполняя свой долг – вечная память и слава, скажут тебе, с гордостью вспоминать будут. Мужайся! Вперед! – приказывают чувство долга, благородство.

Бесстрашие и трусость – есть результат борьбы страха с долгом. Страх преодолевается принуждением вообще… Прежде всего принуждением внутренним, тем, что мы называем психологией личности… и принуждением внешним, т. е. общественным воздействием» [210, с. 18, 19].

П. Краснов дал живое описание страхов участника боевых действий. «Кроме страха смерти в бою, есть еще страх ранения. Стоит прислушаться в бою к пулям – и уже закрался страх. Уже провожаешь каждую пулю тревожною мыслью: «Эта в живот… Эта в ногу… Ой, как будет больно…». И уже обмякает тело, а страх холодными струйками бежит по коже» [170, 78].

На фоне страха в боевой обстановке может развиться психоневротическая установка. Самая незначительная из них – желание быть раненым, радость по поводу ранения, избавляющего бойца от дальнейших боевых невзгод. Не менее вредные последствия боевого стресса – нозофилия, представляющая собой стремление

к болезни и сопротивление лечению, симуляция заболеваний, членовредительство [344, с. 223–225]. В это нелегко поверить, но страх быть убитым толкает участников боевых действий к самоубийству, причем самыми изощренными, гораздо более «брутальными» способами, чем смерть от пули. Так, во время Первой мировой войны совершили самоубийство около 5 000 германнских солдат.

Боевой офицер и военный ученый Л. Л. Байков, иллюстрируя сложность задачи вести подчиненных в бой, пишет о том, что в «сердце человека происходит долгая, тяжелая борьба двух противоположных стремлений, положительного – «победить» и отрицательного – «отказаться от боя». Насколько эта борьба мучительна видно из того, что в бою нередки даже случаи самоубийства. Уклонение же от боя – явление обыкновенное, причем, некоторые, чтобы уйти на «законном основании», сами себя ранят».

Чувство страха весьма разнообразно и многогранно. Чувство страха рядового бойца отличается от чувства страха начальника, издали, часто вне сферы физической опасности управляющего боем. Разная у них и усталость. Если солдат устает до полного изнеможения физически, то начальник, не испытывая такой физической усталости, устает морально от страшного напряжения внимания [170, с. 44].

Сегодня хорошо известно, что заранее готовых фило- и онтогенетических программ, способных обеспечить человеку адаптивный ответ на влияние боевых стресс-факторов, не существует. Лишь по мере адаптации, связанной с накоплением личного боевого опыта, у участника войны повышается устойчивость к стресс-факторам войны [183, с. 22]. Поэтому фактор страха должен учитываться командирами как реальность боевых действий. Задача психолога состоит в том, чтобы информировать командиров и всех военнослужащих о психологической природе страха, закономерностях его проявления, причинах живучести и мерах по преодолению.

Боевой опыт содержит следующие рекомендации, касающиеся предупреждения и преодоления страха [25, с. 503–506]:

1. Действие (деятельность) снижает страх.

2. Знание ситуации уменьшает страх.
3. Навык уменьшает чувство страха.
4. Спокойствие и самообладание уменьшают страх.
5. Юмор побеждает страх.
6. Пребывание среди товарищей снижает страх.
7. Знание статистики помогает преодолеть страх.
8. Религиозная вера уменьшает страх.
9. Лояльность также помогает побеждать страх. Вера в справедливость войны порождает героизм.
10. Хорошее физическое состояние противодействует страху.
11. Знание природы страха уменьшает страх.

Военные психологи, командиры, все офицеры должны понять, что боеспособность армии зависит преимущественно от эффективности методов, с помощью которых сдерживается инстинкт страха [168]. Знание природы страха, динамики его проявления, условий возникновения групповой паники позволяет командирам целесообразно планировать боевые действия, дифференцированно подходить к расстановке людей и распределению боевых задач, прогнозировать реакции и поведение военнослужащих в бою, разрабатывать и осуществлять экспресс-программы предупреждения и преодоления негативных психических состояний военнослужащих.

2.2.8. Мотивация и воля

Эффективная боевая деятельность немыслима без действенной мотивации и достаточного волевого напряжения. Именно действенная мотивация и волевое напряжение способны побороть страх на поле боя.

Мотив – материальный или идеальный предмет, который побуждает и направляет на себя деятельность или поступок.

Мотивация боевая – система побуждений и стимулов, детерминирующих и направляющих боевую активность воина.

Воля – это сознательная организация и саморегуляция человеком своей деятельности и поведения, направленная на преодоление трудностей при достижении поставленных целей. Воля – это

особая форма активности личности, особый вид организации ее поведения, определяемый поставленной ею самой целью.

Все, что человек делает в боевой обстановке обусловлено неким усредненным вектором его мотивации. Немотивированных поступков не бывает, бывает неосознаваемая мотивация. Без мотивации невозможны ни подвиг, ни трусость.

М. И. Дьяченко выделил три *вида мотивации* боевых действий: широкие социальные мотивы (любовь к Родине, вера в справедливость своего дела, ненависть к врагу, чувство воинского долга и т. д.), коллективно-групповые мотивы (товарищество, взаимовыручка, страх быть подвергнутым групповому презрению), индивидуально-личностные мотивы (стремление отличиться, получить награду, испытать свои возможности, отомстить врагу и др.) [85, 86].

Выше было показано, что при приобретении боевыми действиями затяжного характера, в преимущественном положении оказывается та сторона, которой удается сохранить действие *широких социальных мотивов*. Сознание бессмысленности войны понижает психическую устойчивость и сопротивляемость стрессу [183, с. 134]. Когда у солдата нет идеалов, его поведение зависит от его побуждений. Но когда целая систем идеалов овладевает его душой, когда он сам сознает, что за эти идеалы нельзя не бороться, тогда воля начинает контролировать его поведение. Ничтожные идеалы не могут быть источником энтузиазма. Чем величественнее идеалы и чем труднее их достигнуть, тем с большим рвением солдаты будут стремиться достичь их [168, с. 81].

Однако исследования показывают, что «высокое моральное состояние не может быть целиком объяснено тем, что в минуту опасности каждый солдат и офицер отождествляют свои цели и цели всей нации… это противоречит тому состоянию напряженности нервно-психической сферы, которое неизбежно возникает в условиях боя. В этот момент диапазон мыслей и чувств человека сужается так же, как и его поле зрения, когда он видит только ближайшее укрытие. И если у него нет органического чувства солидарности с бойцами, находящимися в непосредственной близости от него, и если он не захвачен их импульсом, то никакие мыс-

ли об идеалах своей страны и раздумья о любви к жене и детям не смогут удержать его от того, чтобы не ринуться в ближайшее укрытие». «Когда огненный шквал обрушивается на войска, ничто не удержит человека от бегства во имя спасения своей жизни, кроме личной чести и достоинства, кроме чувства *ответственности по отношению к своим ближайшим товарищам*, кроме боязни прослыть трусом, боязни навсегда потерять доверие и уважение людей» [293, с. 145].

Таким образом, именно коллективно-групповые мотивы боевой активности оказываются наиболее действенными в боевой обстановке. В этом отношении можно говорить о том, что коллектив является наиболее мощным мотиватором боевой активности. Свидетельством этому являются многие боевые события времен Великой Отечественной войны и последующих локальных конфликтов, в которых отношения ответственной зависимости, коллективизма, боевого товарищества помогали нашим воинам проявлять массовый героизм и самопожертвование.

Не случайно американское военное руководство, учитывая формируемую у американцев индивидуалистическую психологию, на протяжение последних десятилетий стремятся сформировать в воинских подразделениях и частях систему «боевого товарищества». Для этого воинские коллективы формируются выходцами из одних и тех же штатов, создаются условия для активного общения воинов в перерывах между боевыми действиями. В полевых условиях организуются солдатские и офицерские кафе, проводятся спортивные соревнования, конкурсы художественной самодеятельности. Однако, как показывает изучение, преодолеть формируемую у американцев с рождения индивидуалистскую стратегию поведения оказывается не просто.

Действенными мотивами боевого поведения являются и *индивидуально-личностные побуждения*. Так, во время Великой Отечественной войны высокую эффективность показало боевое соревнование «Личный счет мести». Оно проводилось между воинами различных боевых специальностей (летчиками, танкистами, артиллеристами, снайперами и др.). Победителями соревнования

становились воины, уничтожившие больше живой силы и техники противника.

Многие герои войны проявляли высочайшее мужество и самопожертвование, чтобы, защищая Родину от врага, помогая боевым товарищам в бою, получить высшее признание советского народа и государства. Яркими примерами такого высокого стремления были наши выдающиеся воздушные асы трижды Герои Советского Союза *Кожедуб Иван Никитович* (совершил 330 боевых вылетов, провел 120 воздушных боев, лично сбил 62 самолета противника) и Покрышкин Александр Иванович (совершил 600 боевых вылетов, провел 156 воздушных боев, сбил 59 самолетов противника), асы-танкисты Герои Советского Союза Лавриненко Дмитрий Федорович (уничтожил 52 танка и несколько орудий противника в 28 боях) и Бочковский Владимир Александрович (уничтожил 36 танков противника), ас-снайпер Сурков Михаил Ильич – самый эффективный снайпер войны (на его счету – 702 фашиста) и многие другие. Звезды на боевых самолетах, танках и орудиях, зарубки на прикладах винтовок были показателями личных достижений воинов в боевой работе.

Как правило, боевое поведение воинов определяется одновременно мотивами разных уровней. Военные психологи должны обучать командиров подразделений, как использовать широкие социальные, коллективно-групповые и индивидуально-личностные мотивы для побуждения воинов к активным боевым действиям, а всех военнослужащих методам волевой закалки, приемам волевой самомобилизации.

Системное понимание субъекта боевой деятельности («военнослужащий – в боевой среде – в процессе боевой деятельности») позволяет трактовать **волю** как динамическое, ситуативное, полидетерминированное образование – психологический ресурс, проявляющийся в способности преднамеренно восполнять дефицит мотивации, мобилизованности и регуляции поведения военнослужащего и локализуемый как во внутреннем, психическом пространстве личности, так и на границе ее взаимодействия с окру-

жающей социальной и деятельностной средой. Можно выделять персональный, межперсональный, надперсональный и деятельностный волевой ресурс [19].

Персональный волевой ресурс военнослужащего представляет собой совокупность индивидуально-психологических качеств и текущих психофизических состояний, позволяющих ему регулировать свое поведение в условиях недостатка мотивации и возникновения препятствий в деятельности.

Межперсональный волевой ресурс военнослужащего составляют окружающие его люди, обладающие способностью мобилизовать и актуализировать его волевой ресурс. Так, волевые качества военнослужащего варьируются в зависимости от того, кто составляет коллектив подразделения – бывалые, опытные воины или необстрелянные новобранцы.

Надперсональный волевой ресурс военнослужащего – побуждающий потенциал коллективного мнения и настроения. Его составляют содержащиеся в общественном мнении нормы волевого поведения в конкретных ситуациях воинской деятельности (например, «сам погибай, а товарища выручай!»), общий волевой настрой коллектива на предстоящие действия, традиции смелых, решительных, самоотверженных, упорных действий при достижении общегрупповых целей.

Деятельностный волевой ресурс военнослужащего складывается из ситуативных характеристик деятельности, обладающих свойством дополнительной мотивации и регуляции. Сюда входят высокая социальная значимость деятельности, тяжесть последствий от ее некачественного выполнения, безысходность ситуации и др. Ярким примером такого ресурса является переход войсками Юлия Цезаря реки Рубикон, который по существу лишил их иной возможности выжить, кроме как активно и самоотверженно действовать.

Перечисленные элементы волевого ресурса могут в определенной степени компенсировать друг друга. Так, дефицит персонального волевого ресурса командира, участвующего в боевых

действиях, может быть компенсирован межперсональным ресурсом (например, соприсутствием людей, ожидающих от офицера волевых действий и побуждающих к ним), надперсональным ресурсом (например, господством в коллективном сознании призрения к трусам, нерешительным, невыдержанным людям), деятельностным ресурсом (например, наличием заградотряда) и т. д.

«Ресурсное» понимание воли позволяет психологу и командирам подразделений активно влиять на волевое поведение военнослужащих, воздействуя на их личные качества, осуществляя перестановку военнослужащих по этапам выполнения боевой задачи, формируя общий волевой настрой коллектива и ставя людей в ситуацию, побуждающую к проявлению решительности, выдержки, настойчивости.

2.3. Личность и деятельность военнослужащих в боевой обстановке

Личностные качества военнослужащего являются одним из главных условий того, станет он героем или отщепенцем. В конце концов, даже самые мощные внешние социальные влияния преломляются через внутренние, личностные условия. Вместе с тем психологические особенности боевой деятельности, ее цели, мотивы, методы решения боевых задач и др. могут оказывать существенное корректирующее влияние на проявление личности военнослужащего.

Личность – системное социальное качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении и характеризующее уровень и качество представленности общественных отношений в индивиде.

Боевая деятельность – процесс достижения целей вооруженной борьбы путем осуществления против врага вооруженного насилия для принуждения его к прекращению сопротивления; вид воинской деятельности, имеющий место в условиях войны, боя (выполнения боевых задач). Боевая деятельность – сложная форма противоборства с противником в самых крайних и острых формах ее проявления.

2.3.1. Личностные особенности воина и эффективность боевых действий

Специалисты считают, чтобы выжить на войне, нужно к ней приспособиться. Чтобы приспособиться, нужно «спуститься вниз по лестнице цивилизации». Надо изменить прежнее представление о социально допустимом поведении и о ценности жизни, нужно стать агрессивным и ожесточенным, подавить в себе чувствительность [183, с. 57]. Однако боевой опыт состоит не только из трагических эпизодов и ужасных переживаний, а качества, приобретенные ветеранами боевых действий, не ограничиваются психической патологией. Б. Колодзин отмечает: «На войне случались не только тяжелые, травмирующие события, но и такие, в которых укреплялись силы, мужество, уверенность в себе. Встреча со смертельной опасностью, победа над страхом, взаимная поддержка в тяжелых условиях – во всех этих испытаниях закалялся характер» [156, с. 225].

Участие в боевых действиях оказывает и позитивное влияние на личность военнослужащих. У некоторых из них как бы открывается новое, более яркое и точное видение и чувствование мира, оригинальная система ценностей и наблюдений, составляющая своеобразную житейскую мудрость, особая чувствительность к неискренности, лжи, фальши в человеческих отношениях. Подобно тому, как из хрупкого графита в крайне неблагоприятных условиях образуется самое прочное вещество на земле – алмаз[1], из молодых, не имеющих жизненного опыта людей, формируются духовно крепкие, закаленные, целостные личности. Участие в боевых действиях – это и опыт бескорыстной дружбы, взаимопомощи, победы над страхом, преодоления себя, достижения того, что раньше казалось невозможным.

Некоторые из тех, кто участвовал в боевых действиях, рассказывают об уникальном психологическом опыте – об ощущениях

---

[1] Графит превращается в алмаз, если его поместить в емкость, в которой создано давление около 100 000 атмосфер, поддерживается температура порядка 2 000 градусов по Цельсию и отсутствует кислород.

«гиперреальности», проявляющейся в предельном обострении чувств, мощном приливе жизненной энергии, переживании собственного могущества [190].

А. М. Столяренко выделяет позитивные изменения, которые, по его мнению, происходят у большинства участников боевых действий. Соглашаясь с ним, подчеркнем, что эти позитивные трансформации могут иметь место у *участников успешной боевой деятельности*, воспринимаемой как *социально ценной и значимой*, а отдельные – скорее желаемы, чем достижимы. Вряд ли можно ожидать изменений позитивного регистра у лиц, потерявших здоровье, ставших инвалидами, у воинов, участвовавших в войне, признанной проигранной. Тем не менее возможны следующие положительные последствия от участия в боевых действиях.

1. Возрастание умений, опытности, профессионализма. Война ускоряет социальное время. Человек обучается на ней жизненно важным навыкам в кратчайшие сроки. Он приобретает такие важные для любой профессии качества, как дисциплинированность, организованность, ответственность, предусмотрительность, бдительность, способность к согласованным коллективным действиям. Это способствует успешности социального функционирования участников боевых действий.

2. Личностный рост и самореализация человека, проявляющиеся в повышении самоуважения, ощущения собственной ценности, уверенности в своих силах, в умении владеть собой. У участников боевых действий закаляется воля, развиваются смелость, интеллектуальные качества. Под влиянием пережитых трудностей происходит нередко и переоценка ценностей, формирование новых жизненных приоритетов, что делает человека более активным.

3. Укрепление физического здоровья и силы. Многие участники войны выходят из нее физически более развитыми, выносливыми, менее подверженными «мирным» заболеваниям (простуда, ОРЗ и др.).

4. Повышение социального статуса человека, выражающееся в более уважительном отношении к ветеранам, признании их заслуг [306].

Некоторые участники боевых действий достигли важных постов в государственной и политической иерархии, стали известными политическими деятелями. Не случайно, многие ветераны войны вспоминают ее как продуктивно проведенное время, как личностно значимый период жизни. Наиболее отчетливо выразил эту мысль участник Великой Отечественной войны М. И. Сахаров: «Война – лучшее, что было у меня в жизни…».

В исследовании, проведенном Е. О. Лазебной и М. Е. Зеленовой, приводятся такие оценки своего участия в войне ветеранов Афганистана: «там было настоящее дело», «приобрели полезный жизненный опыт», «научился общаться с людьми», «Афганистан – это здорово!», «понял то, что я могу то, чего другие не могут» и др. [306, с. 550].

Важнейшими личностными качествами, определяющими эффективность боевой деятельности воинов, являются *психологическая готовность* к бою и *психологическая устойчивость* к стресс-факторам боевой обстановки. Оба эти качества воина, по мнению П. А. Корчемного [166], слагаются из одних и тех же элементов: 1) когнитивного (точность образа боя, знание: какого противника (с его тактикой, ухищрениями, сильными и слабыми сторонами индивидуальной и групповой психологии), когда, каким способом, с помощью каких средств, при какой организации взаимодействия эффективнее уничтожать; 2) мотивационного (инстинкты, боевые установки, мотивы); 3) эмоционального (боевой настрой, активность, самочувствие воинов); 4) операционального (мастерское владение оружием и боевой техникой). По нашему мнению, в них еще необходимо включить: 5) копинг-стратегии; 6) умение военнослужащих оказывать взаимную психологическую поддержку; 7) владение военнослужащими приемами эмоционально-волевой саморегуляции (см. 2.1).

Важнейшее место в структуре психологической готовности и устойчивости воина занимает точный **образ боевых действий**, включающий представления об особенностях тактики действий и ухищрениях противника; о том, с использованием каких средств, каким способом, в какой последовательности, во взаимодействии с кем разгромить, какими рубежами овладеть, как действовать в

дальнейшем и т. д. Здесь действует правило когнитивной психологии «Каков образ деятельности, такова и деятельность». Солдата страшит в бою неизвестность. Тут его смятенной душе должно прийти на помощь мудрое Суворовское правило – «всякий воин должен понимать свой маневр» [171, с. 79].

По данным американского военного психолога П. Х. Мокора, полученным на материале психологического изучения боевых действии в годы Второй мировой войны, индивидуальная несостоятельность в бою проистекает всегда из полной неосведомленности бойца о психологической реальности боя. Солдат сражается плохо потому, что он (по аналогии с актером, плохо исполняющим свою роль) как бы только механически заучил текст своих реплик. Он не знает, что помимо этого, от него требуются собственная инициатива, импровизированные действия, что в ходе сложных перипетий драмы, невольным участником которой он является, могут встретиться непредвиденные, нередко катастрофические обстоятельства. Его не подготовили к встрече с неожиданностью [205, с. 56].

П. Х. Мокор подчеркивает, что боец должен быть заранее осведомлен о силе и частоте тормозящих и разрушающих влияний, о возможности потери психического равновесия на поле боя. Он должен заранее получить представление о множестве непредвиденных обстоятельств, которые могут привести к растерянности и несостоятельности в бою. Его боеспособность непосредственно зависит от предварительного знания этого [196, с. 57].

Некоторые личностные особенности (прежде всего акцентуации характера) влияют на психологическую устойчивость военнослужащих к боевым стресс-факторам. По оценкам специалистов, наиболее уязвимы к воздействию боевых стрессоров лица с астеническими и сенситивными чертами характера, впечатлительные, некоммуникабельные, ригидные, с выраженными вегетативными проявлениями, в возрасте до 22 или старше 30 лет. Вследствие снижения общей сопротивляемости организма с возрастом увеличивается риск возникновения психической травматизации [183, с. 23].

Длительность пребывания в зоне боевых действий, хронический стресс вызывают общую регрессию и эмоциональное опусто-

шение, охватывая все межличностные отношения, способы преодоления стресса становятся неудачными и деструктивными. Специалистами описывается так называемый *«синдром старого сержанта»,* характеризующийся хронической тревогой и астенией, снижением продуктивности, появлением подавленности, апатичности, аутизации, ощущения бесперспективности [183, с. 42].

В. В. Знаков, исследуя причины посттравматических стрессовых расстройств среди советских войск, воевавших в Афганистане, и американских ветеранов вьетнамской воины, отмечает, что немалое значение здесь имеет возраст их участников. Средний возраст участников мировых войн был выше 25 лет, тогда как «типичным» бойцом локальных военных конфликтов (с «сильной» стороны) выступает 19-летний юноша. То есть еще не успевший сформироваться в личностном плане, не обретший необходимого жизненного опыта, находящийся на стадии острого психологического перехода человек. Подавляющее большинство юношей не успели овладеть профессией, не получили трудовой закалки, опыта коллективной деятельности и т. д. Они уходили «на войну» почти детьми, а возвращались значительно более взрослыми, чем их сверстники, не получившие боевого опыта [97].

На период участия в локальном военном конфликте у основной массы солдат и сержантов приходится один из важнейших этапов личностного развития и психических трансформаций. И эти трансформации происходят в обстановке экстремальной деятельности, в ответ на ее стимулы, перестраивая всю систему ценностных ориентаций, черты характера и темперамента, способы социального взаимодействия человека под требования боевых условий.

Интегральным выражением личностной уязвимости считается повышенная тревожность и дефицит механизмов совладания с трудными ситуациями, молодые офицеры, назначенные на должности в части, долго действующие в отрыве от основных сил. Жестокая, полная риска и необычных впечатлений действительность войны может проявлять лидерские качества у лиц возбудимого склада. Их адаптированность к военным условиям оказалась даже выше, чем у воинов без акцентуаций. Однако отдаленные

последствия влияния войны у этой категории военнослужащих могут быть весьма драматическими [183, с. 29–30].

2.3.2. Тактико-психологические основы эффективности боевой деятельности воинов

Стресс-факторы современного боя оказывают существенное влияние на боевую деятельность воинов.

После первого удачного боя военнослужащий приобретает уверенность в своих силах, боевых товарищах, командирах, оружии. Его боевые качества от боя к бою улучшаются, приобретается опыт боевого поведения, формируются боевые привычки.

Боевой стресс в период ожидания боя в основном проявляется у военнослужащих стадией тревоги, которая выполняет функцию предупреждения, поддержания бдительности, обеспечения готовности к действию. Со временем они научаются автоматически и избирательно реагировать на стимулы боевой обстановки, выделяя опасные, помогающие и нейтральные. С началом боевых действий воины быстро достигают стадии резистентности и становятся спокойными, сосредоточенными на боевой задаче. Успешные боевые действия, невысокий уровень потерь способствуют поддержанию у них боевого мастерства и высокой стрессоустойчивости на протяжении длительного времени.

В случае тяжелых поражений, сопровождающихся большими потерями, утратой веры в успешную перспективу, боеспособность опытного военнослужащего начинает снижаться. По оценкам американских специалистов, это может произойти после 30–40 дня непрерывных боев или после нескольких дней боев с исключительно большими потерями. Воины, даже обладающие солидным боевым опытом, впадают в состояние сильного стресса, становятся более осторожными, теряют инициативу и решительность, когда обстановка требует быстрых действий. Быстрота снижения боеспособности обычно связана с числом потерь и с тем, как близко находился военнослужащий к пострадавшим или связан с этим событием эмоционально.

В такой обстановке даже опытный ветеран начинает чувствовать, что его мастерство ускользает и наступает то самое время, когда он также будет убит или покалечен. Если ему не предоставить возможность прийти в себя, снизить уровень возбуждения, не дать надежду, он скоро погибнет. Таким образом, возникновение боевой усталости не только снижает боеспособность отдельных военнослужащих и подразделений, но и может повлечь за собой получение ранения и небоевой травмы, развитие соматической болезни [183, с. 164–165].

В результате многие военнослужащие начинают участвовать в боевых действиях «ритуально». Практически во всех военных событиях прошлого века отмечались два любопытных явления в бою: 1) стрелки часто стреляют, вовсе не глядя на цель, не целясь, и 2) стрельба часто происходит больше для самоободрения бойцов, чем для поражения противника. На эти явления во время Первой мировой войны указывал Г. Д. Хаханьян, во Второй мировой эти явления наблюдал С. Л. А. Маршалл, в ходе войны в Корее (1950–1953) – Дж. Аппель.

Командиры должны целенаправленно формировать эффективную боевую деятельность подчиненных, учитывая выявленные специалистами закономерности: с расстояния, не превышающего 25 м до цели, эффективнее вести огонь в автоматическом режиме, при стрельбе на расстояния, превышающие 50 м, наиболее эффективным считается полуавтоматический режим ведения огня (2–3 выстрела в серии), так как уже четвертая пуля гарантированно не попадает в цель. При бое в ограниченном пространстве, при видимости до 50 м[*], стрельба с использованием прицельных приспособлений уходит на второй план. Солдат должен уметь стрелять «от бедра» («от живота») на расстояния до цели до 25 м и «навскидку» на большие расстояния. Лишь на расстоянии более 50 м до цели прицельное приспособление востребуется вновь. Учитывая, что оружие при автоматической стрельбе поднимается

[*] Например, при бое в населенном пункте около 90% всех целей находится на расстоянии менее 50 м. Средняя дальность до цели составляет порядка 53 м.

вверх вправо, стрелок должен целиться в нижний левый (от стреляющего) угол корпуса противника, так как при этом вероятность попадания в цель увеличивается [195].

Солдат должен не просто стрелять в противника, а преследовать цель деморализовать противника, дезинтегрировать внутреннюю структуру вражеского подразделения. Это достигается выводом из строя вражеских командиров, введение противника в заблуждение осуществлением хитроумного маневра и т. д. [190, с. 190–191].

Командирам необходимо учить подчиненных «психологическим хитростям» стрельбы. Например, стрельба ниже цели («по каблукам»), является наиболее эффективной с «огневой» и психологической стороны. Недолет лучше перелета. При недолетах противник видит фонтанчики пуль и понимает, что именно по нему ведется огонь. Это психологически давит больше, чем простое осознание факта стрельбы в направлении позиций. Учитывая то, что большинство людей падают с началом стрельбы на землю, рикошеты, которые возникают при недолетах, убивают также, как и прямые попадания [195, с. 114].

В опасных ситуациях следует держать приклад автомата упертым в плечо, а дуло слегка опущенным. Это анатомически наиболее удобная поза, она дает возможность привести оружие к бою быстрее, чем из любого другого положения. Учитывая анатомическое неудобство поворачивать оружие вправо, следует «закручивать» бой по часовой стрелке (налево от себя). При этом «закручивающий» получает преимущество в скорости, удобстве стрельбы, а противник вынужден будет постоянно менять огневую позицию, обнаруживать себя движением.

При попадании подразделения в засаду главным считается не дать убить себя в ближайшие 30 сек., пока огонь попавших в засаду не организован, а нападающий использует эффект внезапности. Любой противник рассчитывает на то, что в среднем ответная стрельба начинается через 7–8 сек., а организованное сопротивление наступает через 20–25 сек., поэтому чаще всего он планирует отход через 30 сек. боя. Лучший вид действий в данном случае – эффективный ответный огонь по противнику или немедленная его

контратака [195, с. 223, 273]. Если солдат не обучен таким методам стрельбы и действий, он априори проигрывает противнику в скорости открытия огня, точности поражения боевых целей, привычности и удобстве действий.

Ночью при ведении огня с любого расстояния наиболее эффективной является стрельба короткими очередями (по 3 патрона). Полоска белой пленки, наклеенная вдоль ствола, улучшает эффективность стрельбы. Солдаты, привыкшие корректировать огонь по следу трассирующих пуль, при стрельбе обычными патронами показывают худшие результаты, чем те, кто никогда их не использовал [190, с. 110–111].

Командирам следует также учитывать тот факт, что более сильная подверженность боевому стрессу отмечается в тыловых частях. Это обусловлено следующими обстоятельствами: менее качественным отбором военнослужащих; доступностью алкоголя и наркотиков; отсутствием сплоченности воинских коллективов; недостатком боевой подготовки; монотонностью; страхом заболевания и внезапного нападения; доступностью тыловых медицинских учреждений; недостатком строгих условий обучения и поддержания чести мундира, предотвращающих многие случаи боевой усталости [183, с. 32].

2.3.3. Девиации как форма деструктивного поведения воинов в боевой обстановке

Опыт войн и военных конфликтов показывает, что «душа солдата тоже имеет свойство изнашиваться – солдат не камень, не сталь, не стекло, а человек, обыкновенный человек со всеми человеческими достоинствами, чувствами и слабостями, присущими каждому. Он не только постоянно проявляет отвагу, мужество, героизм, но и в минуты душевной невзгоды – слабодушие и слабоволие. Многим удается самим перебороть эту напавшую на них слабость и взять себя в руки, другим товарищи помогают. Третьих ободряет командир [210]. К сожалению, есть и четвертые,

которые подчиняются своему слабодушию и пускаются «во все тяжкие». Их относят к категории девиантов.

Выше было показано, что девиации, за исключением болезненных форм, на войне имеют целью компенсировать трусость и малодушие участников боевых действий путем ухода из угрожающей ситуации или насилия над беззащитными людьми.

Участник боевых действий известный психолог М. М. Решетников пишет: «Проведенный на протяжении последних лет анализ позволил сделать очень непростой… вывод, что наряду с реальным героизмом, взаимовыручкой, боевым братством и другой относительно позитивной атрибутикой войны, грабежи и убийства (как исход разборок «среди своих»), средневековые пытки и жестокость к пленным, самое извращенное сексуальное насилие в отношении населения (особенно – на чужой территории), вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к единичным, а к характерным явлениям для любой из воюющих армий, как только она ступает на территорию (особенно в случае иноязычного) противника [264, с. 226].

> **Девиантное поведение** (от лат. deviatio – отклонение) – система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе (группе) правовым, нравственным нормам или нормам психического здоровья. Девиантное поведение на войне связано с нарушением международного гуманитарного права, определяющего правила ведения войны.

Военные психологи и командиры в боевой обстановке могут встретиться с такими видами отклоняющегося поведения военнослужащих, как трусость, симуляция, членовредительство, самоубийство, дезертирство, предательство, добровольная сдача в плен, мародерство, жестокое отношение к местному населению и военнопленным, пьянство и наркотизм.

Мы обращаемся к этой сложной и неблагодарной теме лишь для того, чтобы военный психолог:

- представлял всю палитру психологических явлений, с которыми можно встретиться боевой обстановке, понимал их природу и специфику проявления;

- мог отличить девиации от обычных паттернов боевого поведения (трусость от страха, жесткость от жестокости, временную слабость от симуляции, ранение от членовредительства и т. д.);

- не растерялся, столкнувшись с девинатными формами индивидуального и группового поведения, не поддался гипнотическому влиянию формул, типа «Война есть война», «На войне как на войне», «Война все спишет»;

- мог целенаправленно предотвращать различные виды поведения, консультировать командиров подразделений по организации профилактической работы.

Рассмотрим основные виды девиантного поведения.

Трусость представляет собой поведение, в процессе которого под воздействием страха попираются как нравственные, так и моральные нормы, создается угроза жизни, социальному статусу субъекта активности, либо безопасности других людей. Результатом является временное прекращение боевой активности. Трусость может также являться причиной или фоном других видов отклоняющегося поведения (дезертирства, самоубийства, убийства сослуживцев и командиров, требующих продолжения участия военнослужащего в боевых действиях и др.), а также групповой паники.

Одним из психологических механизмов реализации трусости выступает самоуспокоение по типу: «Будь что будет, главное выжить».

Трусость не тождественна страху. Как отмечено выше, страх на войне испытывают практически все психически здоровые люди. Однако чувство воинского долга, ответственность перед боевыми товарищами, личные честь и достоинство не позволяют участнику боевых действий подчиниться влиянию страха.

Дезертирство (от фр. deserter) в большинстве известных дефиниций определяется как самовольное оставление военной службы или уклонение от призыва в армию. Причинами дезертирства могут стать самые различные обстоятельства – от трусости, психологической и профессиональной неподготовленности к боевым действиям до гипертрофированного желания «помочь маме заготовить сено». Своеобразной формой дезертирства является

немотивированный отказ военнослужащего участвовать в боевых действиях, в выполнении конкретной боевой задачи.

В случае срабатывания в групповом поведении военнослужащих психологических законов толпы, возможно массовое оставление ими поля боя. Особенно остро и массово дезертирство проявляется в периоды общего снижения морально-психологического состояния войск, резкого падения воинской дисциплины, снижения популярности войны и роста антивоенных настроений в обществе, длительного неуспеха (поражения, большие потери) в вооруженном противоборстве с противником. Отметается, что в качестве своеобразных *психологических катализаторов* массового дезертирства выступают негативные явления в национальных и социальных отношениях, в области материально-бытового и боевого обеспечения и управления войсками.

Скрытой формой оставления поля боя являются «лжесанитария» (название – *наше*). В свое время еще Наполеон обратил внимание и жестоко искоренял такой вид симулятивного поведения. Суть его состоит в том в том, что трусы используют для оставления поля боя факт ранения сослуживца. Как правило, находятся сразу несколько желающих эвакуировать пострадавшего товарища в тыл. Иногда некоторые из них считают необходимым вынести с поля боя и вещи раненого. Количество таких «санитаров» может достигать десять и более человек [13].

Самоубийство на войне представляет собой форму инфантильного бегства из психотравмирующей ситуации. Сам факт того, что в ситуации когда при желании можно практически в любое время расстаться с жизнью геройски, «на миру», оставив о себе добрую память, человек выбирает другой вариант смерти, осуждаемый по вере и по морали, – сложный, противоречивый и трудный для осмысления. Ведь нередко человек сводит счеты с жизнью именно из-за страха смерти. То есть, боясь быть убитым, человек кончает жизнь самоубийством. Безусловно, имеются множество других причин, по которым человек на войне совершает самоубийство. И их круг весьма широк: от боязни быть уличенным в трусости, предательстве, некомпетентности, совершенном пре-

ступлении до страданий, вызванных событиями, происшедшими со значимыми людьми за тысячи километров от линии фронта. Но практически всегда пусковым механизмом суицида является наличие такого *внутриличностного ценностно-смыслового кризиса*, который человек не может разрешить всеми имеющимися в его распоряжении средствами и который переживается как мощная, эмоционально окрашенная драма. Конфликтная ситуация становится суицидоопасной, когда военнослужащий осознает ее как высокозначимую, предельно сложную, а свои возможности по ее разрешению недостаточными.

Пусковым механизмом самоубийства на войне нередко выступают акцентуации личности. Е. В. Снедков установил склонность лиц с демонстративной акцентуацией изображать стремление покончить собой с использованием показных угроз, нескрываемых приготовлений к самоубийству, мелкого членовредительства. У сенситивных личностей на почве опасений перед возникновением жизнеопасных ситуаций формируется сниженный фон настроения, достигающий под воздействием дополнительных психотравм аффекта отчаяния. Наличие оружия в подобных ситуациях, как правило, завершает суицид. Опасными в плане развития суицидных тенденций являются и астенодепрессивные типы характера [291, с. 14].

Самоубийства на войне провоцируются еще и тем, что каждый участник имеет доступ к наиболее эффективному средству – оружию.

О масштабах распространенности самоубийств на войне говорят следующие данные: во время Крымской войны в английском экспедиционном корпусе покончили с собой 20 солдат, во франко-прусскую войну в рядах победителей (!) насчитывалось 30 самоубийц, в Русско-японскую войну зафиксировано 186 случаев самоубийств среди русских солдат и офицеров, во время Первой мировой войны только в германской армии эта цифра перевалила за 5 000 [107, с. 185]. За период боевых действий в Афганистане военнослужащими 40-й армии совершалось порядка 60 самоубийств в год. По-видимому, самоубийства также связаны

с динамичностью боевой деятельности. Из обследованных 80 случаев суицидов среди самоубийц преобладали связисты (22%), военнослужащие сторожевых застав (21,2%), артиллеристы и должностные лица суточных нарядов (по 19%) [183, с. 160, 161].

В поведении суицидента особенно четко выделяются фазы, предшествующие самому суициду – суицидальные мысли, суицидальные настроения, суицидальные намерения и другие, по которым суицидальное поведение может быть своевременно обнаружено командирами, военными психологами и сослуживцами.

Членовредительство заключается в нанесении военнослужащим себе травм, ранений и увечий, позволяющих избежать или прекратить участие в боевых действиях. Это одна из разновидностей *инфантильного бегства* от страха, стыда, из сложной ситуации. Чаще всего главной причиной членовредительства является трусость, болезненное переживание за свою судьбу. При этом избираются такие способы нанесения себе вреда, чтобы они в значительной мере не препятствовали жизни и деятельности в мирных условиях. В этих девиациях часто проявляется логика «меньшего из зол», то есть спасения жизни за счет увечья. Основными разновидностями членовредительства выступают нанесение себе увечий, самоотравление, самозаражение, самообморожение и др.

Нанесение себе увечий военнослужащим осуществляется путем ранений себя самим военнослужащим или сослуживцем в те части тела, выход из строя которых влечет обязательную демобилизацию, но позволяет более или менее социально и профессионально функционировать в мирной обстановке.

Р. Габриэль описывает технологию осуществления этой девиации во время вьетнамской войны США. «Во время войны во Вьетнаме, – отмечает он, – в некоторых портах, откуда происходила отправка людей и техники во Вьетнам, была выявлена и арестована целая группа хирургов за распространение и продажу инструкций для новобранцев, где рекомендовалось, как можно избежать отправки в район боевых действий. Один из способов заключался в том, чтобы «случайно» прострелить себе ногу» [49].

Среди этих рекомендаций числилось и так называемое «ранение на миллион долларов» или «ранение, обеспечивающее отправ-

ку на родину». Большинство из тех, кто находился в ожидании сражения, хотели бы избежать возникающего чувства ужаса (только 2%, вероятно, получают от этого удовольствие). Однако стремление сохранить свое лицо заставляет трусов искать «законные» способы эвакуации в тыл. Такой способ, во-первых, должен исключать любой намек на трусость, гарантировать, чтобы о малодушии не стало известно семье и друзьям, во-вторых, не превратить девианта в калеку и, в-третьих, обеспечить отправку его в тыл. После такого, даже легкого ранения, большинство военнослужащих, участвовавших в бою, считают свой солдатский долг выполненным и полагают, что заработали себе право на освобождение от дальнейших боевых действий [49].

Не менее изощренным способом членовредительства является *самоотравление.* Его сущность сводится к сознательному нанесению на собственное тело или прием вовнутрь сублетальных доз боевых химических рецептур, позволяющих получить травму, сопряженную с последующей эвакуацией с поля боя. Примеры таких девиаций отмечались еще в годы Первой мировой войны, когда солдаты разных армий наносили на свое тело с помощью специальных палочек небольшие дозы иприта, вызывавшие образование язв и всю симптоматику боевого поражения ОВ [49]. По некоторым данным, таким образом боевые ряды покинули десятки тысяч военнослужащих.

Самозаражение заключается в добровольном заражении себя вирусами-возбудителями болезней, требующих временной эвакуации с поля боя или полной демобилизации. Такое заражение осуществляется путем преднамеренного контакта с инфекционными больными без соблюдения мер личной гигиены. Существуют и более изощренные способы самозаражения. Некоторые участники боевых действий в Афганистане отмечали, что отдельные военнослужащие, заболевшие гепатитом, сумели сделать на этом своеобразный «навар». Они продавали свою мочу желающим заразиться этой инфекцией.

Широкий круг способов уклонения объединен под названием **«симуляция невозможности участия в боевых действиях»**. Можно выделить следующие разновидности симуляции: симуля-

ция соматических заболеваний; симуляция психических заболеваний; симуляция выхода из строя боевой техники и оружия и др. Рассмотрим их.

Симуляция соматических заболеваний заключается в постоянном воспроизведении выученных симптомов, составляющих целостную картину заболевания, дающего возможность симулянту на время или навсегда прекратить свое участие в боевых действиях или в выполнении наиболее опасных боевых задач. Такие военнослужащие регулярно жалуются на боли различной локализации, на неимоверную слабость, на головокружение и другое. Они практически «прописываются» в батальонных и полковых медицинских пунктах, требуют глубокого обследования, направления в госпиталь и т. п. У сослуживцев создается образ такого воина как хронически больного человека. Ему постепенно перестают доверять ответственную, потом и сложную работу и постепенно исключают из числа участников активных боевых действий.

Дивизионный врач 15-й германской пехотной дивизии в своей докладной во время, когда германская армия победоносно рвалась к Сталинграду, описывал наиболее распространенные случаи членовредительства. О. И. Казаринов приводит некоторые из них. «За последнее время в дивизии учащаются случаи симуляции и самострела, проводимые в целях дезертирования с поля боя. Эти симулянты и шкурники прибегают к такого рода симуляциям, которые даже опытными врачами не могут быть отличимы от истинных заболеваний.

Порок сердца получается вследствие длительного жевания свежего табака или русской «махорки». Отсюда – потеря дыхания, замирание сердца, сердечные колотья, перебои пульса, рвота.

Закупорка вен, получаемая вследствие перетягивания подколенных сгибов ремнем или веревкой; на конечностях ног получаются *отеки*, похожие на *почечные*.

Сыпь, которая возникает вследствие интенсивного и длительного втирания в кожу керосина, скипидара, кислоты, в особенности если данный участок тела сильно загрязнен.

Выпадение прямой кишки, возникающее, если в течение многих дней человек начинает поглощать значительное количество теплой мыльной воды с одновременным поднятием тяжести.

Растяжение связок и перелом кости достигаются обычно пропусканием через всю ступню (переезд) колеса автомашины или повозки.

«Выстрел на родину» (самострел). Так как самострел руки легко обнаруживается через осевшие на рану крупинки сгоревшего пороха, участились случаи прострела ноги через сапог…» [107, с. 186].

Факты симуляции психических заболеваний отмечались еще в древние времена, а в годы Первой и Второй мировых войн приняли массовый характер. В частности многими исследователями отмечался тот факт, что симулянты быстро «вычисляли», какие симптомы считались врачом конкретного полка показателями психического расстройства и научались убедительно демонстрировать их. Таким образом, получалось, что в зависимости от теоретической ориентации врача полка из его части демобилизовывались по психологическим основаниям лица, демонстрировавшие одинаковые симптомы.

О масштабах симуляции психических расстройств на войне свидетельствует следующий факт. Сразу после объявления Версальского мира, знаменовавшего окончание Первой мировой войны, 200 000 находившихся на излечении в госпиталях военнослужащих воюющих сторон мгновенно «вылечились» от паралича, потери слуха, зрения и т. п.

Не менее древним видом симуляции невозможности участия в бою является имитация **выхода из строя боевой техники и оружия**. Так, еще в глубоком Средневековье отмечались факты «перерезания тетивы на арбалетах», в более позднее время выводились из строя личное оружие, орудийные системы и боевая техника. Опросы показывают, что многие участники боевых действий в Афганистане и Чеченской республике не раз лично встречались с таким явлением.

Добровольная сдача в плен является одной из ипостасей предательства, представляющего собой физическое оставление военнослужащим группы членства и вступление в социальную группу с неопределенным социальным статусом, с неопределенными перспективами личной свободы и физического выживания. Пси-

хологическими побудителями к сдаче в плен противнику выступают самые различные феномены, например, личные убеждения, религиозная вера, уверенность в победе противника, ненависть, отчаяние, трусость, конфликты с командирами и сослуживцами, неуставные взаимоотношения, неприятие норм и ценностей группы членства, неудовлетворенность социальным статусом, психическое заражение и др.

Жестокое обращение по отношению к населению, особенно нелояльному по отношению к действующим войскам, является вопросом крайне сложным для нравственной оценки. Если использовать критерии мирного времени, то, безусловно, неактуальную, не вызванную конкретными действиями мирного населения жестокость следует отнести к девиантному поведению. Однако измененная система ценностей и моральных критериев, формирующаяся у участников войны, как бы выводит агрессию к нелояльному населению из перечня девиаций. Особенно это характерно для случаев, когда население ведет активную партизанскую, диверсионную борьбу, совершает террористические акты против войск. Как правило, днем боевики из числа некомбатантов являются мирными жителями (дехканами, рабочими, учителями), а ночью – диверсантами, террористами, партизанами, подпольщиками.

Жестокие расправы над населением, так или иначе способствующим врагу, имели место во все исторические эпохи.

Анализируя причины жестокости по отношению к мирному населению на войне, Л. А. Китаев-Смык отмечает, что одной из основных причин этому является ирреальность, неуловимость образа противника-некомбатанта – снайпера, террориста. «Страх под прицелом снайпера создает психическое смещение, перенос образа врага с неосознаваемого снайпера на реальные неблагоприятные факторы. Против них непроизвольно выплескивается раздражительность, агрессивность, злоба» [153, с. 45]. Нередко в качестве объекта такой агрессии выступает тот, кто наиболее ассоциируется с образом невидимого противника. При этом важную роль играют ситуативные факторы. Например, если перед боевым рейдом или «зачисткой» имел место случай поимки снайпера-женщины, от рук которой погибли несколько военнослужащих,

то агрессия помимо воли ориентируется на женское население. Если же в покушении на наших воинов участвовали подростки, то агрессия может адресоваться этой группе гражданского населения. И в этой «адресации» решающую роль играют факторы бессознательного характера.

Безусловно, важную роль в формировании жестокого отношения к населению имеет и общее ожесточение людей на войне. Вот как об этом пишет Э.-М. Ремарк словами одного из своих героев: «Мы превратились в опасных зверей. «…» теперь мы можем разрушать и убивать, чтобы спастись самим, чтобы спастись и отомстить за себя» [263].

В психологической этиологии агрессивного поведения по отношению к местному населению могут лежать некоторые акцентуации характера. Е. В. Снедков установил, что лица, отличающиеся эпилептоидной или гипертимной акцентуациями в большой степени предрасположены демонстрировать в боевой обстановке взрывы аффектов злобы, гнева, агрессии. При этом поводом для таких появлений могут стать даже малозначительные события. Особенностью данного типа реакций является то, что они часто сопровождаются использованием оружия, что придает им особо брутальный характер и часто приводит к тяжелым последствиям [291].

Сексуальный вопрос на войне способен приобретать особо острые черты и порождать девиации в виде **насилия над женщинами** (особенно на территории противника) и мужеложство. Мужеложство может применяться в виде насильственного снижения статуса военнослужащего (опускания) за совершенную или мнимую провинность (например, отказ от участия в боевых действиях).

Во время войны в ряды армии призываются и люди с сексуальной патологией (садисты, педофилы, геронтофилы, некрофилы и т. п.), однако процент совершенных ими насилий оказывается ничтожным перед общей массой сексуального насилия. Они, как правило, не изменяют своим патологическим влечениям. Зато война порождает массовое насилие, делая из нормальных людей извращенцев и насильников.

О. И. Казаринов дает наиболее яркое и психологичное описание сущности феномена насилия над женщиной на войне, описы-

вает его формы. Приведем выдержки, которыми изобилует его книга [107, с. 218–238].

> «Изнасилование, как правило, объясняется не желанием получить сексуальное удовлетворение, а жаждой власти, стремлением подчеркнуть свое превосходство над более слабым путем его унижения, чувством мести».
>
> «Тело обесчещенной женщины становилось церемониальным полем битвы, плацем для парада победителей». «Мужчины всегда утоляли свою ненависть на слабейших членах человеческого общества, чтобы насладиться легко доступным триумфом чувства превосходства».
>
> «Извращенная логика войны требует от насильника проявить полную власть. А значит, одного только унижения жертвы недостаточно. И тогда над жертвой совершаются немыслимые издевательства, и в заключение у нее отбирают жизнь, в качестве проявления высшей власти».
>
> Жертвами победителей становились не только красотки, но и любая особь женского пола от 13 до 70 лет, которая попалась на глаза озверевшему от страха, забрызганному кровью и опьяневшему от сражения солдату.
>
> Иногда насилие совершалось как «ковровое бомбометание», когда насиловали всех женщин подряд. В конце «цивилизованного» XX в., в 1971 г. во время вторжения пакистанских войск в Бангладеш были изнасилованы около 300 000 женщин.

М. М. Решетников приводит данные, когда некоторые женщины за время нахождения в зоне боевых действий были изнасилованы до ста раз [107].

Мародерство представляет собой девиацию, заключающуюся в ограблении трупов. Однако часто в это понятие включается все виды грабежей на войне.

В основе мародерства могут лежать различные причины. Одной из них является стремление завладеть давно и остро желанной вещью. Другой причиной является общая тенденция личности девианта к наживе – «война кормит войну». Третья причина связана с интересом владения «вещью с войны». Четвертая причина кроется в стремлении девианта психологически зафиксировать победу, превосходство над поверженным противником. Пятая причина

обусловлена такими социально-психологическими явлениями, как традиция и мода накопления личных «трофеев». Общим условием, способствующим развитию такого отклонения, является отсутствие дисциплины в войсках, предельное падение нравов, превращающие войну в грабеж [107].

Пьянство – чрезмерное употребление спиртных напитков, не достигшее уровня физической зависимости организма от алкоголя. С психологической точки зрения представляет собой явление своеобразной компенсации, попытку психологически выключиться из ситуации смертельной опасности, преодолеть страх, забыть об утратах.

Развитию пьянства на войне в определенной степени способствует официальная позиция военного руководства по этому вопросу, например, систематическая выдача личному составу спиртного «для смелости», «для снятия напряженности» и др. В годы Русско-японской войны Г. Е. Шумков очень тщательно и добросовестно исследовал влияние алкоголя на боевую эффективность и установил крайне пагубные последствия употребления спиртного перед боем. В частности им отмечалось, что уже в первые минуты боя, у лиц, употребивших алкоголь, возникает состояние близкое к абстинентному: учащается дыхание, появляется общая слабость, дрожание конечностей, нарушение основных качеств внимания, восприятия, эмоциональных процессов и др. Такой боец видит лишь малую часть поля боя, не может вести прицельный огонь по противнику, не способен точно регулировать свои действия и т. д.

Поэтому против пьянства в боевой обстановке ведут активную борьбу практически во всех армиях мира.

Наркотизм (аддиктивное поведение) – поведение, характеризующееся психической зависимостью от психоактивных веществ. То есть это тот уровень употребления наркосодержащих препаратов и веществ, при котором у человека еще не сформировалась физическая зависимость от них. В исследованиях С. В. Литвинцева показано, что аддиктивное поведение составляло около 50% всех психических дисгармоний, фиксировавшихся в наших войсках, действовавших в Афганистане. Существенное место в общей кар-

тине психических нарушений они занимали и в период боевых действий в Чечне.

Е. В. Снедковым показаны основные причины распространенности этого вида девиаций среди советских военнослужащих в Афганистане: стремление участников боевых действий снизить уровень тревоги (51,9% обследованных); желание получить удовольствие (48,7%); субмиссивные мотивы (34,8%); мотивы гиперактивации (17,8%). Среди способствующих факторов выделены: легкость приобретения наркотических веществ (59,5%); отрыв от дома (40,4%); напряженная боевая обстановка (26,2%) [291, с. 16].

Убийство командиров и сослуживцев – представляет собой крайний способ устранения фрустрирующей преграды на пути сохранения или возвышения личностного статуса девианта. Такие убийства чаще всего происходят тогда, когда командир или сослуживец выступает для девианта в качестве своеобразной внешней инстанции совести, вины, морального судьи, мешающей реализовать какие-либо аморальные или отклоняющиеся от социальной нормы цели.

Имеются документальные свидетельства убийств офицеров их подчиненными в Первой и Второй мировых войнах, в корейской войне; во время войны во Вьетнаме такие случаи стали более многочисленными. Известны по крайней мере 1 013 подобных случаев.

Итак, поведение человека на войне характеризуется не только возвышающими душу героическими поступками и самопожертвованием, но и низменными проявлениями человеческой природы, проявлениями пороков воспитания, деструктивным влиянием социальных и боевых ситуаций. Существует большой класс поведенческих схем, отклоняющихся от моральных и правовых норм, определяющих поведение участников войны. Каждая из них имеет собственные и общие причины, внутреннюю логику, функцию, но главное, что их объединяет в отдельную категорию – это анормальность поступков и психическая полноценность их субъектов.

Знание видов и форм проявления девиаций позволяет вести их целенаправленную профилактику и искоренение. К числу важ-

нейших направлений работы по профилактике девиаций войны относятся следующие.

1. Формирование у воинов широких социальных мотивов боевого поведения, пропаганда примеров высоконравственного поведения участников боевых действий.

2. Обеспечение личной примерности командиров и начальников всех уровней в соблюдении законов войны, чести и достоинства, умеренности военно-полевого быта.

3. Всемерное удовлетворение нужд и потребностей участников боевых действий.

4. Доведение до военнослужащих и разъяснение им законов военного времени, информации о суровом наказании тех, кто нарушает их требования.

5. Всемерное укрепление дисциплины и организованности военнослужащих.

6. Запрещение неконтролируемых контактов с населением района боевых действий.

Таким образом, боевые действия накладывают заметный отпечаток на все важнейшие составляющие психической деятельности военнослужащих и функционирования воинского коллектива. Учет закономерностей и последствий этого влияния, превращение их в психологический ресурс воинов – важнейшая задача командира в боевой обстановке. Ощущения, восприятие, внимание, память, мышление, воображение, эмоции и чувства, мотивация, личностные особенности воина должны делать его сильным, умелым, стать его главным оружием в противоборстве с противником, нравственно приемлемым средством сохранения собственной жизни и личностного статуса.

2.4. Психология воинского коллектива в бою

2.4.1. Коллективно-групповые факторы боевой активности воинов

История войн свидетельствует о том, что один умело действующий солдат – есть уже серьезная преграда для противника.

Однако самой грозной силой на пути врага является хорошо сплоченный, слаженный в боевом отношении воинский коллектив. Поэтому сплочение воинского коллектива, превращение его в единодействующий боевой организм – первейшее условие боевой эффективности воинского подразделения. Для того, чтобы преодолеть чувство одиночества, возникающее у солдат в бою, купировать страх остаться на поле боя раненым, без поддержки товарищей в армиях многих государств предпринимаются беспрецедентные усилия. Одним из направлений повышения мотивирующей и поддерживающей роли коллектива является внедрение в войска электронных мини-планшетов с программой поддержки эффективного взаимодействия в ходе боевых действий. Каждый воин, вооруженный таким гаджетом, способен видеть на дисплее иконки своих боевых товарищей, отслеживать их перемещение по полю боя, может указать сослуживцам на ту или иную опасность. Если кто-то из воинов будет ранен или убит, информация мгновенно поступит на дисплеи сослуживцев.

Воинский коллектив – совокупность военнослужащих воинского подразделения, объединенных единой целью (решение боевых задач), взаимоотношения которых строятся на основе взаимного доверия, взаимопомощи и взаимовыручки. Воинский коллектив может эффективно функционировать лишь в том случае, если в нем доминируют общие представления о том, как следует вести себя в бою и в мирное время, что является критерием чести, достоинства, порядочности, коллективизма, трусости, предательства и т. д. (*внутригрупповые нормы*), неформальные *лидеры* подразделения нацелены на повышение его боевой эффективности и сплоченности, действует система боевых *традиций* («сам погибай, а товарища выручай» и т. д.) и внутригрупповых *санкций* по отношению к лицам, допускающим отклоняющееся поведение.

Психологическая совместимость военнослужащих – сочетание психологических качеств военнослужащих, позволяющих им бесконфликтно участвовать в совместной боевой деятельности.

Сплоченность воинского коллектива – такая степень интеллектуального, эмоционального и волевого единства коллектива, которая позволяет ему успешно решать боевые задачи, целесообразно используя психологические возможности всех военнослужащих.

Особенности проявления групповой психологии в условиях боевой деятельности

Специалисты отмечают, что у командира много самых разных обязанностей, однако главная из них – воспитание и установление дружбы между бойцами, укрепление товарищеских уз, сплочение подразделения. Сила воинской части – в боевой дружбе, товарищеской спайке. Искусство боевого управления состоит в поддержании высокого боевого настроя подчиненными [210]. Когда в подразделении укрепляется чувство общего подъема, оно, воздействуя центробежно, начинает оказывать свое влияние на каждого, может превратить в хороших солдат даже самых ненадежных людей» [293, с. 147].

Одним из самых негативных переживаний на войне является ощущение одиночества и страх остаться одному на поле боя раненым. Элиминации этого страха способствует боевой воинский коллектив, организованный на принципах психологической совместимости, коллективизма и боевого товарищества. Сплоченность коллектива выступает своеобразным основанием для поддержания высокой психологической устойчивости и активности отдельных военнослужащих. Анализ боевых действий наших войск в Афганистане, Чеченской республике, агрессивных войн Израиля на Ближнем Востоке, англо-аргентинского военного конфликта из-за Фолклендских островов, агрессии США в Ираке и Афганистане, показал, что отделения, экипажи, расчеты, состоящие из хорошо знающих друг друга военнослужащих (родственников, земляков и др.) проявляли большую активность, инициативу, стойкость. Изучая эту закономерность, немецкий военный психолог Е. Динтер подчеркивает, что страх потерять доверие группы, оказаться в моральной изоляции из-за трусости действует сильнее всего, позволяет совершать смелые поступки.

Специалист в области морального духа войск С. Л. А. Маршалл, исследуя психологические механизмы боевой активности военнослужащих в годы Второй мировой войны, отмечал, что высокие идеи патриотизма, любви к ближним, стремление к справедливости в бою «свертываются» и манифестируются в виде

коллективизма. Солдат идет в бой не столько «за Родину», сколько за то, чтобы не подвести боевых товарищей и не прослыть в глазах сослуживцев трусом [198].

Р. Д. Хукер, анализируя психологические последствия участия американских военнослужащих в локальных военных конликтах, отмечает, что боевой дух трактуется как «гордость за подразделение, он определяет отношение военнослужащего к подразделению». Главным в сплоченности, по его мнению, является желание каждого отдельного члена соответствовать нормам данной группы. Оценивая роль сплоченности для эффективности, Хукер подчеркивает, что именно ее отсутствие явилось одной из причин поражения американских войск во Вьетнаме.

По оценкам специалистов, во время корейского конфликта было выстрадано решение не направлять неэффективных солдат в госпитали для психиатрического обследования. Вместо этого акцент был сделан на усиление чувства групповой сплоченности и коллективной ответственности, благодаря чему удалось сохранить от срыва многих военнослужащих [293, с. 85].

В ходе локальных военных конфликтов XX в. было установлено, что персональная замена участников боевых действий приводит к тому, что имеет место постоянное нарушение сплоченности воинских коллективов, разрушение отношений ответственной зависимости между военнослужащими, снижение эффективности управления подчиненными со стороны командиров. Это ведет к существенному снижению боевых возможностей воинских подразделений. В связи с этим было предложено осуществлять ротацию целых подразделений. Целью предложенной программы является обеспечение постоянного нахождения военнослужащих в одном и том же полку, расположенном в одном и том же месте до конца службы в армии. Это, по мнению специалистов, особенно важно для локальных военных конфликтов.

Военные психологи и командиры подразделений должны уделять должное внимание комплектованию мелких подразделений (экипаж, расчет) с учетом *психологической совместимости* военнослужащих. Такая совместимость проявляется на трех уровнях: психологическом (совместимость темпераментов), профессиональ-

ном (совместимость представлений о воинской деятельности) и ценностно-ориентационном (непротиворечивость ценностных ориентаций военнослужащих).

На *психологическом уровне* совместимость военнослужащих определяется в первую очередь совместимостью их темпераментов. Известно, что темперамент отражает тип приспособления человека к окружающему миру, характер и интенсивность его реакций на происходящие события, различную степень открытости для общения с сослуживцами и др. Следовательно, чем более «подходящими» окажутся темпераменты воинов, тем больше шансов у их носителей для лучшего взаимопонимания и взаимодействия.

Изучение показывает, что можно выделить три уровня совместимости темпераментов: высокий, средний и низкий.

Высокий уровень совместимости характерен для пар, которые в психологическом отношении взаимно дополняют друг друга: холерик – флегматик и сангвиник – меланхолик. Здесь, например, «взрывчатость» холерика компенсируется спокойствием, психологической «толстокожестью» флегматика, а пониженный тон настроения меланхолика нейтрализуется жизнерадостностью сангвиника.

Средним уровнем совместимости отличаются пары: холерик – меланхолик, меланхолик – флегматик, флегматик – сангвиник, сангвиник – холерик.

Для пары сангвиник – холерик характерно постоянное напряжение из-за выяснения вопросов о том, кто из них главный и кто должен выполнить грязную или тяжелую работу. Пару холерик – меланхолик отличают резкие перепады активности (от кипучей деятельности по полной пассивности) и эмоциональная нестабильность. В паре меланхолик – флегматик проявляются отчужденность друг от друга и отсутствие какой бы то ни было инициативы. Для пары флегматик – сангвиник характерен дефицит взаимного интереса, понимания друг друга, сочувствия и поддержки.

Низким уровнем совместимости отличаются военнослужащие, обладающие одинаковыми типами темперамента. В таких группах постоянно ощущается дефицит в одном случае спокойствия

(в паре холерик – холерик), в другом взаимного уважения, сочувствия и последовательности (в группе сангвиников), в третьем – бодрости к активности (у меланхоликов), в четвертом – инициативы и творчества (у флегматиков).

Идеалом *профессиональной совместимости* является воинское подразделение, состоящее из профессионалов высокого класса, одинаково представляющих способы взаимодействия, имеющие общий алгоритм совместного решения боевых задач и т. п. Достичь такой совместимости одновременно во многих, а тем более во всех воинских коллективах невозможно. Поэтому необходимо добиться хотя бы того, чтобы в экипажах, расчетах, отделениях сочетались опытные, бывалые и неопытные военнослужащие. Первые в этом случае будут выступать своеобразными центрами сплочения, арбитрами в разрешении конфликтов, эталонами межличностных отношений, источниками опыта деятельности и уверенности в успешном решении предстоящих задач.

В дальнейшем профессиональная совместимость в значительной степени будет определяться тем, насколько близкими окажутся представления военнослужащих о целях, способах, пространственно-временных характеристиках, динамике, последовательности совместных действии, о том: кто, что, с кем, где, когда и как должен делать в той или иной ситуации.

Совместимость ценностных ориентаций выявляет отсутствие у военнослужащих подразделения непримиримых противоречий в оценке социальной значимости и характера совместно осуществляемой деятельности (боевых действий). В одно подразделение нецелесообразно назначать воинов – представителей этнических, конфессиональных, неформальных, политических и иных групп, имеющих острые противоречия и неприязнь.

Поддержание сплоченности боевого коллектива на оптимальном уровне в условиях боевой обстановки – задача непростая. Как показано в исследованиях, стрессовая симптоматика, распространяясь на коллективную психологию, может порождать ряд серьезных социально-психологических проблем: утрата солдатами способности к взаимодействию, ослабление дисциплины; отказ выполнять команды офицеров (выраженное неповиновение); безот-

ветственное отношение к поставленной задаче; небрежное отношение к собственной внешности (расхлябанность); споры и конфликты между солдатами; халатное отношение к службе и неуважение традиций подразделения; моральная деградация [190, с. 53].

Особенно опасной реакцией военнослужащих на боевые стресс-факторы является *групповая паника*, представляющая собой состояние страха, овладевшего одновременно группой военнослужащих, распространяющегося и нарастающего в процессе взаимного заражения и сопровождающегося потерей способности к рациональной оценке обстановки, мобилизации внутренних резервов, целесообразной совместной деятельности. Боевая обстановка создает благодатную почву для развития панических настроений. Этому способствуют внезапные, неожиданные действия противника, его мощные огневые удары, психологическое, психотронное, психотропное воздействие, чрезмерная усталость, перенапряжение военнослужащих, распространение деморализующих слухов, настроений при отсутствии официальной информации и др.

Катализаторами паники выступают паникеры – военнослужащие с истерическими чертами личности, повышенным самомнением, ложной уверенностью в целесообразности своих действий, обладающие высокой психосоматической проводимостью, выразительными движениями и гипнотической силой криков. Они способны в короткое время «инфицировать» паническими настроениями большие массы людей и полностью дезорганизовать их деятельность [2]. П. Краснов отмечал: «Как ни велика в бою действительная опасность, опытный солдат с нею справится. Гораздо страшнее, гораздо больше влияет на него опасность воображаемая. Опасность ему внушенная. Когда части перемешались, когда они обратились в толпу, они становятся импульсивны, податливы к внушению, к навязчивой идее, податливы до галлюцинаций. Глупый крик: «наших бьют», или еще хуже – «обошли», и части, еще державшиеся, еще шедшие вперед, поворачивают и бегут назад. Начинается паника»[171, с. 95].

В групповой панике можно выделить: неожиданное общее смятение с мгновенной утратой боеспособности; потерю воли к борьбе и бегство от действительной или мнимой опасности; пре-

кращение взаимодействия, временный кризис морально-психологической устойчивости подразделения.

Не случайно, в последнее время в армиях ведущих государств мира большое внимание уделяется созданию в воинских подразделениях «системы товарищеской поддержки», когда члены экипажей (расчетов, групп) наблюдают за появлением у сослуживцев симптомов нервного напряжения и оказывают друг другу неотложную психологическую помощь. Считается, что уверенность в сослуживцах, в том, что они придут на помощь в нужный момент, является важным условием решительных и самоотверженных боевых действий каждого солдата. К. Макнаб по этому поводу отмечает: «Едва ли не самым важным считается предоставление пострадавшему возможности высказать свою тревогу внимательному и чуткому собеседнику. Американские военные психологи называют этот прием «проветриванием» («промыванием мозгов»). Важнейшим условием такой психологической поддержки является умение слушать. Слушатель должен убедить рассказчика в необходимости избавиться от всех забот и не высказывать свое безразличие. Облегчив душу доверительной беседой, травмированный солдат сможет поделиться горестями с другим человеком и перестанет чувствовать себя одиноким страдальцем» [190, с. 73].

Велика роль командира в формировании боевого актива – ядра воинского коллектива. Опыт участников боевых действий убедительно показывает, для командира самое трудное – поднять людей в атаку. Однако стоит подняться только одному смельчаку, и поднимется вся рота. Следовательно, инициатива – вожак смелости. Тому, кто первым поднялся в атаку, несмотря на смертельную опасность, обязаны успехом, которого добилась рота. Может быть он в этой атаке никого и не убьет, но он поднялся первым и его надо за это наградить потому, что дело не в том, сколько врагов он заколол в этой атаке, а в том, что он показал пример, поднимаясь первым, тем самым увлекая за собой остальных. Конечно, стыдно отставать от него, и остальные поднимутся и пойдут в атаку. И даже тот, кто совершил подвиг уже в атаке, также обязан первому поднявшемуся [210].

Во время Второй мировой войны было установлено, что около 39% участников боевых действий переживают пик страха преимущественно перед боем, порядка 35% – в бою и 16% – после боя [25, с. 500], остальные испытывают страх либо всегда, либо всякий раз в разные периоды боя. Знание этой закономерности для военного психолога и командира означает, что последние две типологические группы можно использовать перед боем в качестве боевого актива, осуществляющего психологическую поддержку, позитивное эмоциональное заражение сослуживцев, выполнение наиболее сложных задач. Первую и третью группу можно активно задействовать в качестве «стержня» психологической устойчивости воинского подразделения в бою. Первую и вторую группу следует использовать для ликвидации негативных последствий боя и оказания психологической поддержки воинам из третьей группы.

Сплоченности и слаженности воинского подразделения способствует развитие способов и средств взаимодействия в бою. Сегодня наиболее популярными способами коммуникации воинов в бою являются: 1) «метод часов», 2) «метод пальцев», 3) «метод расстояний от ориентира», 4) »метод использования трассирующих пуль и ракетниц», 5) «метод жестов», 6) «метод придорожной графики» [195, с. 142; 195]. В германской армии традиционно используются свистки. Звук свистка настолько отличается от других звуков боя, что слышен каждому солдату. В ночное время для обеспечения эффективного взаимодействия применяются фонари со светофильтрами, веревка, «природные» звуки и др. Перечисленные средства позволяют снять одну из важнейших психологических проблем боя – снижение эффективности средств взаимодействия, – укрепляют уверенность воинов, что они все время находятся под контролем, и не будут оставлены на поле боя в случае ранения.

2.4.2. Суеверия как регулятор боевого поведения воинов

Среди социально-психологических «пружин» человеческой активности на поле боя важное место занимают суеверия, стихийно возникающие в воинских коллективах.

Суеверие – (букв. – суетное, тщетное, т. е. ложное) – предрассудок, в силу которого многое из происходящего представляется проявлением сверхъестественных сил, предзнаменованием будущего.

По нашему мнению, некоторые суеверия представляют собой своеобразный *квазиресурс*, расширяющий психологические возможности участника боевых действий. Они позволяют когнитивно упорядочивать, структурировать необъяснимые, непонятные события, связи между предметами и явлениями, делают жизнь в боевой обстановке более предсказуемой, требующей меньших психических затрат. Например, человек, верящий в «волшебную» силу талисмана, может спать более спокойно, не испытывать различного рода фобий, активно действовать в бою до тех пор, пока талисман с ним. И, напротив, он практически утрачивает качества бойца в случае его утери. Другие суеверия (примета, загадывание, предчувствие) могут играть деструктивную роль в мотивации боевого поведения.

Сила суеверий ярко запечатлена в известном кинофильме об афганской войне «9-я рота». Через весь фильм лейтмотивом проходят темы с амулетом, переданным молодому воину его земляком, убывающим «на гражданку», с доставшимся по наследству от погибшего товарища пулеметом с искривленным стволом, продолжающим участвовать в боях, с кроватью погибшего товарища, которая остается нетронутой и т. д.

Суеверия в боевой обстановке проявляются в формах ношения амулетов и талисманов, предчувствия, загадывания, табу, обязательных для исполнения обычаев, обрядов, ритуалов, молитв, заговоров, мифов, фатализма и т. п.

Амулет – предмет, носимый на теле и считаемый магическим средством против болезни, несчастья. *Талисман* – предмет, приносящий его обладателю счастье, удачу. В отличие от амулета талисман больше ориентирован не на обережение человека, а на увеличение его радости, счастья, добра, удачи и т. д.

Амулеты и талисманы бывают оберегами от конкретных несчастий и «на все случаи жизни». В исследовании С. В. Захарика показано, что 95% опрошенных воинов-десантников верили в сохранную силу амулетов и в необходимость их ношения. 58,3% из

них заявили, что при наличии медальона они чувствуют себя более уверенно, спокойно, психологически устойчиво. Им описываются следующие виды амулетов, которые использовались военнослужащими воздушно-десантных войск в Афганистане [93, с. 114–118]:

- текст с молитвой, вшитый в обмундирование (как правило, у сердца);
- полихлорвиниловые трубки, прикрепляемые на запястье, в которые вкладывались кусочки материи с данными о себе;
- разряженный патрон с запиской (молитва; данные о себе и т. д.) с цепочкой, хранимый на шее или в кармане;
- браслет на запястье с выгравированными данными о группе крови и резус-факторе;
- самодельные медальоны;
- наколки на левой стороне груди, предплечье, запястье или в подмышечной впадине и др.

Загадывание – предположение о наступлении какого-либо события в связи с наступлением или не наступлением другого события.

Загадывание в боевой обстановке тесно связано с предчувствием. Так, воин считает взлетающие вверх ракеты и загадывает: «Если их будет больше семи, останусь жив». Если ракет оказалось меньше семи, то у него возникает ощущение близкой смерти. Вскоре оно может исчезнуть. Но через некоторое время боец вновь загадывает: «Если до конца месяца придет еще три письма из дома, вернусь с войны живым» и т. д. Казалось бы, можно волевым усилием не допустить загадывания. Однако, как показывает изучение, военнослужащий как бы играет с судьбой и это приносит ему временное удовлетворение. В том же случае, когда загадывание завершается успешно, он получает мощный ресурс спокойствия, уверенности в своей неуязвимости, бесстрашия.

Обычай – традиционно установившиеся правила общественного поведения. Примером обычая, проявляющегося в форме суеверия, является существовавшее в Афганистане правило не допускать военнослужащих, подлежащих замене в ближайшие месяцы, к участию в боевых действиях. Это было связано с тем, что несколько

известных боевых офицеров погибли уже тогда, когда им пришла замена. Эти офицеры хотели помочь тем, кто пришел им на смену и ввести в курс дела непосредственно на месте, в бою.

Примета – явление, случай, который в народе, социальной группе считается предвестием чего-нибудь.

Ритуал – порядок обрядовых действий, церемониал.

В боевой обстановке многие воины совершают ритуалы при подготовке к бою. При этом строго отслеживается порядок выполнения действий по подготовке оружия, снаряжения, экипировки, занятию боевой позиции, наличие одних и тех же элементов обмундирования или снаряжения, в том числе давно пришедших в негодность (например, истертая до дыр тельняшка и т. д.). У летчиков в Афганистане наблюдался следующий ритуал: перед вылетом на боевое задание необходимо было обязательно помочиться на колесо самолета.

В боевой обстановке у военнослужащих отмечаются также осуществляемые по определенному алгоритму паттерны ритуального поведения (улыбка, смех, подшучивание над собой, напевание песен из «ритуального репертуара») [93].

Психологическая «траектория» влияния ритуалов на боевое поведение включает следующие элементы:

- отвлечение от травмирующих переживаний с помощью сосредоточения внимания на соблюдении алгоритма действий, произнесении слов, конструировании образов;
- увлечение выполняемыми действиями и перевод их из «защитных» в «созидательные»;
- эмоциональное отражение успешности выполнения созидательных действий – эмоциональное переключение.

Обряд – совокупность действий (установленных обычаем или ритуалом), в которых воплощаются какие-нибудь религиозные представления, бытовые традиции.

Особенно четко соблюдаются на войне обряды приема пополнения, убытия в отпуск, прощания с погибшими товарищами, смены подразделений на блокпостах и др.

Табу – запрет, налагаемый на какое-нибудь действие, слово, предмет, употребление или упоминание которых неминуемо вле-

чет за собой социальные или «религиозно-мистические» санкции в виде наказания, болезни или смерти.

В. А. Мезенцев пишет о том, что в годы Великой Отечественной войны некоторые летчики и танкисты старались не фотографироваться перед боем. И охотно делали это после того, как задание было выполнено. Столь же дурным предзнаменованием считалось бриться перед боем. В какой-то мере имела отношение к летчикам и суеверная примета о левой и правой стороне: во избежание неприятностей следует надевать перчатку сначала на правую руку [200].

Воины-десантники в Афганистане, готовясь к боевым действиям, строго соблюдали табу на фотографирование, подшивание подворотничков, написание писем домой, считали недопустимым напрашиваться на боевое задание.

Е. С. Сенявская выделила и классифицировала суеверия и приметы, бытовавшие во время войны в Афганистане, заимствованные из опыта прошлых войн, частично видоизмененные и дополненные «исконно афганскими» [282, с. 246–247]:

а) система табу (запретов) на определенные действия накануне боевых операций (не бриться, не надевать чистое белье, не дарить никому своих вещей, не разговаривать на определенные темы);

б) выполнение определенных ритуалов после возвращения с боевых операций («вернулся в часть – посмотрись в зеркало»);

в) традиции и обычаи в отношении погибших (не занимать койку, не убирать вещи и фотографию в течение 40 дней, традиционный третий тост; не носить вещи погибшего, ничего не брать с мертвых, не показывать на себе место, куда ранили другого, и т. п.);

г) хранение амулетов и талисманов (не обязательно религиозных символов, хотя часто талисманами служили ладанки и нательные крестики);

д) молитвы (не обязательно традиционные, часто – у каждого свои, самодеятельные);

е) коллективные привычки, выработанные по принципу целесообразности и в дальнейшем закрепленные традициями боевого подразделения;

ж) придание каким-либо (как правило, выходящим за рамки уставов и инструкций) рациональным действиям дополнительной мистической нагрузки-обоснования;

з) традиции, присущие определенному воинскому коллективу, часто связанные с военной специальностью.

Военные психологи и командиры призваны внимательно отслеживать суеверия, распространенные в подразделениях, поддерживать те из них, которые помогают воинам стать психологически сильнее, а коллективу сплоченнее и бороться с деструктивными предрассудками.

2.4.3. Слухи как феномен групповой психологии

В боевой обстановке слухи рассматриваются не только как стихийное коммуникативное явление, но и как технология влияния на общественное сознание, эффективное средство информационно-психологического противоборства. Циркулирующие в воинском коллективе слухи оказывают влияние на его психологический климат, сплоченность и эффективность боевой деятельности. Слухи могут порождать широкий диапазон индивидуальных и групповых реакций военнослужащих: от едва уловимого изменения настроения до групповой паники [138; 141].

> **Слухи** – это сообщение (исходящее от одного или более лиц) о некоторых событиях, еще ничем не подтвержденных, устно передающееся в массе людей от одного человека другому. Слухи касаются важных для определенной социальной группы явлений, отвечают направленности ее потребностей и интересов [301].

Известный специалист в области психологической войны П. Лайнбарджер писал, что пропаганда посредством слухов состоит в их планомерном использовании для воздействия на ум и чувства данной группы людей с определенной, имеющей общественное значение целью, будь то военной или политической [178].

Среди **причин возникновения и живучести слухов** наиболее значимыми являются: возможность удовлетворения с помощью слухов актуальных потребностей людей; недостаток информации,

необходимой для организации деятельности по удовлетворению актуальной потребности; многомерность, субъективная неоднозначность событий.

Слухи стихийно возникают или целенаправленно фабрикуются и распространяются для удовлетворения конкретных потребностей людей. Известный специалист в области военной психологии и психологии пропаганды Э. Боринг подчеркивал: «Люди повторяют слухи только тогда, когда они способствуют удовлетворению какой-либо их потребности» [25, с. 559].

Например, *потребность в престиже* удовлетворяется потому, что владение информацией (раньше других, либо информацией эксклюзивного характера) повышает престиж человека. В основе стремления к престижу, как считает Э. Боринг, лежит эксгибиционизм, т. е. потребность обратить на себя внимание. Другими словами, сплетником движет обычное желание похвастаться. Поэтому распространителем слухов являются даже те люди, кто не верят в их содержание.

Сообщая другому сведения, составляющие содержание слуха, человек поднимает себя в своих глазах («никто не знает, а я знаю!»). У окружающих создается впечатление о некой «принятости», «вхожести» носителя эксклюзивной информации в референтные группы, формируется мнение о нем как о человеке осведомленном. В данном случае слух рассматривается в качестве товара.

Эмотивные потребности удовлетворяются слухами за счет того, что они, как правило, порождают сильные эмоции позитивной или негативной модальности. Человек, распространяющий слухи, может испытывать наслаждение, удовольствие от их содержания, от реакции на них людей. Причиной их распространения может быть личное озлобление, ненависть по отношению к конкретным людям (социальным группам).

Благодаря слухам могут разряжаться сильные негативные переживания людей (стремление «выплеснуться», «хоть немного облегчить душу»). В данном случае действует механизм проекции. Транслируя слухи, человек неосознанно выражает свои страхи, желания и враждебные чувства и надеется, что сомнения и беспокойства будут развеяны окружающими. Здесь важную роль

играет стремление к получению эмоциональной поддержки. Распространяя тревожные слухи, он надеется на их опровержение другим, что в свою очередь снижает его собственную тревогу. Человек получает подсознательное облегчение от того, что адресат реагирует удивлением, испугом, восхищением, благодарностью за сообщение; для усиления впечатления информация нередко «творчески» обогащается неприятными подробностями. Такой механизм особенно силен у людей, неудовлетворенных своим социально-психологическим статусом и не нашедших достойного места в жизни [306, с. 202].

Познавательные потребности и интересы удовлетворяются слухами тогда, когда информация об интересующих человека боевых и других событиях отсутствует или некачественная. Важной причиной для возникновения слухов является искажение информации при ее передаче «из уст в уста». Чем длиннее цепочка, чем большее количество людей участвует в коммуникативном процессе, тем значительнее искажаются сведения [61].

В литературе выделяются **социально-психологические условия**, **побуждающие людей воспринимать слухи**. К таким обстоятельствам прежде всего относятся [306, с. 202–203]:

1. Тревожная, напряженная, трудная обстановка, содержащая проблемы, угрозы, опасности, в которой люди ищут пути как обезопасить себя и своих близких.

2. Стремление упредить и предупредить наступление неприятных событий, заблаговременно к ним подготовиться и уменьшить возможный урон, если избежать его невозможно.

3. Наличие психологического заражения, подражания, группового давления, стремления обезопасить себя вместе со всеми.

4. Уверенность в достоверности сообщения. Не зная, откуда исходит слух, люди склонны предполагать, что информация представлена из надежных источников. Это создает иллюзию достоверности сообщения и формирует эффект ложного консенсуса, то есть уверенности в том, что слух разделяют большинство людей.

5. Психологические особенности людей, предрасполагающие к восприятию слухов. Здесь, во-первых, следует выделить высокую внушаемость части людей, их неспособность самостоятель-

но и критически оценить правдоподобность и обоснованность слуха. Во-вторых, особой подверженностью слухам отличаются люди чрезмерно любопытные, вечно «принюхивающиеся», прислушивающиеся к любому разговору, каким бы далеким он от них не был. Наконец, в большей степени восприимчивыми к слухам оказываются люди, испытывающие недовольство, фрустрацию, усталость, не занятые какой-либо деятельностью, находящиеся в состоянии длительного ожидания.

6. Социально-психологические особенности групп и совместной деятельности. Отмечается, что слухи активнее распространяются в группах, в которых царят бездеятельность, однообразие, скука.

При большом спектре причин распространения и принятия слухов главным является информационный вакуум в значимой для людей сфере, который заполняется стихийной или целенаправленной вражеской пропагандой.

Как видно из перечня факторов порождения и живучести слухов, война, боевая обстановка являются самой благоприятной почвой для их распространения.

В психологии выработан подход к **классификации слухов**. В качестве оснований для такой классификации выделяют информационную, экспрессивную [301, с. 188–190] и результативную характеристики слухов.

По информационному основанию – это слухи достоверные и недостоверные, стихийные и фабрикуемые, а по экспрессивному – слухи-желания, слухи-пугала, агрессивные и разобщающие слухи.

По степени достоверности слухи бывают абсолютно недостоверные, недостоверные с элементами правдоподобия, правдоподобные, достоверные с элементами неправдоподобия. Специалисты отмечают, что эффект от использования ложной информации носит кратковременный характер и, как правило, ограничивается временем осуществления пропагандистских акций в условиях дефицита информации.

По происхождению слухи могут быть спонтанно, стихийно возникающими либо умышленно фабрикуемыми, целенаправленно распространяемыми. Возможны и промежуточные разновидности.

Иногда слух зарождается стихийно, но попав на определенную почву, находит заинтересованных ревностных распространителей, готовых приукрасить информацию в соответствии со своими интересами. Бывает и наоборот, когда первоначально слух запущен умышленно, но в последствии, попадая в стихийно действующие социально-психологические механизмы, многократно ими усиливается.

Ю. А. Шерковиным выделяются: слух-желание, слух-пугало, агрессивный слух [301, с. 188].

Слух-желание отражает и удовлетворяет надежды, стремления людей, разочарование по поводу несбывшегося желания и деморализует людей.

Слух-пугало приводит к тревоге, неуверенности и страху среди членов определенной социальной группы.

Агрессивный слух вызывает неприязнь, ненависть к конкретным лицам или социальным группам, вносит разлад, подозрительность, взаимное недоверие во взаимоотношения людей.

В одной из версий полевого устава армии США «Психологические операции» приводился такой пример эффективного слуха-пугала. Во время боевых действий против филиппинских партизан было установлено, что они боятся вампиров. Специалистами ПсО был немедленно распространен слух о том, что в лесу в месте базирования партизан появились вампиры. Для усиления слуха туда был подкинут труп противника без крови с двумя дырочками на шее. Партизаны немедленно ретировались [231].

По результатам влияния на сознание и поведение людей выделяют слухи: 1) будоражащие общественное мнение, но не выходящие за рамки явно выраженного асоциального поведения; 2) вызывающие антиобщественное поведение известной части населения; 3) разрушающие социальные связи между людьми и выливающиеся в массовые беспорядки [154, с. 175].

Слухи обращают соратников и друзей во врагов, возносят или сокрушают престиж людей, превращают в жалкую паническую толпу боеспособные полки и дивизии, порождают пессимизм и неверие в собственные силы и т. п. Так, сфабрикованный в ходе боев за Багдад (2003 г.) слух о смерти Саддама Хусейна стал од-

ной из основных причин резкого снижения боевого духа иракских солдат, утраты их воли к сопротивлению.

Скорость распространения слухов чрезвычайно высока, поэтому слух обычно достигает эффекта «первичности» в доведении информации до аудиторий. В боевой обстановке в системе неформальной коммуникации работает так называемый «солдатский телеграф», который мгновенно передает эмоционально насыщенную, значимую информацию в самые отдаленные уголки боевых порядков войск.

Г. Оллпорт и Л. Постман [220] в 1947 г. сформулировали «базовый закон слухов», отражающий зависимость интенсивности (количества) слухов от важности событий (вопросов) и неоднозначности сведений о них. Формула, отражающая этот закон, имеет следующий вид:

$$R \approx i \times a,$$

где: R – количество циркулирующих слухов, i – важность вопроса для заинтересованных лиц, a – неоднозначность, двусмысленность сведений, касающихся обсуждаемой темы.

То есть слухи распространяются тогда, когда отражаемые в них события важны для аудитории, а полученные относительно них известия либо недостаточны, либо субъективно двусмысленны. Двусмысленность взрастает, если известия сообщены неясно, противоречиво либо если человек не в состоянии понять полученное им сообщение.

По мнению авторов, важность и двусмысленность не складываются, а перемножаются, если либо важность, либо двусмысленность равна нулю, слухи не возникают.

Как было показано выше, острая необходимость действовать для удовлетворения потребности, с одной стороны, и отсутствие информации – с другой, делают человека неразборчивым в оценке ее источников. «Чем менее информированы люди по привлекшему их внимание событию, тем более они возбуждены эмоционально и тем менее рационально их поведение. Длительный дефицит информации вызывает информационный голод,

при котором люди, образно говоря, заглатывают чудовищные небылицы» [154, с. 172].

С учетом наиболее важных детерминант и переменных, связанных с распространением слухов, психологи разработали своеобразную квазиматематическую формулу для вычисления (прогнозирования, оценки) интенсивности их распространения [309, с. 228–245]. Она имеет следующий вид:

$$C = \frac{И}{КС\ (В) \times ДИ},$$

где: С – интенсивность циркуляции слухов, И – интерес аудитории к теме, КС – количество официальных сообщений по теме на данный момент времени, ДИ – степень доверия к источнику официальных сообщений.

Из формулы видно, что быстрота распространения слухов прямо пропорциональна интересу аудитории к теме и обратно пропорциональна количеству официальных сообщений по данной теме и степени авторитетности источников официальной информации.

Слухи быстрее распространяются в социально однородной среде, где проявляются общие интенсивные переживания многих людей, имеющих одинаковое отношение к событиям, объектам. Поэтому специалисты по информационно-психологическим акциям, как правило, делят аудиторию на гомогенные по потребностям целевые группы. Для каждой из таких групп фабрикуется «свой» слух.

Таким образом, слухи являются средством неформальной стихийной или организованной коммуникации. Они широко используются в системе информационно-психологического противоборства. Участники боевых действий – благодатная среда для распространения слухов.

Военные психологи и командиры, зная психологическую природу и закономерности проявления слухов, призваны принимать решительные меры по профилактике и пресечению деструктивных слухов. Главным методом профилактики является своевременное и качественное информирование подчиненных о событиях, имеющих для них важное значение. Одновременно возможно

распространение слухов, способствующих повышению боевого настроя воинов, сплачивающих личный состав, снимающих психологическое напряжение у людей.

2.4.4. Психологические аспекты управления воинским коллективом в бою

Военные психологи установили, что доверие к командирам является важнейшим фактором сплочения воинского подразделения, его боевой активности и предупреждения психотравматизации военнослужащих. Даже когда падает вера в справедливость войны, уровень морально-психологического состояния воинов может оставаться достаточно высоким, если солдаты сохраняют веру в своего командира [18]. От стиля управления командира воинским подразделением зависит эффективность боевых действий, морально-боевой дух подчиненных, психологический климат в воинском коллективе.

> Управление – процесс воздействия субъекта на ту или иную систему, обеспечивающий ее целенаправленное развитие, сохранение или видоизменение структуры, поддержание или изменение режима деятельности, реализацию программ и целей. У. – такое влияние на психику и отношения военнослужащих между собой, которое позволяет делать их поведение адекватным стоящим задачам (ближайшим и последующим).

Управление подчиненными в бою – дело крайне сложное. В свое время Карл фон Клаузевиц писал, что «никакая другая человеческая деятельность не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война. Наряду со случаем в войне большую роль играет неведомое, риск, вместе с ним и счастье». Он отмечал, что на войне «все действия ведутся до известной степени в полумраке; к тому же последний нередко, подобно туману или лунному освещению, создает иллюзию преувеличенного объема и причудливых очертаний» [154, с. 43, 145]. Кроме этого, Клаузевиц подчеркивает особый характер влияния опасности на командира. Он пишет, что опасность воздействует на начальника не только тем,

что непосредственно угрожает лично ему, но и всем вверенным ему людям. Воздействие опасности имеет место не только в момент действительного ее проявления, но и в течение всего промежутка времени, который в его представлении связан с этим моментом. Наконец, опасность оказывает не только непосредственное воздействие, но также и косвенное – посредством ответственности, бремя которой, тяготеющее над сознанием начальника, она удесятеряет [154, с. 143].

К управленческой деятельности командира предъявляются высокие требования. Он должен умело сочетать два основных **стиля управления**, из числа допустимых на войне: *авторитарный и демократический*. При этом наиболее эффективным стилем является универсальный, сочетающий обе управленческие ориентации. Процесс выработки боевого решения целесообразно осуществлять демократически, советуясь с заместителями, специалистами и боевым активом, а процесс его реализации – авторитарно.

С. Л. А. Маршалл в своей работе «Руководство в бою» на основе результатов масштабных исследований сформулировал **условия, при которых управление боевыми подразделениями является эффективным**. Важнейшими из этих условий являются:

- демонстрация личного примера в минуту опасности;
- подбадривание своих подчиненных в самые критические минуты боя шуткой;
- максимальная требовательность к подчиненным в бою и забота о подчиненных после боя (сон, отдых);
- постоянное напоминание о важности успеха именно всего подразделения, от которого зависит успех и жизнь каждого;
- воспитание чувства гордости за свое подразделение;
- личная смелость (подчиненные могут извинить почти любую глупость, но явную трусость – никогда!) [293, с. 144, 147].

Авторитет командира должен основываться на таких личных качествах, как: компетентность; трудолюбие; поведение, внушающее уважение; способность взять на себя ответственность и принять решение; владение собой; справедливость; педагогические способности. Воины уважительно относятся к тем командирам, которые: уважительно относятся к солдатам, знают их имена и

фамилии; предпочитают похвалу наказанию; критикуют подчиненных без унижения их достоинства; обладают четкой и понятной речью; разъясняют солдатам смысл того, что они делают; готовят своих подчиненных к различным неожиданностям и непредсказуемым поворотам в развитии ситуации; поддерживают у солдат религиозную веру и веру в талисманы и даже суеверные предрассудки, если они помогают повысить психическую устойчивость; учат подчиненных правильному отношению к смерти («Если ты должен умереть, то пусть твоя смерть принесет хоть какую-либо пользу»); почитают погибших боевых товарищей; умеют устанавливать контакты с подчиненными и открыты к их просьбам. Командир призван быть образцом для подчиненных, символом власти, которой они охотно подчиняются. Командир должен нести достойно бремя своей власти и оправдывать доверие подчиненных [25, с. 531–547].

Перечисленные условия подтверждаются выводами множества исследований. В частности отмечается, что на командира в бою ложится огромное число обязанностей, связанных с выполнением как предписанных ему функций, так и нравственных требований его социального статуса. Однако главнейшая из задач – вести подчиненных в бой. Боевой офицер и ученый Л. Л. Байков, иллюстрируя сложность этой задачи, пишет о том, что в «сердце человека происходит долгая, тяжелая борьба двух противоположных стремлений, положительного – «победить» и отрицательного – «отказаться от боя». Насколько эта борьба мучительна, видно из того, что в бою нередки даже случаи самоубийства. Уклонение же от боя – явление обыкновенное, причем, некоторые, чтобы уйти на «законном основании», сами себя ранят». Под Ваграмом из 22 тыс. французов наполеоновской армии 12 тыс. растаяли, не дойдя до позиции, под разными предлогами, как-то изнеможение, вынос раненых и т. д., а некоторые, притворялись даже мертвыми. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. отмечались случаи, когда под предлогом выноса раненого, группируясь около него, с поля боя уходили по 10 человек [15, с. 81–82].

В военной психологии сложилось убеждение, что **управление современным боем** – это не только выявление замыслов про-

тивника, оценка его боевых возможностей, прогнозирование способов его тактических действий, создание эффективной группировки своих войск, подготовка боевой техники и оружия, отдание четких приказов и контроль за их выполнением. Управлять боем – это в значительной мере правильно воспринимать и осмысливать боевую ситуацию, сохранять высокое самообладание, принимать обоснованные боевые решения, навязывать свою волю противнику, управлять мыслями, эмоциями, чувствами, мотивами, волей своих подчиненных. «Подобно всякому творению рук и воли людей, бой осуществляется дважды – сначала в мыслях, а потом в действительности»… командир «должен силой фантазии, напрягая остроту чувства предвидения, пережить этот бой, детали которого порой запечатлеваются в памяти, как кадры на кинопленке» [16, с. 200].

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что главная обязанность командира в бою – «не геройски умереть, а выполнить поставленную боевую задачу, следовательно командир должен быть не столько солдатом кулачного боя, сколько солдатом ума. Главная среди прочих обязанностей командира – думать, думать и думать» [210, с. 99].

При выработке боевого решения, определении времени и направления главного удара, построении боевого порядка, организации боевого взаимодействия командир должен учитывать психологические возможности своих войск и противника, степень влияния на них средств боевого и информационно-психологического противоборства. Командир призван «вникать в душу солдата, уметь воздействовать на его чувства, психику, управлять ими, задевать за живое в интересах службы, мобилизовать всю его сущность для осмысленного действия, для выполнения задачи, знать все качества солдата – моральные и физические, помогать расти, совершенствоваться, прививать положительные … черты, боевую дружбу, любовь к своей части, как к родной боевой семье» [210, с. 99].

Военный руководитель должен быть психологом, знающим, по каким законам функционирует психика солдат в обстановке действия мощных стресс-факторов боя, как изменяется их актив-

ность и поведение в различных видах боя, при применении противником разных видов оружия, средств информационно-психологического воздействия, каковы последствия боевого стресса и боевой психической травмы, как влияют на взаимоотношения воинов суеверия и слухи, на какие девиантные поступки способны его подчиненные, с помощью каких методов можно сделать их психологически более сильными, уверенными, активными, эффективными в боевом отношении.

О командире как психологе раздумывали военные теоретики и практики еще в начале прошлого века. Р. Дрейлинг отмечал: «Начиная с мер психологической гигиены, не допускающих заражения своих войск пораженческими идеями, а что еще хуже, вредными привычками, до сознательного использования тревожного ожидания, подавления или развития его и кончая мерами воздействия на психику противника – через всю деятельность военного начальника должна пройти мысль о психологических последствиях его распоряжений и поведения» [74, с. 165].

Подобными размышлениями должна пронизываться вся его деятельность при организации повседневной боевой и психологической подготовки, боевого дежурства и караульной службы.

В век научно-технических революций и нанотехнологий, существенно возросших требований, предъявляемых к командирам, недопустимо, чтобы в вопросах психологии они использовали исключительно метод «проб и ошибок». В их распоряжение должны быть представлены рекомендации и выводы современной военной психологии.

В сложных ситуациях боя все подразделение ищет поддержки у офицера, а ему не у кого искать ее. Офицер может надеяться только на себя. Перед лицом опасности солдаты инстинктивно обращаются к нему, и если он проявит хоть малейшую растерянность, их боевой дух ослабнет. Но если он будет держать себя спокойно и собранно, они продолжат бой, поверив, что их командир уверенно ориентируется в обстановке [168, с. 38].

На поле боя вожак – человек действия, а не рассуждения. Он действием подчиняет волю. Общая твердая воля, выразителем которой является командир, дает всем возможность равномерного,

уверенного действия, повышения твердости, стойкости и энергии в соответствии с обстановкой. Слабая воля командира лишает подчиненных устойчивости, разрушает планомерную равномерность действия, раздробляет духовные силы и материальные средства борьбы, создает беспорядок [210].

Офицер, который будучи старшим лейтенантом командовал несколькими полками, участвовал в наиболее драматических боях под Москвой осенью 1941 года, Б. Момышулы сформулировал **требования к командиру**, которые можно считать своеобразным катехизисом военного руководителя:

- «твердое управление особенно необходимо в момент наивысшего накала внутренней борьбы в душе солдата, когда чаша весов попеременно колеблется то в одну, то в другую сторону, когда солдат находится под двойным гипнозом этих. Команда командира, его повелительный, не терпящий возражений тон, уверенная, спокойная интонация – есть приказ Родины сыну, вселяющий в душу уверенность, поддерживающий силу воли, психику, дающий толчок для выполнения долга, вырывающий воина из рук малодушия, позора, вселяющий боевой дух, спасая гибель его совести от заманчивой, но мерзкой психологии – от чувства страха». «Управлять боем, управлять психикой…», – вот почему неоценимо велико значение команды командира в бою, не только как средство управления, а как средство, завершающее победоносную борьбу чувства долга над чувством страха. Преодолев чувство страха, воин среди множества опасностей чувствует себя спокойным (разумеется, относительно), верит в силу своего оружия и разумно, хладнокровно, расчетливо действует на поле боя;
- в бою нет случайностей, есть неожиданности для противников. Победа или поражение вполне причинны и закономерны. Случайностью прикрывается всякая расхлябанность офицера и солдата;
- командир должен владеть ключом от сердца солдата. Солдатский сейф – три ключа: ум, воля, чувство. Учи умом, а не гневом, учи лаской, но не хвали без меры, не терзай без вины. Не крик… не истерика, а осмысленная строгость. Она должна быть справедливой и ни в коем случае не унижать достоинства человека в солдате;
- офицер должен знать нужды, душу солдата… Трагические моменты войны требуют от командира суровости и беспощадно-

сти ко всякому неповиновению и беспорядку. Война не терпит беспорядка и неповиновения. Командир должен умело применять все меры воздействия на бойца, не унижая его человеческого достоинства, действуя на его чувства, совесть, психику;

- для командира опыт сегодняшней неудачи должен стать предвестником завтрашних удач, то есть, если вы потерпели неудачу, найдите причины этому, чтобы в следующий раз ошибок не повторить. То же самое после удачного боя. Командир должен воспитывать своих подчиненных, придерживаясь правила «Не торопись умирать, а учись воевать», «Воюя, учись, закаляйся и мужай»;
- все внимание подчиненных в критический момент приковано к командиру, на его лице не должны отражаться ни сомнения, ни страх. Колебания командира – колебания подчиненных, страх командира – бегство батальона. Командир, не выиграв сражения в себе, не имеет права вступать в бой вообще;
- командир не должен быть ни безрассудно решительным, ни рассудительным без решительности… Командир должен сочетать эти качества.

Обязанность командира не умирать, а выполнять поставленную перед ним боевую задачу. Личный пример – «это средство управления и воздействия на бойца и на подразделение … и оправдывается он лишь в том случае, когда действительно необходим. Он должен быть заразителен своей кричащей демонстративностью и действовать наверняка, увлекая за собой остальных» [210].

Показывать пример активных боевых действий необходимо лишь тогда, когда от этого зависит исход боевых действий. В противном случае армия будет постоянно иметь неопытных, необстрелянных командиров вследствие их непрерывной убыли. Еще во время Первой мировой войны было замечено, что контузии у офицеров случались в три-четыре раза чаще, чем у солдат. Психологи объяснили это тем, что офицеры были не просто храбрыми, но и показывали пример своим солдатам» [183, с. 38].

Важнейшей обязанностью командира в боевой обстановке является укрепление дисциплины, представляющее объединение подчиненных вокруг воинского долга и боевой задачи.

В качестве вывода можно привести слова Н. Коупленда о том, что только единство умелого управления подчиненными и зрелость

боевого коллектива обеспечивают победу в современном бою и войне. **Формулу победы** составляют следующие переменные:

1) руководитель знает каждого своего подчиненного;
2) каждый подчиненный знает своего руководителя;
3) руководитель неизменно солидаризируется с коллективом;
4) вся группа сплочена в коллектив, воодушевленный энтузиазмом командира;
5) группа проникнута высоким чувством товарищества;
6) коллектив хорошо обучен, энергичен и инициативен [168, с. 51].

Целенаправленное развитие этих переменных должно стать программой работы каждого военного психолога и командира воинской части, подразделения.

2.5. Психологические последствия участия в боевых действиях

2.5.1. Боевая психическая травма

Как было показано выше, война является самым суровым и жестоким испытанием человеческого духа, его нравственных устоев, силы воли и тела. Можно утверждать совершенно определенно – никакая самая трагическая из известных природных и техногенных катастроф по мощи своего психологического воздействия на людей не сравнима с войной. Такая психологическая особенность войны определяется спецификой боевых стресс-факторов:

1. В них содержится реальная угроза для жизни.
2. Неизбежная необходимость непрерывно участвовать в жестоком насилии.
3. Непривычность для обычного человека (отсутствие в личном опыте запаса возможных ответных реакций).
4. Многократная повторяемость и длительность действия.
5. Сочетание с тяжелым физическим и психическим утомлением, с травмами и ранениями [183, с. 22].

6. Отсутствие возможностей для снятия напряжения и нивелирования нарастающей астении.

Совокупное действие такого рода факторов создает обстановку пролонгированного травматического стресса.

Известный специалист по психологическим последствиям войны Р. Габриэль подчеркивает: «История показывает, что как бы хорошо ни были подготовлены войска, какими бы слаженными ни были их действия, какими бы умелыми и знающими ни были их командиры, многие солдаты не выдерживают тех психологических нагрузок, которые наваливаются на них в ужасе боя», «находясь длительное время на поле боя, невозможно не страдать от различных психологических расстройств» [49].

Физические и психологические возможности участников боевых действий не безграничны. По мнению Ю. А. Александровского, Я. Агреля и Л. Люнгберга, каждый человек обладает определенным *адаптационным потенциалом* или *психологическим ресурсом*, позволяющим преодолевать стресс-факторы определенной интенсивности. Выше отмечалось, что в качестве защитного слоя психики человека мы рассматриваем его психологическую устойчивость. Если сила или продолжительность неблагоприятных внешних воздействий превысят индивидуальные приспособительные возможности человека, происходят «слом адаптационного барьера» и его психическое травмирование. В этом случае говорят, что человек получил психическую травму.

На уровне современных представлений мы рассматриваем **боевую психическую травму** как прорыв травмирующим агентом (боевым стрессором) защитного слоя психики, сопровождающийся разрушением системы базовых ценностей, нарушением идентичности личности, формированием патологических механизмов регуляции поведения.

В результате психотравматизации происходит накопление изменений в структурах ЦНС, нарастание специфической личностной дисгармонии и готовности к психопатологическому синдромообразованию [291, с. 28–30]. Вместе с тем психическая травма – это и своеобразная трансформация личности и иден-

тичности человека в условиях проживания и последующего переживания травмирующего воздействия [191].

Некоторые специалисты считают, что психические расстройства – это по своей сути защитные проявления, способствующие уменьшению притока или дезактуализации поступающей в сознание негативной информации, частичной или полной блокаде ее эмоционального компонента [183, с. 30].

Закономерно возникает вопрос, почему одно и то же событие у одних военнослужащих вызывает психотравму, а у других – нет. Ответ на этот вопрос волнует психологов давно. Анализ мнений специалистов по этому вопросу показывает, что психическая травма возникает тогда, когда выполняются следующие условия:

1) военнослужащий рассматривает воздействующие на него боевые стрессоры как травматические, видит в них опасность для жизни, здоровья, целостности своей личности;

2) военнослужащий реагирует не активно (крик, угрозы, плач, клятвы, огонь по противнику и т. п.), а пассивно – переживанием собственного бессилия;

3) военнослужащему, находящемуся под воздействием боевых стресс-факторов, не оказана своевременная психологическая поддержка.

Практика показывает, что отсутствие хотя бы одного из перечисленных факторов многократно снижает возможность психотравмирования военнослужащих.

Учитывая это обстоятельство, считается, что человек пережил травматическое событие, если выполняются одновременно *два условия*:

1. Человек пережил или наблюдал одно или более событий, в которых с ним или с другими людьми произошло следующее: возникла угроза смерти, потенциальная или реальная; смерть другого человека; серьезное ранение или угроза получения инвалидности.

2. Человек реагировал на это интенсивным страхом и чувством беспомощности.

Связанные с боевой психической травмой функциональные нарушения (боевые стрессовые расстройства) включают различные состояния дезинтеграции психической деятельности предпа-

тологического, патологического, в том числе и нозологического (уровня болезни) спектра.

Ю. А. Александровский выделяет две группы возможных реакций и состояний людей при жизнеопасных ситуациях: а) с непсихотической симптоматикой – непатологические (физиологические) реакции, психогенные патологические реакции, психогенные невротические состояния; б) с психотическими расстройствами (острые и затяжные реактивные психозы). По существу здесь перечислены возможные уровни патологизации психики.

К *непатологическим (физиологическим) невротическим* явлениям относятся описанные выше реакции на боевой стресс (адаптационные реакции).

Психогенные патологические реакции проявляются в симптомах астенического, депрессивного, истерического и других синдромов. Основным показателем того, что наблюдаемая симптоматика отражает непсихотический уровень травматизации военнослужащего, является сохранение (хотя нередко снижение) им в достаточной степени критической оценки происходящего и способности к целенаправленной деятельности.

Психогенные невротические состояния – стабилизированные и усложняющиеся невротические расстройства (неврастения, истерический невроз, невроз навязчивых состояний, депрессивный невроз). В ряде случаев имеет место утрата критического отношения к действительности и целенаправленной деятельности.

Расстройства психотического уровня в воинских частях крайне редки. Они характеризуются тем, что у пострадавших отмечаются выраженные нарушения психической деятельности, лишающие их возможности правильно (неискаженно) отражать происходящее, и имеет место полная утрата работоспособности [2]. Как правило, военнослужащие с психическими расстройствами такого уровня получают помощь в специализированных медицинских учреждениях психиатрического профиля.

Специалисты [172; 380] выделяют поведенческий, психологический и телесный уровень проявления симптомов боевой психической травмы.

Поведенческий уровень боевой психической травмы включает следующие симптомы:

а) гиперактивная форма:

- метания в поисках укрытия, буйство;
- вспышки истерического смеха, плача, крика;
- раздражительность и злоба;
- вспышки бешенства;

б) гипоактивная форма (заторможенность):

- состояние ступора;
- апатия, заторможенность движений, безразличие к опасности, замирание под огнем;
- обморочные состояния;

в) общие симптомы:

- пугливость, сильные вздрагивания от неожиданных звуков, движения, света; паника, бег под огнем;
- регресс возраста (детские реакции);
- бессвязная речь, бормотание, сильное заикание;
- сильная дрожь, «трясучка».

Психологический уровень боевой психической травмы охватывает следующие симптомы:

- неспособность видеть, слышать, чувствовать;
- неспособность концентрировать внимание;
- частичная или полная потеря памяти;
- затруднения запоминания информации;
- болезненно повышенная чувствительность к шуму, свету, запахам;
- нарушение логики и быстроты мышления;
- нарушение критического восприятия обстановки и своих действий;
- ослабление (утрата) воли;
- зрительные и слуховые галлюцинации.

К симптомам **телесного уровня боевой психической травмы** относятся:

- ослабление зрения и слуха;
- частое мочеиспускание;
- расстройство желудка;

- учащенное, прерывистое дыхание;
- нарушение циркуляции крови, что приводит к анемии кистей рук и ступней ног;
- неспособность пользоваться конечностями (ногами, руками) (неврогенная контрактура, паралич);
- сильное напряжение мышц;
- учащенное сердцебиение;
- давящие боли в области сердца и в грудной клетке;
- боли в пояснице;
- боли хирургических шрамов, старых ран;
- неконтролируемое слюноотделение.

2.5.2. Сущность и симптоматика посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у ветеранов боевых действий

Еще во время Второй мировой войны В. А. Гиляровским был описан «синдром нервной демобилизации», возникающий у солдат после возвращения из фронтовой обстановки. Данный синдром характеризуется проявлением остаточных явлений переутомления на фоне резкого снижения уровня волевой мобилизации. На основании исследований послевоенной адаптации ветеранов Великой Отечественной войны отечественными учеными был сделан вывод о возможности длительного сохранения последствий психотравмирующего воздействия войны (В. А. Гиляровский (1946), И. Н. Введенский (1948), Е. К. Краснушкин (1948), Е. М. Холодовская (1948 г.) и др.).

Р. Гринкер и Д. Шпигель одними из первых стали рассматривать отсроченные психические состояния ветеранов как реакции на боевой стресс. Позже было установлено, что психологические изменения у ветеранов войны могут наблюдаться в виде *отдельных разрозненных симптомов*, в виде более или менее *взаимосвязанных проявлений* и в *виде синдрома* – посттравматического стрессового расстройства.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – отсроченная по времени психопатологическая комплексная ре-

акция на психотравматическое событие, оформившаяся в целостный синдром.

ПТСР описаны как синдром и отдельная психодиагностическая категория в ряде авторитетных классификаторов болезней, что дает основания для рассмотрения его в качестве целостного, комплексного образования.

Впервые официально вопрос о необходимости выделения целостного синдрома, называемого «посттравматическое стрессовое расстройство», был поставлен в США в 1980 г. Именно тогда в публикацию третьего издания американского классификационного стандарта, подготовленного Американской психиатрической ассоциацией, DSM-III (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders) был внесен раздел, содержащий описание критериев для диагностики нарушений и расстройств, вызванных психотравмирующими обстоятельствами, выходящими за рамки обычного человеческого общества. Этот раздел уточнен и сохранен в новых редакциях стандарта (DSM-IV, 1994 г.; DSM-IV TR, 2000; DSM-V, действует с 18 мая 2013 г.)[1]. В 1994 г. аналогичный раздел появился и в Международном классификаторе болезней МКБ-10. В настоящее время ожидается выход 11-й редакции классификации (МКБ-1).

---

[1] В настоящее время идет переосмысление сущности, симптоматики и эпидемиологии ПТСР. В Википедии по поводу выхода новых стандартов отмечается следующее: по данным исследования, результаты которого были опубликованы в журнале Psychotherapy and Psychosomatics, из 170 человек, внёсших вклад в DSM-IV и DSM-IV-TR, девяносто пять (56%) имели финансовые связи с фармацевтическими компаниями. Из всех психиатров, кто принимал участие в разработке рубрик DSM «Расстройства настроения» и «Шизофрения и другие психотические расстройства», 100% имели связи с фармкомпаниями. Даже Аллен Фрэнсис (англ.), председатель оперативной группы DSM-IV, стал резким критиком расширения диагнозов в DSM-V. В журнале Psychiatric Times в 2009 г. он писал, что DSM-V станет «золотым дном для фармацевтической промышленности, но при огромных расходах на новых ложных пациентов, попавших в чрезмерно широкую сеть DSM-V».

Принятие решений об официальной фиксации данного синдрома в международных и национальных классификаторах заболеваний обусловлено, как это показано в ряде исследований, широким распространением ПТСР. В этих исследованиях констатируется, что посттравматические стрессовые расстройства составляют от 10 до 50% всех медицинских последствий боевых событий. Ими по сей день страдают 29–45% ветеранов Второй мировой войны, 25–30% американских ветеранов вьетнамской войны [291]. 18,6% участников боевых действий в Афганистане испытывают на себе действие этого синдрома [259, с. 7].

По прогнозам специалистов, посттравматические проявления сохранятся в течение продолжительного времени у 25% участников боевых действий в Чеченской республике. По данным исследования американских ветеранов войны во Вьетнаме, проведенного в 1988 г., у 15,2% из них наблюдались выраженные ПТСР, а еще у 11,1% отмечались отдельные симптомы таких расстройств. Среди этих лиц в 5 раз возрастал риск остаться безработными, около 70% из них хотя бы один раз развелись с супругами, у 35% отмечены родительские проблемы, у 47,3% – крайние формы изоляции от людей, у 40% – выраженная враждебность к окружающим. 36,8% представителей этой социальной группы совершают более 6 актов насилия в год, 50% были арестованы и посажены в тюрьму (в том числе 34,2% – более одного раза) [377].

К началу 1990-х гг. около 100 000 ветеранов вьетнамской войны покончили жизнь самоубийством. 40 000 из них ведут замкнутый, почти аутический образ жизни. Среди раненых и инвалидов войны число лиц с ПТСР превышает 42%, тогда как среди физически здоровых ветеранов войны их 10–20%. 56% людей, переживших тяжелые боевые события, умирали и были больны в возрасте до 65 лет [321, с. 21].

В новой редакции справочника ПТСР выведено из группы тревожных расстройств и включено в новый для семьи DSM класс – «Trauma and Stressor-related Disorders» (расстройства, связанные с травмой и стрессором). Вместо трех симтомокомплексов, как это было в DSM-IV, теперь выделено четыре симптомокомплекса (отдельно выделен кластер негативных переживаний).

В связи с этим структура ПТСР сегодня видится как совокупность: пере-переживания (повторные переживания), избегания, негативных мыслей и настроений и гипермобилизации (гиперактивации).

К **критериям ПТСР** относятся:

А. *Столкновение со смертью или с угрожающей жизни ситуацией, подверженность серьезной травме (injury) или сексуальному насилию в одном или нескольких из перечисленных вариантов:*

1. Непосредственная подверженность травматическому событию.

2. Непосредственное (личное) зрительное восприятие травмы, которую переживают другие.

3. Получение информации о том, что травмирующие события произошли с членами семьи или близкими друзьями; события должны быть либо насильственными, либо характеризоваться как несчастный случай.

4. Переживание повторных либо экстремальных воздействий отвратительных *(aversive)* деталей травматического события (событий), таких как участие в спасательной команде, собирающей человеческие останки, служба в полиции, связанная с повторным столкновением с подробностями насилия над детьми.

Примечание: критерий А4 неприменим к электронным медиа, телевидению, фильмам и фотографиям, если только фотографии не связаны с работой индивидуума.

В. *Присутствие одного или более из следующих навязчивых симптомов, ассоциированных с травмирующим событием, которые развиваются после действия стрессора:*

1. Повторяющиеся непроизвольные навязчивые и тягостные воспоминания о травмирующем событии.

2. Повторяющиеся дистрессовые сновидения, содержание и/или аффект которых соотносится с травмирующим событием.

3. Диссоциативные реакции (например, флэшбэки – *flashbaks),* во время которых индивид ощущает и/или ведет себя так, как будто бы травматическое событие повторяется (подобные реакции могут отмечаться в рамках континуума, на крайнем полюсе которого находятся полное отсутствие осознавания реального окружения).

4. Интенсивный либо продолжительный психологический дистресс при столкновении с внутренними или внешними признаками чего-либо, символизирующими или напоминающими какой-либо аспект травматического события (событий).

5. Заметные психологические реакции по отношению к внутренним или внешним признакам чего-либо, символизирующим или напоминающим какой-либо аспект травматического события (событий).

С. *Постоянное избегание стимулов, ассоциирующихся с травматические событием (травматическими событиями), что начинается после возникновения травматической ситуации и подтверждается либо одним, либо двумя признаками:*

1. Избегание либо попытки избежать неприятных воспоминаний, мыслей, чувств о травматическом событии, либо неприятных воспоминаний, мыслей, чувств, тесно ассоциирующихся с травматическим событием.

2. Избегание либо попытки избежать напоминающих о событии людей, мест, разговоров, действий, объектов, ситуаций, которые вызывают дистрессовые воспоминания, мысли или чувства о травматическим событии (либо воспоминания, мысли или чувства, тесно ассоциирующиеся с ним).

D. *Отрицательные изменения когнитивных процессов и настроения, связанные с имевшим место травматическим событием, возникающие после травматического события или углубившиеся после действия стрессора (два или более признака из нижеперечисленных):*

1. Невозможность вспомнить важные аспекты травматического события (вследствие диссоциативной амнезии, признак обычно не связан с такими факторами, как черепно-мозговая травма, употребление алкоголя и других психоактивных веществ).

2. Упорные и преувеличенные негативные убеждения в отношении себя, других и мира или постоянные и преувеличенные негативные ожидания от себя, других и мира (например, «Я – плохой», «Никому нельзя верить». «Весь мир опасен», «Моя нервная система полностью разрушена»).

3. Упорные искаженные суждения о причинах и последствиях травматических событий, которые заставляют индивидуума винить себя или других.

4. Постоянные негативные эмоции (например, страх, гнев, вина, стыд).

5. Заметно сниженный интерес к участию в социальных мероприятиях, либо отказ от участия в социальных мероприятиях.

6. Чувство оторванности или отчуждения от других.

7. Стойкая неспособность испытывать позитивные эмоции (например, неспособность испытывать счастье, удовлетворение или любовь).

E. *Заметные изменения в возбуждении и реактивности, ассоциированные с травматическим событием (событиями), что начинается после действия стрессора, либо усиливается после травматического события (два или более признака из нижеперечисленных):*

1. Раздраженное поведение либо вспышки гнева (минимально спровоцированные или без провокации), обычно выраженные в форме вербальной или физической агрессии по отношению к людям или объектам.

2. Безрассудное или аутоагрессивное поведение.

3. Сверхнастороженность.

4. Повышенный рефлекс четверохолмия (реакция вздрагивания (испуга) на резкий звук).

5. Проблемы с концентрацией.

6. Нарушения сна (например, трудности с засыпанием, с поддержанием сна, беспокойный сон).

F. *Нарушения (критерии B, C, D и E) продолжаются более одного месяца.*

G. *Нарушения вызывают клинически значимый психологический дистресс и снижение социального, профессионального функционирования, а также негативные изменения в других важных сферах функционирования.*

H. *Нарушения не относятся к физиологическому эффекту от приема препаратов (алкоголь или наркотики), а также к другим медицинским состояниям.*

Указать, если расстройство сопровождается:

А. Диссоциативными симптомами: Состояние отвечает критериям посттравматического стрессового расстройства, и, в дополнение, в ответ на действие стрессора индивидуум переживает упорные или повторяющиеся симптомы из следующих:

1. **Деперсонализация.** Упорное или периодически повторяющееся переживание оторванности от других и чувство, как будто бы наблюдаешь со стороны за собственными психическими процессами или за собственным телом (например, чувство, что все происходит как будто бы во сне, чувство нереальности личности или тела, ощущение замедленного течения времени).

2. **Дереализация.** Постоянное или повторяющееся переживание нереальности окружающего (например, окружающий мир воспринимается как нереальный, напоминающий сновидение, отдаленный либо измененный).

Примечание: для использования данного подтипа необходимо исключить физиологический эффект действия препарата (провалы в памяти, поведение в состоянии алкогольной интоксикации) или другое медицинское состояние (например, комплексные парциальные припадки).

Б. Отсроченным началом. Если расстройство не соответствует **всем** критериям ПТСР в течение как минимум 6 месяцев после травматического события (хотя начало и проявление некоторых из симптомов может быть незамедлительным) [208].

Кроме этого, выделяются так называемые вторичные признаки ПТСР. К ним относят: алкогольную, медикаментозную или наркотическую зависимость; склонность к суицидальным мыслям и попыткам; депрессия; заболевания сердечно-сосудистой системы; боли различной этиологии, сексуальные дисфункции, девиантное поведение и др.

2.5.3. Методы диагностики ПТСР у ветеранов боевых действий

Начальным моментом оказания психологической помощи ветеранам войны является диагностика вида и уровня психологических последствий их участия в войне. На сегодняшний день разработано большое число диагностических методик, с помощью которых можно выявлять и оценивать ПТСР [259; 298; 321]. Среди них наиболее известными являются: структурированное клиническое диагностическое интервью (СКИД) и шкала для клинической диагностики ПТСР; шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС); миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (военный вариант); миннесотский многофакторный личностный опросник; опросник травматического стресса И. О. Котенёва; шкала оценки интенсивности боевого опыта; краткая шкала тревоги, депрессии и ПТСР (Б. Харт). Дадим краткую характеристику этих методик.

Развернутое клиническое интервью (Р. Скерфилд и А. Бланк) включает следующие разделы:

1. Обстоятельства жизни до армии.

2. Обстоятельства призыва в армию.

3. Военная подготовка до службы в зоне боевых действий (ЗБД).

4. Служба в зоне боевых действий: 1) получение известия о направлении в ЗБД; 2) убытие из страны; 3) прибытие в ЗБД; 4) военная специальность и служебно-боевые задачи, выполнявшиеся в ЗБД; 5) основные места службы в ЗБД и их хронология; 6) изменения в звании и должности; 7) отношение с начальниками; 8) боевые действия; 9) особенности службы тех, кто не участвовал в боевых действиях; 10) участие в главных операциях; 11) служба вне боевых действий; 12) отношение с местным населением; 13) изменения в отношении к службе и поведении в армии; 14) отношение к имеющим место уникальным особенностям войны; 15) стрессы и конфликты на национальной почве; 16) специфические психотравмирующие события; 17) положительные переживания, связанные со службой в ЗБД; 18) употребление алко-

голя и наркотиков; возможность отдыха и восстановления сил; 19) командировки домой; 20) моральные ценности войны; 21) особенности службы в период, близкий к возвращению на родину; 22) подготовка к возвращению; 23) возвращение на родину.

5. Обстоятельства увольнения в запас, награды, льготы, знаки отличия и т. д.

6. Особенности послевоенной адаптации.

Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций, обусловленных участием в боевых действиях (Mississippi Scale fjr Combat-Related PTSD), используется для определения у ветеранов степени выраженности ПТС реакций, объединенных в 6 групп (навязчивые воспоминания и депрессия, трудности общения, аффективная лабильность, проблемы памяти, нарушение сна и различные личностные проблемы), а также степени воздействия боевого стресса.

Шкала оценки степени воздействия травматического события (Impakt of Event Scale) (ШОВТС) для оценки двух видов реакций ветерана на травматический стресс (периодические повторные переживания того, что произошло, или избегание, уход от воспоминаний как о самом психотравмирующем событии, так и о всем, что может о нем напомнить). Результаты, полученные с помощью шкалы, позволяют также судить о фазе развития посттравматического процесса согласно концепции М. Горовица.

Опросник травматического стресса И. О. Котенёва (ОТС) предназначен для оценки выраженности симптомов постстрессовых нарушений на основе критериев, содержащихся в DSM-4. При составлении текста опросника были использованы отдельные пункты методик СМИЛ (MMPI в адаптации Л. Н. Собчик), ШРЛТ (шкала тревожности Ч. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина) и шкалы диссоциации DIS-Q (J. Vanderlinden, 1993). Большинство пунктов опросника имеют оригинальную авторскую формулировку и основываются на результатах многолетних исследований последствий психической травматизации у сотрудников ОВД.

Опросник состоит из инструкции, 110 пунктов-утверждений и бланка для ответов. Применяется 5-балльная шкала Лайкерта,

позволяющая испытуемому ранжировать каждое из утверждений (от «абсолютно верно» до «абсолютно неверно») в зависимости от его соответствия собственному состоянию. 56 пунктов являются «ключевыми» для оценки выраженности симптомов постстрессовых нарушений, 9 пунктов составляют 3 оценочные шкалы – «лжи», «аггравации» и «диссимуляции», позволяющие контролировать степень искренности испытуемого, его склонность подчеркивать тяжесть своего состояния или отрицать наличие психологических проблем. Кроме того, в опросник включены резервные и так называемые маскирующие утверждения, препятствующие непроизвольному пониманию испытуемым основной направленности теста. Помимо «прямых» утверждений, согласие с которыми испытуемого расценивается как наличие у него того или иного искомого признака (симптома), чтобы сбалансировать «тенденцию согласия» в опроснике имеются «обратные» пункты, отрицательные ответы на которые являются значимыми.

В настоящее время разработан автоматизированный вариант ОТС. В программе реализован удобный интерфейс как для испытуемого, так и для специалиста-пользователя, предусмотрены табличная (в «сырых» и Т-баллах) и графическая форма вывода результатов в виде «профиля посттравматической стрессовой реакции».

Кроме перечисленных выше опросников, для изучения ПТС применяются методики, разработанные в интересах диагностики отдельных психических феноменов, составляющих общую картину синдрома:

- тест психиатрической оценки Эндикотта и Шпицера;
- опросник Гилера;
- шкала SSS;
- опросник Вильсона и Крауса;
- опросник личностной и ситуационной тревожности Спилбергера – Ханина;
- опросник депрессивности Бека;
- опросник выраженности психопатологической симптоматики (шкала Дерогатиса);

- методика структурированного опроса участников психотравмирующих событий С. В. Долгополова;
- опросник жизненных событий Н. Г. Хохловой;
- методика оценки уровня психологического дистресса в экстремальных условиях служебной деятельности И. О. Котенёва.

В последнее время для диагностики ПТСР все чаще стали применяться приборы, измеряющие физиологические корреляты этого феномена и морфологические изменения различных структур головного мозга.

Перечисленные и другие методики диагностики ПТСР сегодня хорошо представлены в указанной выше литературе, поэтому нет необходимости давать здесь их полное описание.

Таким образом, посттравматическое стрессовое расстройство наряду или в сочетании с психологическим кризисом является одной из форм отсроченного переживания трудных ситуаций. Оно отмечается примерно у одного из пяти военнослужащих, подвергшихся воздействию психотравмирующих факторов. ПТСР характеризуется наличием четырех взаимосвязанных сиптомокомплексов: 1) повторного переживания травматических событий в памяти, мыслях, снах; 2) негативных когнитивных и эмоциональных явлений; 3) избегания всего, что напоминает о травматическом событии; 4) гиперреактивности.

Диагностика ПТСР осуществляется с помощью специально разработанных клинических интервью, текстовых и компьютеризованных опросников, методов оценки психофизиологического состояния ветеранов боевых действий.

2.5.4. Психологическая помощь ветеранам боевых действий, страдающим ПТСР

В настоящее время не существует устоявшейся точки зрения на результаты лечения ПТСР. Одни исследователи считают, что ПТСР – излечимое расстройство, другие – что его симптомы полностью не устраняются. Разные подходы к прогнозу успешности ПТСР связаны с тем, что оно обычно вызывает нарушения в социальной, профессиональной и других важных сферах жизне-

деятельности, которые трудно поддаются коррекции. Очевидно одно: лечение ПТСР – процесс длительный, может продолжаться несколько лет.

Известно, что существуют две основные формы психологической помощи: 1) индивидуальная и 2) групповая психотерапия.

В *индивидуальной психотерапии* в качестве основного инструмента лечебного воздействия выступает психолог (психотерапевт), а психотерапевтический процесс протекает в диаде психотерапевт – клиент.

Б. Д. Карвасарский выделяет следующие **виды индивидуальной психологической помощи:**

1. Индивидуальная, проводимая одним психологом (психотерапевтом), и биполярная, оказываемая двумя или несколькими терапевтами.

2. Комплексная помощь, представляющая сочетание индивидуальной терапии с другими формами психотерапии (фармако-, физио- или социотерапия).

3. Комбинированная помощь, совмещающая индивидуальную и групповую (или семейную) психотерапии, проводимые одним психотерапевтом.

4. Помощь, во время которой пациент проходит индивидуальную психотерапию у одного психотерапевта и одновременно участвует в семейной или групповой психотерапии у других психотерапевтов.

В психологической литературе обсуждаются **факторы** индивидуальной психологической помощи. К основным из них относятся:

1) хорошие отношения и сотрудничество между участниками процесса;

2) ослабление напряжения, основанное на способности пациента обсуждать проблему с лицом, от которого он надеется получить помощь;

3) познавательное обучение за счет информации, получаемой от психотерапевта;

4) оперантная модификация поведения военнослужащего за счет одобрения или осуждения со стороны психотерапевта и по-

вторяющегося коррективного эмоционального опыта в отношениях с психотерапевтом;

5) приобретение социальных навыков на примере психотерапевта;

6) убеждение и внушение – явное или скрытое;

7) применение или репетирование более адаптивных методик при условии эмоциональной поддержки со стороны психотерапевта.

Основными психологическими **механизмами**, производящими личностные трансформации, выступают: конфронтация, корригирующий эмоциональный опыт, научение и плацебо-эффект.

Механизм конфронтации состоит в осмыслении человеком своего столкновения с собственным «зеркальным Я», то есть со знанием того, как его оценивают в конкретной ситуации окружающие. Это столкновение становится возможным благодаря обратной связи. *Обратная связь* – безоценочные вербальные и невербальные реакции и образцы эффективного поведения других раненых, инвалидов, ветеранов войны, участников групповой психологической работы, демонстрируемые в ответ на активность конкретного военнослужащего. В результате получения и осмысления обратной связи человек осознает, что те или иные схемы его действий в жизненных ситуациях неэффективны, ущербны, а его Я-концепция страдает неточностями. Это осознание выступает в качестве мотивирующего образования, побуждающего человека к изменениям моделей своего поведения.

Механизм корригирующего эмоционального опыта состоит в переживании военнослужащим своего прошлого, текущего или потенциального опыта, в принятии его или отвержении в условиях действенной эмоциональной поддержки психолога (психотерапевта, группы). Пережитая трагедия в условиях выраженного сопереживания снимает накал ее травмирующего воздействия, силу регулирующего влияния на поведение и чувства человека.

Механизм научения проявляется в совокупности процессов, ведущих к формированию привычек и стереотипов поведения человека в типичных ситуациях. Такое научение происходит несколькими способами: методом «проб и ошибок» в процессе много-

кратных попыток эффективно разрешить ту или иную ситуацию; путем наблюдения и присвоения эффективных моделей поведения других участников групповой психологической работы; методом инсайта и др.

Под *плацебо-эффектом* принято понимать изменение в физиологическом или психологическом состоянии человека, вызываемое приемом плацебо – безвредного препарата, назначаемого под видом лекарственного средства. В процессе психологической работы с участниками боевых действий могут спонтанно возникать или специально создаваться психологом плацебо-эффекты, вызывающие у военнослужащих чувство происшедших с ними позитивных изменений, личностного роста. Средствами создания таких эффектов являются привнесение в процесс занятий некой сакральности, использование метафор в качестве моделей событий, регулярным подведением итогов тренинговых занятий с фиксацией ощущений участников о происшедших в них изменениях и др.

По срокам проведения индивидуальная психотерапия может условно делиться на **краткосрочную** (до 20, реже до 40 сут.) и **долговременную**.

Специалисты указывают на то, что краткосрочность служит одним из принципов, страхующих пациентов от развития «психотерапевтического дефекта», «бегства в психотерапию» и перекладывания ответственности за свою жизнь на психотерапевта. Долговременные формы индивидуальной психотерапии характерны для психодинамической (психоаналитической) психотерапии, которая может продолжаться до 7–10 и более лет при средней частоте психотерапевтических занятий 2–3 раза в неделю.

Критериями окончания терапии считаются следующие изменения в его состоянии, поведении: 1) пациент чувствует ослабление симптомов, которые воспринимаются как чуждые; 2) осознает свои характерные защитные механизмы; 3) способен принять и признать типичные для себя реакции переноса; 4) продолжает самоанализ в качестве метода разрешения своих внутренних конфликтов.

Психотерапевтические методы, применяемые при ПТСР

1. Рациональная психотерапия: клиенту разъясняют причины и механизмы ПТСР.

2. Методы психической саморегуляции для снятия симптомов напряжения и тревоги: аутотренинг, прогрессивная мышечная релаксация, активная визуализация положительных образов.

3. Когнитивная психотерапия: переосмысление дезадаптивных мыслей и изменение негативных установок.

4. Личностно-ориентированная терапия: изменение отношения пострадавшего к психотравмирующей ситуации и принятие ответственности если не за нее, то за свое отношение к ней.

5. Поведенческая психотерапия: изменение деструктивных поведенческих схем, купирование фобий.

Методы психологической работы с интрузией

Интрузия – симптомокомплекс ПТСР, отражающий динамическую модель психотравмы. Он включает различные непроизвольные «внедрения» в сознание и поведение лиц, переживших трудную ситуацию, сюжетов, связанных с травматическим событием (мысли, воспоминания, переживания, ночные кошмары, «флэшбэк-эффекты»).

Наиболее распространенным и драматическим симптомом в интрузии являются ночные кошмары.

Для избавления от ночных кошмаров в практике психологической помощи пострадавшим используются приемы «Рисунок сна», «Рассказ о сне», «Диалог со сном», «Модификация сна», «Завершение сна» и др. Главным корректирующим механизмом в этих приемах является инсайт – выход на понимание смысла и «функции» сна, его признание, принятие и прощание с ним. В ходе психологической работы в сознании страдающего сон из угрожающего, неприятного события должен трансформироваться в событие предупреждающее об опасности, побуждающее к конкретным действиям или отказу от каких-либо действий, ограждающее от опасных намерений, привычек, нейтральное или веселое и т. д.

Прием «Рисунок сна» состоит в детальной прорисовке сна и «понимании» его предупредительно-охранительного смысла. При

этом необходимо обсудить все элементы рисунка, выражающие этот смысл и придумать соответствующее название для сна («Бастион», «Блокпост», «Сигнализатор», «Периметр» и т. п.) На последующих этапах работы с рисунком можно попросить страдающего ночным кошмаром военнослужащего: а) дорисовать детали, превращающие сон в веселую картинку и придумать для него юмористическое название; б) придумать рассказ (сценарий для фильма) с позитивным окончанием на тему сна с участием военнослужащего в качестве главного героя.

Прием «Диалог со сном» предполагает использование двух «гештальт»-стульев. По предложению психолога военнослужащий занимает один из стульев и представляет на противоположном стуле свой сон. Психолог просит поприветствовать свой сон и задать ему вопрос. После этого военнослужащий пересаживается на противоположный стул и представляет себя в роли своего сна. Когда образ сна принят военнослужащим, он от имени сна отвечает на свой вопрос. Затем военнослужащий вновь возвращается на свой стул, возвращается в свою роль и задает сну следующий вопрос.

Задача психолога – подвести военнослужащего к вопросу «зачем ты мне снишься?» и к ответу, содержащему предупредительно-охранительный смысл сна.

Прием «Рассказ о сне» предполагает детальную вербализацию сна с выходом на понимание его «миссии» в жизни ветерана.

Прием «Модификация сна» заключается в таком изменении деталей сна, которые делают его нетравмирующим. Например, в наложении на сон успокаивающей музыки и мысленный просмотр сна с музыкальным сопровождением.

Прием «Завершение сна» предполагает такое его мысленное окончание, которое придает сну совершенно иной смысл и разрешает психологическую проблему. Например, необходимо представить, что сон на самом деле – съемка фильма с участием военнослужащего и она благополучно завершается. Трудность состоит в том, что необходимо научить военнослужащего оставаться в просоночном состоянии (не открывать глаза) после того, как приснится сон, «захватить» сон и досмотреть его по заранее разработанному совместно с психологом сценарию.

Высокоэффективными в отношении модификации и купирования ночных кошмаров являются широко известные техники нейролингвистического программирования: «Шестишаговый рефрейминг», «Наложение якорей», «Взмах».

Психологические приемы работы с избеганием

Избегание – симптомокомплекс ПТСР, включающий различные формы изоляции от мыслей, воспоминаний, переживаний, физических контактов со всем тем, что ассоциируется с травматическим событием и вызывает неприятные переживания субъекта трудной жизненной ситуации.

Одной из наиболее часто встречающихся и тяжело переживаемых форм избегания является фобия. В практике оказания психологической помощи пострадавшим в трудных ситуациях встречаются: болезненная боязнь вещей, связанных с травматической ситуацией, клаустрофобия (боязнь закрытых помещений), агорафобия (боязнь открытых пространств), гипсофобия (страх высоты), нозофобия (страх болезней), социофобия (страх убить, покончить с собой и др.), никтофобия (страх темноты).

Высокую эффективность в психологической помощи лицам, страдающим симптомами избегания, показывают методы, такие как: систематическая десенсибилизация, иммерсия, парадоксальная интенция, рациональная психотерапия, аутогенное отреагирование, аутогенная вербализация, аверсивная терапия.

Метод систематической десенсибилизации основывается на поведенческом принципе противообусловливания, утверждающего, что субъект может преодолеть дезадаптивное поведение, вызванное ситуацией или предметом, путем постепенного приближения к вызывающим страх ситуациям, нивелируя возникающую при этом тревогу состоянием релаксации. Страх, тревога могут быть подавлены, если объединить во времени стимулы, вызывающие страх, и стимулы, антагонистичные страху. Таким стимулом является релаксация.

Сущность методики заключается в том, что у человека, находящегося в состоянии глубокой релаксации, вызываются представления о ситуациях, приводящих к возникновению страха.

Затем путем углубления релаксации он снимает возникшую тревогу. В воображении представляются различные ситуации – от самых легких до вызывающих наибольший страх. Процедура заканчивается, когда самый сильный стимул перестает вызывать у человека страх. Выделяются три этапа в выполнении методики: *первый* – овладение экспресс-методикой мышечной релаксации; *второй* – составление иерархии (лестницы) страхов по отношению к конкретному объекту, от самых легких до наиболее тяжелых (например, посредством постепенного изменения расстояния до объекта, размера объекта, степени открытости-закрытости пространства и т. п.); *третий* – собственно десенсибилизация (мысленное медленное прохождение по лестнице страхов с выполнением приемов релаксации в случае возникновения психического напряжения).

Военнослужащий воображает, что он становится на очередную ступень страха в течение 5–7 сек., затем устраняет возникшую тревогу путем усиления релаксации. Период длится до 20 сек. В течение одного занятия могут преодолеваться 3–4 ступени лестницы страха [145].

С военнослужащим обсуждается *методика обратной связи* – информирование человеком психолога о наличии или отсутствии у него страха в момент представления ситуации. Например, об отсутствии тревоги сообщается поднятием указательного пальца правой руки, о наличии ее – поднятием пальца левой руки.

В целях коррекции страхов наряду с методикой систематической десенсибилизации применяется метод «иммерсии» (затухания, угасания, погружения). **Метод иммерсии** – метод поведенческой психотерапии, основанный на демонстрации пациенту объектов, вызывающих страх, без расслабления, но в присутствии психотерапевта. Главным здесь является систематическая экспозиция (демонстрация, предъявление) объекта страха.

Опыт показывает, что можно, как и при систематической десенсибилизации, прорисовывать лестницу страхов и реально проходить по ней при психологической поддержке психолога.

К иммерсивным методикам относится также **метод парадоксальной интенции** – метод В. Франкла, основанный на осуществ-

лении пациентом того, чего он боится, с чувством юмора. Метод применяется при фобии – страхе ожидания повторения симптома.

Юмор дает возможность занять дистанцию по отношению к самому себе, своему страху, и тем самым обрести над собой полный контроль. Парадоксальное предложение формулируется в юмористической форме. При использовании данного метода важно, чтобы человек сам захотел осуществить то, что он боится сделать.

В отличие от метода систематической десенсибилизации в методах иммерсии и парадоксальной интенции не используется состояние релаксации, поэтому они могут быть применены для работы с психическими травмами малой интенсивности и невротическими страхами.

Одним из наиболее эффективных и вместе с тем доступных для широкого освоения методов психологической реабилитации является **рациональная психотерапия**. У истоков ее создания стоял швейцарский профессор Поль Дюбуа. Он утверждал, что лечение психических расстройств должно быть прежде всего психическим, заключающемся во влиянии на рассудочную деятельность больных и в воспитании их воли, что истинный специалист больше поможет пациенту словом, нежели лекарством и лечебными процедурами. При этом П. Дюбуа подчеркивал, что моральное влияние специалиста, осуществляющего реабилитацию больного, зависит от глубины убеждения и силы искренности.

В основе метода лежит правильная, доступная пониманию человека трактовка характера и причин возникновения травматического стресса путем логического переубеждения, обучения правильному мышлению. Цель психотерапевтической работы – разъяснение пострадавшему характера, причин и механизмов возникновения негативных последствий психотравмирующего стресса для того, чтобы убедить его, что такие состояния являются нормальной, естественной реакцией человека на ненормальные обстоятельства.

Рациональная психотерапия – метод, в котором используется способность человека проводить сопоставление, делать выводы, доказывать их обоснованность. Данным методом психотерапевт воздействует на искаженные представления пациента, создающие

дополнительный источник эмоциональных переживаний. Основными направлениями воздействия считаются: снятие неопределенности, коррекция противоречивости, непоследовательности в представлениях пациента, прежде всего касающихся его болезни, убеждение пострадавшего, обучение его правильному мышлению, так как считается, что психические расстройства являются следствием ошибочных суждений, умозаключений больного по причине недостатка необходимой информации. Рациональная психотерапия проводится в форме беседы с военнослужащими, подвергшимися психотравматизации. В процессе беседы психолог, врач или другой подготовленный специалист решает ряд психокоррекционных задач:

- сообщение потерпевшему о происшедшем с ним событии, раскрывает сущность данного вида психической травмы, механизм ее действия. При этом главным является разъяснение того, что это расстройство не уникальное, а широко распространенное явление;
- убеждение пострадавшего в возможности и неизбежности успешного преодоления возникшей неблагоприятной ситуации и полного выздоровления;
- демонстрация примеров волевого поведения других участников в аналогичной ситуации;
- подкрепление продуктивных мыслей и высказываний пострадавшего;
- разъяснение пагубности безвольного поведения, самоподчинения недугу;
- разъяснение пострадавшему его положения как человека, временно утратившего дееспособность.

Средствами психологического воздействия здесь выступают: убеждение, переубеждение, разъяснение, отвлечение, ободрение, авторитет, престиж и знания лица, осуществляющего психологическую помощь. Существенной характеристикой данного вида психотерапии является его директивность, а следовательно, небольшая продолжительность сеансов.

Успех рациональной психотерапии зависит от учета индивидуальных установок больного и его возможностей, последовательной систематической работы с ним.

Для лиц, перенесших психотравмирующий стресс, ипользуют приемы аутогенной нейтрализации (методика Лутэ): аутогенное отреагирование и аутогенную вербализацию.

Аутогенное отреагирование [145]. Для нейтрализации отрицательных переживаний используются приемы повторения тех ситуаций, которые явились причиной психической травмы. Пациент с закрытыми глазами рассказывает о всех появляющихся в состоянии аутогенного расслабления сенсорных образах.

Аутогенная вербализация осуществляется в тех случаях, когда психотравмирующие переживания поддаются точному описанию. Вербализация определенной темы (например, «агрессия», «страх», «чувство вины» и т. п.) проводится в состоянии аутогенного расслабления до тех пор, пока пациент не заявляет, что сказать ему уже нечего.

Вскрытие и отреагирование психотравмы ведет к ее нейтрализации и выздоровлению. Иногда процесс «воспроизведения» психотравмирующих причин завершается бурной аффективной реакцией (аутокатарсис).

Модификацией описанной методики Лутэ является «Аутогенная терапия памяти», предложенная В. С. Лобзиным и М. М. Решетниковым (1986).

Авторы считают, что болезненные психотравмирующие переживания связаны с прошлым травматическим опытом пациента, «актуально присутствующим в его сознании в виде мучительных воспоминаний». Сами пациенты избегают рассказывать о таких неприятных воспоминаниях. В подобных случаях психотерапевт разъясняет больному, что именно мучительные воспоминания являются причиной болезненных переживаний, которые могут пройти только после многократного образного их воспроизведения, выполненного как можно детальнее, с представлением обстановки, времени действия и ситуации. Воспоминания обязательно должны сопровождаться вербализацией, которая облегчается в состоянии аутогенного погружения. Отреагирование психотравмирующих воспоминаний приводит к их нейтрализации и улучшает состояние психотравмированного человека.

Итак, методы психологической помощи военнослужащим с симптомами избегания весьма разнообразны и эффективны. Каждый частный случай требует использования конкретной методики. Важно, чтобы военный психолог чутко определял эту необходимость.

Психологическая работа с гипермобилизацией (гиперактивностью)

Гиперактивность – симптомокомплекс ПТСР, включающий трудности с засыпанием или плохой сон (ранние пробуждения), раздражительность или вспышки гнева, затруднения с сосредоточением внимания, повышенный уровень тревожности, гипербдительность, состояние постоянного ожидания угрозы, гипертрофированная реакция испуга, болевые ощущения.

Для психологической помощи лицам, страдающим гиперактивностью, гиперреактивностью, гипермобилизацией, показаны следующие методы.

Аутотрениг (по И. Шульцу)

Активным методом психотерапии, психопрофилактики и психогигиены, направленным на восстановление динамического равновесия системы гомеостатических саморегулирующих механизмов организма человека, нарушенного в результате воздействия психотравмирующего стресса, является аутогенная тренировка. Аутогенная тренировка (АТ) (от греч. autos – сам, genos – происхождение) – самовнушение в состоянии релаксации (низшая ступень) и гипнотического транса (высшая ступень).

Как лечебный метод АТ была предложена для лечения неврозов Шульцем в 1932 г. Воздействие АТ на организм сопровождается снижением общей тревожности и развитием антистрессовых тенденций.

Выделяют две ступени АТ (по Шульцу): 1) низшая ступень (АТ-1) – обучение релаксации с помощью упражнений, направленных на вызывание ощущения тяжести, тепла, на овладение ритмом сердечной деятельности и дыхания; 2) высшая ступень (АТ-2) – аутогенная медитация – создание трансовых состояний различного уровня.

Низшую ступень составляют шесть стандартных упражнений, которые выполняются в одной из трех поз: 1) «поза кучера» – сесть на стул, слегка опустить вперед голову, кисти и предплечья положить свободно на переднюю поверхность бедер, ноги свободно расставить; 2) положение лежа на спине, голова на низкой подушке, руки несколько согнуты в локтевом суставе, свободно лежат вдоль туловища ладонями вниз; 3) полулежа – облокотившись на спинку кресла, руки положить на переднюю поверхность бедер или на подлокотники, ноги свободно расставить. Во всех трех положениях достигается полная расслабленность, для лучшей сосредоточенности глаза закрыты.

Упражнения выполняются путем мысленного повторения (5–6 раз) соответствующих формул самовнушения. Каждое из упражнений заканчивается формулой-целью: «Я совершенно спокоен».

Данные упражнения: 1) вызывают ощущение тяжести и тепла в руках и ногах; 2) регулируют ритм сердечных сокращений; 3) нормализуют и регулируют дыхательный ритм; 4) вызывают ощущение тепла в брюшной полости, прохлады в области лба в целях предотвращения и расслабления головных болей.

Показателем усвоения очередного упражнения является генерализация ощущений. Например, упражнение по внушению тепла в конечностях считается усвоенным тогда, когда тепло начинает разливаться по всему телу.

На проработку каждого упражнения уходит две недели. Весь курс АТ-1 длится около трех месяцев. Занятия проводятся в группах 1–2 раза в неделю под руководством психотерапевта, продолжительность занятия – 15–20 мин. Самостоятельные тренировки пациентов проводятся дважды в день (утром, перед тем как встать, и вечером, перед сном).

В аутогенном погружении пациент приступает к направленному против определенных психотравмирующих переживаний самовнушению.

Выделяют пять типов *формул-намерений:* 1) нейтрализующие, использующие вариант самовнушения «все равно»: «Потеря работы все равно» – при переживании увольнения; 2) усиливающие,

например: «Я знаю, что проснусь, когда начнутся кошмары»; 3) абстинентно-направленные (абстиненция – синдром психических и физических расстройств, возникающий при внезапном прекращении употребления алкоголя, наркотических веществ и т. п.), например: «Я знаю, что не приму ни одной капли алкоголя, ни в какой форме, ни в какое время, ни при каких обстоятельствах»; 4) парадоксальные, например: «Я хочу думать о своей психотравме как можно чаще» (при вторжении психотравмирующих воспоминаний); 5) поддерживающие, например: «Я знаю, что не завишу от полученной психотравмы» (при сильной актуализации переживаний в повседневной деятельности человека).

Упражнения низшей ступени воздействуют по преимуществу на вегетативные функции. В целях оптимизации высших психических функций Шульц разработал высшую ступень аутогенной тренировки (АТ-2), упражнения которой должны научить вызывать сложные переживания, приводящие к излечению через «аутогенную нейтрализацию» и «самоочищение» (катарсис). Стандартные упражнения АТ-1 считаются лишь подготовкой к основному лечению. К высшей ступени аутогенной тренировки относят упражнения, цель которых заключается в тренировке процессов воображения (со способностью к *визуализации* представлений) и *нейтрализации* психотравмирующих переживаний.

В основе упражнений АТ-2 лежит *медитация. Медитация* (meditor (лат.) – размышляю, обдумываю) – всякое сосредоточение мысли, всякая концентрация внимания на чем бы то ни было.

Прежде чем приступить к аутогенной медитации, тренирующийся должен научиться удерживать себя в состоянии аутогенного погружения длительное время (по часу и более).

Для лиц, перенесших психотравмирующий стресс, помимо упражнений АТ-1 и АТ-2, используют приемы аутогенной нейтрализации (методика Лутэ): аутогенное отреагирование и аутогенную вербализацию.

Нервно-мышечная релаксация (метод Джекобсона)

Эффективной методикой лечения страхов, фобических состояний, субъективного чувства тревоги, формирования более спо-

койной психологической установки у лиц, перенесших психотравмирующий стресс, является прогрессивная нервно-мышечная релаксация Джекобсона. Метод Джекобсона – прогрессивная мышечная релаксация, достигаемая путем первоначального напряжения и последующего расслабления мышц; процесс формирования способности улавливать напряжение в мышцах и чувство мышечного расслабления, осуществляемые с помощью концентрации внимания.

Джекобсон называет свой метод «прогрессивным» по следующим причинам:

1. Человек обучается в определенной последовательности выборочно ослаблять напряжение в конкретной мышце. Для достижения максимального расслабления в любой мышце может потребоваться несколько минут.

2. Человек напрягает и расслабляет определенные мышцы тела таким образом, что весь процесс прогрессирует от расслабления основных мышечных групп до расслабления всего тела или какой-то его части.

3. При постоянных ежедневных занятиях у человека отмечается прогрессирующая тенденция к развитию «привычки отдыхать» – психологической установки, характеризующейся меньшей возбудимостью и стрессоустойчивостью. Релаксация оказывает тормозящее воздействие на стрессовую реакцию, так как человек не может одновременно испытывать тревогу и состояние расслабления.

Основной принцип действия метода Джекобсона – обучение различению напряжения и расслабления.

Все мышцы тела делятся на шестнадцать групп. Выделяют следующую последовательность упражнений: от мышц верхних конечностей (от кисти к плечу, начиная с доминантной руки), к мышцам лба (лоб, глаза, рот), шеи, грудной клетки и живота и далее к мышцам нижних конечностей (от бедра к стопе, начиная с доминантной ноги).

Упражнения начинаются с кратковременного, 3–5-секундного напряжения первой группы мышц, которые затем полностью расслабляются; внимание пациента сосредоточивается на чувстве релаксации в этой области тела.

После беседы с больным, в процессе которой психотерапевт объясняет механизмы лечебного воздействия мышечной релаксации, подчеркивая, что основной целью метода является достижение расслабления поперечно-полосатых мышц в покое, с больным проводится обучающий сеанс, который включает ряд последовательных этапов.

В предварительных инструкциях сообщается о месте, времени, порядке напряжения и расслабления мышц. В основных инструкциях пациенту предлагается устроиться поудобнее, закрыть глаза, снять с себя мешающую одежду и сосредоточиться на дыхании. Упражнения начинаются со слов психотерапевта: «Готовы? Начали».

В завершающей части психотерапевт перечисляет все мышцы, которые активизировались и расслаблялись, и заставляет пациента расслабить их еще сильнее. Переход к бодрствованию осуществляется на счет до десяти.

Методика нервно-мышечной релаксации представляет собой навык, который может быть развит только посредством постоянной тренировки, осуществляемой под руководством психотерапевта и в домашних условиях.

Техника лечения включает три этапа.

Первый этап. Больной ложится на спину, сгибает руки в локтевых суставах и резко напрягает мышцы рук, вызывая тем самым ясное ощущение мышечного напряжения. Затем руки расслабляются и свободно падают. Так повторяется несколько раз. При этом нужно зафиксировать внимание на ощущении мышечного напряжения и расслабления.

Второе упражнение – сокращение и расслабление бицепсов. Сокращение и напряжение мышц должны быть сначала максимально сильными, а затем все более и более слабыми (и наоборот). При этом необходимо зафиксировать внимание на ощущении самого слабого напряжения мышц и полного их расслабления.

После этого пациент упражняется в напряжении и расслаблении мышц-сгибателей туловища, шеи, плечевого пояса, наконец, мышц лица, глаз, языка, гортани, участвующих в мимике и акте речи.

Второй этап (дифференцированная релаксация). Больной в положении сидя учится напрягать и расслаблять мускулатуру, не участвующую в поддержании тела в вертикальном положении; далее – расслаблять при письме, чтении, речи мышцы, не участвующие в этих актах.

Третий этап. Больному предлагается путем самонаблюдения установить, какие группы мышц у него более всего напрягаются при различных отрицательных эмоциях (страх, тревога, волнение) или болезненных состояниях (боли в области сердца, гипертония и т. п.). Затем посредством релаксации отдельных мышечных напряжений можно научиться избавляться от отрицательных эмоций или болезненных проявлений.

Курс лечения длится от 3 до 6 месяцев. Групповые занятия – 2–3 часа в неделю. Самообучение на дому – 1–2 раза в день по 15 мин.

В зависимости от потребностей больного психотерапевт включает в упражнения специфические мышечные группы и даже отдельные мышцы. Важно научить пациента расслаблять лицевые мышцы, особенно мышцы зева, глаз и рта для достижения максимального расслабления.

Экспресс-методы психической саморегуляции

Выбор метода психической саморегуляции в решающей степени обусловливается особенностями ситуации переживания стресса. В динамично протекающей экстремальной ситуации (катастрофа, боевые действия) некоторые из вышеперечисленных методов покажутся сложными и неуместными. В таких и некоторых других ситуациях наиболее эффективными могут оказаться экспресс-методы психической саморегуляции. Они отличаются следующими особенностями: просты в овладении и выполнении, не требуют много времени на выполнение процедур (1–3 мин.), эффективны (результат обнаруживается уже в процессе выполнения приемов), не влекут негативных побочных явлений (например, сонливости) и др.

Наиболее эффективными из экспресс-методов являются следующие:

1. **Дыхательные приемы.** Известно, что нервные импульсы из дыхательных центров мозга распространяются на его кору и изменяют ее тонус. При этом тип дыхания с коротким и энергичным вдохом и медленным выдохом вызывает снижение тонуса центральной нервной системы, обусловливает снятие эмоционального напряжения. Медленный вдох и резкий выдох тонизируют нервную систему, повышают активность ее функционирования. Для того чтобы в стрессогенной ситуации обрести спокойствие, снять чрезмерную или неактуальную психическую напряженность, необходимо выполнить 8–10 коротких вдохов (используя движения нижней части живота) и медленных продолжительных выдохов. И напротив, для того чтобы максимально мобилизоваться, побороть сомнения в своих силах, преодолеть «мандраж», необходимо выполнить 8–10 дыхательных процедур с медленным продолжительным вдохом и резким энергичным выдохом.

Известны также приемы «Успокаивающее дыхание», «Мобилизующее дыхание» и др.

2. **Приемы управления тонусом скелетной мускулатуры.** Они основываются на том факте, что произвольное расслабление скелетной мускулатуры действует на человека расслабляюще, успокаивающе, а напряжение, напротив, активизирующе, мобилизующе. Известны приемы «Расслабление по контрасту», «Релаксация» и др. Для «разрядки» негативных переживаний (страх, неуверенность в себе, беспокойство и др.) необходимо выполнить упражнение по типу «*Релаксация».* Оно выполняется в три этапа. На первом этапе, заметив негативные изменения в своем состоянии (тревога, повышенная чувствительность к внешним воздействиям, раздраженность, сухость во рту, скованность, неспособность сосредоточиться на чем-либо и т. п.), нужно найти ту группу мышц, которая в данный момент наиболее напряжена. На втором этапе необходимо прочувствовать, как непосредственно связаны между собой плохое самочувствие и напряжение в мышцах. На третьем этапе требуется волевым усилием расслабить напряженные мышцы. Для этого можно представить, что они становятся тестообраз-

ными, вялыми. Как правило, улучшение психического состояния происходит практически мгновенно.

Разрядке негативных эмоциональных состояний и поддержанию бодрого настроения поможет упражнение *«Расслабление по контрасту»*. Здесь релаксация достигается через напряжение. Нужно напрячь, к примеру, кисти рук, а затем максимально их расслабить и т. п. Вместе с расслаблением должно прийти и ощущение освобождения от напряжения, которое нужно всячески усиливать.

3. **Воздействие на биологически активные точки** и другие приемы.

В процессе реабилитации очень важным моментом является решение отдельных психологических проблем инвалидов войны, например купирование актуальных болевых ощущений, избавление от ночных кошмаров и др. Для решения этих проблем также подходят экспресс-психотехники.

Для купирования боли применяются методики «Рисунок боли», «Выдыхание боли», «Образ боли», «Контекст», «Перегрузка» и др.

Прием «Рисунок боли» предполагает в момент эскалации болевого ощущения детальное изображение образа боли на бумаге. Психологическим механизмом купирования боли является отвлечение внимания от болевого ощущения.

Прием «Выдыхание боли». Находясь в любом положении, надо расслабиться, установить ровное дыхание. Затем, делая вдох, представить, что в груди формируется облако целительных жизненных сил, к примеру, серо-голубого цвета. Далее представить болевой участок, «увидеть» больной орган, имеющий коричнево-черный цвет. После чего, делая медленный выдох, направить целительное облако на больной орган, наблюдая, как оно обволакивает болевой участок, вырывает куски боли и выбрасывает из тела. Упражнение надо повторять до тех пор, пока оно не «вычистит» болящий орган и последний не приобретет естественный цвет.

Прием «Образ боли» предполагает работу с субмодальностями – качествами образа боли – последовательное изменение

таких качеств образа боли, как температура, цвет, материал от неприятных до приятных. На последнем этапе целесообразно представить боль. Например, в виде воздушного шара, улетающего от болезненного места.

Прием «Перегрузка» предполагает во время переживания боли детально описывать все находящиеся в помещении предметы, последовательно перемещаясь из угла в угол.

Прием «Контекст» предполагает представление такого контекста переживания боли, в котором человек перестает о ней думать. Например, при переживании болевого ощущения следует представить ситуацию чрезвычайной опасности (появление в комнате тигра). Важно рефлекторно закрепить («заякорить») болевое ощущение с ситуацией опасности.

Психологическая помощь пострадавшим методом групповой психотерапии

Групповая психотерапия рассматривается как один из основных методов оказания психологической помощи лицам, перенесшим психотравмирующий стресс. Она может охватывать большое количество людей и постепенно активизировать здоровые защитные механизмы. Групповая психотерапия помогает облегчать симптоматику, позволяет менять позицию отдельных членов группы и усиливать у них чувство принадлежности к группе с помощью внутригрупповых взаимодействий и эмоциональных реакций. Принадлежность к категории людей, которые пережили сходные психотравмы, поддерживает индивида. Группа побуждает индивида к проявлению эмоций и подавляемых чувств так, чтобы он мог сосредоточиться на действительности и осуществлении своих наиболее неотложных потребностей.

Еще в 1944 г., подчеркивая роль группового подхода в повышении эффективности реабилитации ветеранов, Г. Роум выделил факторы, способствующие эффективности его использования: подобие психологических проблем у членов группы; снижение внутренней психической напряженности; преодоление чувства неполноценности; доверительные отношения между психотерапевтом и пациентом; контролируемое эмоциональное раскрепо-

щение; контролируемый глубинный анализ проблем; дополнение групповой работы (при необходимости) индивидуальной [312].

Р. Гринкер и Д. Шпигель (1945) отмечали, что эффективность групповой психотерапии с ветеранами обеспечивается тремя факторами: развитием положительных отношений между психотерапевтом и пациентами, свободным выражением чувств, возможностью более детального анализа психологических проблем [312].

Основная цель групповой психотерапии – помочь вербализовать свои чувства, учить людей понимать свои эмоции и легче с ними справляться.

Эффективность групповой психотерапии обеспечивается тремя факторами: развитием положительных отношений между психологом и клиентами, свободным выражением чувств, возможностью более детального анализа психологических проблем.

Основными методами групповой психологической помощи лицам, переживающим психологический кризис, являются:

1. Обсуждение стресса.
2. Дебрифинг стресса критических инцидентов.
3. Рэп-группы.
4. Мультимодельная семейная психотерапия.
5. Реабилитационный тренинг.
6. Психодрама, социодрама.
7. Общество анонимных алкоголиков и др.

В 1970 г. группой американских психотерапевтов (R. Lifton, C. Shatan, F. Pincus и др.) были организованы так называемые «rap»-группы ветеранов из организации «Вьетнамские ветераны против войны» для оказания помощи в преодолении психологических последствий войны и в осмыслении своего военного опыта. Доверительная атмосфера, взаимная эмоциональная поддержка, неформальный характер групп способствовали эффективности психологической помощи [312].

«Rap»-группы продолжали традиции групп с ограниченной ролью ведущего (центрированные на клиенте группы «горячего» стула, свободно «плавающие» группы, группы в стиле «Ялома» и т. д.) или вообще без ведущего (группы дважды рожденных, организованные в Сан-Франциско).

«Rap»-группы, как правило, объединяют людей, переживших психотравмирующие события, в целях оказания им психотерапевтической помощи.

По мнению Д. Смита, «rap»-группы являются средством для описания, изучения, трансформации и структурирования неупорядоченного травматического опыта.

К. Скерфилд считает, что «rap»-группы позволяют:

- преодолеть чувство изолированности через ощущение общности с другими ветеранами, эмоциональный «комфорт» и поддержку;
- преодолеть чувство неполноценности и восстановить чувство собственного достоинства;
- «переработать» травматический опыт среди людей, способных его понять;
- эмоционально раскрепоститься.

«Rap»-группа, по Д. Смиту, группа, позволяющая ее участникам описать, изучить, трансформировать и структурировать неупорядоченный психотравмирующий опыт [312].

Выделяются три уровня развития группы:

1. **Информационные (вводные) группы.** Их целью является постепенное подведение людей к дискуссии об их психологических проблемах, информирование о возможных психологических последствиях психотравмирующей ситуации. В группах данного уровня могут решаться задачи по оказанию помощи в преодолении навязчивых воспоминаний, состояния горя и депрессии, страхов, социальной отчужденности, повышения самоконтроля и активности в общении.

2. **Побуждающие (работающие) группы.** Цель – создание условий для анализа прошлого психотравмирующего опыта и соотнесение его с актуальной жизнедеятельностью. В эту группу могут включаться лица с различным травматическим опытом для расширения диапазона обсуждаемых психологических проблем, углубления доверия к другим людям и открытости во взаимоотношениях, помощи в осознании своего негативного Я-образа, углубления процесса самопознания, расширения компетентности в общении.

3. **Группы, рассчитанные на длительный период.** Основная цель – взаимопомощь. Обсуждаются актуальные психологические проблемы и допускается участие лиц, не имевших психотравмирующего опыта. Такое постепенное расширение круга участников позволяет приближать условия группы к реальному окружению психотравмированной личности. Ставится задача достичь более глубоких личностных изменений.

Э. Парсон разработана модель многократной «rap»-группы, которая подразумевает группы, рассчитанные на три фазы психотерапевтического процесса [312]. В группу первой фазы включаются только ветераны, участвовавшие в боевых действиях. На этой фазе оказывается помощь:

- в преодолении навязчивых воспоминаний о войне, чувства вины, ощущения на себе «печати смерти», состояния горя и депрессии;
- в преодолении фобических реакций, состояния эмоционального оцепенения, социальной отчужденности, в повышении самоконтроля и открытости в общении;
- в осмыслении травматического опыта, восстановлении самотождественности, чувства принадлежности к миру людей, пробуждении желания восстановить прерванные отношения с другими людьми и проявлении активности во всех сферах жизнедеятельности.

Вторая фаза групповой психотерапии подразумевает включение в «rap»-группы ветеранов войны, не принимавших участия в боевых действиях. Это позволяет расширить диапазон обсуждаемых психологических проблем. Задачами данной фазы является углубление у ветеранов доверия к другим людям, проявление открытости во взаимоотношениях, в осознании своего «фальшивого Я» и его проявлении в общении, стимулирование перехода от «зеркально-рефлекторных» форм общения к его более зрелым формам.

После решения задач первых двух фаз считается возможной организация психоаналитически ориентированной фазы, во время которой в группу включаются лица, не являющиеся ветеранами, в том числе женщины. Такое постепенное расширение круга участ-

ников группового процесса позволяет приближать условия группы к реальному окружению ветерана в жизни и имеет больший психотерапевтический эффект. В процессе третьей фазы ставится задача достигнуть более глубоких личностных изменений через осмысление подсознательных явлений психической жизни, а также дальнейшая «проработка» личностных проблем, обусловленных участием в боевых действиях.

Дебрифинг стресса критических инцидентов

Наиболее распространенной и широко применяемой формой групповой рациональной терапии является психологический дебрифинг стресса критических инцидентов (психологический дебрифинг), то есть организованное обсуждение стресса, совместно пережитого военнослужащими при решении задач боевой деятельности.

Цель дебрифинга – минимизация и купирование психических страданий военнослужащих.

Задачами группового обсуждения стресса являются:

- проработка впечатлений, реакций и чувств;
- формирование у участников понимания сущности происшедших событий и психотравматического опыта;
- уменьшение ощущения уникальности и паталогичности собственных реакций путем обсуждения чувств и обмена переживаниями;
- мобилизация внутренних ресурсов, групповой поддержки, солидарности и понимания;
- снижение индивидуального и группового напряжения;
- подготовка к переживанию тех симптомов и реакций, которые могут возникнуть в последующем и др.

Дебрифинг проводится с группами до 15 военнослужащих, совместно пережившими психотравмирующее событие в ближайшие 48 часов после его окончания. Практика показывает, что наиболее эффективным является вариант дебрифинга, который проводится подготовленным к групповой работе командиром подразделения, пережившим вместе с подчиненными неблагоприятное событие.

Выделяются 7 фаз, через которые проходит группа в процессе своей работы [214; 348]:

1. Вводная фаза – знакомство с группой, разъяснение целей, задач и правил проведения группового обсуждения, создание обстановки психологической безопасности и комфорта.

2. Фаза «Факты» – участники группы рассказывают о том, что они наблюдали, что делали в бою и на основе этого составляется более или менее целостная картина происшедшего. На этой фазе выражать собственные эмоции, высказывать оценочные суждения нецелесообразно.

3. Фаза «Мысли» – обсуждаются первые мысли, которые возникли у участников при наступлении травматического события.

4. Фаза «Чувства» – осуществляется переход от описания фактов к рассказу о внутренних психологических реакциях военнослужащих на них. Впечатления, эмоциональные реакции, импульсивные поступки каждого участника экстремального события делаются достоянием всей группы. Ведущим принимаются меры для включения всех военнослужащих в групповую работу, недопущения «узурпации» права на высказывание одним и превращения в безмолвных слушателей других. Он обращает внимание на то, что, высказываясь о пережитом, военнослужащие переживают сильный стресс, и хотя это происходит в обстановке отсутствия реальной опасности, они нуждаются в понимании и поддержке сослуживцев.

5. Фаза «Симптомы» – на данном этапе предметом группового обсуждения становятся эмоциональные, физиологические и поведенческие реакции и симптомы посттравматического стресса, изменения в самосознании и самооценке военнослужащих. Знакомясь с перечнем симптомов, характерных для психологических последствий конкретных психотравмирующих событий, каждый участник понимает, что его переживания не уникальны. Отражаясь в других людях через обратную связь, замечая в высказываниях других людей то, о чем сам сказать не смел, каждый участник лучше познает себя, свои чувства, переживания.

6. Фаза «Информирование» – разъяснение военнослужащим психологической сущности постстрессовых расстройств как «нор-

мальных реакций на ненормальные условия боевой обстановки», способов преодоления отрицательных психологических последствий боевого стресса. Здесь может быть зачитан общий список реакций участников на стресс-факторы боевой обстановки.

7. Фаза «Закрытие прошлого» – подведение своеобразного итога того, что было пережито. В терминах будущего определяются стратегии преодоления отрицательных последствий боевого стресса, случаи, в которых участник должен искать дополнительную психологическую помощь. Такими случаями являются: наличие постстрессовых симптомов спустя 6 месяцев после дебрифинга; эскалация названных симптомов; наличие затруднений в выполнении простейшей работы или резкое снижение работоспособности.

При проведении дебрифинга следует строго придерживаться правил групповой работы, а именно: добровольность; конфиденциальность; исключение взаимных оценок, критики, недоброжелательности; работа без перерывов с правом выхода участников при необходимости; свобода в постановке любых вопросов, связанных с пережитыми событиями и собственными состояниями; предупреждение участников о возможности повторного переживания во время работы негативных эмоций и чувств и о необходимости таких переживаний в интересах поисков путей их преодоления; ведение разговора лишь о своих переживаниях, а не о реакциях других людей.

Дебрифинг помогает лучше понять природу травматического стресса, его симптомы, овладеть способами эффективного их преодоления, предупредить возможность возникновения отсроченных отрицательных последствий.

Ю. М. Волобуевой (Караяни) совместно с А. Г. Караяни разработана методика и технология **Я-гармонизирующего (реабилитационного) тренинга** с лицами, переживающими психологический кризис (на примере инвалидов боевых действий) [140].

Такой тренинг нацелен на социально-психологическую коррекцию Я-концепции инвалидов боевых действий и представляет специфическую форму их обучающего взаимодействия, в которой участники при содействии ведущего включаются в своеобразный

опыт интенсивного общения, ориентированного на выявление ими функциональной неадекватности, структурной разбалансированности временной дезориентированности Я-концепции, порождение мотивации на выбор путей и методов ее гармонизации. Тренинг решает 4 задачи:

1. Восстановление нарушенной временной протяженности и дезориентированности Я-концепции пострадавшего.

2. Повышение интернальности в самовосприятии и восприятии собственной жизни.

3. Преодоление конфликта между Я-образами личности.

4. Актуализация жизневозвышающей стратегии бытия.

Желаемое изменение Я-концепции пострадавшего может достигаться как длительным влиянием ближней и дальней социальной среды, так и непродолжительным воздействием социума или его моделью. Одной из форм временного гармонизирующего социума и является Я-гармонизирующий тренинг.

Дезориентированный темпоральный модус инвалидов корректировался с помощью психотехнических процедур, «открывающих» инвалиду его жизненный путь во всей его целостности: «Рефлексия «линии жизни», «Сравнение жизненных линий», «Взгляд в будущее».

Коррекция каузального модуса осуществлялась с помощью психотехник, объективирующих ошибочную интерпретацию инвалидом роли и установок его социального окружения: «Сон в летнюю ночь», «Меня заставили» и др.

Конфликтность Я-образов снималась приемами, порождающими конфронтацию между старыми, привычными социальными установками личности (в том числе и «на себя») и новыми («отраженными от группы»): «Хищники и травоядные», «Визитка», «Вавилонский базар», «Ожидаю поддержки», «Мои коммуникативные качества».

Я-концепции *активизировались* приемами, предоставляющими инвалидам возможность сравнить собственную жизненную активность с активностью инвалидов, сумевших преодолеть физическую и психическую травму: «Убеждение на примерах», «Чемодан в дорогу» и др.

Зная природу боевой психической травмы и посттравматического стрессового расстройства, военные психологи и командиры должны предпринимать эффективные меры по их профилактике: своевременное выявление (с помощью психологов и военно-медицинских работников) лиц, предрасположенных к психическим расстройствам, организовывать эффективную психологическую поддержку в бою, заботиться о приемлемом режиме боевой деятельности воинов (сроки пребывания на передовой, качественный сон и отдых, питание, поддержание связи с родными и близкими).

Процесс психологической помощи лицам, пережившим трудную ситуацию, сложен и многогранен. ПТСР и психологический кризис – многоплановые явления, требующие комплексного и длительного лечения. Каждый симптом требует подбора адекватного терапевтического подхода и наиболее эффективной техники индивидуальной или групповой психологической помощи.

Контрольные вопросы

1. Что такое боевой стресс?
2. Как влияет боевой стресс на психические процессы и поведение воина?
3. Каковы основные социально-психологические явления в воинском коллективе в боевой обстановке? Почему коллектив называют лучшим мотиватором и терапевтом?
4. Каковы причины групповой паники?
5. Каковы условия высокого авторитета командира в боевой обстановке?
6. Какие виды девиаций возможны в боевой обстановке?
5. Как влияют слухи на поведение воинов в боевой обстановке?
8. Каковы виды страха?
9. Как связаны страх и боль?
10. Каковы приемы эффективных действий ночью?
11. Как влияют личностные особенности, мотивация и воля на эффективность боевых действий?
12. Как соотносятся боевая психическая травма и посттравматическое стрессовое расстройство?
13. Каковы методы психологической помощи при ПТСР?

Литература

а) основная:

1. *Караяни, А. Г., Сыромятников, И. В.* Прикладная военная психология. – СПб. : Питер, 2006.

2. *Караяни, А. Г., Корчемный, П. А.* Психологическая помощь в кризисных ситуациях. – М. : ВУ, 2010.

б) дополнительная:

3. Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российских Вооруженных сил. – М. : ВУ, 1997.

4. *Караяни, А. Г., Евенко, С. Л.* Психология отклоняющегося поведения военнослужащих в боевой обстановке. – М. : ВУ, 2006.

5. *Корчемный, П. А.* Военная психология. – М., 2005.

6. *Литвинцев, С. В., Снедков, Е. В., Резник, А. М.* Боевая психическая травма. – М. : Медицина, 2005.

7. *Соловьев, И. О.* Посттравматический стрессовый синдром: причины, условия, последствия, оказание психологической помощи и психореабилитация. – М., 2000.

8. *Тарабрина, Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. – М., 2001.

Глава 3
СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Управлять боем – управлять психикой
Б. Момышулы

■ Целевой психологический ресурс ■ Психологическая оценка боевой обстановки ■ Метод парного сравнения ■ Психогенные потери ■ Психологическая подготовка боя ■ Психологическая поддержка ■ Психологическая реабилитация ■ Социально-психологическая реадаптация ■ Функции и схемы деятельности психолога

3.1. Сущность психологического обеспечения и его место в системе морально-психологического обеспечения деятельности войск

Военная психология не ограничивается выявлением закономерностей функционирования психики военнослужащего и психологии воинского подразделения в боевой обстановке. Она видит свою миссию в том, чтобы разработать технологию приложения выработанных научных рекомендаций к практике решения боевых и учебно-боевых задач.

Такой технологией является психологическое обеспечение воинской деятельности. Психологическое обеспечение можно рассматривать в узком (традиционном) и в широком (системном) смысле.

Традиционно под **психологическим обеспечением боевой деятельности** понимается система мероприятий, осуществляемых командирами и органами по работе с личным составом, направленных на формирование и развитие психологических качеств военнослужащих, необходимых для успешного решения ими боевых задач. Целью психологического обеспечения является фор-

мирование *психологической готовности* к боевым действиям и *психологической устойчивости* к боевым стресс-факторам.

Однако вся история войн и военного искусства свидетельствует, что психологическое влияние на бой в интересах достижения победы над противником вовсе не сводится к формированию качеств военнослужащих, что не бывает психологической готовности к любой боевой деятельности на «все времена» и психологической устойчивости к любым стресс-факторам. В табл. 3.1 показано, что если взять одних и тех же военнослужащих, то они в разной степени будут психологически готовы к выполнению боевых задач в различных психологических условиях.

Таблица 3.1

Сравнение психологических условий разных видов предстоящей деятельности

№ п/п	Психологические условия выполнения боевых задач	Психологические условия боевых задач	
		А	Б
1	Военнослужащие сплочены в коллектив	Да	Нет
2	Военнослужащие имеют опыт действия в подобных природно-географических и погодно-климатических условиях	Имеют	Не имеют
3	Психологическое состояние противника	Подавлено, деморализовано	Высокое
4	Отношение общественного мнения к участию войск в боевых действиях	Положительное	Отрицательное
5	Отношение к нашим воинам со стороны населения района боевых действий	Лояльное	Враждебное
6	Для «разгрузки» боевой настороженности в подразделении используются собаки	Да	Нет

№ п/п	Психологические условия выполнения боевых задач	Психологические условия боевых задач	
		А	Б
7	Военно-полевой быт подразделения	Устроен	Не устроен
8	Командир подразделения	Имеет боевой опыт	Выпускник военного вуза

Из таблицы видно, что: во-первых, одни и те же военнослужащие, исходно обладающие одинаковым уровнем психологической готовности к боевым действиям вообще и психологической устойчивостью к боевым стресс-факторам, будут иметь разную психологическую нагрузку и разные психологические возможности при решении разных задач; во-вторых, на психологическое состояние воинов, а следовательно, и на их боевую активность можно влиять как непосредственно (на воинов), так и опосредованно (на среду и деятельность); в-третьих, психологическое обеспечение боевых действий не может сводиться только к формированию психологических и боевых качеств военнослужащих.

Расширяя формулу детерминации поведения, предложенную К. Левиным, мы предлагаем формулу боевого поведения воина:

$$БП = f\left(Л + С + Д\right),$$

где: БП – боевое поведение, Л – личность, ее психологическая устойчивость и готовность, С – конкретные условия боевой, социальной, эколого-эргономической среды, способствующие и препятствующие выполнению боевой задачи, Д – конкретные характеристики деятельности.

Из формулы видно, что эффективности в решении боевой задачи можно достигнуть разными способами:

а) путем оптимизации психологических возможностей военнослужащих (психологической и боевой подготовки, приема психотропных препаратов и др.);

б) путем благоприятного изменения среды (психологическое и физическое подавление противника, формирование позитивного отношения населения района боевых действий и общественного мнения, рациональная расстановка военнослужащих по этапам боевых действий и т. д.);

в) путем выбора наиболее адекватного для конкретных условий вида воздействия на противника (огневое, психологическое, информационное и др.).

Исходя из этого представляется обоснованным рассматривать в качестве *субъекта боевой деятельности* не отдельно взятого и, по существу, изолированного, военнослужащего, а систему **«военнослужащий – в среде – в процессе боевой деятельности»**.

В этом случае в качестве психологических возможностей этого субъекта брать не только психологическую устойчивость и готовность, но и все имеющиеся в наличии и потенциально доступные для использования поддерживающие, мобилизующие, укрепляющие его психологические условия, содержащиеся в окружающей среде и деятельности.

Центральным пунктом в обосновании системы психологического обеспечения служебной деятельности является понимание *психологического ресурса.* Понятие психологического ресурса все активнее закрепляется в терминологическом аппарате психологии. Чаще всего под психологическим ресурсом понимаются: 1) количественная мера возможности выполнения какой-либо деятельности; 2) психологические условия, позволяющие с помощью определенных преобразований получить желаемый результат; 3) психологическое средство, к которому обращаются в нужном случае; 4) запас психологической энергии; 5) ресурсное состояние человека, позволяющее ему эффективно разрешать трудные ситуации; 6) индивидуальные особенности, обусловливающие характер мобилизации, адаптации к стрессовой ситуации, ее преодоление и предотвращение неблагоприятных последствий.

В последнее время в психологии сложилось понимание того, что различаются специфические, узконаправленные ресурсы, имеющие значение лишь для определенного класса стрессовых ситуаций, и универсальные метаресурсы, обладание которыми дает выигрыш в самых разнообразных стрессовых ситуациях. Таким образом, не существует абсолютного психологического ресурса, достаточного для осуществления любых видов служебной деятельности. Более того, разные задачи служебной деятельности нуждаются в различных видах психологического ресурса.

Анализ качественной определенности психологических ресурсов показывает, что чаще всего к ресурсам относят: материальные объекты (доход, дом, транспорт, одежда, объектные фетиши) и нематериальные (желания, цели); внешние (социальная поддержка, семья, друзья, работа, социальный статус) и внутренние интраперсональные переменные (самоуважение, профессиональные умения, оптимизм, самоконтроль, жизненные ценности, система верований и др.); психические и физические состояния; волевые, эмоциональные и энергетические характеристики, которые необходимы (прямо или косвенно) для выживания или сохранения здоровья в трудных жизненных ситуациях либо служат средствами достижения лично значимых целей. Человек имеет возможность получать, сохранять, восстанавливать, преумножать и перераспределять ресурсы в соответствии с собственными ценностями. Благодаря такому распределению ресурсов человек имеет возможность адаптироваться к изменяющимся условиям деятельности. В случае утраты ресурсов, другие ресурсы выполняют функцию ограничения инструментального, психологического и социального воздействия ситуации. Утрата внутренних и внешних ресурсов влечет за собой потерю субъективного благополучия, переживается как состояние психологического стресса, негативно сказывается на состоянии здоровья личности.

Проведенный анализ подходов к пониманию психологического ресурса позволяет назвать всю совокупность наличных и потенциально доступных для расширения психологических возможностей военнослужащих внутренних и внешних психологических условий, способствующих эффективному решению боевых задач определенного типа, класса **целевым психологическим ресурсом (ЦПР)** (психологический ресурс для достижения конкретной цели).

Обобщение результатов исследований отечественных и зарубежных военных психологов позволяет выделить компоненты (или виды) целевого психологического ресурса участника боевых действий (см. рис. 3.1).

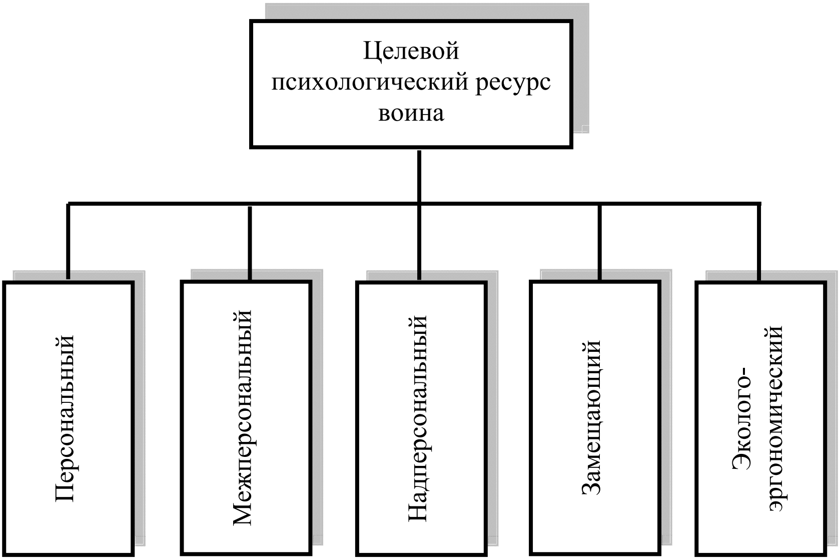

Рис. 3.1. Структура целевого психологического ресурса субъекта боевой деятельности

1. **Персональный (индивидуальный) ресурс** – совокупность индивидуально-личностных качеств воина, выражающихся в его *психологической устойчивости к боевым стресс-факторам и готовности к выполнению боевых задач*: знания (точная картина предстоящих боевых действий), мотивация (любовь к Родине, ненависть к врагу, воинский долг, чувство мести, долг перед боевыми товарищами, стремление отличиться в бою, желание проверить свои возможности, желание поправить материальное положение), вера (в Бога, в загробную жизнь, в высшую справедливость своего дела, в идеалы, за которые можно отдать жизнь), стенические (способствующие деятельности) эмоциональные состояния (высокий боевой настрой, подъем, оптимизм), боевой опыт и мастерство, владение приемами психической саморегуляции и психологической взаимопомощи.

Например, овладение воинами методами быстрого снижения неактуальной психической напряженности, создания необходимо-

го волевого напряжения, немедикаментозного купирования болевых ощущений, способности быстро адаптироваться к темноте, лучше видеть, слышать, обонять в условиях плохой видимости, быстро засыпать и высыпаться за 20–30 мин. произвольного сна, точно определять расстояния до целей, читать следы противника, знать слабые «точки» его психологии и т. п. составляют психологический ресурс воина.

2. **Межперсональный ресурс** – совокупность синергетических эффектов, достигаемых за счет правильной расстановки и распределения военнослужащих с учетом факторов психологической совместимости, боевого опыта, взаимозаменяемости, взаимной компенсации психологических возможностей, взаимного позитивного психологического заражения, коллективизма.

3. **Надперсональный ресурс** – совокупность мобилизующих и организующих феноменов коллективной психологии (мобилизующие общественное мнение, настроение, традиции, санкции, помогающие суеверия, этнические традиции боевитости), лояльное отношение населения в районе боевых действий, сниженная психологическая готовность противника к сопротивлению.

4. **Эколого-эргономический ресурс** – адаптированность воина к природно-географическим, погодно-климатическим, эргономическим (психологическая комфортность рабочего места и военно-полевого быта), режимно-деятельностным (режим активных боевых действий и отдыха) условиям выполнения боевой задачи, уверенность в боевой технике, оружии и средствах защиты.

5. **Замещающий ресурс** – средства, позволяющие «разгрузить» психическую деятельность воина в боевой обстановке за счет использования устройств, препаратов, деятельности и др. объектов, расширяющих естественные возможности человека (индивидуальные и групповые приборы наблюдения, ориентировки, охраны, обнаружения противника, целеуказания, маскировки, оснащение «Солдат XXI века»), животных, обладающих выдающимися психологическими возможностями) и выполняющих сложные виды деятельности, психотерапии, медикаментозных препаратов, витаминов и других средств, оптимизирующих психическую деятельность.

Психологически обеспечить боевые действия – это значит целенаправленно привлечь и активно задействовать перечисленные и другие психологические ресурсы для того, чтобы сделать воина эффективным и способным выжить в современном бою.

Таким образом, в *широком смысле* **психологическое обеспечение** – это технология создания, сохранения и восстановления целевого психологического ресурса, необходимого военнослужащим для качественного выполнения конкретной боевой задачи.

Психологическое обеспечение боевых действий как полноценный вид боевого обеспечения возник недавно (в начале 90-х гг. XX в.). Можно сказать, что оно – естественный продукт нравственного развития общества. Оно появляется тогда, когда обществом признается ценность человека.

Опыт показывает, что участник боевых действий может рассматриваться в общественном сознании как «расходный материал», как «средство решения боевых задач» и как «социальная ценность» (см. табл. 3.2) [37]. Избранный в обществе подход всецело определяет содержание психологического вспомоществования человеку воюющему.

Таблица 3.2

Зависимость технологий психического вспомоществования от стереотипа воина

Нравственный статус воина	Реализуемые психотехнологии воздействия		
	Психологическая подготовка	Психологическая поддержка и реабилитация	Социально-психологическая реадаптация
«Расходный материал»	+		
«Средство решения боевых задач»	+	+	
«Социальная ценность»	+	+	+
	Психологическое обеспечение боевых действий		

Из таблицы видно, что когда воин рассматривается в качестве придатка к системам оружия и боевой технике, своеобразного «расходного материала» достаточно его психологически подготовить к бою и включить в боевую деятельность, дальнейшая его судьба оказывается неинтересной государству. Такое отношение к воину становится возможным в тех случаях, когда члены общества по существу являются «винтиками», «гайками», «быдлом», «пушечным мясом».

Когда воин рассматривается как «средство», возникает необходимость в его содержании, в осуществлении своеобразного «психологического регламента». В этом случае появляется необходимость в психологическом сопровождении, психологической поддержке и восстановлении. После же окончания военных действий судьба ветеранов перестает интересовать государство, общество, психологическое сообщество.

В том случае, когда человек рассматривается государством как высшая ценность, оно становится заинтересованным в возвращении с войны каждого участника, причем психически здоровым, готовым к созидательной деятельности, осуществляется организованное, постепенное психологическое возвращение ветеранов войны в систему социальных связей мирного времени, то есть социально-психологическая реадаптация. Благодаря этому обеспечивается защита ветеранов с «обнаженной», ранимой психикой от травмирующих факторов жесткого и бескомпромиссного мирного общества и самого общества от людей с измененными ценностями и смыслами жизни, со специфическими потребностями, со своеобразным пониманием справедливости и т. д.

Таким образом, общество, которое действительно доросло до признания ценности человеческой жизни и личности, принимает целостную концепцию психологического обеспечения боевых действий войск.

Элементы ЦПР находятся в отношениях взаимного дополнения и частичной компенсации. Например, недостаток индивидуальной психологической готовности может быть в определенной степени компенсирован посредством правильной расстановки лю-

дей, создания эффекта «психологического заражения» групповым настроением, применением психостимуляторов и др.

ЦПР разных людей и одного и того же военнослужащего в разное время отличается по объему, качественному состоянию и степени соответствия цели боевых действий. При этом он может быть: а) неизвестным самому военнослужащему и окружающим; б) отсутствовать или не в полной мере соответствовать требованиям боевой деятельности; в) сознательно или неосознанно заменяться квазиресурсом (наркотики, алкоголь, суеверия, «заградотряды» и др.); г) подвергаться истощению в процессе деятельности и дезорганизации вследствие целенаправленного психологического воздействия противника; утрачиваться и разрушаться; д) становиться неактуальным, неадекватным новым социально-деятельностным условиям; ж) полностью отвечать требованиям условий боевой задачи.

Именно состояние ресурса определяет конкретную технологию психологического обеспечения, которую необходимо реализовать в конкретной ситуации, а следовательно и основные составляющие психологического обеспечения боевых действий (табл. 3.3).

Недостаток ЦПР может восполняться стихийно, спонтанно, методом «проб и ошибок» или целенаправленно, организованно, с учетом закономерностей проявления человеческой психики и психологии воинских коллективов в боевой обстановке. *Последний способ и представляет собой психологическое обеспечение боевых действий.*

Психологическое обеспечение является составной частью более широкой системы – *морально-психологического обеспечения* воинской деятельности, которая включает и такие элементы, как информационная работа, военно-социальная работа, культурно-досуговая работа, противодействие психологическим операциям противника.

Психологическое обеспечение осуществляется командирами, штабами, органами по работе с личным составом, должностными лицами пунктов (центров) психологической работы, военно-медицинскими работниками. Непосредственным организатором и ис-

полнителем мероприятий психологического обеспечения выступает психолог соединения (воинской части).

Таблица 3.3

Зависимость технологий психологического обеспечения от состояния ЦПР

№ п/п	Состояние целевого психологического ресурса	Востребуемая психотехнология
1.	ЦПР имеется и находится в актуальном состоянии	Отслеживание
2.	ЦПР неизвестен	Диагностика, прогнозирование
3.	ЦПР отсутствует, недостаточен	Психологическая подготовка боевых действий
4.	ЦПР расходуется в процессе боевой деятельности	Психологическая поддержка
5.	ЦПР истощается, деформируется в процессе боевой деятельности или заменяется квазиресурсом (алкоголь, наркотики, жестокость)	Психологическая реабилитация
6.	ЦПР утрачивает актуальность, не соответствует новой обстановке (например, мирным условиям)	Социально-психологическая реадаптация

Цель, задачи, принципы психологического обеспечения боевых действий войск

Целью психологического обеспечения боевых действий является максимальное расширение психологических возможностей военнослужащих по эффективному решению боевых задач, сохранению психического здоровья на поле боя и возвращению в общество психологически и социально полноценных граждан.

Психологическое обеспечение боевых действий войск – это многоуровневая, иерархическая деятельностная система, реализующаяся на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях

психологического обеспечения, на каждом из которых решаются качественно специфичные задачи.

Рассмотрим содержание тактического уровня.

Системообразующим фактором, определяющим качественное содержание всех элементов психологического обеспечения боевых действий войск, выступают результаты комплексного психологического прогнозирования и экспертизы предстоящей боевой деятельности (рис. 3.2).

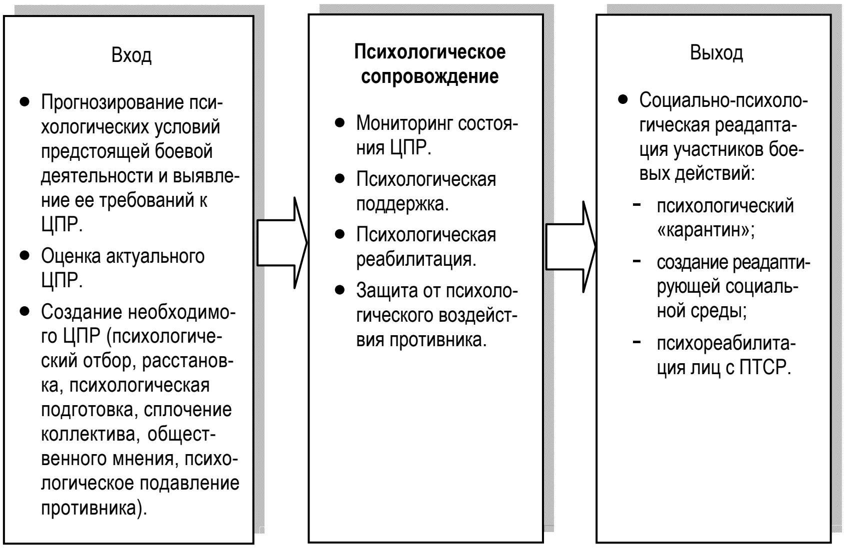

Рис. 3.2. Логическая схема психологического обеспечения боевых действий войск

Результатом такой экспертизы должны стать два ряда прогностических данных. Первым является *психологическая модель предстоящих боевых действий*. Ясно, что в войне за независимость своей страны и при решении миротворческих и иных задач на чужой территории, в наступлении и при ведении боя в окружении противника, в горах и на равнине, в пустыне и тундре, в городе и в «чистом поле», при сражении с регулярными частями неприятеля или народным ополчением с участием женщин и детей на пси-

хику воинов наряду с общими боевыми факторами (опасность, внезапность, дефицит информации, высокая ответственность, участие в жестоком насилии и др.) будут действовать специфические факторы, корректирующие мотивы боевых действий, функциональные состояния, схемы поведения на поле боя.

Поэтому вторым шагом в построении системы психологического обеспечения является выявление требований предстоящей деятельности к целевому психологическому ресурсу ее потенциальных субъектов.

Условия современных военных конфликтов позволяют использовать для решения боевых задач военнослужащих, прошедших ранее процедуры психологического отбора. Поэтому такой *отбор,* как показывает российский и зарубежный боевой опыт, *должен осуществляться до момента поступления военнослужащих в зону боевых действий* и не входит в задачу психологического обеспечения тактического уровня. Вместе с тем задача психологического и профессионального отбора должна быть четко и однозначно прописана в перечне задач тех органов, которые в случае локального военного конфликта будут осуществлять комплектование (доукомплектование) боевых частей и соединений. Ошибки в осуществлении такой работы, имевшие место при подготовке личного состава подразделений морской пехоты ТОФ к боевым действиям в Чеченской республике (1995–1996 гг.), не должны повториться. Собранные в них лица из плавсостава и специалистов береговой охраны (до 2/3 состава подразделений) по своим психологическим качествам не могли соответствовать требованиям, предъявляемым к морским пехотинцам. Также офицеры медицинской службы не могли возглавлять боевые действия воинских подразделений [183].

Психологический отбор не означает готовности военнослужащих эффективно решать боевые задачи. Поэтому в рамках конструирования будущей деятельности предусматривается этап их *целевой психологической подготовки* к активным действиям в прогнозируемых социально-политических, боевых и эргономических условиях. Цель психологической подготовки – создать, развить, мобилизовать для конкретных действий целевой психо-

логический ресурс военнослужащих и воинских подразделений. Такой ресурс, как подчеркивалось ранее, состоит: из четких модельных представлений воинов о предстоящей деятельности; прочных навыков действий в условиях, адекватных с психологической точки зрения боевой обстановке; боевого настроя как системы мотивации, установок, психических состояний; способности военнослужащих регулировать собственные эмоционально-волевые состояния, пороги чувствительности болевых, температурных, слуховых, зрительных и др. анализаторов; синергии, получаемой за счет *целесообразной расстановки людей* для решения конкретных задач и *рационального комплектования* экипажей, расчетов, команд, боевых групп.

С началом боевой деятельности психологическое обеспечение переводится преимущественно на *коррекционную стратегию*. Учитывая тот факт, что ни психологический отбор, ни психологическая подготовка, ни расстановка воинов не могут гарантировать их от психических расстройств на поле боя, основные усилия командиров, военных психологов, медицинских работников сосредоточиваются в этот период на оказании *психологической помощи* военнослужащим в преодолении психотравмирующих обстоятельств боевой обстановки. В рамках психологической помощи, на наш взгляд, следует выделять психологическую поддержку и психологическую реабилитацию.

Психологическая поддержка направляется на актуализацию у участников боевых действий имеющихся и на создание дополнительных психологических ресурсов, обеспечивающих их самостоятельные и активные действия на поле боя.

Психологическая реабилитация – деятельность, направленная на восстановление утраченных (нарушенных) психических функций, восстановление (коррекцию) самооценки и социального статуса воинов с психическими расстройствами, боевыми травмами и увечьями.

Последним звеном психологического обеспечения боевых действий является *социально-психологическая* реадаптация участников боевых действий. Потребность в ней обусловлена глубокими изменениями, происходящими в психологии воинов, принимаю-

щих участие в боевых событиях. По существу, психика таких людей подвергается «военизации», то есть функционирует в особых режимах, управляется специфическими побудителями, имеет своеобразную динамику. Неподготовленное возвращение таких воинов в обстановку мирной жизни может стать мощным фактором их психотравматизации. Потому необходима реадаптация (переадаптация) участников экстремальной деятельности к мирным условиям жизнедеятельности.

Таким образом, сказанное выше позволяет выделить следующие **общие задачи психологической работы в боевой обстановке**:

- прогнозирование психологического содержания условий предстоящей деятельности, выявление ее требований к психофизиологическим, психологическим и социально-психологическим качествам военнослужащих;
- психологический отбор военнослужащих, способных освоить и потенциально выполнять данную деятельность;
- распределение личного состава по мелким подразделениям (экипажам, расчетам, боевым группам) с учетом их психологической совместимости, уровня боеспособности, профессиональной подготовленности;
- психологическая подготовка людей к действиям в конкретных социально-политических, эргономических, боевых условиях;
- создание социально-психологических условий в районе боевых действий, способствующих выполнению боевой задачи;
- психологическое изнурение и подавление противника, снижение его воли к сопротивлению;
- защита личного состава от психологических операций противника;
- непрерывное отслеживание динамики морально-психологического состояния, степени утомления, качества сна, прогнозирование возможных психогенных потерь;
- психологическая поддержка военнослужащих в преодолении психотравмирующих ситуаций боевой обстановки;
- психологическая реабилитация лиц, получивших боевую психическую травму;

- социально-психологическая реадаптация, «бескризисное» возвращение участников боевых действий в систему связей и отношений мирного времени.

Эффективность психологического обеспечения боевых действий войск в военных конфликтах зависит от степени соблюдения **принципов** этой деятельности. К числу важнейших из них относятся принципы гуманизма, системного подхода, материально-технической оснащенности и непрерывности.

Принцип гуманизма подчеркивает приоритетность личности военнослужащего в системе целей психологического обеспечения и обусловливает выбор нравственно приемлемых средств психологического воздействия на людей. Он требует рассматривать военнослужащего не только в качестве субъекта социально важной деятельности, но и как субъекта собственной жизнедеятельности, обладающего индивидуальными целями, мотивами, жизненными смыслами, настроениями, проблемами. В психотехнологиях, используемых в работе с людьми, должны быть предусмотрены своего рода «предохранители» от некомпетентного вмешательства во внутренний мир воина по типу «не навреди!».

Принцип системного подхода вытекает из системной природы объекта психологического обеспечения и требует использовать все имеющиеся в распоряжении командиров, органов по работе с личным составом, психологов, военно-медицинской службы средства для вспомоществования воину, принимающему участие в боевых действиях. Он ориентирует должностных лиц на понимание, что основные усилия психологического обеспечения должны быть сосредоточены на создании благоприятной социальной и эргономической среды для активных боевых действий личного состава. Поэтому этот вид обеспечивающей деятельности осуществляется в тесной связи с боевым, техническим и тыловым обеспечением боевых действий войск.

Принцип материально-технической оснащенности предупреждает о недопустимости организации психологического обеспечения боевых действий войск на несоответствующей материально-техни-

ческой базе. Это чревато не только неэффективностью осуществляемых мероприятий и дискредитацией всей системы психологического обеспечения, но и получением результата по механизму «бумеранга», то есть негативными последствиями в области мотивации, психических состояний и боевой активности воинов.

В качестве *критериев эффективности психологического обеспечения* выступают:

- достижение требуемого состояния ЦПР военнослужащих, участвующих в боевых действиях в локальном военном конфликте; оптимальное задействование всех компонентов составляющих ЦПР и всех уровней (тактического, оперативного, стратегического) психологического обеспечения;
- успешное решение воинами поставленных боевых задач;
- соотношение затрат усилий субъектов психологического обеспечения и достигнутого состояния ЦПР.

Рассмотрим подробнее основные задачи психологического обеспечения боевых действий военнослужащих.

3.2. Психологическая оценка условий предстоящей боевой деятельности

Оценка психологических условий предстоящих боевых действий может осуществляться с использованием матрицы парного сравнения целевых психологических ресурсов противоборствующих сторон. Такая оценка осуществляется психологом воинской части (соединения) с использованием методов наблюдения, опроса различных категорий военнослужащих, изучения документов, анализа результатов деятельности, опроса местных жителей, изучения данных, полученных от военнопленных.

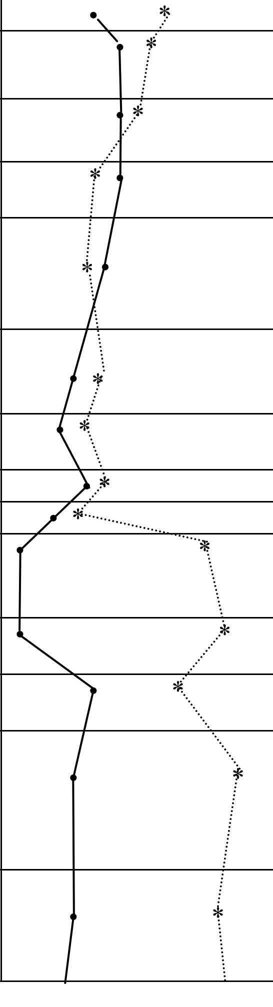
В матрице, представленной в табл. 3.4, сплошной и пунктирной линиями показаны своеобразные профили ЦПР противоборствующих сторон.

Матрица позволяет наглядно увидеть преимущества и слабые места в ЦПР своих войск.

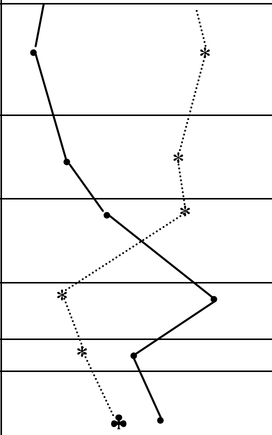
Таблица 3.4

Матрица
парного сравнения целевого психологического ресурса
(психологических возможностей) противоборствующих сторон

Оцениваемый показатель войск А	Шкала оценки 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Оцениваемый показатель войск Б
Наличие боевого опыта		Наличие боевого опыта
Психологическая готовность к бою		Психологическая готовность к бою
Психологическая устойчивость		Психологическая устойчивость
Психологическая совместимость военнослужащих		Психологическая совместимость
Сплоченность подразделений (коллективизм, взаимопомощь)		Сплоченность (коллективизм, взаимопомощь) подразделений (бандформирований)
Поддержка общественного мнения (духовное единство с народом)		Поддержка общественного мнения (духовное единство с народом)
Сформированность и действенность боевых традиций		Сформированность и действенность боевых традиций
Групповой боевой настрой		Групповой боевой настрой
Доверие к командирам		Доверие к командирам
Позитивное отношение населения в зоне боевых действий		Позитивное отношение населения в зоне боевых действий
Отсутствие изоляции от основных сил		Отсутствие изоляции от основных сил
Низкие возможности противника в ведении ПсО		Низкие возможности противника в ведении ПсО
Адаптированность к природно-географическим, погодно-климатическим условиям, биологическим ритмам		Адаптированность к природно-географическим, погодно-климатическим условиям, биологическим ритмам
Привычность режима боевой жизнедеятельности (рваный режим, нарушения сна, действия ночью и т. д.)		Привычность режима боевой жизнедеятельности (рваный режим, нарушения сна, действия ночью и т. д.)

Продолжение таблицы 3.4

Оцениваемый показатель войск А	Шкала оценки	Оцениваемый показатель войск Б
	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	
Психологическая обоснованность и освоенность применяемых тактических действий		Психологическая обоснованность и освоенность применяемых тактических действий
Использование эффективных психологических и тактических ухищрений		Использование эффективных психологических и тактических ухищрений
Уверенность в средствах защиты, оружии и боевой технике		Уверенность в средствах защиты, оружии и боевой технике
Низкая интенсивность боевых действий		Низкая интенсивность боевых действий
Вера		Вера
Непродолжительное пребывание войск в постоянном боевом соприкосновении с противником (до 30 суток) (пункт только для войн)		Непродолжительное пребывание войск в постоянном боевом соприкосновении с противником (до 30 суток)

Очевидно, что для войск А характерны существенные проблемы, связанные с отношением местного населения, изолированностью от основных сил, неадаптированностью личного состава к природно-географическим и погодно-климатическим условиям района боевых действий, непривычностью ритма боевой жизнедеятельности, неосвоенностью тактических действий, эффективных против конкретного противника, неуверенностью в имеющихся средствах защиты.

Именно на преодолении этих проблем и должно быть нацелено психологическое обеспечение боевых действий.

Исходя из произведенной оценки психологических условий предстоящей боевой деятельности психолог формулирует предложения по организации психологического обеспечения боевых действий военнослужащих. Командир должен знать, что психолог может предложить важные основания для принятия боевого решения:

- направление главного удара (в зависимости от психологического состояния частей противника, психологической оценки местности и др.);

- время удара по противнику, способ воздействия (сокрушительный удар, изнурение и т. д.), средства воздействия (боевые, психологические и т. д.), исходя из оценки режимов жизнедеятельности войск противника, их этнических, религиозных особенностей, состояния обученности и др.;

- построение боевого порядка, привлечение воинских подразделений для выполнения главной задачи, исходя из морально-психологического состояния подразделений соединения (воинской части);

- мероприятия по дезориентации и дезорганизации противника, исходя из психологического состояния войск противника;

- мероприятия по созданию благоприятных социально-психологических условий в зоне боевых действий;

- мероприятия по оптимизации боевой и психологической подготовки военнослужащих к боевым действиям.

Для обеспечения этих положений психолог разрабатывает предложения, определяющие:

- где, когда, какие мероприятия, с кем, кому провести;

- расстановку сил и средств психологической работы и порядок их перемещения в ходе боя (места, маршруты);

- порядок управления силами и средствами психологической работы (рубежи, связь, сигналы и т. д.) и др.

На основании решения командира соединения (воинской части) и указаний заместителя командира по работе с личным составом психолог составляет раздел «Психологическая работа» в плане морально-психологического обеспечения конкретных боевых задач, решаемых соединением (воинской частью). Этот раздел включает мероприятия:

- по прогнозированию, изучению и оценке психологических условий боевых действий;

- психологическому консультированию офицеров;

- психологическому обеспечению боевой подготовки;

- психологической подготовке личного состава, целесообразной расстановке, сплочению воинских подразделений;

- психологической помощи военнослужащим;
- психологическому воздействию на противника и население района боевых действий;
- организации работы ППР.

План является законом для всех субъектов морально-психологического обеспечения боевых действий соединения (воинской части) и во многом определяет слаженность, последовательность, преемственность и эффективность их деятельности.

3.3. Психологическая подготовка боя

В соответствии с системным подходом к пониманию субъекта и психологического обеспечения боевых действий психологическая подготовка рассматривается как система мероприятий по созданию психологических условий (целевого психологического ресурса), необходимых для успешного решения конкретной боевой задачи. Она включает: а) психологическую подготовку военнослужащих; б) «психологическую подготовку» (психологическое подавление противника); в) психологическую подготовку среды в районе боевых действий.

Психологическая подготовка военнослужащих

Руководители армий ведущих стран мира прилагают огромные усилия по снижению давления боя на психику и организм воинов. Непрерывно реализуются национальные программы «Солдат XXI века», предполагающие всемерное повышение эффективности одиночного бойца и воинского подразделения в современном бою. Возможности современного бойца кажутся поистине фантастическими. Так, комплект боевого снаряжения «Ратник» оснащается средствами дальновидения, позволяющими просматривать поле боя на несколько сот метров вокруг. Приборы, работающие по технологиям типа ГЛАНАС, позволяют точно определять свое местоположение на поле боя, даже лишенном любых ориентиров, определять наиболее выгодные маршруты перемещения. Специальные устройства позволяют быстро засекать стреляющие орудия и снайперов противника. Экзоскелетоны дают воинам возможность

совершать длительные марши с усиленной боевой выкладкой, осуществлять погрузочно-разгрузочные работы, предполагающие работу с грузами, весящими многие сотни килограмм. Индивидуальные средства передвижения позволяют заставать противника врасплох, мгновенно перемещаться на поле боя и над ним, безопасно преодолевать минно-взрывные заграждения. Композитные бронежилеты и шлемы надежно защищают бойца от всех видов стрелкового оружия. Автоматы и винтовки, оснащенные видеокамерами и лазерными прицелами, дают возможность вести прицельный огонь по противнику из-за угла, не выглядывая из окопа и т. д. Роботы, оснащенные несколькими автоматами или пулеметами, уже заменяют военнослужащих на самых сложных участках боевых действий. Специальные устройства посылают сигналы командиру, если боец получит ранение.

И все же, несмотря на эти титанические усилия, психика нормального человека без специальной подготовки к действиям в боевых условиях неспособна выдержать воздействия боевых стресс-факторов. Г. Е. Шумков в самом начале XX в. предупреждал, чтобы победить в этой кровавой битве, одного желания, пыла, дозы самоуверенности, желания быть героем и даже умереть в настоящее время мало, что, помимо технической подготовки, необходима подготовка психологическая [366].

Более того, расширение естественных возможностей военнослужащих противоборствующих армий делает боевое противоборство еще более напряженным, динамичным, опасным.

На уровне современных научных представлений **психологическая подготовка военнослужащих** представляет систему взаимосвязанных мероприятий, направленных на формирование у военнослужащих и воинских коллективов психологических качеств, обеспечивающих их психологическую готовность к активным и эффективным действиям на поле боя и устойчивость к воздействию современных средств борьбы.

Сущность психологической подготовки проявляется в заблаговременном создании у отдельных военнослужащих и воинских подразделений такого психологического ресурса, который позволил бы им действовать в бою, как в знакомой, привычной

среде, быстро обнаруживать и понимать происходящие на поле боя события, выявлять угрожающие тенденции, своевременно и правильно реагировать на них, сохранять необходимый уровень боеспособности и активности в обстановке действия психотравмирующих факторов.

В военной психологии сложилась традиция выделять следующие **виды психологической подготовки военнослужащих**: общую, специальную и целевую.

Общая психологическая подготовка проводится со всеми военнослужащими на протяжении всей воинской службы («от призыва до штыковой атаки», на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях) и направляется на формирование:

- психологической готовности военнослужащих к выполнению воинского долга;
- психологической устойчивости воинов к стресс-факторам современного боя;
- овладение воинами способами психологической поддержки сослуживцев;
- овладение военнослужащими приемами психической саморегуляции и эффективными копинг-стратегиями;
- предварительная адаптации воинов к режимам жизнедеятельности, характерным для боевой обстановки;
- формирование у воинов чувства коллективизма и зависимой ответственности во взаимоотношениях с сослуживцами и сплочение воинских коллективов.

В процессе психологической подготовки органы чувств человека, весь его организм и психика должны в максимальной степени привыкнуть к звукам, картинам, запахам, вкусовым и тактильным ощущениям боевой обстановки, научиться мгновенно и целесообразно реагировать на те или иные ее изменения. Полезным в этом отношении может быть проведение занятий с имитацией действий подразделений потенциального противника, его авиационных и огневых налетов, зараженных участков местности и др.

Учебное поле, на котором осуществляется боевая и психологическая подготовка войск, по внешнего виду, запахам, шумовому фону должно быть более зловещим, чем поле боя. В ходе занятий

необходимо создавать ситуации, которые во время войны вызывают растерянность, панику, психические срывы (нарушение связи, создание обстановки неизвестности, предельные темпы и нагрузки деятельности). Каждый военнослужащий, готовящийся к бою, должен хорошо представлять то, с какими необычными явлениями в собственных ощущениях и чувствах, в реакциях и поведении сослуживцев он может встретиться в боевой обстановке, уметь быстро нейтрализовать отрицательные психические состояния, осуществлять экстренную эмоционально-волевую самомобилизацию, оказывать элементарную психологическую помощь товарищам.

Именно знание о различных видах опасности, характерных для современного боя, о закономерностях реагирования человека на них, привычность визуальных, аудиальных, кинестетических стимулов боевой обстановки, способность управлять стрессами и энергетикой организма и составляют то качество, которое называется *психологической устойчивостью*. А в совокупности с соответствующим эмоционально-волевым настроем, боевыми установками, уверенностью в собственных силах, развитой системой профессионально значимых качеств, умением эффективно взаимодействовать с сослуживцами в бою оно образует *психологическую готовность военнослужащего к бою*. Психологическая готовность указывает на то, что военнослужащий принял роль активного бойца и адаптировался к боевым условиям ее реализации.

Специальная психологическая подготовка осуществляется в целях развития системы специальных знаний, навыков, умений, привычек поведения в экстремальных ситуациях, обусловливающих эффективность боевой деятельности *военнослужащих тех боевых специальностей*, которые в значительной степени определяют боеспособность частей и подразделений.

В ходе занятий по боевой подготовке, а так же специальных психологических тренингов, психотехнических игр и упражнений, психогимнастики и др. достигается целенаправленное, акцентированное развитие соответствующих качеств военнослужащих. Например, у разведчиков развиваются точность восприятия элементов обстановки, способность ориентироваться в пространстве и

времени в сложных условиях, глазомер, устойчивость и распределяемость внимания, память, наблюдательность, сообразительность, способность длительное время находиться в неподвижности в условиях плохой погоды (холод, жара), в замкнутом пространстве (нора, схрон) и др. Конечно, войсковой разведчик высокого класса должен метко стрелять, владеть приемами рукопашного боя, быть хорошо физически подготовленным и т. п. Однако все перечисленные качества лишь обеспечивают, обслуживают его способность выявлять объекты противника, запоминать факты, анализировать события, т. е. глаза, уши, нос и др.

У военнослужащих развиваются такие важные качества, как профессиональное восприятие, профессиональное внимание, профессиональная память, профессиональное мышление и другие, а также способность противостоять характерным для конкретной деятельности стрессорам.

Целевая психологическая подготовка направляется на формирование у военнослужащих установок на решение *конкретной боевой задачи*, активизацию, настрой психики, выработку психологической готовности на ее безусловное и качественное решение. Немаловажным здесь является целесообразное распределение и перераспределение личного состава по подразделениям, командам, боевым группам с учетом требований боевой задачи к психологическим возможностям, боевому опыту воинов и той функции, которую они выполняют в коллективе.

Военнослужащие в процессе психологической подготовки должны быть адаптированы к *конкретным* природно-географическим (горы, пустыня, северные районы, тайга и т. д.), погодно-климатическим (высокие и низкие температуры воздуха, водно-солевой режим и т. д.), технико-технологическим, режимным и иным условиям деятельности.

Из сказанного видно, что не может быть психологической подготовки вообще. Своеобразие перечисленных факторов требует соответствующей коррекции программ подготовки личного состава.

Результатом целевой подготовки должна стать максимальная мобилизованность психических и психофизиологических возможностей человека и их сосредоточение на достижении цели

боевой деятельности, включение регуляторов поведения из подсознательного слоя психики человека и синергетических эффектов группы.

Анализ литературных источников и повседневной практики войск позволяет выделить следующие **формы психологической подготовки** военнослужащих к боевым действиям: психологическое просвещение; занятия по предметам боевой подготовки, ориентированные на развитие необходимых психологических качеств и состояний; адаптация воинов к конкретным условиям деятельности; специальные формы: психотренинги, приемы психической саморегуляции, настрои и другие.

Психологическое просвещение как форма психологической работы представляет собой систематическое и организованное распространение среди военнослужащих психологической информации в целях формирования у них понимания закономерностей функционирования человеческой психики и поведения людей в экстремальных условиях боевой обстановки, знания путей и способов управления возможностями собственной психики и оказания психологической помощи сослуживцам.

Практика показывает, что зачастую простое знание тех психологических явлений, с которыми может столкнуться военнослужащий в сложных условиях, позволяет психологически подготовиться к встрече с неблагоприятными событиями. Ознакомление людей с типами возможных реакций на боевые стресс-факторы выполняет функцию своеобразной «прививки», действующей по принципу «предупрежден – защищен». Учитывая действие психологической закономерности, выраженной в формуле «чего не знаю, того боюсь», необходимо в полной мере обеспечить военнослужащих необходимой информацией о психологических особенностях боевой деятельности.

Практика показывает, что психологическая информация может доводиться в устной (лекции, доклады, беседы, выступления участников и очевидцев событий), в печатной (памятки, листовки, боевые листки, военная печать) формах, путем просмотра и обсуждения кинофильмов и др.

Занятия по предметам боевой подготовки, ориентированные на развитие необходимых психических качеств и состояний.

В основе способов психологической подготовки лежит принцип внесения в процесс боевой учебы элементов опасности, напряженности и внезапности, опасности и риска, свойственных реальной боевой обстановке и многократная тренировка личного состава в выполнении изучаемых приемов и действий в этих условиях. Другими словами, в процессе занятий по огневой, тактической, технической и другим видам боевой подготовки должны моделироваться усложненные условия, соответствующие по психологическому содержанию факторам, воздействующим на психику воинов в боевой обстановке.

Способы моделирования фактора опасности в процессе боевой учебы [262]**:**

- «обстрел» военнослужащих; сквозные атаки с боевой стрельбой;
- метание боевых гранат, в том числе в атаке, на ходу;
- обкатка танками и передвижение на танках по-десантному;
- действия военнослужащих в условиях заражения местности учебными рецептурами радиоактивных и отравляющих веществ;
- десантирование и спешивание с боевых машин и транспортных средств на ходу;
- проведение стрельб штатным снарядом и занятий по огневой подготовке в ночных условиях;
- преодоление сложных препятствий с непосредственной опасностью для жизни, при строгом соблюдении мер безопасности;
- ведение атаки в едином бронированном порядке под разрывами своих снарядов и в пешем порядке вслед за разрывами снарядов и мин;
- установка и разминирование боевых минно-взрывных заграждений и мин с боевыми взрывателями;
- создание реалистичной, многомерной, полимодальной картины современного боя на учебном поле;
- демонстрация последствий и жертв жестокого насилия (видео, морги, хосписы, места совершения терактов);
- занятия видами спорта, формирующими агрессивность, решительность, смелость.

Способы создания психической и физической напряженности [262]**:**

- проведение занятий и тренировок в выполнении функциональных обязанностей в сложных природно-географических, погодно-климатических условиях региона предстоящих действий (низкая и высокая температура воздуха, пониженное содержание в нем кислорода, интенсивные осадки, пурга и др.), в усложненной эргономической обстановке (интенсивный шум, вибрация конструкций, слабая освещенность, мелькание света, резкие, неприятные запахи, длительное действие без отдыха в средствах защиты);
- продолжительные пешие переходы и марш-броски;
- имитация активных и нестандартных действий противника;
- управление информацией, необходимой для принятия решений и ведения боя (блокирование, дозирование, искажение, настойчивое востребование детальной информации от подчиненных);
- создание системы препятствий, заграждений, зон заражения, очагов пожаров;
- объявление больших «потерь» в личном составе, отказов в технике и оружии; выполнение поставленных задач сокращенными силами;
- длительные задержки подразделений на месте, ожидание, неожиданные команды на передвижение и др.

Моделирование факторов опасности и напряженности в ходе занятий не должно являться самоцелью. Главное состоит в том, чтобы приучить воинов к активным и инициативным действиям в условиях повышенных психических нагрузок, обеспечить приобретение ими необходимого опыта преодоления трудностей и отрицательных психических состояний, формировать у них комплекс таких волевых качеств, как решительность, стойкость, самообладание, мужество. Важным условием психологической подготовки является то, что она должна осуществляться в природно-географических, погодно-климатических, социально-политических и эргономических условиях, сходных с условиями предстоящей деятельности. Пример такого занятия представлен в *приложении 1*.

Моделирование угнетающих психику факторов современного боя, как показывает отечественный и зарубежный опыт, может также осуществляться с помощью следующих **средств**: *а) комплексных систем*: комплексных систем имитации обстановки боя: компьютерных тренажеров управления боевыми действиями подразделений; лазерных имитаторов стрельбы; компьютерных тренажеров для подготовки боевых специалистов с использованием эффектов виртуальной реальности; *б) средств имитации применения современного оружия и боеприпасов* (взрывчатые вещества, имитаторы ядерных взрывов, учебные рецептуры ОВ, имитаторы радиоактивного заражения, учебная радиоактивная пыль, имитационные мины, фугасы, гранаты, взрывпакеты, дымовые шашки, сигнальные и осветительные ракеты, огнесмеси, холостые выстрелы и патроны, источники сильного света, средства звуковещания с фонотеками звуковой картины боя, имитационные минные поля; *в) средств имитации результатов применения оружия и боеприпасов* (разрушенные объекты, участки дорог и мосты, макеты поврежденной техники, муляжи трупов, завалы, аудиозаписи с криками раненых, контуженых, паникеров и других); средств, применяемых в реальном бою (проволочные заграждения и малозаметные препятствия, противотанковые рвы и ловушки, баррикады, колейные мосты) и др.

К числу *специальных форм психологической подготовки* относят: идеомоторную тренировку и созданную на ее основе ситуативно-образную психорегулирующую тренировку (визуализация) (*приложение 2*); психологические настрои и мантры; освоение приемов самооценки стресса; овладение приемами психической саморегуляции и медитации; аутотрениг (*приложение 5*); нервно-мышечную релаксацию и т. д. В эту же группу следует отнести и такие хорошо известные формы эмоционального заражения и энергетической мобилизации военнослужащих, как митинги-клятвы, ритуалы прощания с погибшими боевыми товарищами, встречи с очевидцами зверств противника на оккупированной территории и др.

Обзор методов психологической подготовки представлены в табл. 3.5.

Таблица 3.5

Методы психологической подготовки [143]

Название группы методов	Методы психологической подготовки
Когнитивные	- психологическое просвещение; - макетирование поля предстоящего боя; - моделирование (имитация) действий противника в реальных пространственно-временных параметрах с последующим групповым обсуждением их сильных и слабых сторон; - моделирование боевых событий с использованием тренажеров и компьютерных систем.
Перцептивные	- психотехники адаптации органов чувств к условиям предстоящих действий (например, темновая адаптация, снижение порогов слуховой чувствительности) и др.
Аффективные	- психотехники группового эмоционального заражения и мотивации (мобилизующие митинги; собрания-обещания; призывы; обращения; встречи с жертвами насилия противника и др.); - самоубеждение и самовнушение; - методика словесно-образного эмоционально-волевого управления состояниями; - аутотренинг; активная и пассивная мышечная релаксация; - экспресс-методики психической саморегуляции; - сенсибилизация и десенсибилизация.
Операциональные	- идеомоторная тренировка; - тренажерные методики; - тактико-специальные занятия с имитацией действий конкретного противника и психологических факторов боя.
Цифровые	- компьютерные тренажеры, игры; - устройства виртуальной реальности; - аппаратура биологической обратной связи; - цифровые полигоны.

Название группы методов	Методы психологической подготовки
Комплексные	- гетеротренинг; - ситуативно-образная психорегулирующая тренировка (визуализация); - социальное моделирование (моделирование инцидентов с местным населением); - гипноз, трансовые методики, медитация; - применение фармакологических препаратов; - психологические операции, поддерживающие боевые действия; - расстановка личного состава с учетом: а) психологической совместимости, б) боевого опыта, в) динамики переживания страха; г) расстановка боевого актива.

Таким образом, в процессе психологической подготовки военнослужащий должен познать и по возможности ощутить весь спектр характерных для боевой обстановки воздействий на его организм и психику (зрительных, слуховых, кинестетических, обонятельных, осязательных, вкусовых, вестибулярных), научиться правильно реагировать на них и активно действовать в условиях их эскалации. Социальная, боевая и эргономическая среды предстоящей боевой деятельности должны стать привычными, комфортными, способствующими эффективному решению конкретных боевых задач.

Столетие назад Г. Е. Шумковым было обозначена еще одна ипостась психологической подготовки. Он отмечал, что бой – это вооруженное столкновение с противником, которое воздействует на бойцов не только поражающими факторами оружия, но и различными действиями, несущими в себе элементы психологического воздействия. И от того, насколько ему удастся поразить психику противостоящего войска, настолько будет обеспечен успех в сражении. Поэтому командиры должны «не только истреблять врага, но и, главным образом, устрашать его, действуя на его психику, поддерживая и экономя психическую энергию в своих войсках [366].

Поэтому практически с первых дней своего существования отечественная военная психология исходит из того, что «подготовить бой, подготовить наступление – равносильно понятию подорвать, расшатать, убить психические силы противника» [165].

Психологическая «подготовка» противника

Психологическая «подготовка» противника предполагает снижение его психологических возможностей оказывать сопротивление нашим войскам в бою. Она предполагает:

- психологическое истощение противника путем ведения изнуряющего огня, действием диверсионных групп, осуществлением ложных атак;
- дезинформацию противника путем распространения дезинформирующих слухов, воздействия через листовки и звуковещание, применения военной хитрости, осуществления мер маскировки;
- деморализацию противника путем действия диверсионных групп, захвата «языков», снайперского террора, распространения пугающих слухов;
- дезинтеграцию противника путем распространения разобщающих слухов;
- дезорганизацию противника путем целенаправленного вывода из строя его командного звена.

Цель психологического изнурения противника – лишение его ощущения комфорта, спокойного отдыха и сна (что является главной причиной дистресса и боевой психической травмы), порождение утомления, страха, отчаяния.

Психологическая подготовка социальной среды предстоящих боевых действий предполагает формирование лояльного отношения местного населения к нашим войскам, превращение его из отрицательного фактора в нейтральный и даже в положительный фактор боевых действий.

Такая подготовка достигается:

- установлением контактов с лидерами общественного мнения;
- оказанием помощи населению в решении насущных проблем их жизнедеятельности;

- принятием исчерпывающих мер по недопущению гибели местного населения в результате боевых действий в районе;

- запрещением бесконтрольных контактов военнослужащих с местным населением;

- применением жестких мер к военнослужащим, нарушающим законные права местного населения.

Таким образом, психологически *подготовить боевые действия*, значит: а) заблаговременно (до вступления в бой) сформировать у военнослужащих психологическую подготовленность (устойчивость) – систему психологических качеств (знаний, навыков, установок, умений, убеждений, мотивов, личностных качеств), определяющих их потенциальную возможность преодоления трудностей и успешно выполнять поставленную задачу; б) непосредственно перед выполнением конкретной боевой задачи сформировать у воинов состояние психологической готовности – активности, нацеленности, настроенности, мобилизованности психики воинов на преодоление трудностей предстоящей боевой деятельности, представления о способах собственный действий («сой маневр»), адаптированности к конкретным условиям боевых действий; в) распределить людей таким образом, чтобы воинский коллектив сам выступал своеобразным стимулятором боевой активности и «психотерапевтом» для своих членов; г) сформировать общественное мнение, благоприятствующее выполнению конкретной боевой задачи и достижению целей военной кампании; д) подавить волю противника к сопротивлению и т. д.

3.4. Психологическая поддержка и психологическая реабилитация военнослужащих в боевой обстановке

Какими бы качественными ни были профессиональный психологический отбор военнослужащих и психологическая подготовка боевых действий, участник боевых действий в одиночку не способен противостоять травмирующим стресс-факторам боя. Необходима специальная деятельность командиров, органов по работе с личным составом, военных психологов, направленная на укре-

пление психологических возможностей воинов. На достижение этой цели направляется психологическое сопровождение боевых действий.

Психологическое сопровождение боевых действий состоит в непрерывном отслеживании динамики психологической обстановки (целевого психологического ресурса своих войск и противодействующих им сил, влияния на состояние морального духа сторон складывающейся социальной обстановки, боевых и эргономических условий) в зоне боевых действий, прогнозировании и оценке усталости и психологических потерь среди личного состава, оказании психологической помощи военнослужащим в преодолении психотравмирующих ситуаций, целенаправленном управлении мотивацией, психическими состояниями людей и социально-психологическими процессами в воинских подразделениях и в зоне боевых действий, в их защите от психологических акций противника.

Психологическое сопровождение осуществляется на этапе ведения соединением (воинской частью) боевых действий.

Опыт боевых событий, происшедших после Второй мировой войны, свидетельствует о том, что повышение боевой мощи средств уничтожения людей, совершенствование методов психологической борьбы неизменно ведут к росту психологических расстройств военнослужащих, оказывающих заметное отрицательное влияние на их боеспособность, ход и исход сражений. По американским оценкам, психогенные потери в современных войнах могут составлять: в условиях применения ядерного оружия – 25–33%, а без применения оружия массового поражения – 20% от физических потерь.

Психогенные потери – это люди, утратившие на короткое или длительное время боеспособность вследствие воздействия боевых психогенных стресс-факторов.

Понятие «психогенные потери» (ППт) – собирательное. Предлагаем следующую классификацию психогенных потерь (рис. 3.3).

Безвозвратные психогенные потери составляют лица, сознательно принявшие решение прекратить участие в боевых действиях и покинувшие боевой строй (дезертиры, сдавшиеся в плен, покон-

чившие жизнь). Какие-либо устойчивые тенденции и закономерности в проявлении данного вида потерь здесь не проявляются, поэтому прогнозированию и расчетам такие потери не подвергаются. Однако известно, что отсутствие системы психологической помощи в боевой обстановке сопровождается ростом количества дезертиров и убийств командиров.

Это отчетливо проявилось в ходе войны во Вьетнаме, где игнорирование вопросов прогнозирования и профилактики психогенных потерь привело к росту числа американцев, дезертировавших с поля боя и командиров подразделений, убитых своими подчиненными.

Рис. 3.3. Классификация психогенных потерь

К *санитарным психогенным потерям* относятся военнослужащие, вышедшие из строя по причине получения боевой психической травмы (БПТ) или нервно-психического заболевания на срок более одних суток и попавшие в медицинские подразделения или пункты (центры) психологической работы.

Еще Р. Дрейлинг в 30-е гг. XX в. писал о том, что «…острые впечатления или длительное пребывание в условиях интенсивной опасности так прочно деформирует психику у некоторых бойцов, что их психическая сопротивляемость не выдерживает, и они становятся не бойцами, а пациентами психиатрических лечебных заведений. Процент этот не велик, но при значительных размерах современных вооруженных масс он «абсолютно» представляет все же большую величину. Так, например, во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. психически ненормальных, не имевших травматических повреждений, прошедших через Харбинский психиатрический госпиталь было около 3 000 человек» [74, с. 161].

По данным В. В. Нечипоренко, С. В. Литвинцева, Е. В. Снедкова в современных вооруженных конфликтах санитарные психогенные потери составляют 1–3%, в годы Великой Отечественной войны – 10–12% от общего объема психогенных потерь. По их мнению, к БПТ необходимо относить и манифестирующие в боевой обстановке эндогенные психозы (шизофрения, маниакально-депрессивный психоз).

В локальных военных конфликтах истекших лет значительно увеличилось число пострадавших с психогенными расстройствами субклинического уровня. В эту категорию включаются нарушения, обозначаемые как психические стрессовые реакции (ПСР) (акцетуированные психологические реакции, «боевое утомление», «боевое истощение» и др.) Они характеризуются быстротечностью (до 1 суток) и сопровождаются выраженным снижением бое- и работоспособности (вплоть до отказа от деятельности) военнослужащих. Их относят к лицам «кратковременно вышедшим из строя».

Расчету психогенных потерь подлежат санитарные потери и кратковременно вышедшие из строя.

Непосредственной диагностикой психологических потерь будут заниматься психологи, медицинский персонал подразделений. Командный состав частей и соединений будет иметь дело с обобщенными данными о психологических потерях. Такие данные нужны как для принятия обоснованного решения о путях и способах продолжения боевых действий, так и мер по борьбе с последствиями боевого стресса у лиц, отнесенных к разряду психологических потерь.

Методы расчета психогенных потерь представлены в приложении 3.

Психогенные потери включают разнообразные типы реакций, уровни потрясений, различные отрицательные последствия, вызванные боевыми раздражителями. Для их количественной оценки могут использоваться выделяемые типы отрицательных психических реакций на поле боя: слабые, средние, тяжелые.

Слабые психические реакции возникают тогда, когда в поле зрения воинов оказываются небольшие разрушения, возгорания, легко раненые. При этом типе реакций люди испытывают напряжение, возбуждение, неспособность сосредоточиться, легко поддаются настроению, плохо контролируют себя, неточно реагируют на команды.

Среднюю психическую реакцию на поле боя может вызвать созерцание значительного количества разрушенных объектов, выведенной из строя боевой техники, завалов, пожаров, легко и тяжелораненых людей. У воинов может наступать апатия или истерия. Они могут становиться трудно управляемыми, заметно снижать качество работы.

Тяжелая психическая реакция представляет собой психологическое потрясение, которое воин переживает в обстановке полного разрушения, сильного огня, больших потерь. В подобных случаях утрачиваются контакты между людьми, они теряют ориентацию, испытывают подавленность, могут допускать неадекватные действия. В табл. 3.6 приведены объемы перечисленных выше реакций в соотношении со степенью снижения боеспособности воинского подразделения (части).

Таблица 3.6

Зависимость боеспособности подразделения (части) от объемов психогенных потерь

Степень снижения боеспособности	Тип реакции		
	легкий	средний	тяжелый
Незначительная	5–10% незначительная		
Легкая	30–40% легкая	5–10% легкая	
Заметная	50–80% заметная	30–40% заметная	5–10% заметная
Сильная		50–80% сильная	30–40% сильная
Полная			50–80% полная

Психодиагностика боевых психических расстройств представляет собой совокупность взаимосвязанных процедур по выявлению фактов наличия психотравм, их идентификации и оценке, принятию решения по объему, срокам, средствам, способам психокорректирующего воздействия на военнослужащих в целях их быстрого возвращения в строй или в мирные условия жизнедеятельности.

Целью психодиагностики выступает выявление степени боеспособности и психического здоровья конкретного военнослужащего.

Основными средствами выявления и оценки психических расстройств в боевой обстановке являются методы визуальной психодиагностики и психодиагностическая беседа. После эвакуации психотравмированных воинов из угрожающей обстановки могут проводиться дополнительные психодиагностические мероприятия с использованием различных тестовых методик. В процессе визуальной психодиагностики и беседы с пострадавшим фиксируются и оцениваются показатели типов отрицательных психических реакций, описанных выше.

Экспресс-диагностика позволяет: выявить военнослужащих, симулирующих психическую травму; определить воинов с непатологическими и патологическими психогенными реакциями (данные группы военнослужащих после краткого психокорректирующего воздействия направляются в свои части для дальнейшего участия в боевых действиях); выявить людей с невротическими состояниями (они направляются в медицинские подразделения или в места нахождения специальных команд психологической помощи групп психологического работы соединений (воинских частей); определить и представить к эвакуации в группы психического здоровья, центры психологической работы воинов с психотическими расстройствами.

Диагностическая экспресс-беседа заключается в постановке перед военнослужащим, демонстрирующим неадекватное боевой ситуации поведение, вопросов, позволяющих оценить степень его ориентированности в пространственно-временных и тактических элементах боевой обстановки и в собственной личности. Как правило, задаются простые, краткие, доступные для понимания в экстремальной обстановке вопросы: кто Вы, как Ваши фамилия, имя, отчество, из какого Вы подразделения, какую задачу выполняете, как долго вы здесь находитесь, где находятся командир и личный состав подразделения, где противник, что собираетесь делать дальше? и т. д.

В ходе беседы фиксируются: наличие ответов, их адекватность, время, затрачиваемое опрашиваемым на обдумывание ответа; невербальные проявления и т. д.

Визуальная экспресс-диагностика состоит в наблюдении за внешними проявлениями военнослужащего по специальной схеме (карте), фиксации определенных паттернов и последующей интерпретации полученной психологической информации.

Своеобразными схемами для визуальной диагностики могут быть: градация психических расстройств, предложенная Ю. А. Александровским [2]; описанные выше симптомы боевого дистресса и боевой психической травмы; карта боевого стресса, составленная на основе исследований военных медиков [183; 291] (*приложение 9*).

Американскими специалистами разработаны рекомендации командирам воинских подразделений, позволяющие диагностировать психические состояния воинов и осуществлять меры их психологической поддержки (см. табл. 3.7).

Важнейшим элементом психологического сопровождения боевых действий войск является **психологическая помощь (самопомощь)**, представляющая собой комплекс психологических, организационных, медицинских мероприятий, направленных на обеспечение успешного преодоления военнослужащими психотравмирующих обстоятельств боевой обстановки, сохранение их психического здоровья и боеспособности. По существу, в процессе психологической помощи решается задача актуализации, восполнения и модификации целевого психологического ресурса военнослужащих.

Таблица 3.7

Объем первой психологической помощи на поле боя в зависимости от выраженности психической реакции

Тип психической реакции	Симптомы	Рекомендуемые меры помощи	Не рекомендуется
Нормальная	Тремор, мышечное напряжение, учащенное сердцебиение, тревожность, беспокойство, потливость, тошнота, диарея, частое мочеиспускание	Индивидуальная психофизическая поддержка, четкое руководство с подчеркиванием положительных ситуативных мотивов, общение с товарищами	Фиксация излишнего внимания на данном состоянии, подчеркивание серьезности положения, высмеивание, безучастие
Пониженная активность, депрессия	Военнослужащий находится в положении стоя или сидя без движений и разговоров, с безучастным выражением лица	Мягко установить контакт, добиваясь, чтобы он сообщил о случившемся. Проявить участие, выразить солидарность. Предложить простую рутинную работу. Обеспечить теплой пищей и сигаретами	Проявлять излишнюю жалость. Назначать седативные средства, за исключением крайних случаев. Проявлять гиперсолидарность

Тип психической реакции	Симптомы	Рекомендуемые меры помощи	Не рекомендуется
Индивидуальная паника	Безрассудные попытки к бегству, неконтролируемый плач, бег кругами	Проявить доброжелательную твердость. Дать съесть или выпить что-либо теплое. Предложить закурить. При необходимости – изолировать. Проявить участие	Проявлять грубые меры при изоляции. Обливать водой. Назначать седативные средства (за исключением крайних случаев)
Гиперактивность	Склонность к спорам, быстрая речь, выполнение ненужной работы, перескакивание с одной работы на другую. Высказывание бесконечных советов окружающим.	Дать выговориться. Заставить выполнить физическую работу. Дать теплое питье, пищу, сигарету. Осуществлять контроль, не проявлять других чувств	Акцентировать внимание на состоянии воина. Вступать в спор. Назначать седативные средства
Реакция с преобладанием физических компонентов	Тошнота, рвота, функциональные параличи	Показать свою заинтересованность. Предложить простую, нетрудную работу. Создать необходимые условия для эвакуации в медицинский пункт. Воздерживаться от проявления других чувств	Говорить пострадавшим, что с ними ничего серьезного не случилось. Акцентировать внимание на их состоянии. Грубо высмеивать

Психологическая помощь включает два компонента, различающихся субъектами, объектами и содержанием проводимых мероприятий: а) психологическую поддержку и б) психологическую реабилитацию.

Психологическая поддержка направляется на актуализацию имеющихся и создание дополнительных психологических ресурсов, обеспечивающих активные действия военнослужащих на поле боя.

Она в профилактическом плане (в целях снижения боевой активности и предупреждения развития отрицательных психологических явлений) оказывается всем военнослужащим, а в качестве средства психологической коррекции применяется по отношению

к лицам с симптомами непатологических и патологических психогенных реакций.

В процессе **всего периода боевых действий** общими для всех участников боевых действий мерами психологической поддержки должны быть: ведение строгого контроля за продолжительностью и качеством сна, рациональное чередование активной деятельности и отдыха; регулирование продолжительности пребывания военнослужащих в соприкосновении с противником; защита войск от психологических операций противника; укрепление чувства единства армии с народом; предупреждение безделья военнослужащих; проведение рекреационных, культурно-досуговых и информационно-воспитательных мероприятий.

Известно, что главными факторами развития дистресса и травматического стресса выступают: во-первых, *нарушения и задолженность сна и 2) продолжительность воздействия боевых стресс-факторов и физических нагрузок, вызывающих утомление.*

Поэтому на их профилактику и должна быть направлена психологическая поддержка.

Физиологические способы. Как бы ни развивались боевые действия, командир должен стремиться к тому, чтобы дать поспать непосредственным участникам боевых действий – 4 часа и лицам, занимающимся умственной деятельностью (работники штабов) – не менее 6 часов в сутки.

Организационные способы. Учитывая опыт войн и военных конфликтов, когда после нескольких дней непрерывного пребывания в течение нескольких дней на передовой большое количество военнослужащих утрачивали боеспособность из-за страха и утомления, необходимо периодически давать военнослужащим возможность отдохнуть во втором эшелоне, в резерве (во время Первой мировой войны были на линии огня: немецкие батальоны – 12 дней, английские – 8 дней; во время Второй мировой войны дивизии вермахта выводились на отдых после того, как теряли убитыми и ранеными до 20% личного состава).

Для предупреждения психических расстройств в действующей армии Дж. Аппель еще 1946 г. рекомендовал полностью заме-

нять личный состав на передовых позициях через 6 мес., так как дезадаптация у большинства солдат развивалась через 8–12 мес. после прибытия на фронт. Во время войны в Корее (1950–1953) в американской армии был внедрен **принцип «ротации»**, при котором длительность пребывания в районе боевых действий ограничивалась девятью месяцами и каждый солдат заранее знал о точной «дате ожидаемого возвращения из-за моря» для удобства обозначаемой аббревиатурой DEROS (Date Expected to Return from Overseas). При этом замена участников боевых действий осуществляется не отдельными военнослужащими, а целыми подразделениями, что позволяет сохранить на все время их боевых действий групповую сплоченность [183, с. 42].

Особое внимание командиров в боевой обстановке должно быть обращено на недопущение бездействия личного состава. Доказано, что, чем дольше длится такое бездействие, тем хуже оно переносится личным составом и тем больше создается возможностей для развития неблагоприятных психических состояний. Это особенно важно при участии войск в локальных военных конфликтах, характеризующихся чередованием периодов интенсивной боевой деятельности и «мирной» жизнедеятельности.

Социальные способы. Как было показано, одной из причин снижения уровня мотивации, возникновения негативных психических состояний у участников военных конфликтов является реальная или кажущаяся утрата социально-психологического единства воюющей армии со своим народом. Это явление наблюдалось в контингенте советских войск в Афганистане, в российских частях в Чеченской республике в 1995–1996 гг., в американской армии во Вьетнаме. Следовательно, важной задачей психологической поддержки участников боевых действий является всемерное укрепление или фиксированное обозначение наличия таковых связей. Опыт такой работы накоплен в некоторых частях ВС РФ. Например, во время боевых действий в Чеченской республике руководство СибВО постоянно и эффективно использовало эту форму психологической поддержки.

Существовавший воздушный мост между Сибирью и зоной боевых действий в Чеченской республике интенсивно использо-

вался не только для переброски военных грузов, но и для доставки посылок, почты, подарков воинам от родных, близких и земляков. Регулярно в район боевых действий выезжали концертные бригады, представители общественности. Все это, по оценкам участников боевых событий, придавало им уверенность, вселяло надежду в сердца, поднимало боевой дух, положительно влияло на психологический климат в воинских коллективах. Окружная газета «Воин России» с января 1995 г. начала готовить регулярные спецвыпуски для воюющих в Чечне военнослужащих. Рассказы о семьях, публикации фотографий домочадцев, рукописные приветы прямо на газетных полосах не могли не сказаться на настроении и самочувствии воинов.

Коммуникативные способы. Еще более жесткие меры должны быть предприняты для предупреждения эффективного психологического воздействия на военнослужащих со стороны противника и негативно настроенного местного населения. Здесь недостаточны чисто организационные меры (запрещение несанкционированных контактов с населением, изъятие у личного состава личных радиоприемников, назначение ответственных за сбор и уничтожение пропагандистских материалов, выявление, подавление и уничтожение средств психологического воздействия и др.). Важная задача состоит в создании и актуализации у военнослужащих интеллектуальных и эмоциональных барьеров, исключающих или существенно снижающих их подверженность информационно-психологическому воздействию противника. Для этого необходимо на ярких и убедительных примерах показывать цели, способы, психологические механизмы и возможные последствия такого воздействия. В данном плане весьма эффективными считаются такие методы групповой психологической работы, как психологические тренинги, обсуждение конкретных ситуаций и др.

Фармакологические способы состоят в усилении и коррекции психологического ресурса участника боевых событий за счет применения лекарственных препаратов, витаминов, лечебных трав и иных препаратов, имеющих психотропный эффект.

Опыт боевых событий в Афганистане, Чечне, Вьетнаме, в зоне Персидского залива и в других регионах мира показывает, что

фармакологические средства могут быть использованы в целях: повышения активности действий личного состава в условиях опасности и хронического утомления (препараты группы психостимуляторов); снятия чрезмерной психической напряженности (релаксаторы); ускорения процесса адаптации военнослужащих к экстремальным условиям жизнедеятельности, повышения показателей работоспособности отдельных психических функций и др. Исследования, проведенные в Чечне группой медицинских специалистов, показали высокую эффективность применения ряда фармакологических средств: для повышения боеспособности военнослужащих – препараты сиднокарб и пирацетам; для купирования боевого стресса, острых психотических реакций военнослужащих – феназепам и седуксен; в целях повышения скорости и точности реакций водительского состава – пирроксан; в интересах коррекции астено-депрессивных состояний – сиднокарб, элеутерококк, поливитамины.

Проверенным средством регуляции психической деятельности в обстановке действия психотравмирующих факторов являюся поливитамины «Аснитин», «Аэровит», «Гексавит», «Декамивит», «Ревит», «Рибовит», а также психотропные травы: валериана, пустырник, синюха голубая, пион уклоняющийся, мелисса, душица обыкновенная, хмель обыкновенный, вахта трехлистная, фиалка трехцветная, полынь обыкновенная, мята перечная (*приложение 4*).

Опыт боевых действий практически всех армий и эпох свидетельствует о том, что эффективность боевых действий войск в значительной мере определяется тем, как противоборствующим сторонам удается преодолевать страх.

На современном уровне развития военно-психологической науки для профилактики страха и паники рекомендуются следующие мероприятия [25; 171; 344; 366].

1. Занятие военнослужащих конкретной деятельностью, особенно на этапе подготовки к бою. Опросники, заполненные несколькими сотнями солдат бригады Абрахама Линкольна, – ветеранами гражданской войны в Испании – показали, что 71% из них переживали страх перед битвой и только 15% – во время самой акции.

Долг начальника прийти на помощь солдату. Прежде всего, нужно занять солдата в бою. Сделать так, чтобы у него пропала мысль об опасности боя. Безделье на всех этапах боя – кратчайший путь к страху и панике.

2. Формирование у военнослужащих четкого представления о противнике, задачах и условиях предстоящего боя, порядке и сигналах взаимодействия, о правилах эффективного применения оружия и боевой техники и т. д. Чем больше солдат знает о неприятеле и ситуации на фронте, тем больше он устойчив к страху, панике и дезинформации.

3. Поддержание строгой дисциплины. По словам выдающегося немецкого военного специалиста Мольтке: «…армия без дисциплины во всех случаях есть дорогостоящее, для войны негодное и во время мира полное опасности учреждение», а Десборделье подчеркивал, что «…дисциплина – это душа армии, от поддержания и точного соблюдения ее зависят судьба войска и успех предприятий… лишь дисциплина может объединить волю каждого в воле начальника, может понудить энергию и храбрость каждой отдельной личности слиться в общем интересе, что обеспечивает порядок и доверие, без которых храбрость и самопожертвование бесполезны». Могучее войско может вырасти только на твердой, устойчивой почве воинской дисциплины.

Э. П. Утлик считает воинскую дисциплину своеобразным социально-психологическим механизмом регуляции психологии воинского коллектива в боевой обстановке, источником мотивации, синергии, психологической поддержки, важнейшим фактором предупреждения развития страха и паники в войсках.

4. Высокая боевая обученность воинов. В бою под воздействием стресс-факторов боя дольше сохраняются лишь те навыки действий, которые доведены в мирное время до автоматизма.

5. Поддержание среди личного состава спокойствия и самообладания, предупреждение и пресечение панических настроений и слухов. Не только страх, но и самообладание является заразительным. Особенно это касается командира. Если дух начальника подавлен «и он это покажет, если он только проявит свое волнение хотя бы в нескольких указаниях, его сомнения распространятся с

чрезвычайной быстротой; они удесятеряются в силе в каждой инстанции командования; приказания становятся все более и более нервными и внизу иерархической лестницы возникает беспорядок».

Паникера необходимо немедленно убрать с глаз других солдат, так как «поражение психики бойца является для горячей боевой работы более ощутимой потерей, нежели одиночная смерть бойца, не считая того, что нарушение психики немногих участников боя может расстроить и понизить психику многих других их сотоварищей, вызывая панику».

6. Создание условий для развития патриотизма, веры в Бога, в справедливость, в счастливое будущее, в возможность выжить, в то, что боевые товарищи обязательно спасут, не оставят в беде и т. д. Опыт показывает, что «верующие люди на войне получают огромную моральную поддержку в религии. Но, кроме моральной поддержки, которую дает религия бойцу при переживаемой им опасности, она играет еще и другую великую роль. Война, требующая от людей величайшего самопожертвования и подвига, в то же время разнуздывает и дурные страсти в людях, усыпленное культурой мирного времени варварство». Несомненно, что религия является задерживающим началом для роста извращений психики войны.

Сегодня уже хорошо понятно, что научить человека победить смерть – самое лучшее средство сделать его равнодушным к страху, «ибо выше всего именно страх смерти, страх неизвестности по ту сторону бытия. Человек цепляется за жизнь, потому что он не знает смерти. Всего неизвестного человек боится. Но если человек уверует в то, что его мыслящее и чувствующее «Я» со смертью не погибнет, – будет ли это «загробная жизнь бесконечная» христианства или Магометов рай, или Буддистское перевоплощение души в новое существо для новой жизни, – все равно эта вера подержит дух во время смертельной опасности и даст мужество смело умереть. Государство, которое отказывается от религии и от воспитания своей молодежи в вере в бога… будет иметь трусливых солдат и нерешительных начальников… оно будет побеждено людьми, сознательно идущими на смерть, верующими в Бога и бессмертие души».

Вера в справедливость войны также существенно укрепляет морально-психологическое состояние войск, порождает массовый героизм.

7. Развитие представлений о природе страха, о возможностях современной медицины и о статистике потерь на войне.

Когда солдат знает, что страх является естественным состоянием, что его переживают другие люди, в том числе неприятель, ему легче побороть страх.

Командиры, военные психологи должны внушить солдату, что непереносимой боли не бывает. Что «как только боль становится нестерпимой – является спасительное забытье. Объяснить, что зубная боль… гораздо больнее, чем боль при ранении. Рассказать солдату, что та пуля, которая чмокнула в землю или просвистела над ухом, тот снаряд, который разорвался, уже не ранят… Снаряд, который ранит, пуля, которая ударит – их не услышишь. Рассказать ощущения ранения. Я был ранен – какая боль? Ну, – точно внезапно палкою ударило – все… Совсем не страшно… Везде, на стрельбище, на учении показывать, как даже в спокойном состоянии духа много пуль летит даром».

Важно рассказывать об этом, приводя конкретные, понятные и яркие примеры. Действительно, чтобы уничтожить одного солдата противника 100 солдат противника, до конца используя дневной рацион боеприпасов в 360 патронов (12 магазинов по 30 патронов), должны вести огонь по нему 11 суток без перерыва. При этом общий вес израсходованных на одного неприятеля пуль в 45 раз превысит его собственный вес.

В борьбе со страхом и паникой необходимы: широкое ознакомление бойцов с достижениями современной медицины, в частности хирургии; обучение бойцов действиям в обстановке опасности; доведение военно-технических навыков до автоматизма; вовлечение воинов в те виды спорта, которые связаны с опасностью, и др.

Солдат, идя в бой, должен быть абсолютно уверен в том, что санитарная служба организована образцово, что в случае ранения он *никогда не будет брошен* и что есть люди, которым вменено в

специальную обязанность помочь ему при ранении, вынести его из боя и вылечить. Он должен верить, что об инвалидах войны позаботится государство, что быть инвалидом в этой стране почетно, что инвалид не в тягость обществу, а славное напоминание подвига.

9. Хорошее физическое состояние бойцов противодействует страху. Физически тренированный солдат больше уверен в своих возможностях, меньше боится боли, в меньшей степени подвержен утомлению, способствующему развитию страха. Он чаще использует вместо страха гнев. Как известно гнев и страх имеют реципрокное соотношение, то есть не могут переживаться одновременно. Переживание гнева практически исключает возможность проявления чувства страха.

При всех прочих равных условиях, при одинаковом упорстве и военном искусстве противников верх одерживает тот, кто оказывается более сильным физически. Кроме того, здоровье обусловливает до некоторой степени и сам боевой дух, упорство воина. По-видимому, срабатывает истина, гласящая: «В здоровом теле – здоровый дух».

Особое внимание командир должен уделять профилактике таких проявлений страха, которые сродни психическим расстройствам (фобиям): «минобоязнь», «снайперобоязнь», «танкобоязнь», «самолетобоязнь», «атомобоязнь», «водобоязнь» и др.

Непосредственно в ходе боевых действий применяются коммуникативные, организационно-деятельностные и аутогенные способы психологической поддержки [93].

К *коммуникативным способам* относятся: вербальные – доведение до военнослужащих мобилизующей информации; убеждение по типу: «Мы справлялись и не с такими задачами, справимся и с этой»; внушение по типу: «Ты справишься с этим!»; подкрепление по типу: «Молодец!», «Орел!», «Герой!»; психологическое заражение настроением по типу: «Мужики мы или нет?»; шутки, приказы, угрозы и др.; визуальные – контакт глазами, одобряющая пантомимика и другое; тактильные – прикосновения, пожатие руки, похлопывание по плечу, «встряхивание» и др.; эмоциональные – нахождение рядом с подчиненным в трудную минуту,

сопереживание, дружеская улыбка и др.; деятельностные – личный пример активных и решительных действий, поддержка действиями и огнем, угощение сигаретой, водой и др.

Организационные способы составляют: вывод военнослужащего в безопасное место; ликвидация или блокирование источников травматизации; предупреждение контактов военнослужащих с лицами, подвергшимися деморализации; твердое управление действиями подчиненных; постановка четких задач на продолжение боевых действий по типу: «Рядовой Петров! Противник справа, за горящим автобусом. Уничтожить!» или «Петров! Посмотри на Сидорова. Он делает правильно. Делай как Сидоров!»; организация целесообразного чередования напряженной деятельности, отдыха, сна, своевременного приема пищи и т. п.

Аутогенные способы психологической поддержки (самопомощь) на сегодняшний день являются наиболее известным, доступным и весьма эффективным средством регуляции психической деятельности. К их числу относят как простейшие приемы саморегуляции (успокаивающее и мобилизующее дыхание, расслабление мышц по контрасту, элементарные формулы самоубеждения, самовнушения, самоприказа, самоподкрепления) *(приложение 5*), так и сложные психорегуляционные комплексы (аутогенная тренировка, самогипноз, медитация, нервно-мышечная релаксация и др.).

Опыт показывает, что иногда события принимают такой драматический характер, когда в пылу боя большое количество военнослужащих утрачивают на время способность целенаправленно управлять своим поведением. Они мгновенно могут выйти из боевого строя, из числа активных бойцов и превратиться в «пушечное мясо». Так, в одном из эпизодов боевых действий мотострелкового полка в г. Грозном в январе 1995 г. личный состав подвергся массированному и ожесточенному огневому воздействию противника. Значительная его часть подверглась психотравматизации. «Около 30% оставшихся в живых воинов утратили способность вести активные боевые действия вследствие полученных психологических травм. У них отмечались подавленность, отрешенность от происходящего, глубокий аутизм, почти полное отсутствие вербального контакта с окружающими. Этих военнослужащих после занятия

круговой обороны вынуждено содержали вместе с ранеными и телами убитых под присмотром раненого офицера» [153].

Для экстренной психологической помощи военнослужащим, находящимся в подобном состоянии, отечественные и зарубежные военные психологи предложили **программу экспресс-помощи**. Она предполагает следующие действия:

1. Успокоение пострадавшего путем обращения к нему спокойным, но твердым голосом; с помощью четкой и ясной команды.

2. Обезопасить пострадавшего от поражения огнем и от самого себя (иммобилизовать).

3. Собрать максимум информации о причинах психотравмы и составить план оптимальных действий. Так, если военнослужащий только что стал свидетелем гибели боевого товарища, его речь несвязна, он не способен выполнять команды – он представляет опасность для себя и для окружающих [190, с. 74]. Отдифференцировать боевую психическую травму от проявления растерянности или трусости: никакие призывы, уговоры, пощечины, угрозы не выводят военнослужащего из состояния дезориентации и лишь могут усугубить последствия травмы.

4. Эвакуация пострадавшего в пункт психологической работы (ППР) или в медицинское подразделение.

5. В ППР необходимо обмыть военнослужащего (при нехватке воды – лицо и руки) теплой водой. В идеальном состоянии погрузить его в теплую ванну (бочку; отвести в полевую баню или душ при пункте психологической работы – *доп. авт*).

Как вариант – растереть кисти рук и ступни ног шерстяной тканью и разогреть энергичным массажем (т. к. при сильном стрессе отмечаются локальные сосудистые реакции, связанные с перераспределением кровотока, со спазмом периферических сосудов в отдаленных отделах конечностей. Не случайно при стрессе отмечаются «ледяные руки» и «зябкие ноги». Холодные кисти и стопы при стрессе известны как **синдром «перчаток» и «носков»**. Первоначальное, эволюционно-приспособительное значение этих физиологических реакций было связано с уменьшением риска кровопотери при травмах (при физическом противоборстве первобытного человека с хищным зверем или с себе подобным по-

вреждение именно этих частей тела было наиболее вероятным) – (*доп. авт.*).

6. Дать военнослужащему горячее питье и малую дозу успокоительных средств (элениум, феназепам и др.).

При отсутствии необходимых медикаментов можно использовать промедол из шприц-тюбика индивидуальной аптечки или 50–100 мл алкоголя. Возможно сочетание 50 мл алкоголя и 2 мл промедола.

7. Обеспечить пострадавшему сон.

8. После того, как военнослужащий проснется, его следует накормить (желательна пища, богатая белком – *прим. авт.*), и вновь уложить спать на несколько часов.

9. После этого определить степень психотравмы и меры по восстановлению военнослужащего [172].

Боевые действия частей Сухопутных войск в Чечне показали, что потребность военнослужащих в психологической поддержке особенно остро ощущается в период с первых пяти суток и после 30 суток участия в боевых действиях. Именно в это время отмечалось больше всего потерь среди личного состава и была высокой подверженность воинов психогениям.

В случаях, когда военнослужащие подвергаются психогенным расстройствам, характеризуемым по классификации Ю. А. Александровского как психогенные невротические состояния, требуется осуществление психореабилитационных мероприятий. Показаниями к этому служат симптомы неврастении, истерического и депрессивного неврозов, невроза навязчивых состояний (клаустрофобии, агорафобии, минобоязни, снайперофобии, фатальной уверенности в своей близкой смерти и др.), сопровождающихся в ряде случаев утратой критического понимания происходящего и возможностей целенаправленной деятельности.

Психологическая реабилитация представляет собой комплекс психофизиологических, психотерапевтических, организационных и медицинских мероприятий, направленных на восстановление нарушенных (утраченных) психических функций и коррекцию социального статуса военнослужащих, получивших боевую психиче-

скую травму. В зависимости от глубины психических расстройств военнослужащих она может начинаться как непосредственно в боевой обстановке и продолжаться в стционарных медицинских учреждениях страны.

Основными задачами психологической реабилитации являются: выявление и диагностика психических расстройств у военнослужащих; сортировка военнослужащих по уровню психотравматизации; эвакуация военнослужащих, подвергшихся психотравматизации, с поля боя; восстановление нарушенных (утраченных) психических функций; коррекция самосознания, самооценки и самочувствия военнослужащих, получивших психические расстройства, физические увечья; формирование у лиц, подвергшихся боевому стрессу, эффективных моделей поведения в различных ситуациях, навыков саморегуляции психических состояний и др.

В процессе психологической реабилитации обеспечивается отреагирование травматической ситуации, переработка пострадавшим травматического опыта, снятие эффекта уникальности, придание смысла, принятие и интеграция травматического опыта в личностную историю и актуальное бытие.

Боевая практика доказала необходимость строгого соблюдения ряда принципов оказания психологической помощи. С учетом опыта психологической помощи в войнах и военных конфликтах XX–XXI вв. нами очерчен комплекс принципов, следование которым позволит достигать эффективности вспомоществования участникам боевых действий. Для лучшего запоминания этот комплекс можно обозначить акронимом «БЛОКПОСТ», по первым буквам, включенным в него принципам:

Близости – требует осуществления основных мероприятий психологической реабилитации в пунктах психологической помощи и медицинских подразделений воинских соединений и частей.

Личностного подхода – требует относиться к военнослужащим, получившим боевую психическую травму, не как к больным, а как к лицам, нуждающимся во временном отдыхе и помощи, и которые будут обязательно возвращены в боевой строй; недопущение расположения пунктов психологической помощи в пределах видимости от госпиталей и медицинских подразделений; организация

посещения пострадавших командирами и сослуживцами, выражающими надежду на возвращение их в боевой строй.

Оперативности – предполагает незамедлительное начало реабилитации сразу после обнаружения у военнослужащих психологических проблем в целях обеспечения отреагирования травматического события, трансформации его смысла и оказания пострадавшим социальной поддержки.

Краткосрочности – ориентирует на необходимость проведения психологической помощи воинам в течение ближайших 12–72 часов в целях профилактики возникновения вторичной выгоды.

Простоты – требует использовать при психологической помощи наиболее простые методы и средства, которые можно реализовать в необходимом объеме в боевой обстановке.

Обеспеченности – требует создания соответствующей методической и материально-технической базы для оказания психологической помощи, без которой она превращается в пустой лозунг.

Системности – определяет, что психологическая реабилитация участников боевых действий должна осуществляться: командирами, специалистами психологической работы, медицинскими работниками; в пунктах психологической работы, медицинских подразделениях, воинских подразделениях; на различных этапах эвакуации; с помощью физиологических, психологических, социально-психологических и медикаментозных средств и способов.

Твердости – требует твердого проведения линии на выявление и наказание лиц, симулирующих боевые психические травмы; ориентации системы психологической помощи преимущественно на восстановление боеспосбности, а не абсолютного психического здоровья; соблюдение пострадавшими военной формы одежды; включение их во временные подразделения; вовлечение в выполнение простейших обязанностей по охране и всестороннему обеспечению функционирования пункта психологической помощи.

Наиболее широкое применение в практике психологической реабилитации военнослужащих нашей и многих зарубежных армий находят следующие **способы**: физиологические (глубокий сон, отдых, качественная, насыщенная белком пища, обильное питье,

душ, полевая баня); аутогенные (выполнение приемов психической саморегуляции, аутотренинг, медитация и др.); медикаментозные (седативные препараты, транквилизаторы, антидепрессанты, ноотропы, актопротекторы, психостимуляторы, фитотерапия, витаминотерапия и др.); организационные (установление четкого режима работы и отдыха, вовлечение военнослужащих в активную боевую учебу, несение службы, сохранение военной формы одежды); психотерапевтические (психологические дебрифинги, индивидуальная и групповая рациональная психотерапия, музыко-, библио-, имаго-, арт-, натуротерапия).

Изучение отечественного и зарубежного опыта психологической помощи участникам боевых действий позволяет **представить ее принципиальную схему:**

1. В боевой обстановке психологическую поддержку военнослужащим оказывают: сослуживцы, психологический актив, командиры, психологи, входящие в мобильные группы ППР.

2. Все военнослужащие, которые в ходе экспресс-диагностики относятся к категории психогенных потерь, направляются командирами в батальонные медицинские пункты, медицинский пункт соединения (воинской части), пункт психологической работы (ППР) для оказания психологической помощи.

3. После боя целесообразно проводить «послебоевой строевой смотр», одной из задач которого считать выявление психотравмированных военнослужащих и направление их в ППР.

4. В каждом подразделении, принимавшем участие в боевых действиях, в пределах 48 часов командир должен провести психологический дебрифинг (*приложение 6*).

Решением этих задач достигаются две главные цели: 1) как можно в более короткие сроки **вернуть пострадавших в боевой строй** и 2) **предотвратить развитие у них посттравматического стрессового расстройства**.

Ясно, что командиры подразделений способны выполнить лишь простейшие процедуры психодиагностики и психологической помощи подчиненным. Что же касается психологической реабилитации, то само ее определение говорит о том, что для ее

осуществления уже в зоне боевых действий требуются специалисты психологического профиля.

Таким образом, психологическое сопровождение боевых действий войск представляет собой процесс непрерывного мониторинга (отслеживания, выявления, анализа и оценки) психологических условий выполнения боевых задач, осуществления психологической поддержки военнослужащих и проведения психологической реабилитации с лицами, подвергшимися травмирующему воздействию психогенных факторов боя.

3.5. Социально-психологическая реадаптация участников боевых действий

Участие людей в деятельности, протекающей в опасных, экстремальных условиях, способно в значительной мере изменять их внутреннюю картину мира, жизненные смыслы, трансформировать ранее сложившуюся систему ценностей. Чтобы выжить среди ужасов и хаоса войны, участникам боевых действий необходимо перестроить свою психическую структуру, перевести психику на «военный режим» функционирования, адаптироваться к наиболее грозным стресс-факторам. С первых дней участия в боевых действиях (а часто и раньше начала) у воинов запускаются механизмы краткосрочной и долгосрочной адаптации, выработки специфических копинг-стратегий, навыков повседневного выживания.

Р. Дрейлинг отмечал, что факторы боя, «действуя постоянно и непрерывно… постепенно видоизменяют характер реакции бойца на окружающий мир, вызывают новые реакции, создают ряд условных рефлексов, словом, производят ряд изменений, которые в конечном счете дают картину видоизмененной психики, присущей бойцу по сравнению с обывателем [74, с. 160].

У участников боевых действий актуализируется комплекс *специфических потребностей*:

- *быть понятым* обществом, ближайшим окружением в отношении мотивов, двигавших им на войне, аргументов, объясняющих необходимость, социальную значимость участия в жестоком насилии;

- *быть принятым* в систему социальных связей и отношений с возвысившимся статусом, статусом защитника Родины, человека-воина;

- *быть признанным* как человек, честно и добросовестно выполнивший свой гражданский и воинский долг;

- *быть выслушанным* и снять неактуальную психическую напряженность, накопившуюся на войне.

Психика участников боевых событий как бы обнажается, становится особенно чувствительной к фальши, лжи, несправедливости, легко ранимой.

Вместе с отчаянием, фрустрацией, апатией у военнослужащих могут развиваться личностные трансформации, складываться искаженная, паталогическая картина мира, формироваться агрессивное, конфликтное поведение.

В социальном сознании и практике зафиксировано несколько отличающихся друг от друга критериев окончания войны. Первый заключается в подписании мирного договора между воевавшими сторонами. Этот наиболее эффективный, доступный для восприятия и понимания акт решает вопрос о прекращении войны юридически.

Иногда для определения реального завершения войны применяют духовно-нравственный критерий. В соответствии с ним война завершается тогда, когда тело последнего погибшего на поле боя солдата будет предано земле.

Видимо, вполне правомерно использовать и психологический критерий, гласящий, что «война оканчивается тогда, когда последний солдат психологически вернется с нее домой».

На самом деле многочисленные исследования отечественных и зарубежных психологов показывают, что физическое перемещение солдата с поля боя в мирную обстановку далеко не всегда означает интеллектуальное, эмоциональное, «ощущенческое» возвращение в обстановку повседневных связей и отношений.

Объяснить это можно тем, что комплекс приобретенных на войне адаптивных реакций становится дезадаптивным за пределами зоны боевых действий. Если человека с такой «военизированной» (адаптированной к условиям боя) психикой неподготовленным вернуть в мирные условия жизнедеятельности, он может

быть травмирован вторично. И эта психическая травма, вызванная неподготовленным столкновением с жестоким и ставшим непонятным, дискомфортным и чужим мирным обществом может быть сильнее, чем боевая психическая травма.

Отдельные из них оказываются неспособными самостоятельно вернуться в ритм и атмосферу мирной жизни и нуждаются в профессиональной психологической помощи. Вот почему требуется некоторая коррекция ценностно-мотивационной структуры личности, психических состояний военнослужащих, участвовавших в экстремальной деятельности, то есть социально-психологическая реадаптация.

Социально-психологическая реадаптация (переприспособление) предполагает организованное психологическое «возвращение» военнослужащих в обычные условия жизнедеятельности после выполнения специальных, сложных задач воинской деятельности, сопровождающейся травматизацией их психики.

Целью такой деятельности командиров, штабов, органов по работе с личным составом является достижение плавного, бескризисного, нетравмирующего «вращивания» участников экстремальной деятельности в систему повседневных связей и отношений, восстановление и укрепление их личностного и социального статуса.

Социально-психологическая реадаптация включает решение трех основных задач: а) реконструкцию ценностно-ориентационной системы самих участников боевых действий, б) создание вокруг них реадаптирующей социальной среды и в) оказание помощи лицам с посттравматическим стрессовым расстройством.

Первая задача в основном решается в процессе специально организованного и пролонгированного во времени (порядка 3–5 суток) периода между окончанием участия военнослужащих в боевых действиях и вступлением в полнокровную мирную жизнь, называемого периодом **«психологического карантина»**. На этом этапе деятельность командиров и военных психологов направляется:

- на когнитивно-смысловую переработку, структурирование травматического и субтравматического боевого опыта; отреагирование травматических ситуаций;

- удовлетворение специфических потребностей ветеранов (тщательный разбор боевых действий личного состава, по возможности положительная оценка вклада каждого военнослужащего в решение боевых задач);

- психологическую подготовку ветеранов к типовым травмотогенным ситуациям мирной жизни;

- постепенный перевод психики с военного на мирный режим функционирования (уровень бдительности, возбуждения, психического напряжения, готовности, реактивности, импульсивности и т. д.);

- снятие боевого напряжения (вовлечение военнослужащих в динамичную, нескучную и несложную деятельность);

- выявление военнослужащих, получивших боевые психические травмы, и оказание им психологической помощи;

- постепенное, поэтапное вовлечение людей с «невоенизированной» психикой в контакты с ветеранами боевых действий.

Считается целесообразным на этапе психологического карантина проведение окончательного разбора участия в боевых действиях – психологического дебрифинга.

Вторая задача – создание реадаптирующей социальной среды предполагает следующее. Независимо от того, вернулся ли солдат домой победителем или побежденным, его должны достойно встретить страна, сослуживцы, члены семьи, знакомые. Желательно, чтобы встречающие хорошо понимали специфические проявления психики и поведения ветеранов, были обучены элементарным приемам оказания психологической поддержки. Однако ни в коем случае нельзя допустить того, чтобы участники событий воспринимались как «ненормальные», «психи», «травматики». Отношение к ним командиров, сослуживцев, членов семей должно всемерно способствовать разрядке накопившихся психических напряжений, предупреждению дополнительной психотравматизации.

Одним из главных объектов психологического обеспечения в данный период становятся **семьи офицеров**, **прапорщиков**, **военнослужащих по контракту**. Семья участника боевых действий, с одной стороны, является мощным ресурсом его психологи-

ческой устойчивости, с другой стороны, именно семья может стать причиной его вторичной психотравматизации. Опыт армии США показывает, что более 50% самоубийств среди участников боевых действий связаны не с ужасами войны и страхом смерти, а с неблагоприятными отношениями с родными и близкими, прежде всего с супругами.

Это объясняется тем, что за время разлуки семья адаптируется к новым условиям жизни: супруга становится более самостоятельной в решении житейских проблем (планирование жизни, совершение покупок, мелкий ремонт домашней утвари и т. п.); дети, особенно сыновья, осваивают роль «главного мужчины в семье», захватывая функции отца и т. д. Вернувшийся с войны ветеран обнаруживает, что семья без него вполне благополучно существует. У него может возникнуть ощущение, что некоторые его семейные роли присвоены другими членами семьи, что он лишний, это может вызвать как супружеские, так и родительско-детские проблемы, конфликты, агрессию.

Супруги, дети, другие родственники должны оказаться психологически и нравственно подготовленными к долготерпению, к настойчивому восстановлению контактов военнослужащего с его прежними друзьями, вовлечению его в активную жизнь воинской части, гарнизона, в культурно-досуговые мероприятия. Морально-психологическое состояние вернувшихся из районов боевых действий необходимо постоянно отслеживать и своевременно корректировать.

Третья задача – оказание помощи лицам с ПТСР – осуществляется психологами и медицинскими работниками в центрах восстановительной терапии и центрах реабилитации. Психологи могут оказывать помощь ветеранам боевых действий в устранении симптомов ПТСР и стимулировании процессов посттравматического личностного роста.

Как было показано выше, участие в экстремальной деятельности имеет не только отрицательный, но и положительный контур влияния на личность военнослужащего. Многие ветераны боевых действий отмечают, что их боевой опыт связан: с глубоким и всесторонним самопознанием (познание своих интеллек-

туальных, эмоциональных, волевых возможностей); приобретением уникального опыта жизнедеятельности и поведения в экстремальных условиях, житейской мудрости, опыта открытого, спонтанного, бесхитростного общения; тренировкой аппарата стрессового реагирования, закалкой физического и психического здоровья и др. Опираясь на эти позитивные изменения психолог вместе с ветеранами определяют направления их дальнейшего личностного роста.

Таким образом, социально-психологическая реадаптация представляет собой процесс восстановления у участников боевых действий психологического ресурса, необходимого для полноценной жизни и активного социального функционирования в условиях мирной жизни.

3.6. Роль и место военного психолога в боевой обстановке

Психологическое обеспечение боевых действий – сложная, многомерная, многоуровневая деятельность. В процесс организации и осуществления психологического обеспечения боевых действий войск вовлекается широкий круг субъектов (командиры, штабы, органы военного управления, медицинские работники, военные ученые, сами военнослужащие и др.). Однако при его осуществлении в звеньях «воинская часть» и «соединение» важнейшая роль принадлежит психологу. Роль и место психолога в боевой обстановке определяется выполняемыми им функциями, системой взаимодействия с должностными лицами, этапами и последовательностью реализации своих обязанностей, «весом» его вклада в систему психологического обеспечения боя.

Функции психолога в боевой обстановке

В функциональном поле деятельности психолога интегрированы элементы теоретической, прикладной и практической работы, реализующиеся в исследовательско-прогностической, нормотворческой, консультативной, коррекционно-развивающей, управленческой, интерактивной ***функциях*** и в *функции боевого примера.* Все перечисленные функции реализуются психологом и в мирное

время, однако в боевой обстановке они наполняются новым, специфическим содержанием.

Исследовательско-прогностическая функция проявляется в постоянном **прогнозировании, изучении и оценке** психологических условий предстоящей и осуществляемой личным составом боевой деятельности, в построении ее **психологической модели** (то есть осмыслении деятельности в психологических терминах). Такая модель должна включать описание того, какие побудители (мотивы, установки) могут определять боевую активность воинов, какие из психологических качеств, умений и навыков и как повлияют на успех выполнения боевой задачи, каким образом на боевой деятельности личного состава скажутся конкретные боевые, социально-психологические, психологические, психоэргономические обстоятельства боевой деятельности.

Нормативная функция состоит в выработке ориентировочной нормы состояния целевого психологического ресурса (психологических возможностей) военнослужащих, обеспечивающей их активные и самоотверженные действия на поле боя. Реализуя эту функцию, психолог должен просчитать то, что должны знать и уметь воины, какие мотивы и установки должны быть задействованы, какой психологический настрой создан, как воины должны взаимодействовать в системе межличностных и боевых отношений, как поддержать боевую активность в ходе боя, чтобы успешно выполнить боевую задачу.

Диагностическая функция состоит в изучении и оценке текущего состояния целевого психологического ресурса (ЦПР) по отношению к норме, определяющей успешные боевые действия.

Консультативная функция нацеливается на расширение психологических возможностей (ЦПР) воинов и командиров в выполнении ими своих функциональных обязанностей за счет уточнения их представлений о психологических аспектах боевых действий и психологических механизмах поведения людей в жизнеопасных обстоятельствах, разъяснения нормы состояния психологических возможностей воинов, способов их поддержания в заданных пределах.

Командиры воинских подразделений и частей консультируются о том, как управлять психологическими состояниями и боевой активностью подчиненных, а личный состав – о способах психологической поддержки сослуживцев и приемах психической саморегуляции, немедикаментозного обезболивания, сохранения психического здоровья, эффективного поведения в плену и др.

Коррекционно-развивающая функция заключается в осуществлении практических мер по формированию и поддержанию психологических возможностей воинов в пределах нормы, восстановлению утраченных или нарушенных элементов психологического ресурса. Формами реализации этой функции являются: психологическое обеспечение боевой подготовки, участие в психологической подготовке, психологическое просвещение, психогигиена и психопрофилактика, психологическая поддержка, психологическая реабилитация и др.

Управленческая функция заключается в том, что начальники групп психологической работы, специалисты психологической работы вышестоящих инстанций участвуют в подборе, расстановке, обучении психологов нижестоящих инстанций, в постановке им задач, оказании им практической помощи в организации и осуществлении психологических мероприятий, в контроле над эффективностью работы низовых психологов и оценке их деятельности.

Функция взаимодействия (интерактивная) состоит в осуществлении тесного и продуктивного взаимодействия со всеми должностными лицами, от которых в той или иной мере зависит эффективность психологической работы в боевой обстановке. Так, взаимодействуя с начальником штаба и разведки соединения (воинской части), психолог получает информацию о противнике, вооружении и тактике его действий и т. д. Одновременно психолог информирует начальника штаба о психологических особенностях противника, сильных и слабых сторонах индивидуальной и групповой психологии, о возможных психологических уловках, ухищрениях и т. д. Взаимодействуя с начальником медицинского пункта, психолог уточняет порядок организации психологической реабилитации военнослужащих.

Функция боевого примера состоит в том, что в боевой обстановке психолог обязан выступать своеобразным примером-символом для сослуживцев. Если психолог в бою проявит трусость, неспособность управлять своими психическими состояниями, то как профессионал он перестает существовать для военнослужащих. Слабости, которые участники боевых действий могут простить другим военным специалистам, они никогда не простят психологу. С крушением образа психолога как человека, «знающего все о человеческой психике», «умеющего управлять психикой», может рухнуть вера комбатантов в свои возможности, в действенность тех психологических методов самомобилизации, релаксации, взаимопомощи, которым он обучал военнослужащих.

Обязанности военного психолога в боевой обстановке

Анализ перечисленных функций позволяет сформулировать основные обязанности психолога на различных этапах боевых действий.

Этап подготовки к боевым действиям

На этом этапе психолог обязан:

1. Осуществлять прогнозирование и анализ психологических условий предстоящих боевых действий, выявлять их требования к психологическим возможностям военнослужащих и воинских коллективов.

Выполнение этой задачи начинается с *изучения психологических особенностей личного состава войск противника,* выявления его сильных и слабых сторон, вероятных схем поведения в различных боевых ситуациях, наиболее уязвимых звеньев групповой и общественной психологии, возможных ухищрений, имеющихся у неприятеля сил, средств и типичных способов психологического воздействия на наши войска. Не менее важная задача психолога на этапе подготовки боевых действий состоит в *исследовании общественного мнения и настроения населения региона боевых действий*, прогнозировании его отношения к противоборствующим сторонам, характера возможного воздействия на личный состав группировки наших войск.

Психолог призван *анализировать психологические аспекты тактики действий противоборствующих сторон* и возможное влияние тактических решений на психическое состояние и поведение воинов. Известно, что преимущество в бою получает та из противоборствующих сторон, которая достигает психологического эффекта внезапности, привносит новизну в тактику действий, методы применения оружия и боеприпасов.

Психолог, осуществляя психологическое прогнозирование предстоящих боевых действий, «вводит» психологические факторы, влияющие на эффективность решения боевой задачи, в качестве своеобразных коэффициентов в тактические расчеты.

Важнейшая задача психолога состоит в *оценке реальных характеристик и потенциально возможных изменений природно-географических, погодно-климатических, технико-технологических, гигиенических, экологических и иных обстоятельств боевой деятельности с точки зрения их влияния на психику и поведение личного состава противоборствующих сторон.*

Существенное влияние на боевую активность воинов оказывает качество сна. Недосыпание принято считать основной причиной боевого стресса. Зависимость работоспособности личного состава от продолжительности сна исследовалась американскими специалистами. Поэтому психолог при оценке психологических возможностей наших войск вводит «поправку» на уровень их боеспособности с учетом критерия качества сна.

Психолог призван вырабатывать рекомендации по продолжительности маршей, по проверке эргономичности и экологичности боевой техники.

Специалистами установлено, что на психическое состояние военнослужащих серьезное влияние оказывает адекватное использование боевой техники. К примеру, танк на ночных городских улицах – это, пожалуй, самое опасное место в бою. В нем, как, впрочем, и в БМП, существенно снижается сектор обзора поля боя. Если члены экипажа вне машины могут вести постоянное круговое наблюдение за боевыми событиями, видеть маневры своих сослуживцев, вести огонь из стрелкового оружия одновременно по многим ярусам, то в танке (БМП) военнослужащие многого из

этого лишаются. При малейшем нарушении связи у экипажа может возникнуть ощущение своей изолированности от основных сил, что влечет за собой усиление беспокойства, тревоги, страха. Если в неисправном состоянии окажутся приборы ночного видения, то экипаж, по существу, лишается связи с внешним миром. Таким образом, танк в городских условиях не эргономичен. Действия в нем снижают потенциальную эффективность экипажа.

Ясно, что выявленные тенденции должны быть обязательно «взвешены» военным психологом и «примерены» на свои войска. Без их учета можно получить искаженную картину психологических возможностей военнослужащих, заложить неверные коэффициенты в тактические расчеты и сорвать выполнение боевой задачи.

Поэтому психолог обязан осуществлять экспертизу психологической готовности военнослужащих к боевым действиям в конкретных боевых, социальных, эргономических условиях военного конфликта, степень их возможной подверженности негативному информационно-психологическому воздействию со стороны противоборствующих сил.

2. Психолог обязан участвовать в расстановке военнослужащих для решения конкретных боевых задач в соответствии с их психологическими **возможностями, межличностной совместимостью, боевым опытом, динамическими показателями переживаний страха, ценностными ориентациями**.

Целесообразное распределение военнослужащих предполагает наполнение ими воинских подразделений с учетом межличностной совместимости и боевой целесообразности. Психолог обязан учитывать три уровня психологической совместимости военнослужащих: психофизиологический, профессиональный и ценностно-ориентационный.

На *психофизиологическом уровне*, как было показано выше, совместимость военнослужащих в значительной степени определяется совместимостью их темпераментов. Не менее важно учесть при комплектовании подразделений и боевых групп *профессиональную совместимость* военнослужащих. Целесообразно, чтобы в подразделениях сочетались опытные, бывалые и неопытные во-

еннослужащие. *Совместимость ценностных ориентаций* означает отсутствие у военнослужащих подразделения непримиримых противоречий в оценке социальной значимости и характера совместно осуществляемой деятельности (военных действий) и других важных для коллектива и его членов событий. Немаловажен и следующий момент, связанный с психологически обоснованным распределением военнослужащих по боевым подразделениям, группам и боевым порядкам. Целесообразно распределять воинов по этапам выполнения боевых задач с учетом пиков переживания ими страха.

3. Психолог обязан осуществлять массовое психологическое просвещение и консультирование военнослужащих в целях разъяснения им симптомов боевого стресса и психической травмы, психологического эффекта применения противником нетрадиционной тактики и оружия. Для этого используются групповые и индивидуальные беседы, демонстрация видеофильмов на военную тематику и учебных фильмов о боевом стрессе и др.

4. Психолог призван обучать военнослужащих приемам психической саморегуляции и оказания экстренной психологической поддержки сослуживцам. В этом отношении высокой эффективностью обладают психофизический тренинг, психогимнастика, методы активного социально-психологического обучения.

5. Обязанностью психолога является консультирование командиров подразделений и частей о методах эффективного воздействия на подчиненных в боевой обстановке, оказание им практической помощи в сплочении воинских подразделений, выявлении негативных социально-психологических явлений в коллективах, в психологическом обеспечении боевой подготовки подразделений.

6. В обязанность психолога входит участие в психологической подготовке личного состава к боевым действиям, определение ее целей, психологических качеств и состояний воинов, которые необходимо сформировать, наиболее эффективных средств и способов решения этой задачи.

Психолог стремится к тому, чтобы вопросы психологической подготовки отрабатывались на каждом занятии по огневой, тактической, технической, медицинской и других видах подготовки.

Чтобы на этих занятиях ощущалось «присутствие» конкретного противника, мишени для отработки техники стрельбы должны соответствовать реальным целям на поле боя, каждый военнослужащий реально должен испытывать опасность, неизвестность, внезапность, напряженность и другие факторы боя.

Кроме этого, он активно использует такие специальные методы психологической подготовки, как психофизиологический тренинг, визуально-образную психорегулирующую тренировку, психологические настрои, аутотренинг, устройства биологической обратной связи и т. д.

Непосредственно ***в ходе боевых действий*** возможности психологической работы с военнослужащими резко сокращаются. В процессе горячей боевой работы психолог может встретиться лишь с несколькими бойцами. Обязанности психолога будут в решающей степени определяться реализуемой схемой деятельности. Исходя из опыта психологической работы в боевой обстановке и решения задач экстремальной деятельности обозначим лишь общие схемы его действий, в которых зафиксированы: цель и способ его действий, место нахождения в ходе боя. По этим основаниям можно выделить следующие схемы действий психолога в боевой обстановке: «Аналитик», «Организатор», «Исполнитель», «Универсал».

Схема **«Аналитик»** предполагает, что психолог находится на командном пункте соединения (воинской части), постоянно отслеживает психологическую обстановку в ходе боя, оперативно вырабатывает предложения по психологическому воздействия на действия своих войск и войск противника.

Схема **«Организатор»** заключается в том, что психолог работает в подразделениях, находящихся на направлении главного удара и непосредственно организует работу должностных лиц, участвующих в психологическом обеспечении боя. Впоследствии он действует по схеме «Аналитик» при командире данного подразделения, одновременно выполняя функции представителя руководства соединения (воинской части).

Схема **«Исполнитель»** состоит в том, что психолог непосредственно выполняет какую-либо из наиболее важных задач пси-

хологической работы. Например, с началом боевых действий он может находиться в пункте психологической работы и участвовать в скорейшем возвращении в боевой строй психотрамированных военнослужащих.

Схема **«Универсал»** предполагает, что на различных этапах боя психолог выступает в различных ипостасях («Аналитик», «Организатор», «Исполнитель»).

Во всяком случае, место психолога полка в бою и схема его деятельности определяются конкретными условиями боевой обстановки, решением командира по организации психологического обеспечения боя, наличием сил и средств для его претворения в жизнь.

Вместе с тем психолог, по какой бы схеме он ни работал, всегда должен быть готов выработать предложения по психологическому обеспечению боевых действий соединения (воинской части).

После ***завершения боевых действий*** психолог сосредоточивает свою работу на психологической реабилитации психотравмированных военнослужащих и на первичной социально-психологической реадаптации лиц, завершающих участие в боевых действиях и подлежащих замене (ротации, демобилизации).

На основе анализа результатов боевых действий психолог вырабатывает предложения по оптимизации системы психологической работы в соединении (воинской части).

Таким образом, психолог выполняет важнейшую роль в организации и осуществлении психологического обеспечения боевых действий соединения (воинской части), которая объективируется в виде реализуемых им психологических функций и обязанностей. Грамотные, научно обоснованные, выстроенные на точной оценке обстановки предложения психолога о психологическом обеспечении боя могут создавать основу для определения важнейших параметров и характеристик конкретного боя.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что психологическая работа в боевой обстановке предполагает построение всей системы подготовки и боевого применения частей и подразделений с учетом закономерностей проявления психики военно-

служащих и психологии воинских коллективов в экстремальных условиях боя. Она есть единый процесс непрерывного изучения, прогнозирования, анализа, оценки и оптимизации психологических обстоятельств решения боевых задач.

Системный подход к психологическому обеспечению боевых действий войск требует четкого определения объектно-предметного поля данной деятельности, выделения его иерархических уровней, обоснования алгоритма реализации психологических мероприятий. Реализация системно организованного психологического обеспечения позволит действительно расширять психологические возможности военнослужащих, обеспечивать их эффективные действия и выживание на поле боя.

Место психолога полка в бою определяется конкретными условиями боевой обстановки и интегрируется в схемах аналитической деятельности, организации и непосредственном осуществлении психологической работы.

Контрольные вопросы

1. В чем состоит гуманистическая сущность психологического обеспечения боевых действий?
2. В чем отличие понимания психологического обеспечения боевых действий в узком и широком смысле?
3. В чем состоит сущность целевого психологического ресурса?
4. Из чего вытекают составляющие психологического обеспечения боя?
5. Каковы составляющие психологического обеспечения боевых действий?
6. Как соотносятся функции, обязанности и схемы деятельности военного психолога в боевой обстановке?

Литература

а) основная

1. *Караяни, А. Г., Сыромятников, И. В.* Прикладная военная психология. – СПб. : Питер, 2006.
2. *Караяни, А. Г., Сыромятников, И. В.* Введение в профессию военного психолога. – М. : Академия, 2007.
3. *Караяни, А. Г., Корчемный, П. А.* Психологическая помощь в кризисных ситуациях. – М. : ВУ, 2010.
4. *Караяни, А. Г., Корчемный, П. А., Марченков, В. И.* Психологическая подготовка боевых действий. – М. : ВУ, 2012.

б*) дополнительная*

5. Военная психология: методология, теория, практика / под ред. П. А. Корчемного : в 2 ч. – М., 1998.
6. Военная психология / под ред. А. Г. Маклакова. – СПб. : Питер, 2004.
7. *Караяни, А. Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах. – М. : ВУ, 1998.
8. Психология и педагогика профессиональной деятельностью офицера / Б. П. Бархаев, А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников, В. Ф. Перевалов. – М. : Воениздат, 2006.
9. *Караяни, А. Г., Зинченко, Ю. П.* Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика. – М. : МГУ, 2007.
10. *Караяни, А. Г., Волобуева, Ю. М., Дубяга, В. Ф.* Социально-психологическая интеграция в российское общество инвалидов боевых действий. – М., 2007.
11. *Корчемный, П. А.* Военная психология. – М., 2005.
12. Психологическая реабилитация участников боевых действий / под ред. А. Г. Караяни, М. С. Полянского. – М. : ВУ, 2003.

Глава 4
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В СОЕДИНЕНИИ (ВОИНСКОЙ ЧАСТИ) В МИРНОЕ ВРЕМЯ

■ Сущность, силы и средства психологической работы ■ Структура и задачи психологической службы ВС РФ ■ Компетентностный профиль и задачи профессиональной деятельности военного психолога ■ Основные виды профессиональной деятельности военного психолога ■ Этические нормы деятельности военного психолога ■ Критерии эффективности деятельности военного психолога ■ Цели, задачи и методы психологического изучения индивидуальных особенностей личности военнослужащего ■ Выявление и профилактика нервно-психической неустойчивости у военнослужащих ■ Содержание социально-психологического изучения воинского коллектива ■ Формальная и неформальная структуры в воинском коллективе ■ Социально-психологический климат ■ Сущность и виды девиантного поведения ■ Меры по профилактике суицидального поведения у военнослужащих ■ Профилактика неуставных взаимоотношений в подразделении ■ Направления психологического обеспечения воинской дисциплины ■ Предназначение и психологические особенности боевого дежурства и караульной службы ■ Этапы психологического обеспечения боевого дежурства, караульной службы и их содержание ■ Динамика работоспособности военнослужащих во время несения караульной службы и боевого дежурства

4.1. Сущность психологической работы, структура, задачи и принципы функционирования психологической службы ВС РФ. Обязанности военного психолога по решению задач психологической работы

4.1.1. Понятия психологической работы и психологической службы

Под **психологической работой** в Вооруженных Силах понимается целенаправленная деятельность командования, органов по работе с личным составом, должностных лиц воинских частей по отбору, изучению, формированию, поддержанию, сопровождению, восстановлению у личного состава Вооруженных Сил индивидуальных и групповых явлений, способствующих выполнению войсками (силами) учебно-боевых (боевых) задач по предназначению.

Научно-теоретической основой организации и проведения психологической работы является *военная психология.*

Психологическая работа, проводимая в Вооруженных Силах РФ и других силовых ведомствах, является важнейшим элементом в системе всестороннего обеспечения жизнедеятельности военнослужащих. Ее организационное оформление происходило постепенно, отражая достигнутый уровень развития психологической науки и изменения в практике военного дела (появление регулярных массовых армий, новых военных профессий, усложнение оружия и боевой техники и т. п.).

С 1991 г. кардинально переработана нормативно-правовая база по работе с личным составом в Вооруженных силах РФ, определен курс на создание полноценной психологической службы.

Психологическая служба Вооруженных Сил Российской Федерации представляет собой систему сил и средств психологической работы.

Силами психологической работы Вооруженных Сил являются (см. рис. 4.1):

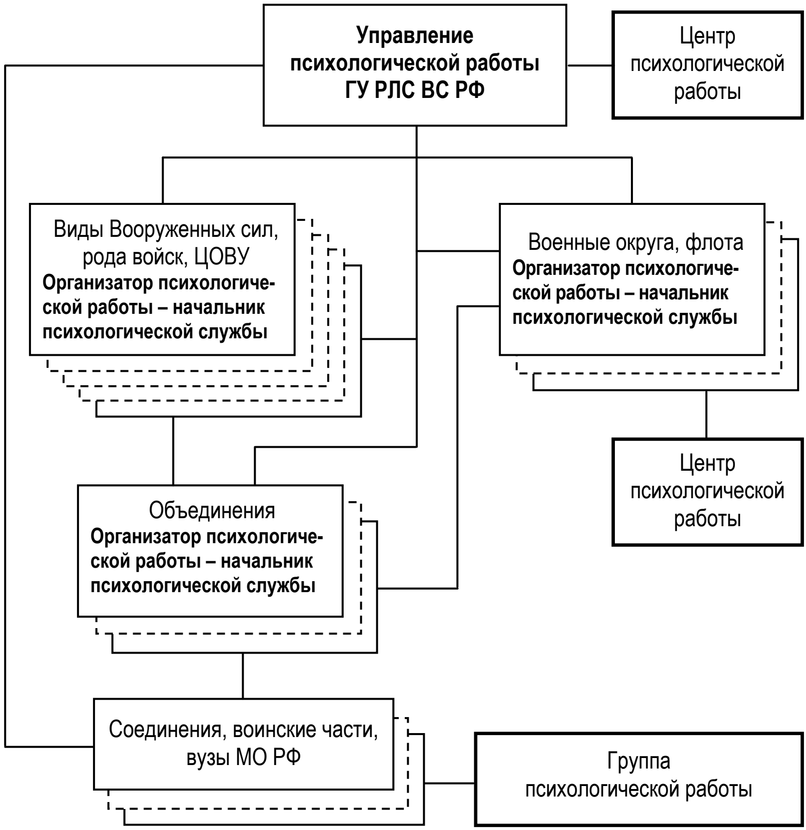

Рис. 4.1. Силы психологической работы в ВС РФ

- органы военного управления, подразделения, и должностные лица воинских частей; командиры и начальники, штабы, службы, специалисты-психологи и специалисты по профессиональному психологическому отбору;

- военные образовательные учреждения и научно-исследовательские организации (их структурные подразделения), осуществляющие подготовку (переподготовку, повышение квалификации) специалистов и проведение исследований в интересах психологической работы;

- центры (отделы, группы) психологической работы Вооруженных Сил.

Под **средствами психологической работы** Вооруженных Сил понимаются помещения, сооружения, учебное вооружение и техника, оборудование, тренажеры, утвержденные к применению аппаратные средства, диагностические, коррекционно-развивающие материалы и инструментарий, имитаторы ситуаций различного класса сложности, схемы и наглядные пособия, научная и учебно-методическая литература.

Основными задачами психологической службы являются:

- участие в методическом обеспечении мероприятий по профессиональному психологическому отбору военнослужащих и граждан в войсках (силах), военных комиссариатах, пунктах отбора на военную службу по контракту, военных образовательных учреждениях Министерства обороны;
- изучение индивидуальных особенностей (личностных качеств) личного состава Вооруженных Сил, социально-психологических процессов и явлений в подразделениях и воинских частях, прогнозирование и оптимизация их развития;
- психологическая подготовка и защита личного состава Вооруженных Сил от деструктивных психологических воздействий;
- психологическое сопровождение кадровой работы;
- психологическая профилактика отклоняющегося (девиантного) поведения военнослужащих и лиц гражданского персонала Вооруженных сил;
- психологическое сопровождение боевого дежурства (боевой службы), караульной и внутренней (дежурной, вахтенной) служб;
- психологическое сопровождение боевой подготовки войск;
- психологическая помощь военнослужащим, членам их семей, лицам гражданского персонала Вооруженных Сил и психологическая реабилитация личного состава Вооруженных Сил;
- психологическое просвещение военнослужащих, членов их семей и лиц гражданского персонала Вооруженных Сил;
- методическое обеспечение подготовки специалистов психологической работы;

- организация материально-технического обеспечения психологической работы.

Принципы работы психологической службы:

- научная обоснованность количественных и качественных характеристик организационно-штатного, методического и материально-технического обеспечения психологической работы;
- профессиональная компетентность, правовая и этическая правомочность специалистов психологической работы;
- своевременность, доступность и постоянство психологической помощи военнослужащим, членам их семей и лицам гражданского персонала Вооруженных сил;
- комплексный подход и координация усилий должностных лиц структурных подразделений психологической службы;
- применение современных аппаратно-программных и технических средств.

Общее организационно-методическое руководство психологической работой в Вооруженных Силах осуществляет Главное управление по работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации (ГУ РЛС ВС РФ). Оно занимается общим планированием, организацией и обобщением результатов психологической работы в войсках, организацией ее научно-методического обеспечения, а также подготовкой и расстановкой кадров психологов. Для непосредственного управления психологической работой в Вооруженных Силах в ГУ РЛС ВС РФ создано управление психологической работы.

Психологическая служба ВС РФ – достаточно сложная и многочисленная организационная структура. Вместе с тем основной объем непосредственной психологической работы осуществляется в воинских частях и подразделениях. Именно здесь находят индивидуализированное выражение и решаются психологические проблемы конкретных военнослужащих. На этом уровне в большей степени востребованы и практические навыки, умения, способности психологов к профессиональному взаимодействию с другими субъектами.

С 2013 г. в ВС РФ разработана и осуществляется реализация **Концепции развития психологической службы Вооруженных**

Сил Российской Федерации (приказ министра обороны Российской Федерации № 573 от 7 августа 2013 г.).

Концепция разработана в целях эффективного решения задач по укреплению и сохранению психического здоровья военнослужащих, членов их семей и лиц гражданского персонала Вооруженных Сил.

Основные задачи Концепции:

- совершенствование нормативно-правовой базы деятельности специалистов-психологов;
- создание организационно-штатной структуры психологической службы, соответствующей объему решаемых задач психологической работы;
- развитие системы подготовки (переподготовки, повышения квалификации) специалистов-психологов;
- совершенствование технологий психологической работы и материально-технического обеспечения психологической службы на основе современных аппаратно-программных и технических средств.

В Концепции определены **направления развития психологической службы**:

- проведение в рамках НИР военно-научных исследований по разработке методологических и теоретических основ организации и обоснования направлений развития психологической службы, совершенствования программ, форм, методов, средств и критериев оценки психологической работы;
- оптимизация организационно-штатной структуры психологической службы в целях формирования многоуровневой системы психологической работы в Вооруженных Силах;
- совершенствование нормативной правовой базы, регламентирующей функционирование психологической службы;
- совершенствование деятельности специалистов-психологов за счет введения системы сертификации и внедрения передовых технологий психологической диагностики, коррекции и реабилитации;
- поставка в войска (силы) современного оборудования для комнат психологической разгрузки подразделений, помещений центров (пунктов) психологической работы воинских частей;

- совершенствование системы оплаты труда специалистов-психологов.

В настоящее время идет активная работа по реализации перечисленных направлений развития Психологической службы ВС РФ.

4.1.2. Требования к профессиональной подготовке военного психолога. Компетентностный профиль специалиста психологической работы ВС РФ

В Квалификационных требованиях к специалисту психологической работы ВС РФ определены объекты, виды профессиональной деятельности, компетентностный профиль и основные знания, навыки и умения, которыми должен обладать военный психолог.

Объектами профессиональной деятельности военного психолога являются:

- объединения, соединения, воинские части, военные организации и учреждения, органы военного управления; события и действия, имеющие военное, организаторское и морально-психологическое значение;
- организационные отношения, возникающие в сфере функционирования государственных органов, общественных институтов и органов военного управления по вопросам морально-психологического обеспечения войск (сил);
- офицеры, военнослужащие, проходящие военную службу на должностях сержантов (старшин) и солдат (матросов) по контракту и по призыву, семьи военнослужащих, гражданский персонал.

Виды военно-профессиональной деятельности специалиста психологической работы:

- военно-управленческая,
- информационно-аналитическая,
- психопрофилактическая,
- психореабилитационная,
- воспитательная (работа с личным составом),
- научно-исследовательская.

Компетентностный профиль специалиста психологической работы ВС РФ составляют общепрофессиональные и профессиональные компетенции.

К **общепрофессиональным компетенциям** относятся:

- способность самостоятельно приобретать и использовать новые знания и умения в сфере военно-профессиональной деятельности;
- способность проводить самостоятельные научные исследования в рамках профессиональной деятельности;
- способность использовать научные методы и современные достижения науки для обоснования решений, принимаемых в профессиональной деятельности.

Основными **профессиональными компетенциями** являются:

- способность принимать решения, осуществлять планирование, организацию, руководство и контроль при организации психологической работы в соединении (воинской части), оценивать ее эффективность;
- способность прогнозировать и оценивать психологические условия выполнения боевых и учебно-боевых задач, вырабатывать предложения по психологическому обеспечению различных видов воинской деятельности;
- способность участвовать в профессиональном психологическом отборе, распределении военнослужащих по должностям и воинским подразделениям, оказывать помощь в их психологической адаптации к условиям военной службы;
- способность осуществлять психологическую подготовку военнослужащих;
- способность организовывать и осуществлять изучение индивидуально-психологических качеств военнослужащих, социально-психологических явлений в воинских коллективах, морально-психологического состояния военнослужащих, членов их семей, гражданского персонала;
- способность осуществлять психологическое сопровождение адаптации военнослужащих к условиям военной службы;

- способность организовывать психологическое обеспечение боевого дежурства, караульной и внутренней службы, выполнение боевых и учебно-боевых задач;

- способность своевременно выявлять лиц, склонных к суицидальным поступкам, другим формам девиантного поведения, осуществлять их профилактику и коррекцию;

- способность эффективно взаимодействовать с медицинской службой в интересах сохранения психического здоровья военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала соединений (воинских частей), выявления военнослужащих с признаками нервно-психической неустойчивости и оказания им квалифицированной психологической помощи;

- способность организовывать и лично осуществлять психологическую реабилитацию участников боевых действий и других экстремальных событий, психологическое консультирование военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала объединения, соединения и воинской части;

- способность осуществлять психологическое просвещение офицерского состава соединения (воинской части) по вопросам психодиагностической, прогностической и коррекционной работы с военнослужащими;

- способность осуществлять укрепление воинской дисциплины формами и средствами психолого-педагогической работы;

- способность оценивать реальную потребность в групповой психологической коррекции, планировать, организовывать, проводить, оценивать эффективность различных видов социально-психологического тренинга (коммуникативный тренинг, тренинг лидерских качеств, тренинг сплоченности воинского коллектива, психреабилитационный тренинг).

4.1.3. Задачи и особенности профессиональной деятельности военного психолога

Обладая соответствующим уровнем профессиональной подготовки, психолог является главным специалистом в соединении (воинской части) в области психологической рационализации жиз-

ни и деятельности военнослужащих. Его деятельность имеет существенные отличия от деятельности других офицеров, а также психологов, работающих в гражданской сфере. Данная специфика выражена в решаемых психологом задачах, применяемых методах и средствах, а также в условиях его деятельности. К категории специалистов психологической работы ВС РФ относятся лица с разным функциональным предназначением. Однако можно выделить основные задачи, решаемые ими.

Основными задачами профессиональной деятельности психолога являются:

- изучение индивидуально-психологических особенностей военнослужащих, социально-психологических процессов и явлений в воинских коллективах и прогнозирование их развития;
- психологическая экспертиза профессиональной пригодности военнослужащих и поступающего пополнения в целях их рационального размещения по военным специальностям, должностям и подразделениям;
- психологический анализ боевой подготовки, учебно-воспитательного процесса, выработка предложений и осуществление мер по повышению их эффективности;
- психологическое обеспечение боевой и мобилизационной готовности, выполнения боевых и учебно-боевых задач, несения боевого дежурства (боевой службы), караульной и внутренней служб;
- психологическая профилактика девиантного поведения военнослужащих, содействие формированию здорового морально-психологического климата в воинских коллективах;
- оказание психологической помощи военнослужащим, членам их семей и гражданскому персоналу, повышение психологической компетентности военных руководителей и военнослужащих;
- участие в работе по противодействию негативному информационно-психологическому воздействию на военнослужащих.

Как мы видим, налицо чрезвычайное функциональное разнообразие и сложность задач, предполагающих наличие у психолога широкого научного кругозора, ориентации во многих отраслях психологии, умения применять методы и средства как исследовательско-диагностического, так и управляющего характера.

Анализ и учет нормативных документов, войсковой практики организации и проведения психологической работы позволяют выделить и другие *особенности профессиональной деятельности психолога,* к которым следует отнести:

- опору на положения современной психологической науки и практики, представляющие теоретическую и эмпирическую основу, необходимую для решения практических проблем;
- обязательность неукоснительного соблюдения психологом этических норм, выраженная ориентация на другого человека как самоценность, предполагающая адекватное восприятие и оценку психологом своих возможностей и мер воздействия на другого человека;
- жесткую регламентацию деятельности психолога различными нормативными актами, сочетаемую с насыщенностью ситуациями деятельности, требующими личностного и профессионального самоопределения в виду чрезвычайной сложности самого предмета деятельности психолога – психики человека;
- одновременный учет и ориентацию как на интересы и личностные ценности военнослужащего, необходимость сохранения его психического здоровья, так и на необходимость качественного решения задач воинской деятельности, зачастую экстремальных по своему характеру воздействия на психику и личность военнослужащего;
- ограниченность возможностей у психолога для профессионального общения и самосовершенствования, обусловленная значительной удаленностью, обособленностью мест расположения воинских частей;
- необходимость выполнения (помимо осуществления непосредственно профессиональной деятельности) и других служебных обязанностей, во многом противоречащих стилю и духу профессионального взаимодействия психолога с клиентом;
- коллективный характер психологической работы, необходимость тесного взаимодействия в интересах дела ее субъектов, что предполагает обмен между ними психологической информацией, полученной в «режиме» откровенного диалога с военнослужащими, трудности использования этой информации в практической

деятельности с учетом соблюдения требования ее конфиденциальности;

- зависимость окончательного результата от согласованности совместных действий психолога и других субъектов психологической работы – командиров, штабов, специалистов структур по работе с личным составом.

Военный психолог, в отличие от его гражданских коллег, всегда находится на виду у военнослужащих, которые потенциально могут обратиться к нему за решением самых разных проблем. Поэтому психолог своим поведением и деятельностью должен служить примером отношения к служебным обязанностям, соблюдения этических норм.

4.1.4. Основные виды профессиональной деятельности военного психолога

Выполняя свои функциональные обязанности, психолог использует разнообразные методы, техники и технологии, объединенные по решаемым задачам и характеру их применения в отдельные виды деятельности. К числу *основных видов деятельности военного психолога* относятся следующие.

1. Организационно-методическая работа.

В рамках данного вида деятельности решаются задачи планирования и подготовки различного рода мероприятий, ведения документации, обработки получаемой в ходе исследований информации, подготовки и совершенствования необходимой материально-технической базы, формализованных документов (справки, обзоры, донесения и т. п.) для представления их должностным лицам, инструктирования и обучения других субъектов психологической работы практике использования психологических знаний, а также непосредственным действиям при проведении мероприятий психологической работы.

2. Совершенствование профессиональной компетентности.

Данный вид деятельности предполагает как самостоятельное, так и специально организованное в различных формах изучение новейших сведений из различных сфер психологической науки и

практики, пополнение и освоение необходимых для выполнения профессиональных обязанностей и дальнейшего профессионального роста знаний, навыков и умений.

3. Психодиагностическая деятельность.

Психодиагностика представляет собой комплекс мероприятий, проводимых психологом, по выявлению, измерению и оценке индивидуально-психологических особенностей личности военнослужащего, социально-психологических характеристик деятельности, воинских коллективов в соответствии с имеющимися нормами и критериями, а также факторов, снижающих эффективность воинской деятельности.

Психодиагностика является основным «инструментом» психологического изучения военнослужащих. Необходимость такой работы объясняется потребностью должностных лиц в получении достоверной и полной по объему информации о психологических особенностях военнослужащих и воинских коллективов. Она осуществляется в целях индивидуализации учебно-воспитательного процесса, повышения эффективности учебно-боевой и служебной деятельности, рационального комплектования воинских подразделений, формирования кадрового резерва, оптимизации процесса адаптации военнослужащих к условиям военной службы, профилактики нервно-психических срывов и суицидального поведения. Мероприятия, проводимые в рамках данного вида деятельности, позволяют: осуществить прогноз дальнейшего развития объекта обследования; определить наиболее эффективные способы работы с ним; разработать конкретные рекомендации для обследуемого, а также для должностных лиц по дальнейшей оптимизации существующих условий жизни и деятельности военнослужащих. Результаты психологического изучения во многом определяют специфику последующей работы психолога с конкретными военнослужащими, а также содержание управленческих решений должностных лиц.

Арсенал психодиагностики составляют такие методы, как тестирование, опрос, наблюдение, беседа, анализ продуктов деятельности.

В зависимости от объекта обследования различают индивидуальную и групповую психодиагностику, которая может рассмат-

риваться и как относительно самостоятельный вид деятельности психолога (например, психологическое изучение личности военнослужащего, социально-психологического климата в коллективе и т. д.), и как один из этапов деятельности психолога в решении определенной задачи (например, предварительное изучение и получение сведений о клиенте в связи с его обращением к психологу по поводу решения определенной проблемы).

Основными *типами психодиагностических ситуаций,* возникающих в условиях воинской части, как правило, являются ситуации, связанные:

- с *мероприятиями профессионального психологического отбора и расстановкой военнослужащих* по воинским специальностям и должностям, когда необходимо оценить степень профессиональной пригодности человека, поступающего на военную службу, выявить лиц с низким уровнем нервно-психической устойчивости, склонных к различным формам девиантного поведения;
- *добровольным обращением военнослужащего* (членов его семьи) к психологу, когда необходимо выявить причины психологических проблем (затруднений) военнослужащего в профессиональной деятельности и личной жизни и определить пути их преодоления;
- *аттестацией должностных лиц и специалистов*, когда выявляются и оцениваются их психологические качества на предмет соответствия определенной должности или возможности обучения в военном вузе;
- *принудительным обследованием*, проводимым по решению командования для получения необходимой информации (например, обследование поступающего молодого пополнения либо выявление психологических факторов и причин, способствующих совершению проступков, происшествий, аварий и т. п.);
- ситуации, связанные с *необходимостью изучения существующих форм, средств и методов боевой и морально-психологической подготовки* военнослужащих в целях их оптимизации в интересах повышения эффективности воинской деятельности и сохранения психического здоровья личного состава;

- ситуации, обусловленные необходимостью получения *заблаговременной объективной информации* относительно уровня психологической готовности и психофизической надежности военнослужащих, заступающих на боевое дежурство (в караул), допущенных к выполнению задач, требующих особой ответственности и длительного автономного функционирования.

Полученные данные могут использоваться:

- психологом воинской части для осуществления дальнейшей коррекционной или развивающей работы;
- другими специалистами, например, медицинскими, социальными работниками, психологами;
- должностными лицами для формирования управленческого решения, учета информации в работе с личным составом, при обучении военнослужащих;
- другими людьми (родственниками, представителями воинского коллектива) для воздействия на жизнь обследуемого;
- самим обследуемым в целях саморазвития или коррекции собственного поведения.

Изучение индивидуальных и групповых психологических особенностей военнослужащих – важный, но в определенном смысле предварительный этап в деятельности психолога, позволяющий получить объективную информацию для последующего ее учета при принятии управленческого решения. Наряду с другими функциями оно позволяет выявить лиц с теми или иными психологическими трудностями, следовательно, нуждающихся в оказании им психологической помощи.

4. Психологическая помощь.

Под *психологической помощью* понимается система мероприятий, направленных на предупреждение, смягчение или преодоление различного рода психологических затруднений у военнослужащих и членов их семей, на решение психологических проблем, возникающих у отдельного человека или группы людей. Данный вид деятельности является, пожалуй, наиболее трудным, поскольку в наименьшей степени регламентирован, включает все вышеперечисленные виды деятельности и требует от психолога

интенсивной эмоциональной и интеллектуальной «включенности» в ситуацию взаимодействия с клиентом.

В ходе оказания психологической помощи решаются следующие задачи:

- разрешение кризисных психологических состояний военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала Вооруженных Сил, профилактика конфликтных ситуаций в воинских и трудовых коллективах;
- поддержание и восстановление у военнослужащих необходимого уровня психологической готовности к выполнению задач в любых условиях обстановки;
- психологическая поддержка военнослужащих в период их адаптации к условиям военной службы;
- психологическая реабилитация военнослужащих, перенесших психические травмы в процессе служебной и боевой деятельности;
- повышение психологической компетентности военных руководителей и военнослужащих;
- создание психологических условий в воинской части, исключающих необоснованные чрезмерные психологические и физические нагрузки на личный состав, способствующие благоприятному психологическому самочувствию военнослужащих, сохранению их психического здоровья.

Психическое здоровье личного состава Вооруженных сил – состояние личного состава, характеризующееся душевным благополучием, устойчивостью к влиянию психотравмирующих факторов.

Необходимость психологической помощи и сохранения психического здоровья военнослужащих обусловлена тем, что в условиях военно-профессиональной деятельности человек неминуемо сталкивается с многочисленными *проблемными ситуациями*, требующими наличия определенного уровня психического ресурса человека для их успешного преодоления. Чем больше энергетических усилий требует ситуация определенного класса, тем больше вероятность снижения психического ресурса соответствующего уровня и разбалансированности психического здоровья человека. Таким образом, *объектом психологической помощи* являются

военнослужащие, испытывающие проблемы и трудности личностного роста, преодоления трудных ситуаций и расстройства психического здоровья.

Множество проблем, с которыми встречаются военнослужащие в своей жизни и деятельности, можно разделить на две категории: психологические и предметные, или непсихологические.

Психологическая проблема – это совокупность психологических трудностей человека, дисгармоничное состояние, вызванное определенными противоречиями в развитии или негативными изменениями (событиями) в личной и профессиональной жизни. Психологическая проблема отличается от непсихологической тем, что ее решение предполагает изменение личности (группы), в то время как непсихологическая проблема решается путем перемен в предметной среде человека. Так или иначе, изменение предметных параметров должно быть сопряжено со знанием психологической стороны проблемы, т. е. с характером отражения, восприятия различных ее аспектов человеком, знанием его психологических возможностей и особенностей и пр.

Военная служба неизбежно сопровождается значительными психическими и физическими нагрузками. Изменение ритма жизни, уставный порядок дня, регламентированный режим поведения, невозможность уединиться, повышенная ответственность, непривычные природно-географические условия – все это предъявляет повышенные требования к состоянию психического и физического здоровья военнослужащих. Еще более мощные предпосылки для формирования психической патологии у военнослужащих возникают в условиях ведения боевых действий. Необходимость выжить в обстановке смертей и разрушений, отрицательные впечатления, морально-психологическая неподготовленность, боязнь не справиться с обязанностями, чувство вины перед погибшими, нарушение режима сна и отдыха и многое другое являются основными факторами негативного воздействия на психику военнослужащих.

Наиболее типична по уровню субъективной трудности для большинства военнослужащих *ситуация адаптации к условиям воинской службы*. Под термином «адаптация» понимается процесс приспособления человека к меняющейся обстановке. Про-

цесс адаптации воина к условиям службы требует огромного нервного труда, связанного с отказом от большинства привычек и склонностей, выработанных в течение многих лет, подчинением своего поведения новым требованиям. Адаптация протекает сложнее и чаще сопровождается различными нервно-психическими расстройствами у лиц, перенесших поражения центральной нервной системы, имеющих отклонения в домашнем воспитании, а также слабый адаптационный потенциал. Затрудненная адаптация может наблюдаться и у лиц, имеющих какие-либо дефекты строения тела или внешнего вида (избыточная полнота или чрезмерная худоба, большие нос, уши, кривые ноги, небольшой по размеру половой член и т. п.). Чаще всего именно эти люди становятся объектом насмешек и издевательств со стороны других, а названные недостатки – предметом собственных тягостных переживаний этих воинов.

Усугублять негативные психологические проявления могут не только индивидуальные особенности конкретного военнослужащего, но и те условия макро- и микросоциальной среды, в которых осуществляется его жизнедеятельность (отношения в воинском коллективе, разрыв привычных связей, неблагоприятные вести из дома, отсутствие внимания и дефицит уважительного отношения со стороны командиров и т. п.).

Для определения необходимости оказания психологической помощи очень важны как субъективное ощущение психологического неблагополучия самим военнослужащим, так и обобщенные представления о норме психического здоровья, позволяющие с определенной долей вероятности определить наличие либо отсутствие отклонений от нее у конкретного человека. В то же время, круг лиц, нуждающихся в оказании им психологической помощи, не ограничивается теми, у кого наблюдаются некоторые отклонения от общепринятых форм поведения и реагирования. Очень часто военнослужащий, попадая в непривычные для него условия, ситуации жизнедеятельности, не может самостоятельно найти выход из сложившейся обстановки, правильно определить для себя наилучшую линию поведения или, проще говоря, не обладает необходимыми навыками принятия решений, взаимодействия с другими

людьми и т. п. В этом случае также требуется квалифицированная помощь и поддержка со стороны психолога и лиц ближайшего окружения.

В зависимости от объекта психологического воздействия выделяются следующие формы оказания психологической помощи: индивидуальная, семейная и групповая.

Основными видами и методами психологической помощи являются *психопрофилактика и психогигиена, психологическое консультирование, психологическое обучение и просвещение, психотерапия, психокоррекция и психореабилитация.*

Психопрофилактика и психогигиена – это система психолого-педагогических и организационных мероприятий, способствующих *предупреждению* разнообразных психологических проблем и направленных на сохранение психического здоровья военнослужащих, на создание нормальных условий для их жизнедеятельности. Необходимость данного вида психологической помощи обусловлена прежде всего его ролью: болезнь (проблему) легче предупредить, чем вылечить.

Психопрофилактические мероприятия по сохранению психического здоровья военнослужащих проводятся психологом в тесной взаимосвязи с другими должностными лицами воинской части и специалистами (медицинскими, социальными работниками, юристом и др.). Психологическая профилактика и психогигиена предполагают:

а) своевременное выявление таких индивидуальных особенностей военнослужащего, которые могут привести к определенным сложностям, отклонениям в его психическом развитии, в его поведении, отношениях, деятельности;

б) предупреждение возможных осложнений и психических расстройств в связи с возрастными и социализационными кризисами (*психическое расстройство* – общий термин, указывающий на то, что психическое состояние человека дает основание для психиатрического или психотерапевтического вмешательства);

в) оценка и контроль соблюдения условий жизнедеятельности, необходимых для нормального психического развития людей (психогигиеническая оценка комфортности среды, анализ режи-

мов деятельности и отдыха, выявление ситуаций и условий воинской деятельности, вызывающих чрезмерное психофизиологическое напряжение, психологические перегрузки и негативные переживания) и т. д.

Психологическое консультирование – это вид психологической помощи, заключающейся в разъяснении человеку его психологических трудностей, в снятии психологического напряжения, в повышении его социально-психологической компетентности и оказании содействия в решении сложных личностных проблем, в профилактике и преодолении кризисных ситуаций, а также коррекции неадаптивных способов поведения.

В ходе консультирования решаются следующие *основные задачи*:

- оценка уровня психического здоровья военнослужащего и определение показаний к другим видам психологической помощи;
- оказание эмоциональной поддержки, профессиональной помощи в решении заявленной проблемы;
- информирование военнослужащего о его психологических особенностях в целях более адекватного их использования, обучение его навыкам самораскрытия и самоанализа, наиболее полного использования своих психологических особенностей и возможностей;
- изменение отношения к проблеме, мобилизация скрытых психологических ресурсов клиента, обеспечивающих самостоятельное решение проблемы;
- повышение общей психологической грамотности военнослужащих и должностных лиц;
- коррекция нарушений адаптации и личностных дисгармоний;
- выявление основных направлений дальнейшего развития личности;
- развитие реалистичности и плюралистичности мировоззрения;
- повышение стрессоустойчивости;
- повышение ответственности и выработка у клиента готовности к творческому освоению мира.

Консультирование осуществляется, как правило, в форме специально организованной беседы психолога с клиентом. Оно может проводиться также путем организации почты или телефонов доверия в рамках воинской части. Консультирование может быть индивидуальным или групповым.

Психологическое консультирование является одним из ведущих и «энергозатратных» с точки зрения прилагаемых со стороны психолога усилий видов его деятельности. Изучение войскового опыта показывает, что удельный вес консультирования в общем бюджете затрачиваемого служебного времени составляет у различных психологов (по стажу деятельности и уровню квалификации) от десяти до двадцати пяти и более процентов. Наиболее типичными темами взаимодействия, с которыми к психологу обращаются различные категории военнослужащих и членов их семей, являются проблемы семейных взаимоотношений, взаимоотношений между различными должностными лицами, потребность в оказании помощи в адаптации к условиям воинской службы. В структурно-психологическом плане основными состояниями, обусловливающими в качестве мотивов обращение к психологу, являются испытываемые людьми тревога, уныние, потрясение, сомнение, неуверенность, поиск участия и т. п.

Характер консультирования в условиях воинской части отличается от осуществляемого психологами-консультантами в специализированных психологических консультациях: здесь субъектом обращения может быть не только отдельный человек (военнослужащий), но и группа военнослужащих. Круг охватываемых проблем значительно шире. Наряду с сугубо личностными проблемами осуществляется консультирование (в т. ч. командиров) и по вопросам, связанным с процессами, происходящими в воинских коллективах и оказывающих влияние на самочувствие каждого его члена.

Деятельность военного психолога отличается и самим характером возникновения заказа на его профессиональные действия, а также особенностью использования информации, полученной в ходе консультирования. Как показывают результаты исследований, примерно около трети случаев, связанных с оказанием психологической помощи инициированы не самими нуждающимися

в этой помощи, а другими лицами (в основном командованием части, подразделений и самим психологом). Это обусловлено особым характером воинского труда и условий службы, связанными с повышенными требованиями и ответственностью за жизнь и безопасность военнослужащих.

Психологическое обучение и просвещение – это комплекс мероприятий по формированию представлений о закономерностях функционирования человеческой психологии, механизмах возникновения негативных психических состояний, по формированию и совершенствованию навыков психолого-педагогической и управленческой деятельности, а также навыков психической саморегуляции, построения оптимальных форм взаимоотношений и взаимодействия с другими людьми.

Задачами психологического просвещения являются:

- ознакомление военнослужащих с основными закономерностями и условиями благоприятного психического развития человека;
- популяризация и разъяснение результатов новейших психологических исследований;
- формирование потребности в психологических знаниях, желания использовать их в работе с людьми или в интересах развития собственной личности;
- достижение понимания необходимости практической психологии и работы психолога, специфики его деятельности, возможностей и ограничений в его работе и др.

От консультирования просвещение отличается прежде всего наличием более широкого контекста и предметной области излагаемых психологических сведений, не соотносимых напрямую с актуальными психологическими проблемами конкретных военнослужащих.

Психологическое просвещение и обучение реализуются в системе общественно-государственной, командирской и боевой подготовки, а также в процессе повседневной жизнедеятельности: в ходе бесед, лекций, проведения демонстрационных психологических практикумов, тренингов, группового психологического консультирования лиц, обратившихся по поводу тех или иных проблем. Формами психологического просвещения могут быть также выставки,

подборка литературы, показ учебных и художественных кино- и видеофильмов, оформление сменных тематических стендов по актуальным проблемам социальной, возрастной и педагогической психологии. Эффективной формой психологического обучения являются различного рода тренинги (психофизические, социально-психологические).

Психокоррекция представляет собой направленное психологическое воздействие на определенные психические структуры в целях оптимизации развития и функционирования индивида в конкретных условиях жизнедеятельности. Термин «коррекция» буквально означает «исправление». Психокоррекция, таким образом, – это система мероприятий, направленных на исправление недостатков психики или поведения человека с помощью специальных средств психологического воздействия. Психокоррекции подлежат недостатки, не имеющие органической основы и не представляющие собой такие устойчивые качества, которые формируются довольно рано и в дальнейшем практически не изменяются. Психокоррекционные мероприятия проводятся тогда, когда психологом выявлены негативные отклонения от *нормы* в развитии и функционировании психики конкретного человека.

Психотерапия (от греч. *psyche* – душа и *therapeia* – лечение) представляет собой систему лечебного воздействия психологическими средствами (вербальными и невербальными) на психику, а через нее на весь организм и поведение клиента. Психотерапия является деятельностью, направленной на обеспечение личностного роста военнослужащих, воссоздание гармоничных отношений с окружающей средой, ослабление действия психотравмирующих факторов, формирование и развитие качеств, необходимых для их профессиональной деятельности, а также на оптимизацию социально-психологического климата в воинском коллективе.

В психотерапии как форме психологической помощи различают ее *медицинское направление*, охватывающее лечение психологическими средствами нервно-психических, психосоматических болезней и расстройств человека, и *немедицинское*, ориентированное на здорового человека и занимающееся преодолением его

психологических трудностей, оказанием помощи в его личностном развитии.

Основное отличие психокоррекции от воздействий, направленных на *психологическое развитие* человека, заключается в том, что психокоррекция имеет дело с уже сформированными качествами личности или видами поведения и направлена на их *переделку,* в то время как основная *задача развития* состоит в том, чтобы при отсутствии или недостаточном развитии *сформировать* у человека нужные психологические качества.

Различие между психотерапией и психокоррекцией заключается и в том, что психотерапия имеет дело с различного рода нарушениями у людей, страдающих различными видами соматических или психических заболеваний (расстройств). **Психические заболевания** – это поведенческие расстройства, которые приводят к более высокому уровню заболеваемости и смертности. Многие аномалии психики и поведения людей, которые проявляются в заболеваниях, похожи на те, с которыми имеет дело психолог, занимающийся психокоррекцией. Однако людей, обращающихся за помощью к психотерапевту, обычно называют больными или *пациентами*, а тех, кто нуждается только в коррекционной помощи, именуют *клиентами*.

Психореабилитация, используя в основном методы и процедуры психотерапии, характеризуется как деятельность, направленная на восстановление психических функций и личностного статуса человека, нарушенных вследствие действия психотравмирующих факторов. Психореабилитационные мероприятия проводятся, как правило, в системе комплексной реадаптационной программы, предполагающей не только специализированную медицинскую и психологическую помощь, но и создание необходимых социальных условий.

Перечисленные виды деятельности военного психолога образуют целостную систему, обеспечивающую вследствие комплексного применения процедур исследовательского и управляющего характера решение задач оптимизации условий жизнедеятельности военнослужащих, обеспечения эффективного выполнения ими военно-профессиональных обязанностей и сохранение их психиче-

ского здоровья. При этом каждый из выделенных видов деятельности (если за критерий их сравнения брать *отношение к норме,* рассматриваемой как оптимальное состояние объекта) выполняет свою специфическую функцию:

- *психодиагностика* – как деятельность по определению актуального состояния объекта изучения с точки зрения нормы и прогнозирование его будущего состояния;
- *психологическое консультирование и просвещение* – как деятельность, направленная на осознание военнослужащими (членами их семей) феноменологических проявлений нормы в жизнедеятельности людей и собственном поведении;
- *психотерапия, психокоррекция и психореабилитация* – как психологическое воздействие на объект, находящийся в состоянии отклонения от нормы, в целях возвращения его в нормальное состояние;
- *психопрофилактика и психогигиена* – как воздействие на объект, находящийся в нормальном состоянии, с целью предупредить возможные последующие отклонения.

4.1.5. Профессионально-этические нормы в деятельности военного психолога

Выполняя многообразные задачи психологической работы военный психолог находится в довольно сложном положении. С одной стороны, он является участником субардинационных отношений, с другой стороны, он обязан соблюдать требования Этического кодекса российских психологов. В связи с этим к военным психологам предъявляется ряд этических и профессиональных требований, соблюдение которых позволяет специалисту психологической работы пользоваться доверием людей, правильно ориентироваться в ситуациях конфликта между нормами субординации и нравственности, потребностями и интересами отдельных людей и различных групп.

Профессионально-этические нормы – требования, предъявляемые к уровню профессиональной квалификации психолога, к реализации им в своей деятельности специфических нравствен-

ных норм поведения как во взаимоотношениях с коллегами, научным сообществом, так и с испытуемыми и клиентами.

Профессионально-этические требования сформулированы в ряде принципов, к которым относятся:

1. *Принцип соблюдения тайны.* Этот принцип означает, что любая информация, сообщенная клиентом психологу, не может быть передана без его согласия ни в какие общественные или государственные организации, должностным или частным лицам, в том числе родственникам, друзьям и т. д. Оговаривается не только сам факт возможности или невозможности передачи информации, но также и объем этой информации, круг лиц, которым она может быть передана, цели и порядок использования информации этими людьми. Из указанного правила есть исключения, о которых клиент всегда должен быть предупрежден заранее. Примером может служить ситуация, когда психолог узнает во время приема о чем-то таком, что является серьезной угрозой для чьей-либо жизни или здоровья.

2. *Принцип ненанесения ущерба.* Он предполагает, что психолог не должен распространять информацию и специальные психологические знания, которые могут быть использованы для манипулирования людьми, ухудшения отношений между ними. Психолог обязан:

- уважать личную неприкосновенность военнослужащих, их право на участие или неучастие в исследованиях, на психологическую консультацию без присутствия третьих лиц;
- разъяснять цели и задачи психологических исследований, порядок использования полученной информации;
- не использовать методик и процедур, ущемляющих личное достоинство человека;
- оценивать любую профессиональную ситуацию с этической точки зрения и информировать командиров (начальников), других лиц об этических требованиях, предъявляемых к ней и собственной этической позиции.

Результаты психологического обследования предоставляются испытуемому лицом, проводившим обследование, в доступной для правильного понимания форме.

3. *Принцип научной обоснованности используемых психологических методик и объективности выводов.* Данный принцип требует, чтобы методы и средства, применяемые психологом, были валидными и надежными, то есть давали такие результаты, которым можно вполне доверять. Психолог должен использовать методы и техники, механизм действия которых сам ясно понимает, считает достаточно освоенными и предвидит последствия их применения. Выводы, которые делает психолог, должны вытекать из результатов самого обследования, а не зависеть от субъективных установок тех, кто его проводит или пользуется его итогами.

4. *Принцип комплексной диагностики и психологической помощи.* Этот принцип предполагает сочетание различных методических приемов при диагностике одного и того же психического свойства. В ходе оказания психологической помощи должна быть вскрыта система причин, обусловливающих предложенную психологу-консультанту ситуацию. В определении факторов, которые обусловливают возможность позитивных изменений, должен преобладать комплексный подход, учитывающий возможность реализации данных факторов в системе профессиональных действий как самого психолога, так и других должностных лиц, специалистов и окружения клиента.

5. *Принцип безоценочного отношения к клиенту и уважения его личности.* Психолог создает такие условия, при которых обратившийся за помощью военнослужащий (клиент) чувствует себя спокойно и комфортно во время приема. Необходимо принимать людей такими, какие они есть. Ради создания атмосферы доверия, способствующей более полному раскрытию личности, психолог стремится избегать каких-либо оценочных суждений. Что бы ни говорил человек – все достойно доброжелательного внимания.

6. *Принцип эффективности рекомендаций.* Этот принцип предполагает, что рекомендации психолога обязательно должны быть полезными тому человеку, которому даются. Они должны быть выполнимыми как для самого человека, так и для должностных лиц, имеющих отношение к решению конкретной задачи. Эффек-

тивность рекомендаций предполагает их конкретность, учет компетентности и компетенции тех лиц, которым они адресуются.

7. *Принцип рефлексии профессиональных ограничений.* Военный психолог должен отвечать за последствия своей профессиональной деятельности, четко представлять пределы своих возможностей в решении стоящих задач, применять только проверенные и освоенные методы работы, прогнозировать последствия своих действий, сводить к минимуму риск непреднамеренного отрицательного воздействия на людей.

Должностным лицам, получившим психологическую информацию от психолога, необходимо воздерживаться от применения административных мер без тщательного и всестороннего анализа и учета полученных сведений и возможных последствий применяемых воздействий. В интересах клиента психолог должен активно сотрудничать с врачами, юристами, должностными лицами органов по работе с личным составом. Он уполномочен лично препятствовать некорректному и неэтичному осуществлению мероприятий психологической работы. Нарушение психологом этических норм и принципов работы несовместимо с исполнением обязанностей им по занимаемой должности.

4.1.6. Оценка эффективности психологической работы

Эффективность психологической работы оценивается в соответствии с требованиями действующих приказов и директив министра обороны Российской Федерации.

Оценивая психологическую работу необходимо установить:

1. Влияние психологической работы на формирование морально-психологической устойчивости и готовности военнослужащих к выполнению задач в любых условиях обстановки, высокой мотивации к овладению воинской специальностью (профессией), поддержание здорового морально-психологического климата в воинской части (соединении), военно-учебном заведении.

2. Качество психологического анализа служебной деятельности, учебно-воспитательного процесса и действенность мер по повышению их эффективности.

3. Качество изучения психологических особенностей военнослужащих, социально-психологических процессов в воинских коллективах и прогнозирования их развития.

4. Действенность психологической помощи и реабилитации военнослужащих, получивших психологическую травму.

5. Качество психологической профилактики нарушений воинской дисциплины, девиантного поведения.

6. Качество организации психологического обеспечения караульной и внутренней службы.

7. Эффективность методического обеспечения занятий по боевой подготовке в интересах формирования психологической устойчивости военнослужащих.

8. Укомплектованность подразделений психологической работы [33].

4.2. Личность военнослужащего как объект психологического изучения. Общее понятие о личности и ее структуре

Психологическое изучение военнослужащих представляет собой важное направление в профессиональной деятельности должностных лиц воинской части и подразделений. Необходимость такой работы объясняется потребностью в получении достоверной и полной по объему информации о психологических особенностях личности военнослужащего. Результаты психологического изучения во многом определяют как специфику последующей работы командиров и начальников с конкретными военнослужащими, так и содержание их управленческих решений.

Понятие «личность» определяют по-разному. Г. Олпорт в середине прошлого века насчитал 50 различных определений личности. Чаще всего под термином «личность» понимают совокупность психологических качеств, которая характеризует каждого отдельного человека и определяется как природными данными, так и социальными условиями.

Личность – это индивид, включенный в систему социальных связей и отношений (общения), приобретший в результате такой

включенности, психического развития и активной деятельности социально значимые качества, позволяющие ему реализовать себя. *Личностная диагностика* направлена на получение информации о темпераменте, характере, когнитивном стиле, мотивах, интересах и других психических свойствах, определяющих общую направленность и стиль деятельности человека (А. Г. Шмелев, 1996).

Психологическая характеристика личности как целого или описание психического облика личности военнослужащего предполагает выделение и изучение таких ее подструктур, которые вносят наиболее существенный вклад в функционирование этого целого, создают ее неповторимый, индивидуальный облик, содержание личности. **Содержание личности** – это ее духовный мир, индивидуальное сознание и самосознание, включающие сложившиеся в систему представления, понятия, идеи, взгляды, убеждения, которые обусловливают понимание человеком окружающего мира, происходящих в нем событий, отношение к выполнению обязанностей и пр. Фактически речь идет о единицах анализа личности или клеточках, из которых она строится и которые, объединяясь в сложные динамические и, как правило, иерархические системы, сохраняют свойства целого.

Центральным и наиболее универсальным понятием личностной психодиагностики является понятие «*психическое свойство*». Свойства классифицируются по наличию интенсивности и ее изменениям. При этом различают три основных типа свойств:

- точечные (мужчина-женщина; холерик-сангвиник и пр.);
- линейные (одномерные свойства: изменяют интенсивность своего проявления в сторону уменьшения или увеличения);
- многомерные (многовекторная совокупность линейных свойств).

Частным случаем психических свойств, стабильных во времени являются *черты личности*. Поэтому предметом личностной психодиагностики чаще всего становятся определенные черты личности.

Черту личности следует понимать как устойчивую предрасположенность к определенному поведению. В своей совокупности черты личности составляют ее *психологический портрет* – описа-

ние особенностей военнослужащего, составленное на основе анализа результатов его обследования по одной или нескольким методикам. Вместе с тем одна из проблем заключается в несводимости целостной личности к определенному набору отдельных черт.

Свойства личности могут быть представлены как виды или классы: некоторые из них связаны с темпераментом, другие – с типичными приспособительными реакциями, третьи – со способностями, интересами, ценностями, четвертые – с социальными отношениями. Однако фундаментальным различием является уровень выраженности личностных качеств. Одни из них легко наблюдаемы и потому легко измеримы: они являются поверхностными. Если, например, военнослужащий приветлив, часто улыбается, можно предположить, что он в целом жизнерадостен, оптимистичен. Другие свойства являются глубинными, скрытыми. В этом случае тот же военнослужащий, кажущийся жизнерадостным, «внутри», «на самом деле» может находиться в депрессии.

Набор черт в своей совокупности образует психодиагностический «профиль личности». **Психодиагностический профиль** – это графическое представление результатов многофакторного теста или батареи тестов в виде ломаной кривой, подъемы и спады которой указывают на уровень выраженности у данного испытуемого определенного психического свойства (или фактора, объединяющего совокупность свойств).

Многочисленные и всегда разные проявления личности обусловлены ее структурой. Понятие *психологической структуры личности* имеет важное теоретическое и практическое значение. Она является своеобразной схемой (программой), позволяющей должностным лицам целеустремленно, организованно и последовательно изучать индивидуально-психологические особенности конкретного военнослужащего.

В этой связи важной проблемой практического изучения военнослужащего является определение набора элементов/параметров, необходимого и достаточного для наиболее полного и адекватного (с точки зрения поставленной задачи) описания его личности. При этом следует учитывать, что структура личности, объединяя различные свойства, имеет иерархическое, уровневое строение.

На каждом уровне организации (физическом, биохимическом, соматическом, индивидном и т. д.) формируется своя целостная система, отвечающая за устойчивое, сбалансированное функционирование человека. Уровнями, образующими в своей иерархической совокупности целостную неповторимость личности (в широком смысле слова), являются: организм, индивид и личность (в узком смысле слова).

К первому уровню (уровню организма) относятся характеристики человека, определяющие его: а) физическую индивидуальность (рост, вес тела, прочность костей, сила и скорость сокращения мышц, расположение центра тяжести, давление крови, объем легких и т. п.); б) биохимическую индивидуальность (особенности протекания биохимических процессов, неповторимость структуры белка в организме, строения всех типов тканей); в) соматическую индивидуальность (определяется взаимосвязанной работой отдельных органов и их интеграцией в целостный организм).

К уровню индивида относятся: а) первичные «индивидные» свойства: возрастно-половые и индивидуально-типические (конституция, нейро-динамика, функциональная асимметрия); б) вторичные «индивидные» свойства (интегрированные психофизиологические функции и органические потребности): темперамент и задатки.

К третьему (личностному) уровню относятся: а) характер; б) способности; в) социальный опыт (знания, навыки, умения); г) потребности и мотивы.

Следует отметить, что выделение уровней носит в определенном смысле условный характер, ибо резких границ между ними часто не существует.

Обобщение имеющихся в отечественной психологии походов (Б. Г. Ананьев, В. С. Мерлин, К. К. Платонов) позволяет выделить следующие уровни, образующие в своей совокупности целостный портрет личности (см. табл. 4.1).

В представленной таблице отражены уровни, определяющие индивидуальные особенности человека, соответствующие им свойства и методы их оценки. В повседневной практике изучения военнослужащих основное внимание направляется на изучение тех качеств, которые в наибольшей степени влияют на эффективность

выполнения задач воинской деятельности, психическое самочувствие и общую дееспособность военнослужащих.

В практике психологического изучения, профессионального отбора и обучения военнослужащих данные качества называются профессионально важными, а их выделение и систематизация находят место в специально разрабатываемом для каждой воинской специальности документе – профессиограмме.

Таблица 4.1

Уровни и свойства, определяющие индивидуальные особенности человека

Уровни идивидуальности и подструктуры личности	Свойства	Характеристики свойств	Адекватные методические приемы оценки свойств
1. Уровень поведения и деятельности **1.1.** Личностные свойства, относящиеся к системе деятельности:			
а) мотивационная сфера	Система потребностей, мотивов, установок, ценностей, интересов, направленность личности	Индивидуальные особенности мотивационной сферы определяют источники и направленность деятельности субъекта, ее морально-нравственную значимость	Наблюдение (оценочные шкалы). Проективные методы. Беседа. Опросники. Анализ биографических данных, документов
б) характер	Система отношений к различным сторонам действительности: отношение к себе, окружающим людям, труду и т. д.	В основе системы отношений лежит мировоззрение личности (система представлений о себе, окружающем мире)	То же
в) темперамент	Интро-экстраверсия, тревожность, эмоциональность, ригидность, импульсивность, сила эмоций и др.	Эмоционально-динамические особенности поведения и деятельности человека	То же

Уровни идивидуальности и подструктуры личности	Свойства	Характеристики свойств	Адекватные методические приемы оценки свойств
1.2. Свойства, отражающие эффективность отдельных действий и операций:			
а) интеллектуальная организация:		Основные виды действий, операций по обработке информации, характерные для современной культуры, которые усваиваются при обучении и накоплении жизненного опыта	Тесты, предполагающие различные задания по обработке предъявляемой информации, в которых относительно велика роль перцептивных, мнемических, интеллектуальных операций (действий) или фактора внимания
- восприятие;	Скорость восприятия, оценка пространственных отношений, восприятие времени, движения и др.		
- память;	Объем, скорость запоминания, время сохранения, точность воспроизведения, характеристики слуховой, зрительной, произвольной, смысловой памяти и пр.		
- мышление;	Особенности индуктивного и дедуктивного мышления, владение вербальным, смысловым материалом и др.		
- внимание	Объем, концентрированность, распределение, устойчивость и др.		
б) психомоторика	Координация движений, скорость простых и сложных сенсо-моторных реакций, сенсомоторное слежение, ловкость рук, пальцев, тремор, теппинг, статическая и динамическая мышечная выносливость и др.	Основные виды психомоторных действий и операций	Психомоторные тесты, предусматривающие выполнение определенных движений в заданных условиях

Уровни идивидуальности и подструктуры личности	Свойства	Характеристики свойств	Адекватные методические приемы оценки свойств
в) сенсорная организация	Абсолютная, дифференциальная и другие виды чувствительности анализаторов	Действия, операции по детекции воздействий внешней среды	Методы измерения сенсорных характеристик анализаторов
2. Нейрофизиологический уровень	Свойства нервной системы: сила, динамичность, активированность и др.	Показатели активности функциональных систем головного мозга: отражаются в динамических характеристиках действий и операций	ЭЭГ, РНР, вызванные потенциалы и другие показатели, прямые или косвенно отражающие активность функциональных систем головного мозга
3. Уровень нервной и гормональной регуляции	Свойства, отражающие особенности регуляции дыхания, сердечно-сосудистой системы, потоотделения и пр. Индивидуальные особенности вегетативных и метаболических показателей эмоционального стресса и т. д.	Показатели активности функциональных систем дыхания, кровообращения, терморегуляции и др.	КГР, ЧСС, измерение гормонов в биологических жидкостях и пр.
4. Метаболический уровень	Индивидуальные особенности метаболизма в органах и тканях	Показатели активности метаболических систем	Биохимические тесты
5. Генетический уровень	Особенности генотипа	Детерминанты, определяющие пределы фенотипической изменчивости	Генеалогический анализ и другие генетические методы

Система психологического изучения индивидуальных особенностей военнослужащих в условиях воинской части

В настоящее время в войсках сложилась определенная система изучения индивидуально-психологических особенностей военнослужащих и поступающего пополнения. Предметом такого изучения в условиях воинской части являются психологические свойства и особенности личности военнослужащего (кандидата на военную службу, обучение в военном вузе).

Изучение индивидуально-психологических особенностей личности военнослужащих и поступающих на военную службу кандидатов *осуществляется в следующих целях:*

- индивидуализация учебно-воспитательного процесса,
- повышение эффективности учебно-боевой и служебной деятельности,
- рациональное комплектование воинских подразделений,
- формирование кадрового резерва,
- оптимизация процесса адаптации военнослужащих к условиям военной службы,
- профилактика нервно-психических срывов и суицидального поведения.

Решаемые в ходе психологического изучения военнослужащих задачи и обеспечивающие их основные методические средства даны в таблице 4.2.

Таблица 4.2

Задачи психологического изучения военнослужащих и обеспечивающие их выполнение методические средства

№ п/п	Задачи психологического изучения	Основные методы
1.	Оценка уровня профессиональной пригодности человека, поступающего (призываемого) на военную службу, обучение в военном вузе	Методики: «Подбор слов», «Числовые ряды», «Фигуры», «Аналогии», «Узоры», «Арифметический счет», «Слухоречевая память», экспресс-анкета «Прогноз», биографический метод, беседа, наблюдение

№ п/п	Задачи психологического изучения	Основные методы
2.	Определение уровня психологической готовности военнослужащих к учебно-боевой деятельности	Анализ результатов деятельности в условиях моделирования стресс-факторов, наблюдение, экспертная оценка
3.	Выявление лиц с низким уровнем нервно-психической устойчивости, склонных к различным формам девиантного поведения	Анкета «Прогноз-2» (В. Ю. Рыбников), личностный опросник «НПН-А» (К. Н. Поляков, А. Н. Глушко), опросник К. Леонгарда, тест А. Басса и А. Дарки, тест А. Ассингера
4.	Оценка психологических качеств должностных лиц и военнослужащих на предмет их соответствия должности	Экспертная оценка, методика КОС (коммуникативные и организаторские способности), личностные опросники (Р. Кэттелла (16PF), MMPI, Г. Айзенка), профессионально-ориентированные тесты
5.	Определение уровня психофизической надежности лиц, заступающих на боевое дежурство, допущенных к выполнению задач, требующих особой ответственности и длительного автономного функционирования	Личностная шкала проявлений тревоги Тейлора, шкала ситуативной тревожности, опросник психофизиологического состояния, комплекс углубленной диагностики с использованием психофизиологических реакций
6.	Выявление психологических факторов и причин, способствовавших совершению дисциплинарных проступков, происшествий, аварий	Методика анализа дисциплинарного проступка (Э. П. Утлик)
7.	Выявление адаптивного потенциала и прогноз успешности адаптации военнослужащего к условиям военной службы	Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность-02» (МЛО-АМ) (А. Г. Маклаков, С. В. Чермянин), Методика КОС (коммуникативные и организаторские способности)
8.	Выявление психологических причин затруднений и проблем, возникающих в профессиональной деятельности и личной жизни у конкретного военнослужащего	Консультативная беседа, наблюдение, экспертный опрос, анализ результатов деятельности
9.	Выявление и предупреждение суицидального поведения военнослужащих	Опросник депрессивного состояния, анкета оценки суицидального риска военнослужащего (10 утверждений), методика оценка склонности к суицидным реакциям (СР-45), карта риска суицида, Опросник депрессивности Бека (Beck Depression Inventory – BDI), опросник САН (Самочувствие, Активность, Настроение), проективный тест М. Люшера

Выделяется ряд самостоятельных **этапов в деятельности по психологическому изучению военнослужащих**:

- проведение профессионального психологического отбора военнослужащих;
- изучение подчиненных на этапе приема молодого пополнения и его адаптации к условиям военной службы;
- углубленное изучение военнослужащих;
- последующее изучение военнослужащих (см. табл. 4.3).

Рассмотрим более подробно этапы индивидуального психологического изучения военнослужащих.

Проведение профессионального психологического отбора военнослужащих является составной частью *военно-профессиологической работы*, включающей военно-профессиональную ориентацию, военную профессиографию, военно-профессиональный отбор, военно-профессиональную подготовку, расстановку военнослужащих по специальностям и должностям и их продвижение по службе.

Профессиональный отбор представляет собой систему мероприятий и средств, обеспечивающих прогностическую оценку взаимосоответствия человека и профессии, выбор на этой основе из группы гражданских людей наиболее соответствующих по своим качествам определенной военной специальности и предупреждение поступления человека на контрактную службу, к которой он не способен по возрасту, состоянию здоровья, образованию и психологическим качествам. По решаемым задачам различают медицинский, физиологический, педагогический и психологический виды отбора.

Необходимым условием для проведения ***психологического отбора*** является наличие *нормативно определенных требований* к кандидатам на основе психологического анализа конкретной деятельности (профессиограмм, психограмм) и *методик,* позволяющих оценивать необходимые качества кандидата. Как правило, необходимость проведения отбора возникает тогда, когда условия и особенности предстоящей деятельности требуют довольно высокого уровня развития определенной группы качеств кандидата, которые не представляется возможным компенсировать или развить в отведенные сроки.

Таблица 4.3

Этапы
индивидуального психологического изучения военнослужащих и их содержание

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ				
Этапы	Решаемые задачи	Субъекты	Место	Периодичность и время
Индивидуальная психодиагностика				
1. Профессиональный психологический отбор	Определение уровня профессиональной пригодности человека к прохождению военной службы по определенной специальности и обучению в вузе	Группа ППО призывной комиссии	Военный комиссариат	При поступлении на военную службу и вуз
2. Первичное изучение	Получение первичной информации о личности военнослужащего (оценка психического здоровья, адаптационного потенциала). Выявление лиц с низким уровнем НПУ	Должностные лица, психолог	Пункт приема пополнения	По прибытии военнослужащего в в/часть в течение месяца
3. Углубленное изучение	Целостное изучение личности в/с и выявление конкретных индивидуально-психологических особенностей, являющихся причиной кризисных состояний	Психолог, медицинский работник	Кабинет для психологического консультирования	При самостоятельном обращении в/с к психологу, при выявлении у в/с НПН, при направлении в/с должностными лицами к психологу в/ч
4. Последующее изучение	Определение уровня психол. готовности в/с к учебно-боевой и служебной деятельности, подбор кандидатов на должности младших командиров, оценка динамики профессионализма и соответствия в/с требованиям профессии и специальности	Командиры; офицеры органов по работе с л/с, психолог	В подразделении, на занятиях, в карауле	В процессе повседневной жизнедеятельности в течение всего периода службы

Основными задачами профессионального психологического отбора (ППО) являются:

- оценка психологических качеств и свойств личности, необходимых для успешного обучения в вузе и осуществления конкретного вида воинской деятельности, выявление лиц с нервно-психической неустойчивостью;

- вынесение итогового заключения о профессиональной пригодности кандидата, отбор кандидатов для поступления в военно-учебные заведения, подготовка сержантов и старшин, а также рациональное распределение по профилям подготовки, воинским должностям и подразделениям.

Исполнительные органы в системе ППО создаются в воинских частях и соединениях, военных вузах и военкоматах. Это могут быть как штатные группы ППО призывных и приемных комиссий, так и нештатные группы, формируемые за счет включения в их состав различных должностных лиц. Организационно группа ППО состоит из подгрупп:

- социально-психологического изучения,
- психологического и психофизиологического обследования,
- изучения специальных способностей.

В состав нештатной группы профотбора воинской части, как правило, входят:

- начальник группы – заместитель командира соединения (воинской части) по работе с личным составом;
- заместитель начальника группы – психолог воинской части;
- помощники начальника группы – наиболее подготовленные офицеры органов по работе с личным составом, строевого отделения, медицинской службы воинской части;
- технические работники (сержанты, солдаты).

Проведение ППО включает в себя оценку (см. рис. 4.2):

а) в ходе психологического обследования:

- уровня общего интеллектуального развития;
- адаптационного потенциала личности и нервно-психической устойчивости;
- уровня развития специальных способностей;

б) в ходе социально-психологического изучения:

- основных мотивов профессиональной деятельности и военно-профессиональной направленности.

Рис. 4.2. Содержание профессионального психологического отбора

Психологическое обследование предполагает оценку общих и специальных способностей человека. Требования к общим и специальным способностям определяются спецификой профессиональной деятельности (специальности) и/или профилем вуза.

Адаптационный потенциал отражает адаптационные способности человека и является одним из интегральных показателей личности военнослужащего. Его основные составляющие: нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности, поведенческая регуляция и моральная нормативность (методика «Адаптивность» и экспресс-анкета «Прогноз»).

Уровень *общего интеллектуального развития* определяется с учетом характеристик психических познавательных процессов: вос-

приятия, памяти, мышления, свойств внимания (методики «Подбор слов», «Числовые ряды», «Фигуры», «Узоры», «Арифметический счет», «Слухоречевая память»).

Социально-психологическое изучение предполагает анализ условий воспитания и развития личности, основных мотивов, изучение общей военно-профессиональной направленности, оценку социальных, нравственных качеств личности, организаторских способностей и особенностей общения и поведения в коллективе, а также образовательной и профессиональной подготовленности.

По результатам профессионального психологического отбора выносится одно из следующих *заключений*:

а) рекомендуется в первую очередь (или 1-я категория);

б) рекомендуется (2-я категория);

в) рекомендуется условно (3-я категория);

г) не рекомендуется (4-я категория).

С учетом заключения группы ППО, результатов оценки военно-профессиональной подготовленности и оценки физических качеств комиссии принимают решение:

- приемная комиссия – о возможности обучения кандидата в военном учебном заведении;
- призывная комиссия – об общем уровне профессиональной пригодности и возможности прохождения службы по соответствующей специальности.

Содержание и результаты работы по психологическому изучению граждан, принимаемых на военную службу, отражаются в **документах, направляемых в воинские части**:

- *личное дело* (содержит учетные карты призывника, справку об образовании, справку о семейном положении, справку с места учебы, работы и территориальных органов профориентации, характеристику с места учебы или работы, лист изучения призывника, сообщения органов внутренних дел о привлечении к уголовной ответственности, регистрационные листы с результатами выполнения методик универсального набора психодиагностических тестов);

- *карта профессионального психологического отбора* (содержит сведения о профпригодности к подготовке и службе на воин-

ских должностях и решение о предназначении, вынесенное призывной комиссией).

Психологическое изучение пополнения в воинской части

После проведения профессионального психологического отбора работа по психологическому изучению военнослужащих и воинских коллективов проводится непосредственно в воинской части. В воинской части работу по изучению пополнения организует командир. С этой целью он издает приказ *«Об организации приема и изучения пополнения*». В приказе определяются:

- состав администрации пункта приема и распределения пополнения;
- состав нештатного подразделения, группы профессионального психологического отбора;
- сроки проведения инструктивно-методических занятий и инструктажей по психолого-педагогической подготовке с должностными лицами, привлекаемыми к изучению пополнения;
- время, место и порядок проведения психологического изучения (тестирования) личного состава;
- система сбора, анализа, доклада и хранения психологической информации о прибывшем пополнении;
- порядок контроля за соблюдением требований профессиональной этики, конфиденциальности при проведении изучения индивидуально-психологических особенностей военнослужащих.

Кроме того, командир лично организует работу должностных лиц бригады по подготовке материальной базы для приема пополнения, а также инструктирует должностных лиц администрации пункта приема и распределения пополнения о порядке работы с прибывшим пополнением, форме и сроках доклада о результатах изучения пополнения.

Перед прибытием в часть пополнения психолог бригады совместно с заместителем командира соединения (воинской части) по работе с личным составом проводит инструктивно-методическое занятие с должностными лицами по методике изучения личного состава. В ходе занятия раскрываются сущность и признаки проявления нервно-психической неустойчивости в общении, по-

ведении, деятельности, внешнем виде военнослужащих. Психолог согласует с начальником штаба порядок тестирования пополнения (уточняет очередность, время, место и ответственных за представление личного состава), утверждает график тестирования пополнения, а также согласует с начальником медицинской службы бригады порядок взаимодействия при изучении пополнения.

Первичное изучение личного состава проводится на пункте приема пополнения всеми должностными лицами в целях получения первичной информации о военнослужащих, оценки адаптационных возможностей и выявления лиц с признаками нервно-психической неустойчивости, склонностью к различным формам девиантного поведения. Такое изучение должно учитывать результаты ППО, полученные из военных комиссариатов и в процессе следования пополнения к месту дислокации воинской части.

Командир взвода, назначенный работать с пополнением:

- инструктирует сержантский состав по методам работы с пополнением;
- знакомит личный состав с сержантами роты, распорядком дня, доводит основные требования к военнослужащим;
- заводит личные дела на военнослужащих, в которые подшивает: фотографию военнослужащего; характеристику с предыдущего места учебы, работы; карту профессионально-психологического отбора из военкомата; сведения об успеваемости в школе; автобиографию и другие документы, дающие качественную и количественную характеристику военнослужащему;
- осуществляет наблюдение за военнослужащими в целях выявления лиц с признаками НПН;
- проводит индивидуальные собеседования с военнослужащими по специально разработанной схеме, изучает их социальные и психологические характеристики.

Особая роль в изучении пополнения принадлежит нештатной группе ППО, в которую обязательно входит психолог. *Состав нештатной группы ППО определяется приказом командира части на год* и зависит от ожидаемой численности пополнения, особенностей и объема задач по изучению прибывающей молодежи. На период приема, изучения и распределения пополнения личный

состав нештатной группы ППО освобождается от исполнения обязанностей по штатным должностям.

По итогам изучения прибывшего пополнения начальник нештатной группы ППО представляет командиру:

- заключение о профессиональной пригодности и рациональном распределении прибывшего пополнения (при этом может быть определено понижение или повышение профессиональной пригодности на одну ступень);

- список военнослужащих с нервно-психической неустойчивостью и рекомендации командирам подразделений и их заместителям по работе с личным составом относительно проведения с ними индивидуальной работы.

Лица, в отношении которых по результатам ППО вынесено заключение «Не рекомендуется к *основным* воинским должностям», распределяются в подразделения обслуживания.

Заполненные карты ППО хранятся в штабе (строевом отделении) вместе с учетно-послужными карточками, расставленными в алфавитном порядке и по подразделениям в течение установленных сроков военной службы по призыву. При перемещении военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, карты пересылаются вместе с другими документами к новому месту службы.

Итоги изучения пополнения отражаются психологом в специальном документе, направляемом командиру части и начальнику вышестоящего органа по работе с личным составом – *донесении о результатах социально-психологического изучения пополнения*.

В содержании донесения отражаются следующие вопросы:

1) на чем сосредоточивались основные усилия психологической работы в период приема и распределения пополнения;

2) выводы из итогов работы по изучению пополнения (подтверждаются цифровыми показателями);

3) социально-психологическая характеристика пополнения (анализ основных социально-демографических и психологических данных, основные выводы, тенденции улучшения (ухудшения) качественного состава пополнения);

4) количество военнослужащих, отправленных на медицинское обследование и в дальнейшем уволенных с военной службы (причины);

5) общие выводы и прогноз процесса адаптации пополнения к условиям военной службы;

6) предложения по совершенствованию работы по социально-психологическому изучению пополнения.

По итогам изучения прибывшего пополнения и на основании представленных психологом данных командир бригады подводит итоги его изучения и издает приказы:

- о распределении прибывших военнослужащих по должностям и подразделениям;
- о допуске военнослужащих к несению боевого дежурства, караульной службе.

Углубленное изучение проводится с учетом данных, полученных на предыдущем этапе изучения. Особое внимание уделяется работе с лицами, у которых обнаружены признаки нервно-психической неустойчивости и затрудненной адаптации к военной службе, а также с военнослужащими, самостоятельно обратившимися к психологу. При этом военнослужащих с низким уровнем НПУ психолог заносит в «Журнал динамического наблюдения» и осуществляет их психологическое сопровождение, тесно взаимодействуя с врачом части и офицерами подразделений.

Последующее изучение личного состава осуществляется офицерами подразделений, психологом в процессе повседневной жизнедеятельности и направлено на изучение отдельных качеств личности военнослужащего в интересах решения стоящих задач. Психолог части по итогам изучения личного состава разрабатывает рекомендации и предложения должностным лицам для принятия управленческих решений по формированию здорового морально-психологического климата, укреплению организованности и воинской дисциплины, рациональному распределению военнослужащих и индивидуализации воспитательного процесса.

Материалы углубленного и последующего изучения (в папках на каждого военнослужащего) хранятся в рабочем кабинете психолога воинской части. Срок хранения – не менее 2 лет. При пе-

ремещении военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, карты ППО пересылаются вместе с другими документами к новому месту службы.

Методы психологического изучения военнослужащих

Для выполнения задачи психологического изучения личного состава применяются разнообразные методы, разумное сочетание и применение которых обеспечивает получение объективной информации о военнослужащих. Основными ***методами***, используемыми в условиях воинской части, являются: *анализ документов (биографический метод), опрос (беседа, анкетирование), наблюдение и тестирование.*

Анализ документов – это важная, ответственная и достаточно трудоемкая часть деятельности должностных лиц, в процессе которой вырабатывается предварительное представление о военнослужащем. К документам относятся автобиографии, заявления, анкеты, характеристики, карты профессионального психологического отбора и учетно-послужные карточки, различные справки, отзывы о военнослужащих, дневники, письма, фотографии. Их изучение и анализ позволяют:

- выявить социальные предпосылки к преимущественному формированию и закреплению у военнослужащего тех или иных индивидуально-психологических качеств, способствующих или тормозящих нормальную адаптацию к военной службе, последующее профессиональное становление;
- выделить в учебной и производственной деятельности юноши до призыва в армию конкретные проявления, свидетельствующие о степени зрелости, активности различных психических процессов, об устойчивости определенных интересов, ценностных ориентаций, черт характера.

Предметом изучения являются:

- социальное происхождение, принадлежность к определенной этнической группе, территориальной общности (село, небольшой, крупный или средний город), профессиональной категории;
- особенности непосредственного социального окружения – в семье, школе, производственном коллективе, среди сверстников и друзей;

- содержание наиболее предпочитаемой, интересующей военнослужащего и доступной ему информации;
- основные события его биографии.

Важные сведения о познавательных способностях, уровне нервно-психической устойчивости, военно-профессиональной направленности и отдельных профессионально важных качествах военнослужащего можно получить из карты профессионального психологического отбора призывника, в которую заносятся результаты социально-психологического изучения, психологического и психофизиологического обследования в период приписки и призыва.

Опрос – метод сбора первичной информации посредством обращения с вопросами к опрашиваемым (респондентам). Источником информации в опросе являются письменные или устные суждения-ответы респондента. С помощью опроса можно получить информацию о фактах и событиях, сведения о мнениях, оценках и предпочтениях опрашиваемых, их потребностях, интересах, ценностных ориентациях, жизненных планах и т. д. Причем эту информацию можно получить довольно быстро и от большого количества людей.

Различают несколько вариантов опроса: устные и письменные, свободные и стандартизированные, экспертные, выборочные и сплошные и т. д. Одной из наиболее распространенных форм опроса является ***анкетирование***. Анкета – это структурно организованный набор вопросов, каждый из которых логически связан с центральной задачей исследования. Известно несколько типов анкет:

- анкеты, основанные на самооценке теми, кого опрашивают, своих свойств и качеств;
- анкеты, вопросы которых направлены на оценку опрашиваемыми своих действий в конкретных жизненных ситуациях;
- анкеты, в которых предлагается дать оценку, высказать свое отношение к другим людям или каким-либо событиям.

Полученные в ходе анкетирования данные могут быть статистически обработаны.

Беседа – метод получения информации об индивидуально-психологических качествах военнослужащего на основе прямого сло-

весного контакта с ним. В зависимости от целей использования данного метода беседа может быть ознакомительной, диагностической, экспериментальной, профилактической и т. д.

Основными диагностическими блоками необходимой информации о военнослужащем могут и должны быть следующие сведения:

- биографические данные;
- состав, условия жизни членов семьи;
- ориентированность в событиях, происходящих в стране и за рубежом;
- время, место и характер учебы или работы по специальностям, родственным конкретной воинской должности, навыки организаторской работы;
- увлечения в настоящем и прошлом, особые привычки, отношения со сверстниками;
- нарушения поведения в прошлом (прогулы, мелкое хулиганство, выпивки, побеги из дома, приводы в милицию и т. п.);
- перенесенные заболевания и травмы, наличие жалоб на состояние здоровья, нарушение сна, аппетита и т. п.;
- наиболее неприятные события в прошлой жизни и реакция на них (мысли о самоубийстве), преобладающие настроения в связи с отрывом от семьи, отношение к трудностям армейской жизни;
- отношение к военной службе, обоснованность желания овладеть конкретной воинской специальностью;
- успешность освоения программы общевойсковой подготовки;
- участие в общественной жизни подразделения;
- взаимоотношения с сослуживцами, отношение к коллективу и др. (*приложение 7*).

Дополнительными по отношению к содержательным компонентам и очень важными признаками, характеризующими личность военнослужащего, являются его поза, внешний вид во время беседы, речь, оценка себя, настроение, воспитанность, такт, откровенность, сообразительность, уверенность, взволнованность, агрессивность, чувствительность и пр.

Результаты беседы помогут составить психологический «диагноз», на основе которого строится индивидуальная работа с

военнослужащим и вырабатываются рекомендации командирам и начальникам. Обобщение содержания индивидуальных бесед, проведенных по единому замыслу, позволяет получить пофамильные списки состава микрогрупп, информацию об их лидерах, данные об их направленности, влиятельности, взаимосвязях.

Любая индивидуальная беседа не должна сводиться к беспредметному разговору. Она является целенаправленной формой изучения военнослужащих и требует соблюдения определенных условий проведения. Ими являются:

- четкое определение основной цели, последовательности вопросов;
- непринужденность, доверительность обстановки, простота и понятность вопросов;
- исключение каких-либо записей во время беседы;
- позитивное (оптимистическое), конструктивное завершение беседы.

Метод наблюдения – один из наиболее объективных и надежных методов психологии. Он представляет собой целенаправленное и систематическое изучение действий, поступков, поведения в целом, отношения к службе и различным явлениям окружающей действительности в целях обнаружения, регистрации и анализа тех фактов, которые могут характеризовать направленность, характер, способности и другие личностные качества военнослужащих, социально-психологические особенности воинского коллектива. Нередко для повышения эффективности наблюдения создаются ситуации, в которых военнослужащий мог бы в максимальной степени и в короткий срок проявить те качества, которые необходимо у него оценить.

При *индивидуальном наблюдении* предметом изучения являются практические действия (поступки) отдельного человека. По их характеру судят об отношении человека к военной службе, о сформированности у него моральных, индивидуально-психологических и других качеств, имеющих важное значение для успешного прохождения военной службы.

Тест (от английского *test* – задача, проба) – это метод исследования личности, построенный на ее оценке по результатам

стандартизированного задания, испытания, пробы с заранее определенной надежностью и валидностью. Тестирование, в отличие от предыдущих методов, может проводить лишь психолог, обладающий специальным образованием. Результат выполнения теста оценивается в количественных показателях. Тесты имеют различного рода нормы-шкалы значений: социальные, возрастные и т. п. Индивидуальный показатель теста соотносится с его нормой. Тесты классифицируются по нескольким основаниям, среди которых наиболее значимыми являются: *форма, содержание и цель психологического тестирования*.

По ***содержанию*** тесты могут быть выделены в несколько групп:

- *тесты интеллекта* – предназначены для выявления и характеристики интеллекта человека (мышление, память, внимание);
- *тесты достижений* – используются для оценки того, в какой степени испытуемый военнослужащий владеет конкретными знаниями, навыками умственных действий и умениями, необходимыми для решения разнообразных задач воинской деятельности;
- *тесты способностей* – направлены на выявление качеств, которые как профессионально важные определяют успешность овладения конкретным видом деятельности. В этой связи различают тесты способностей по видам психических функций (сенсорные, моторные) и по видам деятельности (технические и профессионализированные – математические, художественные и другие способности);
- *групповые тесты* – применяются для диагностики групповых психических процессов: уровня сплоченности групп и коллективов, особенностей группового психологического климата, межличностных взаимоотношений, силы «давления» группы на ее членов и др.;
- *личностные тесты* – предназначены для изучения различных аспектов личности: мотивации, интересов, ценностных ориентаций, характера, эмоционального склада и др.;
- *проективные техники* – служат для исследования тех глубинных индивидуальных особенностей личности, которые менее всего доступны непосредственному наблюдению или опросу.

Проекция основана на том, что восприятие и интерпретация действительности, предъявляемых стимулов в определенной степени зависят от потребностей, мотивов, установок, психического состояния личности. Методический прием проективных методов заключается в предъявлении испытуемому недостаточно структурированного, неопределенного, незавершенного стимула. Это порождает процессы фантазии, воображения, в которых раскрываются те или иные характеристики личности военнослужащего. Применение проективных методик (например, тест свободной словесной ассоциации, методика незаконченных предложений, тест Розенцвейга, тематический апперцептивный тест, методика Роршаха и др.) требует высокой профессиональной подготовки и развитой интуиции психолога, проводящего обследование.

Выбор конкретной методики зависит от цели, объекта и условий исследования, профессиональной подготовленности должностных лиц, материально-технического оснащения. Кроме перечисленных методов изучения военнослужащих, могут применяться также и другие методы.

В частности важное значение для выявления индивидуальных особенностей военнослужащих имеет поддержание постоянного информационного обмена с родителями военнослужащих. В этих целях используются возможности личных встреч и бесед с прибывающими в воинскую часть родителями, а также написание писем. Командиры и их заместители по работе с личным составом в самом начале службы воина письменно (или в очном порядке) информируют родителей об условиях военной службы и организации быта личного состава. В письмах рекомендуется высказать просьбу написать о жизни сына, его учебе и работе до призыва на военную службу, характере, планах и намерениях. Напоминается о необходимости сообщать в воинскую часть о случаях получения тревожных писем от сыновей, а также о других фактах, способных повлиять на поведение военнослужащего, его отношение к службе.

Все результаты наблюдений и изучения подчиненных заносятся в их личные дела.

Нервно-психическая неустойчивость и основные признаки ее проявления в условиях военной службы

Под **нервно-психической неустойчивостью** (НПН) понимают склонность к срывам нервной системы при значительных физических и психических нагрузках. Это довольно широкое понятие включает в себя различные предпатологические состояния (крайние варианты психической нормы) со скрытой, не выраженной либо умеренно выраженной, но компенсированной формой течения, обусловленные дефектами функционирования нервной системы и снижающие приспособительные возможности организма.

В происхождении нервно-психической неустойчивости определяющая роль принадлежит биологической неполноценности нервной системы (врожденной или приобретенной) в сочетании с неблагоприятными психологическими и социальными факторами. Такими факторами и, соответственно, косвенными признаками НПН являются:

- психические заболевания у родителей и близких родственников;
- перенесенные травмы и инфекционные заболевания головного мозга;
- наблюдение в психо-неврологическом диспансере;
- ночное недержание мочи;
- воспитание в неблагополучной семье, отсутствие одного из родителей;
- чрезмерно строгое или «тепличное» воспитание;
- наличие отсрочки от призыва по состоянию здоровья;
- приводы в милицию, побеги из семьи, вовлечение в антисоциальные группы;
- раннее пристрастие к алкоголю, курению, употреблению наркосодержащих препаратов и другие.

Формы проявления НПН многообразны и связаны с нарушениями регуляторных механизмов на различных уровнях. Признаки НПН обнаруживаются в отдельных биохимических, нейрофизиологических сдвигах, особенностях вегетативных реакций, специфических чертах познавательно-мыслительной деятельности, от-

клонениях в эмоционально-волевой сфере, своеобразии системы отношений, установок, направленности личности (см. табл. 4.4).

Организация работы по выявлению военнослужащих с признаками НПН должна предусматривать плановые мероприятия в период прибытия молодого пополнения в часть, в период адаптации к военной службе (первые 3–5 месяцев), а также в период последующего прохождения военной службы.

Таблица 4.4

Основные формы проявления и характерные признаки нервно-психической неустойчивости

Основные сферы проявления НПН	Характерные признаки нервно-психической неустойчивости
Психомоторика	плохая координация движений; повышенный тремор, тик; неловкость, угловатость движений; напряженность, вычурность движений и поз
Познавательно-мыслительная деятельность	низкий уровень общего развития (плохая успеваемость в школе, малый словарный запас, примитивность суждений); низкая интеллектуальная активность (неспособность самостоятельно ставить жизненные цели, вязкость, поверхностность мышления); эгоцентричность мышления, нечувствительность к логическим противоречиям
Темперамент	повышенная эмоциональность (сензитивность); высокая тревожность (в трудной ситуации), робость, пугливость; импульсивность (беззаботность, легкомыслие, вспыльчивость, ранимость); низкая или чрезмерная активность (суетливость, несобранность, вялость, апатичность, замкнутость); ригидность (упрямство, прямолинейность, грубость, мстительность); резистентность (быстрая утомляемость, истощаемость, легкая отвлекаемость)

Основные сферы проявления НПН	Характерные признаки нервно-психической неустойчивости
Мотивация	внушаемость, склонность к подражательству; эгоистическая направленность интересов, иждивенчество; низкий самоконтроль; импульсивность влечений; чрезмерное стремление к доминированию; агрессивность; неустойчивость интересов, привязанностей
Нарушения в процессе деятельности	низкая эффективность деятельности; аварийность, травматизм по вине военнослужащего; быстрая утомляемость, рассеяние внимания, растерянность; заторможенность либо суетливость, беспорядочность, импульсивность действий
Нарушения дисциплинарных и социальных норм	склонность к пререканиям и невыполнению распоряжений; нарушение должностных требований, неверное исполнение приказов и поручений; случаи суицидальных действий; склонность к нечестности, воровству; уклонения от воинской службы; неряшливость
Нарушения межличностных отношений	агрессивное поведение по отношению к сослуживцам; конфликтность, озлобленность, грубость; изолированность в группе; пренебрежительное отношение к значимым для группы, коллектива целям; подозрительность, мнительность, недоверчивость; неспособность противостоять влиянию окружающих; излишняя застенчивость, робость, повышенная чувствительность, обидчивость; претензии на исключительность, потребность во всеобщем внимании, восхищении

Основные сферы проявления НПН	Характерные признаки нервно-психической неустойчивости
Предпатологические и патологические нарушения	общая вялость; повышенная утомляемость; нарушения сна, снохождение; частые головные боли, головокружения, обмороки, потеря сознания; судорожные припадки; энурез; неустойчивость сердцебиения при отсутствии заболеваний сердца; чрезмерная робость, необоснованный пессимизм, неверие в свои силы, страхи; фиксированность на состоянии здоровья; резкое побледнение или покраснение кожных покровов; нарушения ритма дыхания при волнении; склонность к запорам или частому стулу и мочеиспусканию; замедленный темп действий; демонстративные суицидальные попытки, членовредительство; снижение памяти, ограниченность внимания, неадекватность, нелогичность, вязкость мышления

С прибытием пополнения в воинскую часть психолог проводит инструктивно-методическое занятие с должностными лицами пункта приема молодого пополнения и офицерами подразделений. На этом занятии он в доступной форме рассказывает им о сущности и признаках проявления НПН в общении, поведении, деятельности, внешнем виде военнослужащих, а также указывает, на что надо обратить внимание при изучении документов, наблюдении и в процессе беседы с прибывшим пополнением.

В результате изучения документов могут быть получены *косвенные признаки нервно-психической неустойчивости*: психические заболевания у родителей и близких родственников; перенесенные травмы и инфекционные заболевания головного мозга; наблюдение в психоневрологическом диспансере; ночное недер-

жание мочи; воспитание в неблагополучной семье; отсутствие одного из родителей; наличие отсрочки от призыва по состоянию здоровья; приводы в милицию; трудности в обучении и освоении профессии; вовлечение в антисоциальные группы; сложные отношения с товарищами; низкая общественная активность; узость и несоответствие возрасту интересов и увлечений; вспыльчивость; раздражительность; неустойчивость настроения; обидчивость; замкнутость; безынициативность; излишняя принципиальность; слабоволие; раннее пристрастие к алкоголю; курению; употреблению наркосодержащих препаратов.

При наличии 1–2 признаков военнослужащий заслуживает более пристального внимания и наблюдения, а при наличии 3–5 признаков заносится в списки для более глубокого обследования психологом.

Наблюдение в ходе беседы или проведения психологического обследования также дает возможность выделить ряд признаков, говорящих о нервно-психической неустойчивости военнослужащего. К таким признакам следует отнести: развязное поведение; легкую раздражительность; вспыльчивость; нетерпеливость и суетливость; театральность; демонстративность; стеснительность; замкнутость; плаксивость; неловкость; угловатость и резкость движений; скованность позы; неудобную посадку; немотивированные движения руками и ногами; частое моргание; подергивание век и щек; закусывание губ; покраснение кожных покровов лица и шеи; повышенную потливость; недостаточную сообразительность и понятливость (об этом говорят вопросы не по существу); выражение растерянности и испуга; частое обращение к товарищам за разъяснениями; опоздания; задержка с началом работы или ее прекращение при тестировании; примитивность высказываний.

Наблюдение за поведением военнослужащих в повседневной обстановке должно быть направлено на выявление лиц, склонных к замкнутости, уединению, стеснительных, нерешительных, робких, плаксивых или, наоборот, конфликтных, вступающих в пререкания, отказывающихся выполнять приказы, нарушающих распорядок, развязных в поведении. При наличии даже одного такого признака, устойчиво проявляющегося в процессе всего наблюде-

ния, особенно у лиц, уже имевших по результатам изучения документов 1–2 косвенных признака НПН, военнослужащий заносится в список для углубленного изучения психологом части.

К наблюдению в целях получения конкретных сведений об особенностях поведения представителей молодого пополнения можно привлекать и сержантский состав, предварительно проведя с ним соответствующий инструктаж.

Военнослужащие с признаками нервно-психической неустойчивости (НПН), а также отнесенные к четвертой категории профессиональной пригодности по всем классам воинских специальностей направляются на дополнительное освидетельствование к психиатру (психоневрологу) и с учетом его рекомендаций подлежат динамическому наблюдению у врача и психолога воинской части. При этом военнослужащие **с резко выраженными признаками НПН** нуждаются в медицинском освидетельствовании на предмет годности к военной службе. В отношении военнослужащих **с умеренно выраженными признаками НПН** принимается решение об ограниченном использовании их по отдельным специальностям либо в определенных ситуациях. Военнослужащие этой группы требуют индивидуальных психопрофилактических, коррекционных, воспитательных и организационных мер (распределение по подразделениям и специальностям).

Меры по профилактике нервно-психической неустойчивости должны предусматривать:

- ограничение физической нагрузки для ослабленных военнослужащих, временное, полное или частичное освобождение их от несения службы, перевод из боевых подразделений в подразделения обеспечения;
- разъяснение военнослужащим типологических черт их характера, темперамента, возможных негативных проявлений, связанных с ними, и формулирование рекомендаций для самоконтроля и коррекции;
- знание и исключение насколько возможно наиболее типичных ситуаций, в которых поведение воинов с признаками нервно-психической неустойчивости может быть неадекватным, заблаговременную информационную, специально-профессиональную и

психологическую подготовку и контроль готовности к действиям в таких ситуациях;

- внимательное, чуткое отношение к подчиненным, недопущение в их адрес оскорбительных и резких высказываний, социальной несправедливости, публичного сравнения личностных качеств;
- подбор и распределение военнослужащих по подразделениям и специальностям в соответствии с их индивидуальными особенностями;
- обучение военнослужащих методам психической саморегуляции, навыкам общения и взаимодействия с другими военнослужащими.

4.3. Социально-психологическое изучение воинского коллектива

Предметное поле социально-психологического изучения воинского коллектива

Важным направлением работы должностных лиц воинской части и подразделений является **социально-психологическое изучение воинских коллективов.** Коллектив представляет для конкретного военнослужащего социальное окружение, в котором происходят его военно-профессиональное и личностное становление, реализация планов и притязаний. Создавая необходимые предпосылки для успешной адаптации, овладения военной профессией, самовыражения личности, воинский коллектив в то же время и сам выступает как субъект групповой деятельности. И в этой связи очень важными являются такие его групповые качества и свойства, которые способствуют общей эффективности воинского труда, комфортному психологическому самочувствию всех его членов.

Объективное изучение наиболее существенных параметров воинского коллектива может осуществляться на уровне воинской части и на уровне малой группы (отделение, взвод). Под **малой группой** понимается немногочисленная по количественному составу группа, основными признаками которой выступают: а) вклю-

ченность ее членов в совместную деятельность; б) наличие прямого общения членов группы друг с другом.

Малую группу с высоким уровнем развития, взаимоотношения между членами которой опосредствованы преимущественно общественно ценным и личностно значимым содержанием совместной деятельности и отличаются высоким уровнем взаимопонимания друг друга, называют **коллективом**.

Какие же характеристики группы (воинского коллектива) должны быть предметом социально-психологического изучения со стороны офицеров? Эти характеристики могут раскрывать ее внешние параметрические признаки, а могут описывать то, что называется психологией группы. Такие характеристики называются социально-психологическими. К ним относят групповые процессы, свойства и образования.

К внешним характеристикам группы относятся:

- *тип группы* (например, воинское подразделение, спортивная команда, семья военнослужащего и др.);
- *композиция (состав) группы* – характеристика, которая отражает своеобразие индивидуального состава группы и раскрывается посредством количественных, возрастных, профессиональных, социальных, образовательных, этнических характеристик воинов.

Групповые процессы – это процессы осуществления и регуляции группового социального взаимодействия (групповое целеполагание, совместные действия, срабатывание, руководство, межличностное восприятие, информирование и взаимодействие, группообразование, ролевая дифференциация, сплочение, конфликты, реализация групповых санкций, лидерство, адаптация, групповое самоопределение и самоутверждение и т. д.). Эти процессы приводят не только к решению профессиональных задач, но и к формированию групповых социально-психологических образований, изменению качественных характеристик (свойств) самой группы таких, как ролевая дифференциация, групповая сплоченность, совместимость, сработанность и пр.

Основными *социально-психологическими образованиями* группы, всесторонне раскрывающими ее сущность, являются:

- групповые потребности, интересы и цели;

- групповые роли – стилевые особенности выполнения функций, которые заданы со стороны группы для той или иной статусной позиции;

- групповые нормы – совокупность правил и требований, вырабатываемых группой и играющих роль важнейшего средства регуляции поведения, общения, взаимодействия и взаимоотношений членов группы;

- групповые традиции – исторически сложившиеся и закрепленные в поведении группы действия и отношения, соблюдение которых стало коллективной потребностью;

- групповые санкции, групповой социальный контроль;

- социально-психологический климат, включающий межличностные отношения, групповое мнение и настроение;

- микрогруппы.

Групповые свойства могут быть выделены в зависимости от исследовательского акцента в отношении группы (совместная деятельность, межличностные отношения, предметно-направленное взаимодействие). С учетом этого обстоятельства выделяются следующие свойства группы:

а) деятельностный аспект: целенаправленность, мотивированность, целостность, структурированность, согласованность, организованность, результативность;

б) аспект межличностных отношений: сплоченность, совместимость, открытость, удовлетворенность, конфликтность, толерантность, устойчивость, доброжелательность, уважительность;

в) аспект общения, взаимодействия: целенаправленность, контактность, общительность, уравновешенность, компетентность, комфортность и др. [90].

Ведущим процессом, объединяющим индивидуальные усилия как в сфере взаимодействия, так и в рамках психических переживаний военнослужащих, является общение. **Общение** – это сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностью в совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, взаимное восприятие и понимание членами группы друг друга.

Процесс общения как социально-психологическое явление имеет определенное строение. Социальный психолог *Г. М. Андреева* (1991) выделяет следующие стороны данного процесса и соответствующие им функции:

а) *интерактивная сторона* – взаимная помощь, сотрудничество, взаимодействие в процессе выполнения совместной деятельности; наиболее распространенным является деление всех возможных видов взаимодействия на *кооперацию* и *конкуренцию*;

б) *коммуникативная сторона*, предполагающая обмен информацией между общающимися индивидами; выделяют такие виды коммуникации, как *вербальная* (речевая) и *невербальная* (жесты, мимика, пантомимика);

в) *перцептивная сторона*, связанная с восприятием и принятием участниками общения друг друга как социальных партнеров; выделяют восприятие внешних признаков партнера, соотнесение их с личностными характеристиками воспринимаемого индивида и интерпретацию на этой основе его поступков.

Специфика мотивов, целей и выбираемых для их достижения средств (вербальных, невербальных) и приемов определяет своеобразие стиля общения конкретного военнослужащего. **Стиль общения** – это индивидуальная, устойчивая форма коммуникативного поведения человека, проявляющаяся в любых условиях его взаимодействия с окружающими. Он является важным диагностическим критерием для определения психологических особенностей военнослужащего, в том числе источников его затруднений в межличностной сфере или управленческом взаимодействии с подчиненными (если речь идет о командире или начальнике). По стилю общения можно судить об общей культуре военнослужащего, коммуникативной компетентности, его положении (статусе) в системе межличностных отношений.

Социально-психологические явления в воинском коллективе многомерные и многоуровневые. Это означает, что изучению подлежат как минимум две его сферы – деятельностно-деловая и эмоционально-межличностная. Психологами установлено наличие взаимного влияния процессов и явлений, возникающих в данных сферах. Кроме того, воинский коллектив, существуя в контексте

социальных отношений, сам представляет системное образование, все внутригрупповые социально-психологические феномены которого взаимозависимы между собой. Поэтому индивидуальные социально-психологические характеристики членов воинского коллектива не должны рассматриваться изолированно, они должны быть соотнесены с групповым деятельностным и эмоционально-межличностным контекстом.

Учитывая имеющиеся результаты психологических исследований в отечественной и зарубежной науке (Д. Креч, Р. Кратчифлд, Э. Беллчи, Н. Н. Обозов, Р. С. Немов, А. В. Петровский, А. И. Донцов и др.), можно выделить несколько *групп факторов эффективности совместной деятельности*, многие из которых являются основными компонентами структуры психологии коллектива. Данные факторы представлены на рис. 4.3.

Некоторые из приведенных на схеме переменных могут быть изменены прямым управленческим воздействием офицера (военного руководителя). Это в первую очередь относится к факторам первого уровня. Он может, например, варьировать нагрузку на подчиненных, перераспределять задания между ними, изменять структуру коммуникаций, режим их деятельности и, тем самым, воздействовать на мотивацию и удовлетворенность военнослужащих, повышая или понижая эффективность их деятельности.

Динамика групповых явлений очень сложна, она зависит от действия множества факторов, сочетания различных обстоятельств. Тем не менее военному руководителю крайне необходимо прогнозировать последствия своих управленческих решений и действий, опираясь на уже известные науке данные относительно функционирования групп и внутригруппового поведения людей.

Психологами в результате многочисленных исследований получены данные, отражающие определенные закономерности и взаимосвязи в функционировании социально-психологических процессов и явлений в малой группе, а также влияние различных факторов на их содержание. Так, например, показано, что эффективность группы возрастает с ростом ее *численности* до определенного уровня, а затем снижается.

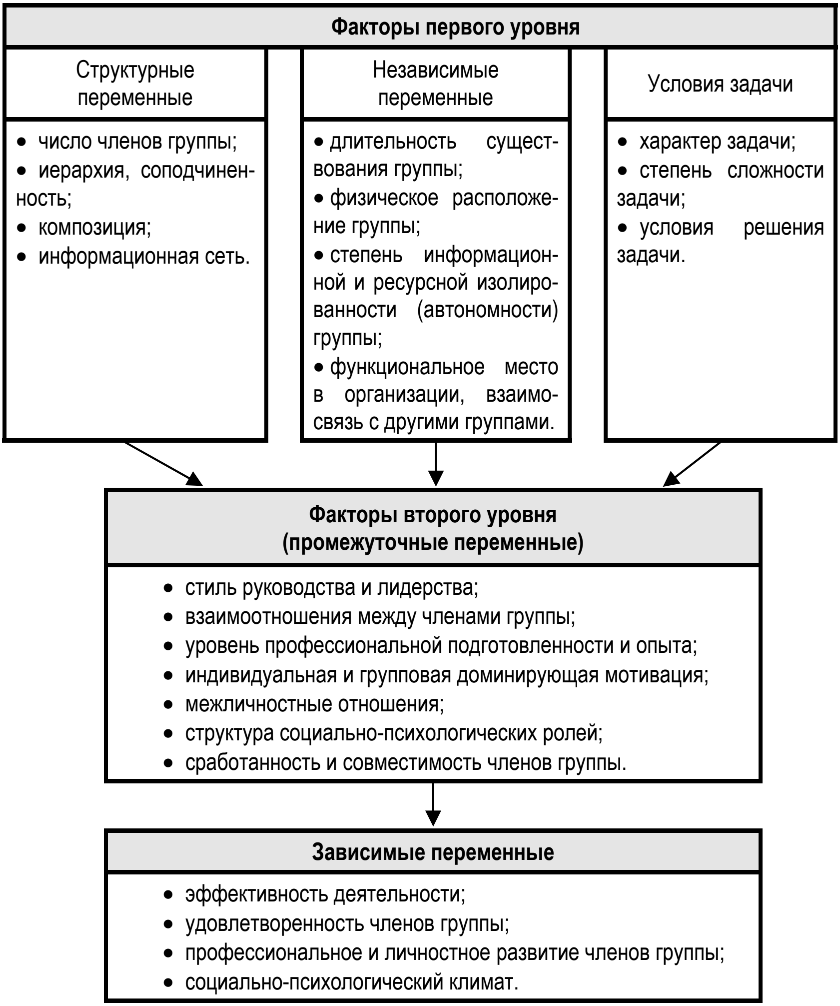

Рис. 4.3. Факторы, влияющие на эффективность групповой деятельности

Численность подчиненных, находящихся в непосредственном управлении у командира, существенно влияет на диапазон управления, т. е. его способность качественно реализовывать управленческие функции при определенном числе подчиненных. В этом

плане увеличение численности группы представляет серьезные ограничения для возможности руководителя полностью контролировать все типы связей между подчиненными.

Существует также зависимость между численностью персонала и *количеством иерархических уровней* в организации. Так отмечено, что при большом количестве этих уровней затрудняется прохождение информации по вертикали, наблюдается установка «нижестоящих» управленцев переложить ответственность на более высокий уровень управления.

Интересные данные, полученные в конце прошлого века лабораторией по исследованию поведения и систем (США) в результате наблюдения за 735 офицерами, дополняют эту картину. Так, было установлено, что командиры батальонов в боевой обстановке стремятся максимально централизовать выполнение боевой задачи и требуют от командиров рот беспрекословного выполнения своих распоряжений. В свою очередь командиры рот, выражая недовольство подобной жесткой централизацией, на своем уровне в еще большей степени централизуют руководство. При этом обе категории командиров считают, что как руководителей их нужно оценивать по намерениям, а не по результатам, на которые могли повлиять объективные обстоятельства.

Считается, что в современных условиях наилучшее функционирование организации тесно связано с такой ее организационной структурой, которая отличается достаточной динамичностью, способностью к самоизменению применительно к новым условиям, высокой самостоятельностью подразделений и их руководителей, четким определением функциональных обязанностей персонала, предупреждением их дублирования.

В гражданских условиях реализация этой тенденции находит выражение в распространении практики внедрения саморегулирующихся рабочих групп, предусматривающей объединение вспомогательных функций, относительную автономность функционирования и нацеленность их на конечный результат. В условиях вооруженных сил вследствие изменившегося характера современных боевых действий наблюдается тенденция более автономного функционирования отдельных, немногочисленных

по составу боевых групп, что повышает требования к самостоятельному руководству ими со стороны младших командиров. Так, в США, в ряде армейских учебных центров проводятся эксперименты по децентрализации руководства и предоставлению сержантам максимальной самостоятельности в осуществлении своих функциональных обязанностей. Работа по повышению роли сержантского состава, выделению института сержантства в социальном и правовом отношении значительно активизирована в последнее время и в наших вооруженных силах.

Организационные факторы не единственные в числе тех, которые влияют на общую эффективность деятельности и удовлетворенность членов коллектива. Значительная роль в этом плане отводится характеру взаимодействия двух структур воинского коллектива – официальной и неофициальной (или неформальной).

«Официальная» структура задается социальными отношениями и реализуемой в группе деятельностью. Она отражает соподчиненность позиций людей в системе официальных отношений и фактически полностью зафиксирована в организационно-штатном расписании организации (например, рядовой – командир отделения – командир взвода – командир роты). Эта структура направлена на поддержание отношения «власти» в интересах достижения функциональных целей организации.

Другая структура – неформальная – выражает и закрепляет неформальные отношения между военнослужащими. Отношения в ней устанавливаются и поддерживаются на основе общности личных интересов, предпочтений, симпатий (антипатий). Как правило, выделяют три основных измерения неформальной структуры подразделения, закрепляющих в жизни группы наиболее устойчивые черты реализации трех сторон межличностного общения: *интерактивная* сторона общения находит свое закрепление в *деятельностном* измерении; *перцептивная* сторона – в с*оциометрическом* измерении; *коммуникативная* сторона – в информационном измерении.

Деятельностное измерение призвано зафиксировать характер реально существующего взаимодействия военнослужащих в процессе выполнения задач воинской деятельности. Деятельностная сторона неформальной структуры выражается в устойчи-

вых механизмах принятия группового решения, наработанных связях исполнительных действий, привычных приемах и способах реализации управленческих функций. Еще одним элементом деятельностного измерения структуры малой группы является лидерство. Оно определяется иерархией позиций индивидов в зависимости от их ценностных потенциалов и вкладов в жизнедеятельность группы.

Социометрическое измерение характеризует субординацию позиций военнослужащих в системе внутригрупповых межличностных предпочтений. Основными показателями места индивида в системе групповой жизни с позиции социометрического измерения являются «статус» и «роль». **Статус** – некоторое единство объективно присущих человеку характеристик, определяющих его место в группе, и субъективного восприятия его другими членами группы. Важными характеристиками статуса являются престиж и авторитет, как: а) своеобразная мера признания окружающими заслуг индивида; б) психологический ресурс, используемый для влияния на сослуживцев со стороны самого индивида. Роль обычно определяется как динамический аспект статуса, раскрывающий степень соответствия, меру и стилевые особенности выполнения тех функций, которые заданы со стороны группы для той или иной позиции (статуса).

Важным компонентом характеристики положения индивида в группе является система «групповых ожиданий». Эта система ожиданий формируется в тесной связи с процессом складывания групповых норм и групповых санкций. Соотнося ожидаемые образцы поведения с реальным исполнением роли, группа определенным образом контролирует деятельность своих членов. В ряде случаев может возникать рассогласование между ожиданиями и реальным способом выполнения членом группы своей роли, которое соответствующим образом оценивается и корректируется со стороны группы.

Коммуникативное измерение реализуется в рамках обмена информацией, так или иначе связанной с жизнью группы. Устойчивая система межличностного обмена информацией между членами воинского коллектива образует каналы коммуникации. Как

правило, выделяют два основных типа каналов коммуникации в подразделении: централизованные и децентрализованные. *Централизованные каналы* характеризуются тем, что в них один из членов группы всегда находится на пересечении всех направлений коммуникации. При *децентрализованной структуре каналов* коммуникации все участники общения обладают практически равными возможностями по приему, обработке и передаче значимой для группы информации.

Все три измерения неформальной структуры находятся в тесном взаимодействии. Так, известно, что обладание информацией положительно связано с величиной статуса человека в группе: высокостатусным членам группы адресуют больше сообщений и эти сообщения носят более дружеский характер, чем те, которые посылаются низкостатусным субъектам. В своей работе с личным составом командир должен стремиться выявлять и регулировать характер неформальных отношений в подразделении по всем трем измерениям.

Однако практика показывает, что не все структурные элементы малой группы одинаково воспринимаются и используются командирами и начальниками. Как правило, основной упор офицеры делают на изучение и использование *деятельностной структуры*, которая весьма близка по своим характеристикам к «официальной» структуре подразделения. Для этого командир выявляет воинов, наиболее успешно освоивших свои функциональные обязанности, и стремится к тому, чтобы они всемерно помогали отстающим воинам в службе и боевой учебе.

Менее известны офицерам *коммуникативные каналы* неформального общения военнослужащих. Командиры в своей работе в большей степени склонны использовать официальные информационные потоки: совещания, построения, индивидуальные беседы и др. В итоге они снижают эффективность своего влияния на происходящие в подразделении процессы, что негативно отражается на их статусе в групповых отношениях.

Наиболее скрыта от внешнего наблюдения социометрическая структура подразделения, основанная на симпатиях и антипатиях воинов. Это обусловлено, во-первых, тем, что эмоциональные

оценки и отношения не всегда осознаются самими их носителями. Во-вторых, они весьма подвижны и легко поддаются изменениям. В-третьих, их изучение предполагает владение специальными процедурами социально-психологического исследования. Поэтому офицеры далеко не всегда знают истинное положение дел в этой сфере.

Обе структуры (официальная и неофициальная) взаимосвязаны и влияют друг на друга. Деловые, профессиональные отношения всегда преломляются сквозь призму личностного восприятия. Доказано, что слишком близкие эмоциональные отношения могут ухудшить результаты совместной деятельности (Р. Хелмрайх, Р. Бейкмен, 1972; Е. С. Кузьмин, 1977; Н. Н. Обозов, 1979). В ряде исследований показано, что существует оптимум межличностной контактности в отношении эффективности деятельности: то есть ее рост возможен до определенного уровня умеренно-положительной эмоциональной близости сотрудников (Г. Келли, Д. Тибо, 1969).

Взаимовосприятие членами группы своих сослуживцев основано также на существовании определенного «ценностно-нормативного» эталона межличностного оценивания. В соответствии с этим эталоном оценивается наличие или отсутствие у конкретного военнослужащего качеств, обеспечивающих его вклад в эффективность совместной деятельности. Причем у рядовых военнослужащих и военных руководителей оценка важности различных качеств, необходимых в той или иной профессионально обусловленной ситуации, зачастую не совпадает. Подобная рассогласованность в оценивании конкретного военнослужащего может стать причиной психологической напряженности в воинском коллективе, неудовлетворенности конкретного военнослужащего своим положением в коллективе и оценкой его труда со стороны офицера или сержанта. В этой связи офицеры подразделений должны стремиться к тому, чтобы критерии оценки, используемые при подведении итогов, были известны всем военнослужащим подразделения. Они должны быть постоянными и ориентированными на наиболее существенные аспекты поведения и деятельности подчиненных.

Процессы внутригруппового восприятия и оценки влияют на формирование у конкретного военнослужащего собственного мне-

ния о своих военно-профессиональных, коммуникативных и нравственных качествах. Наиболее значимыми для него в этом плане оказываются мнения членов *референтной группы*.

Под **референтной группой** понимается группа людей, в чем-то значимых для военнослужащего, к которой он себя добровольно причисляет или членом которой хотел бы стать, выступающая для него как групповой эталон индивидуальных ценностей, суждений, поступков, норм и правил поведения. Референтная группа может быть реальной или воображаемой, позитивной или негативной, может совпадать или не совпадать с группой членства.

Изучение состава референтных групп (в которые могут входить не только члены данного воинского коллектива) помогает не только глубже понять военнослужащего, но и учитывать, использовать референтность тех или иных людей в интересах целенаправленного воспитательного воздействия на него.

Особо важным в плане поддержания здорового морально-психологического климата, удовлетворенности военнослужащих пребыванием в коллективе является то, насколько референтным для них является коллектив подразделения, в котором они служат, какие качества воинского коллектива являются наиболее референтными (значимыми). От этого зависит общий *социометрический статус коллектива* для конкретного военнослужащего. Социометрический статус коллектива может быть определен психологом воинской части (батальона) посредством специальных социометрических карт, в которых фиксируются, а затем группируются выборы военнослужащих по определенным критериям. По количеству выборов можно судить о привлекательности для них каждого из критериев и привлекательности (социометрическом статусе) воинского коллектива в целом.

В результате функционирования межличностных отношений в коллективе формируются *микрогруппы*, отличающиеся наибольшим эмоционально-коммуникативным предпочтением их членов по отношению к другим сослуживцам. Опытный руководитель не ограничивается управлением только формальными структурными подразделениями. Он всегда принимает во внимание наличие микрогрупп, образующихся на эмоционально-межличностной

основе, их роль в жизнедеятельности воинского коллектива и учитывает это при принятии управленческих решений. Знание и учет направленности и характера данных групп способствует формированию в коллективе необходимого *общественного мнения*, настроения, выработке позитивных групповых норм и эталонов.

Интегральным показателем психического настроя коллектива, отражающего эмоциональные отношения удовлетворенности сотрудников различными условиями и сторонами воинской деятельности, является его **социально-психологический климат** (СПК) и морально-психологическое состояние личного состава (МПС) подразделения.

Социально психологический климат может быть благоприятным и неблагоприятным. Важнейшие признаки *благоприятного климата* – доверие и высокая требовательность членов группы друг к другу, доброжелательная и деловая критика, свободное выражение собственного мнения при обсуждении вопросов, касающихся всего коллектива, удовлетворенность принадлежностью к коллективу и др.

Основными структурными компонентами СПК являются:

- *межличностные отношения* – субъективные связи между членами воинского коллектива, проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых друг на друга в процессе совместной деятельности и общения;
- *групповое мнение* – совокупность оценочных суждений коллектива к различным событиям в жизни общества, воинской части и своего подразделения;
- *групповое настроение* – совместные переживания и эмоциональные реакции различной силы и направленности, отражающие степень готовности коллектива к тем или иным действиям, уровень его энтузиазма и энергии.

Морально-психологическое состояние выступает показателем степени усвоения и принятия военнослужащими военно-профессиональных, политических и нравственных ценностей общества и государства, ценностей и норм конкретного воинского коллектива. Оно представляет собой совокупность психологических возможностей, степень мобилизованности и настроенности психики каждого военнослужащего на активные и самоотверженные дей-

ствия в сложной, в первую очередь боевой обстановке, и отражает психологическую готовность и военно-профессиональную подготовленность военнослужащих решать задачи учебно-боевой и служебной деятельности.

Знание перечисленных выше социально-психологических явлений и закономерностей функционирования воинских коллективов позволяет должностным лицам вырабатывать и принимать адекватные управленческие решения.

4.3.1. Порядок и методы социально-психологического изучения военнослужащих и воинских коллективов

Изучение социально-психологических процессов и явлений в воинских коллективах проводится офицерами подразделений в непосредственном взаимодействии с психологом воинской части.

При этом решаются следующие задачи:

- изучение, анализ и прогнозирование социально-психологических процессов и явлений и выработка предложений по управлению ими,
- выработка предложений по формированию и поддержанию здорового морально-психологического климата в воинских коллективах,
- оценка эффективности управленческой деятельности органов военного управления (командиров) и выработка рекомендаций по ее совершенствованию,
- оценка уровня психологической готовности подразделений к выполнению учебно-боевых и служебных задач.

Социально-психологическое изучение военнослужащих и воинских коллективов включает в себя оценку:

а) уровня развития воинского коллектива (учитывается опосредованность межличностных отношений задачами и содержанием воинской деятельности; уровень сплоченности военнослужащих; доминирующие в коллективе ценности; возможность личностного и профессионального развития каждого из членов коллектива; качество выполняемых коллективом задач);

б) психологической совместимости военнослужащих;

в) морально-психологического климата (межличностных отношений, группового мнения и настроения, удовлетворенности военнослужащих от пребывания в данном коллективе);

г) стиля управленческой деятельности командиров и должностных лиц.

Изучение социально-психологических процессов и явлений в воинских коллективах проводится в плановом порядке, по указанию командира воинской части или его заместителя по работе с личным составом, а также по мере необходимости, особенно в случаях и подразделениях, где имеют место внутригрупповая напряженность, частые межличностные конфликты и т. п.

Оно включает представленные на схеме первичное и последующее изучение (см. табл. 4.5). Для придания процессу изучения воинских коллективов целенаправленного характера, повышения его качества психолог воинской части один раз в период обучения проводит инструктивно-методическое занятие с должностными лицами по формам и методам социально-психологического изучения воинских коллективов.

Изучение социально-психологических процессов во вновь сформированных подразделениях проводится не ранее чем через 4–6 недель после их комплектования. Динамика социально-психологических процессов в конкретном подразделении оценивается по результатам двух-, трехкратного обследования в период обучения (с участием психолога), а также на основе постоянного изучения, осуществляемого офицерами подразделений.

Полученные в ходе изучения данные представляются командиру воинской части и его заместителю по работе с личным составом в виде справки-доклада, где указываются: наименование подразделения, основные вопросы изучения, описание выявленных проблем, выводы и предложения. Командирам подразделений, в которых проводилось социально-психологическое обследование, результаты доводятся в устной форме. Вариант формализованного социально-психологического портрета подразделения (воинской части) представлен в приложении 8.

Таблица 4.5

Этапы социально-психологического изучения воинских коллективов и их содержание

ГРУППОВАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА				
Этапы изучения	Решаемые задачи	Субъекты	Место	Периодичность и время
1. Первичное	Оценка психологической совместимости и удовлетворенности военнослужащих	Психолог	Подразделение	Через 4–6 недель после комплектования
2. Последующее	Оценка психологической совместимости и сплоченности военнослужащих, характера межличностных отношений. Оценка уровня психологической готовности подразделения к выполнению учебно-боевых и служебных задач. Прогнозирование социально-психологических процессов и выработка предложений по управлению ими	Психолог совместно с командирами и их заместителями по работе с личным составом	Подразделение	2–3 раза в период обучения, а также по указанию командира в/ч и по запросу командиров подразделений и их заместителей

Методы социально-психологического изучения воинского коллектива

Для выполнения задачи психологического изучения воинского коллектива применяются разнообразные методы, разумное сочетание и применение которых обеспечивает получение объективной информации о военнослужащих (см. табл. 4.6). Наиболее доступными для командира подразделения методами являются беседа и наблюдение. Они позволяют с высокой эффективностью оперативно выявлять и оценивать разнообразные групповые явления и процессы.

Так, для выявления картины группирования военнослужащих подразделения на основе землячества, национальности или по какому-либо другому признаку активно используется ***метод групповой беседы***. Темы для обсуждения могут быть различными: обсуждение морально-психологической атмосферы в коллективе, предстоящих задач и готовности подразделения к их решению, в том числе подготовка к праздникам, соревнованиям, обсуждение событий, затрагивающих жизнь подразделения, воинской части. В ходе разговора офицер, проводящий беседу, стремится расположить к себе подчиненных, создать доверительную обстановку. Непринужденность поведения офицера, четкость его позиции, озабоченность нуждами личного состава способствуют установлению взаимопонимания. Офицер терпеливо и внимательно выслушивает мнения солдат и сержантов, не навязывая им своих суждений. В ходе беседы нежелательно делать какие-либо записи. Фиксируются не только содержательные аспекты высказываний, но и их обращенность к членам коллектива, эмоциональный тон, частота высказываний. После собеседования офицер осмысливает его результаты, обобщает их для себя письменно, фиксируя структуру взаимных зависимостей воинов, существующие в коллективе микрогруппы и их характеристики, лидеров.

Предметом ***группового наблюдения*** могут выступать межличностные контакты членов воинского коллектива, подразделения, боевого расчета: их количество, длительность, характер, активность, приспособление, инициатива, доминирование и другие по-

казатели внутригруппового взаимодействия. Кроме этого, наблюдение помогает решить и ряд вопросов изучения индивидуальных особенностей военнослужащих: направленности личности, организаторских, педагогических, коммуникативных, эмоциональных, волевых и других качеств.

Объективное *наблюдение направлено не на внешние действия сами по себе, а на их психологическое содержание*. Здесь внешняя сторона деятельности и поведения – лишь исходный материал наблюдения, который должен получить свою психологическую интерпретацию и быть осмыслен в рамках определенной теории.

Для регистрации единиц наблюдения используются соответствующие методические документы: карточки, протоколы, дневники наблюдения. Все данные наблюдения должны записываться, систематизироваться, обрабатываться с учетом информации, полученной с помощью других методов.

Таблица 4.6

Систематизация данных наблюдения

Ситуации наблюдения	Выявляемые признаки
1. Учебные занятия	Уровень общей подготовки, знаний, умений, навыков, степень старания и усердия воинов, сплоченность коллектива, его направленность на овладение воинским мастерством
2. Перерывы между занятиями, часы отдыха	Тематика разговоров, лидеры и их мнения, их влияние на окружающих, точки зрения военнослужащих
3. Выполнение хозяйственных работ	Отношение к труду, фактические лидеры, взаимоотношения между военнослужащими в процессе деятельности, дисциплинированность, товарищеская взаимовыручка, сплоченность коллектива
4. Развод и смена караула, несение службы во внутреннем наряде	Степень подготовленности воинов, уровень их знаний, умений, настрой на выполнение служебных обязанностей

Ситуации наблюдения	Выявляемые признаки
5. Вечерняя поверка	Дисциплина строя, реакция военнослужащих на служебные нагрузки и их распределение с последующей проверкой их справедливости
6. Конфликтные ситуации	Зачинщики и причины конфликта, его динамика и развязка, роли и манера поведения его участников
7. Медицинское обследование	Особенности строения тела, внешнего вида, наличие ушибов, ссадин, следов от инъекций, татуировок

В повседневной деятельности не всегда есть возможность для тщательного сопоставления данных, полученных в ходе проведения многочисленных наблюдений и отдельных бесед. Поэтому войсковыми психологами для получения интересующей информации о взаимоотношениях в воинских коллективах довольно часто применяется ***метод социометрии***. Как метод психологического изучения социометрия представляет собой совокупность методических приемов для количественной оценки и графического представления межличностных отношений типа «симпатии – антипатии» в группах и коллективах. Достоинством этого метода является возможность за относительно короткое время охватить изучением всех членов группы и получить объемную и разностороннюю информацию.

Метод социометрии позволяет:

- выявить структуру межличностных отношений путем определения взаимных чувств, симпатий, неприязни, безразличия среди военнослужащих – членов данной группы;
- определить уровень авторитетности лидера, а также место (статус) каждого члена группы в структуре межличностных отношений;
- определить наличие и состав микрогрупп, взаимоотношения между ними;
- дать оценку групповой сплоченности.

Суть метода социометрии состоит в выборе каждым членом группы из ее состава партнера для совместных действий и общения в различных предполагаемых ситуациях. С этой целью с помощью *социометрической карточки*, в которой по алфавиту перечислены все члены группы, проводится опрос военнослужащих. Для оценки предлагается конкретная ситуация, позволяющая выявить индивидуальное отношение военнослужащего к другим членам коллектива по определенному критерию (деловому, нравственному, коммуникативному, эмоциональному, ролевому). Вопросы позитивной и негативной направленности могут звучать примерно так:

– С кем из членов группы Вы хотели бы выполнять ответственные боевые задачи? Кто бы мог возглавить группу для выполнения ответственной задачи, поставленной командиром? (*деловой критерий*).

– С кем бы Вы хотели вместе отдыхать (пойти в увольнение, на вечеринку и т. п.)? (*эмоциональный критерий*).

– У кого попросили бы совет? С поведением и взглядами каких военнослужащих Вы не согласились бы? (*нравственный критерий*).

– С кем Вам хотелось бы поговорить, пообщаться в свободное от службы время? (*коммуникативный критерий*).

Основным условием эффективности применения социометрического теста выступает наличие достаточного опыта взаимного общения между членами изучаемой группы, что позволяет зафиксировать установку члена группы на взаимодействие с другими в той ситуации, в которую его ставит исследователь. Эта установка фиксируется в виде положительного или отрицательного выбора на специальном бланке (см. рис. 4.4). Ход выполнения задания следующий. Испытуемый регистрирует на листе выборы, руководствуясь следующей инструкцией: «Подумайте, кого Вы из своего коллектива выбрали бы для совместного проведения досуга. Кого не выбрали бы ни при каких обстоятельствах? Выбор тех лиц, которые Вам симпатичны, обозначайте знаком (+), а отношение к лицам, к которым Вы испытываете антипатию, регистрируйте знаком (-)».

Фамилии всех членов группы	знак выбора (+), (-)
1. …	
2. …	
…	
8. …	

Рис. 4.4. Образец бланка для индивидуального выбора

Все результаты индивидуальных выборов заносятся в *социоматрицу* – обобщающую сводную таблицу, в которой напротив фамилии каждого военнослужащего проставляется положительный и отрицательный выбор других членов коллектива. Социоматрица напоминает турнирные таблицы спортивных соревнований (см. рис. 4.5). По вертикали под соответствующими номерами записываются фамилии всех членов изучаемой группы (по алфавиту), по горизонтали – только их номера. На соответствующих пересечениях знаками «+» или «-» обозначают выборы каждого испытуемого в отношении членов группы. Взаимные выборы (совпадающие по знаку) обводятся кружком или выделяются шрифтом.

№ п/п	Кого выбирают / Кто выбирает	Номер выбираемого по списку								Итого выборов	
		1	2	3	4	5	6	7	8	симпатий (+)	антипатий (-)
1.	Афанасьев				-				-	0	2
2.	Богданов	+			+			-		2	1
3.	Воронков					+		+		2	0
4.	Гордин						+	-	+	2	1
5.	Дежнев			+				+		2	0
6.	Егоров				+				+	2	0
7.	Сидоров		-		-	+				1	2
8.	Юдин	-			+		+			2	1
	Итого: симпатий	1	0	1	3	2	2	2	2	**13**	
	антипатий	1	1	0	2	0	0	2	1		**7**

Рис. 4.5. Вариант социоматрицы

На основе анализа односторонних и взаимных выборов определяются главные социометрические показатели: *социометрический статус, взаимные предпочтения, микрогруппы и их состав, эмоциональная экспансивность, коэффициент сплоченности коллектива, степень совместимости членов коллектива, уровень конфликтности, в том числе лица, находящиеся в психологически напряженном (конфликтном) состоянии*.

Социометрический статус военнослужащего характеризуется суммой выборов, полученных данным членом группы от других военнослужащих. С учетом положительных и отрицательных выборов и их общей суммы различаются соответственно положительный, отрицательный и общий (популярность) социометрический статус военнослужащего.

$$S(\text{общий соц. статус}) = \frac{\text{кол. симпатий} + \text{кол. антипатий}}{(\text{численнось группы}) - 1}$$

Индекс *сплоченности* коллектива определяется по специальной формуле с учетом суммы взаимных положительных выборов в группе. Аналогично, с учетом суммы отрицательных выборов определяется индекс конфликтности группы. Наглядное представление данной информации отображается с помощью *социограммы* (см. рис. 4.6).

Представленный вариант социограммы отражает взаимные выборы военнослужащих отделения. Как видно из рисунка, наибольший социометрический статус имеет военнослужащий 4 (общая сумма выборов его другими военнослужащими равняется 5, из них 3 – положительные выборы, 2 – отрицательные). Кроме того, в подразделении просматриваются устойчивые микрогруппы, характеризуемые положительными взаимными выборами (первая группа: военнослужащие 4, 6, 8; вторая группа: военнослужащие 3, 5, 7). Взаимные антипатии испытывают по отношению друг к другу военнослужащие 2 и 7, 1 и 8, 4 и 7. Причем, можно увидеть, что военнослужащие 4 и 7, проявляющие негативный выбор по отношению друг к другу, являются лидерами двух микрогрупп и обладают самым высоким статусом в коллективе. В этой связи следует ожидать известной напряженности ме-

жду этими двумя микрогруппами. В то же время «соединяющим звеном» в этой структуре межличностных отношений может стать военнослужащий 3, который пользуется уважением лидера «оппонирующей» микрогруппы (военнослужащий 4).

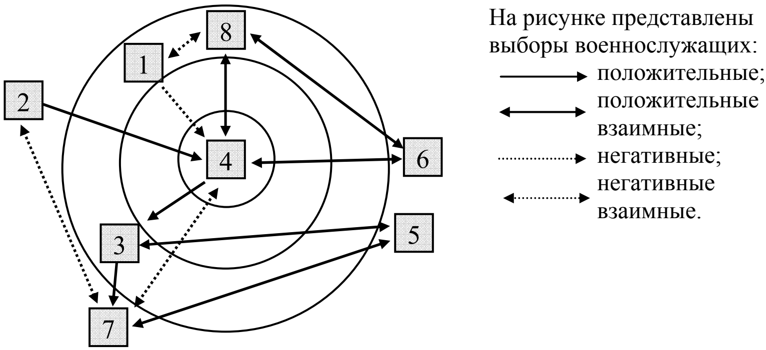

Рис. 4.6. Вариант социограммы

Располагая достоверной картиной неофициальной структуры воинского коллектива, офицер получает возможность рассмотреть действительные причины каждого отдельного случая нарушения воинской дисциплины, увидеть истоки его зарождения в тех или иных взаимоотношениях воинов в коллективе, принять меры в целях ликвидации его негативных последствий, возможности повторения или усугубления.

В настоящее время разработан ряд модификаций «классической» социометрической процедуры. Приведем два таких примера.

Модульный социотест Анцупова (МСА)

Данный социотест имеет модульную структуру, включающую базовые и несколько дополнительных измерительных шкал (модулей). Базовые модули позволяют оценивать отношение к сослуживцам каждого из членов коллектива. Основные достоинства модульного социотеста связаны с рядом его особенностей. А именно, с его помощью:

- учитываются все взаимоотношения в группе, что повышает объективность оценки;

- достаточно «тонкая» 10-балльная шкала повышает точность оценок;

- определение степени анонимности ответов осуществляется самим опрашиваемым, что повышает их достоверность;

- все взаимоотношения оцениваются количественно, что позволяет стандартизовать получаемые данные.

В первом модуле «Мое отношение» (МО) опрашиваемым предлагается оценить их собственное отношение к каждому члену своего коллектива. Иначе, им предлагается воссоздать образ конкретного человека (его характер, особенности поведения и пр.), ситуации взаимодействия с ним, и на этой основе дать оценку по шкале от +5 до –5 своего субъективного отношения к данному человеку. Данный подход позволяет зафиксировать в числовых показателях мнения, отражающие чувства респондента, которые тот испытывает к своему сослуживцу. При ответе на второй модуль «Отношение ко мне» (ОМ) актуализируются социально-перцептивные способности данного члена коллектива, его способность адекватно воспринимать и оценивать различные оттенки отношений к себе со стороны сослуживцев.

Данная социометрическая методика позволяет выявить такие показатели: общий уровень взаимоотношений в группе; уровень и адекватность субъективного восприятия испытуемыми отношения к ним со стороны сослуживцев и группы в целом; наличие микрогрупп; индивидуальный статус в группе и др.

Цветовой тест отношений (ЦТО)

Методика основана на использовании 8-цветового теста Люшера и варианта социометрической методики. ЦТО базируется на предположении о том, что существенные характеристики отношений и порожденных ими состояний коррелируют с цветовой гаммой, а цветоассоциации позволяют выявить скрытые линии взаимоотношений коллектива, минуя искажающие, защитные механизмы сознания [12].

В ЦТО использован набор цветовых стимулов из восьмицветного теста М. Люшера. Этот набор отличается компактностью,

простотой и удобством применения. При относительно небольшом количестве стимулов в нем представлены основные цвета спектра. Применяются цветовые карточки размером 3×3 см, предъявляемые при естественном освещении на белом фоне. ЦТО не может дать объективного результата при выраженных нарушениях цветового восприятия (дальтонизм и т. п.).

Экспериментальная процедура заключается в том, что все члены обследуемой группы оценивают с помощью теста Люшера себя, остальных членов группы, а также свое представление об «идеальном сослуживце» и т. д. Анализ матрицы раскладок и сопоставление различных ее параметров позволяют произвести количественную оценку межличностных отношений, содержательная интерпретация отдельных раскладок – качественную оценку. Методика позволяет получить разностороннюю информацию, характеризующую межличностные отношения в группе.

Работа с ЦТО строится следующим образом. Проводящий исследование раскладывает перед испытуемым в случайном порядке цветовые стимулы. Затем дается инструкция: «Просим Вас подобрать к каждому члену коллектива подходящие цвета, т. е. кого бы вы каким цветом обозначили?» При возникновении вопросов следует разъяснить, что цвета должны подбираться в соответствии с ассоциативными представлениями о личностных и профессиональных качествах сослуживцев, а не ориентацией на цвет глаз или волос. После завершения этой процедуры испытуемому предлагается произвести ранжирование цветовых карточек по мере личного предпочтения каждого цвета («Вам какой цвет нравится в первую очередь, во вторую очередь…» и т. д. в порядке предпочтения). Полученный результат заносится в таблицу изучения взаимоотношений.

Аналогичным образом проводится опрос всего коллектива и на основе полученных данных составляется сводная таблица. Анализ результатов следует проводить следующим образом. Лица, обозначенные цветами, занимающими первые два места в личном выборе предпочитаемых цветов, относятся преимущественно к сослуживцам, которых испытуемый воспринимает положительно и удовле-

творен их отношением к нему. Таким лицам в социометрическом выборе присваивается положительный выбор (+).

Лица, обозначенные цветами, занимающими последние два места в ранжировании цветных карточек, относятся в основном к сослуживцам, которых испытуемый воспринимает негативно, эмоционально их отвергает. Таким лицам в социометрическом выборе присваивается отрицательный выбор (–). Все остальные лица, обозначенные цветами, занимающими 3, 4, 5 и 6-е место, относятся к сослуживцам, которых испытуемый воспринимает в основном нейтральным образом (0).

При интерпретации полученных результатов следует учитывать заложенную в тесте зависимость цвета со следующими личностными характеристиками:

- синий (№ 1) – честный, справедливый, невозмутимый, добросовестный, спокойный;
- зеленый (№ 2) – черствый, самостоятельный;
- красный (№ 3) – отзывчивый, решительный, энергичный, напряженный, суетливый, уверенный, сильный, деятельный;
- желтый (№ 4) – разговорчивый, безответственный, открытый, энергичный;
- фиолетовый (№ 5) – несправедливый, неискренний, эгоистичный;
- коричневый (№ 6) – уступчивый, зависимый, спокойный, добросовестный, расслабленный;
- черный (№ 7) – непривлекательный, молчаливый, упрямый, замкнутый, враждебный, нелюдимый;
- серый (№ 0) – нерешительный, вялый, несамостоятельный, пассивный.

Итоговая таблица позволяет анализировать внутригрупповые отношения. Определение статуса и места членов коллектива во взаимоотношениях производится простым сложением по горизонтали положительных и отрицательных выборов цветовых стимулов в отношении него с последующим сравнением результатов с аналогичными данными других членов группы.

4.4. Психология девиантного поведения и его профилактика у военнослужащих

Сущность и виды девиантного поведения

Отклоняющееся (девиантное) поведение (от лат. deviatio – отклонение) представляет собой систему поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе социальным нормам[1] (правовым, нравственным) и ожиданиям или нормам психического здоровья[2].

«Нормальность» поведения человека очень часто оценивается с точки зрения его типичности для представителей данного общества, группы. Как правило, чем реже встречается та или иная форма поведения, тем больше вероятность, что ее будут воспринимать как аномальную. Поведение считается тем «ненормальнее», чем больше опасности оно представляет для самого человека или для окружающих.

В классификации видов и форм девиантного поведения (ДП) могут быть положены различные основания.

В зависимости от субъекта (т. е. кто нарушает норму) ДП может быть индивидуальным или групповым.

С точки зрения предмета (т. е. того, какая норма нарушена) девиантное поведение подразделяется на следующие критерии:

- *аномальное* поведение, отклоняющееся от норм психического здоровья и подразумевающее наличие явной или скрытой психопатологии;

- *асоциальное* или *антисоциальное* поведение, нарушающее какие-то социальные и культурные нормы, особенно правовые. Когда проступки сравнительно незначительны, их называют правонарушениями, а когда серьезны и наказываются в уголовном

---

[1] Социальная норма – предписание общепринятой формы, способа поведения людей в социально значимых ситуациях и для различных социальных ролей.

[2] Психическая норма – общепринятые в обществе требования к различным параметрам проявлений психической активности человека.

порядке – преступлениями. Соответственно говорят о *делинквентном* (противоправном) и *криминальном* (преступном) поведении.

Делинквент – субъект, чье отклоняющееся поведение в крайних своих проявлениях представляет собой уголовно наказуемые действия. Необходимо разграничивать собственно отклоняющееся поведение (связанное с нарушением социальных норм) и поведение аномальное, характеристика которого зачастую связана с мозговой патологией (см. рис. 4.7). Отклоняющееся поведение социально детерминировано. В его происхождении большую роль играют дефекты личностного развития, сочетающиеся с недостатками, ошибками воспитания и отрицательным влиянием неблагоприятной ситуации, складывающейся в ближайшем окружении человека – семье, референтной группе и т. д.

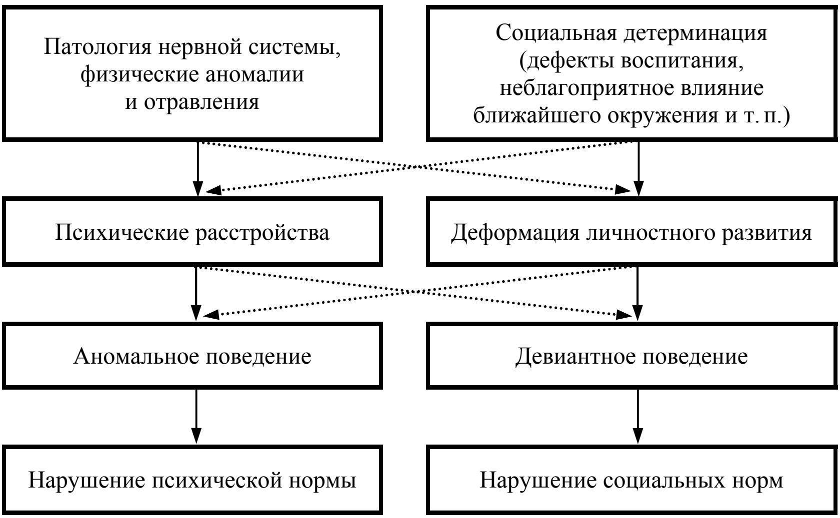

Рис. 4.7. Детерминация аномального и девиантного поведения

Девиантное поведение может быть направлено на себя (например, суицидальные действия, наркомания, токсикомания, алкоголизация, мазохизм и т. п.), на других людей (неуставные взаимоотношения, агрессивное поведение), на частную и государственную

собственность и т. п. Оно может быть более или менее осознанным, иметь различные (негативные или положительные) последствия, совершаться произвольно или импульсивно, спонтанно, иметь систематический или эпизодический, добровольный или принудительный характер.

Отклоняющееся поведение, вступающее в противоречие с установившимися в обществе образцами, стереотипами, не всегда связано с негативной (асоциальной) мотивацией субъекта или его правовой некомпетентностью. Иногда оно сочетается с относительно хорошим знанием социальных норм. Это может говорить о несформированности операциональной (исполнительной) стороны поведения человека, что свидетельствует о необходимости целенаправленного формирования нравственных привычек, привычек правомерного поведения. Данное положение особенно актуально для молодых людей, особенно подростков, отклоняющееся поведение которых нередко служит средством самоутверждения, выражением протеста против реальной или кажущейся несправедливости взрослых [222, с. 78].

Причины девиантного поведения

Известны многочисленные концепции, объясняющие причины и механизмы формирования отклоняющегося поведения – от биогенетических до культурно-исторических. Так, авторы ***биогенетических концепций*** (Ст. Холл, З. Фрейд, Ч. Ломброзо, В. Шелдон, Э. Торндайк, К. Бюлер, Э. Майер, А. Дженсен), отводя ведущую роль в личностном развитии человека его природно-биологическому началу, полагают, что все причины антиобщественного поведения, отклонений в поведении надо искать в биологии человека, в особых генетических структурах. Акцентируя в противовес «биологизаторам» другой фактор – социальный, авторы ***социологизаторских концепций*** (Дж. Уотсон и др.) полагают, что в поведении человека нет ничего врожденного, и каждое его действие, поступок – это лишь продукт внешней стимуляции. Отсюда, манипулируя внешними раздражителями, можно «изготовить» человека любого склада. Многочисленные вариации учета взаимодействия двух глобальных факторов (социального и

биологического) представлены в объяснительных моделях девиантного поведения (см. табл. 4.7).

Таблица 4.7

Научные теории и подходы к пониманию девиантного поведения

Название подхода (представители)	Объяснение девиантного поведения
Психодинамический подход (З. Фрейд)	Девиантное поведение, имея бессознательную природу, возникает в результате конфликта между сознанием и подсознательными сексуальными или агрессивными побуждениями. Фрустрации, которые под давлением «Сверх-Я» испытывает «Оно», побуждают «Я» снимать напряжение с помощью различных «выпускных клапанов», таких, например, как агрессивное поведение, обращение к алкоголю или психотропным веществам (включая не только курение табака или прием транквилизаторов), а также использование механизмов психологической защиты
Когнитивный подход (А. Эллис)	Подчеркивается роль когнитивных проблем, таких как нелогичные мыслительные процессы и ложные представления об окружающем мире. Чувства и действия человека перестают соответствовать ситуации, после того как он начинает расшифровывать эту ситуацию, пользуясь иррациональными и потому неадекватными соображениями
Бихевиористский подход (Дж. Уотсон)	Отклоняющееся поведение есть результат научения и поэтому причины его могут быть только внешними. Девиантность рассматривается как развитие схем поведения с недостаточной приспособляемостью, устанавливаемых в процессе классического формирования условных рефлексов, выработки инструментальных условных рефлексов и моделирования
Гуманистический подход (К. Роджерс, А. Маслоу)	Отклоняющееся поведение рассматривается как следствие искусственных препятствий, блокирующих потенциал роста и развития личности. Тревога и неадаптивные формы поведения возникают в результате несоответствия между «реальным Я», «страдающим» под бременем тех или иных жизненных обстоятельств, ограничений и глубинными чувствами человека, составляющими его «идеальное Я»
Теория аномии (Э. Дюркгейм, Р. К. Мертон)	Отклоняющееся поведение – результат аномии – особого нравственно-психологического состояния индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы моральных ценностей и вакуумом идеалов

Название подхода (представители)	Объяснение девиантного поведения
Теория «дифференцированной связи» (Э. Сатерленд)	Девиантное поведение – это результат рассогласования в оценивании ожидаемых и демонстрируемых образцов поведения конкретного человека, стремящегося соответствовать ожиданиям прежде всего референтной группы и реализующего вследствие этого стремления неподходящие (чрезмерные) средства достижения такого соответствия
Теория клеймения (Р. Лэйнг, У. Томас, С. Беккер)	Девиантное поведение возникает в результате клеймения людей, которые своим поведением, внешним видом, физическими особенностями заносятся в группу стигматизированных (клейменных), что способствует дальнейшему развитию их социального и психологического аутсайдерства
Теория девиантного поведения Г. Кэплана	Девиантное поведение – результат стремления преодолеть чувство самоуничижения, вызванное несоответствием своих личностно-ценных качеств предъявляемым требованиям. Повышение самоуважения часто осуществляется за счет поведения, направленного против общественных правил, участия в антисоциальных группах, членство в которых облегчает совершение девиантных действий, обеспечивает психологическую поддержку и поощрение за участие в таких действиях, толкая человека ко все большей ненормативности своего поведения
Теория деформации личностной идентичности (Э. Эриксон, Л. Б. Шнейдер)	Девиантное поведение рассматривается как следствие размытия/утраты идентичности, формирования негативной идентичности, в которой человек подчас ищет и находит убежище от трудностей и противоречий взросления, социализации
Отечественная психология и криминология (М. А. Алемаскин, Л. М. Зюбин, А. Е. Личко, Д. И. Фельдштейн, В. Н. Кудрявцев, Г. М. Миньковский, А. Р. Ратинов, А. М. Яковлев и др.)	Взаимодействие между собой таких факторов, как социальные условия и социальная норма (ее наличие, содержание), особенности социализации, индивидуально-психологические особенности человека и конкретной ситуации, активно воздействуют на возникновение мотивов, целей и готовности человека совершить асоциальный поступок и характер регуляции его осуществления

В условиях вооруженных сил выявление лиц, склонных к тем или иным формам девиантного поведения, проводится в общей системе профилактической работы, предполагающей участие различных должностных лиц и применение широкого круга различных методов. Так, в ходе медицинского осмотра, при помывке в

бане необходимо обращать внимание на внешние признаки, указывающие на вероятность девиантного поведения военнослужащего. К примеру, татуировки на теле могут отражать символику приобщения к криминальной среде, примитивное стремление к самоутверждению, к неподчинению. Следы порезов (чаще на левом предплечье) могут быть следами суицидальных попыток, следами «разрядок» внутреннего напряжения («чтобы успокоиться, увидев собственную кровь») или следами «обряда братания» в полукриминальной подростковой среде.

Следы инъекций на предплечьях, между пальцами, в подмышечных впадинах, бедрах, особенно по ходу вен, часто указывают на использование внутривенных вливаний наркотических веществ. Признаком злоупотребления наркотиками могут быть также бледность или желтушность кожных покровов, покраснение лица, характерные алые губы на бледном лице («маска клоуна»), широкие или узкие зрачки, дрожание кистей, потливость, слюнотечение, коричневый налет на языке, шаткость походки. Следы повреждений (кровоподтеки, ссадины) должны привлечь внимание к фактам нарушения правил уставных взаимоотношений между военнослужащими в подразделении.

При выявлении в подразделении военнослужащих с подозрением на употребление алкоголя или наркотиков такие лица направляются установленным порядком в медицинский пункт части для подтверждения факта наличия алкоголя и наркотических веществ в биологических жидкостях военнослужащего.

Наиболее резонансными по своему характеру с точки зрения формирования негативного общественного мнения о вооруженных силах и драматичности личностных переживаний и последствий являются такие виды девиаций, как суицидальное поведение и неуставные взаимоотношения.

Психология суицидального поведения военнослужащих

Предметом особого внимания должностных лиц являются военнослужащие, находящиеся *в депрессивном (подавленном) состоянии.* Опыт изучения происшествий, связанных с *суицидальным поведением* военнослужащих, показывает, что накануне самоубийства (суи-

цида) или попытки к этому большинство из них находились в психическом состоянии, которое может быть охарактеризовано как депрессивное [24]. *Причинами такого состояния могут стать* высокозначимые для человека психотравмирующие события, создающие конфликтную ситуацию, единственно возможным преодолением которой или выходом из нее представляются суицидальные действия.

Социологи рассматривают самоубийство как барометр социального напряжения. Психологи интерпретируют его как реакцию давления на личность. Однако и те и другие согласны, что самоубийство возникает, если человек ощущает отсутствие приемлемого пути к достойному существованию. Психологи считают, что желание умереть является достаточно частым среди детей, а суицидальные фантазии вполне естественны и для обычных взрослых людей. Такие желания могут быть выражены по-разному: «Если бы я сейчас умер, мои родители пожалели бы, что относились ко мне так плохо», «Лучше умереть, чем так дальше жить», «Я устал от жизни», «Вам без меня будет лучше», «Вам не придется слишком долго меня терпеть». Смерть близкого человека от суицида приводит к наибольшим трудностям и тех, кто остается в живых. Как говорил знаменитый суицидолог Эдвин Шнейдман: «Суицидальный человек помещает свой психологический скелет в шкафу у оставшихся в живых близких».

Необходимость профилактики суицидов вытекает прежде всего из абсолютной ценности человеческой жизни, трагической бессмысленности гибели людей. Серьезность проблемы, с одной стороны, и длительное ее замалчивание официальными кругами, с другой стороны, породили в обществе в отношении нее различные «мифы», предубеждения (см. табл. 4.8).

Так, до недавнего времени люди считали суицид частным делом. Даже многие врачи полагали, что людям следует позволить умереть, если они этого хотят. Для большинства наложение на себя рук было какой-то странной формой неконвенционального поведения, обычно свидетельствовавшей о безумии. Так, у неспециалистов существует упрощенное отношение к фактам самоубийств, стремление объяснить их исключительно влиянием

психических расстройств. Между тем, изучение обстоятельств суицидальных случаев показывает, что подавляющая часть людей из числа лишивших себя жизни – это практически здоровые лица, попавшие в острые психотравмирующие ситуации.

Таблица 4.8

Соотношение предубеждений, связанных с суицидальным поведением, и реального положения дел [244]

Мифы и предубеждения	Реальность
1. Самоубийство совершается в основном психически ненормальными людьми	Это самый распространенный миф. Однако исследования показывают, что 80–85% людей из числа лишивших себя жизни были практически здоровыми
2. Самоубийство невозможно предотвратить. Если человек решил покончить с собой, то никто и ничто не сможет его остановить	Кризисный период имеет определенную продолжительность, и «потребность в самоубийстве» у подавляющего числа людей является лишь временной. В этот период человек нуждается в душевной теплоте, помощи и поддержке
3. Существует некий тип людей, склонных к самоубийству	Самоубийство совершают люди различных психологических типов. Все зависит от силы психотравмирующей ситуации и ее личностной оценки как непереносимой
4. Не существует никаких признаков, которые указывали бы на то, что человек решился на самоубийство	Самоубийству, как правило, предшествует необычное для данного человека поведение. Об этом свидетельствуют определенные «знаки беды», которые необходимо знать людям из ближайшего социального окружения человека
5. Человек, который говорит о самоубийстве, никогда его не совершает	Большинство людей, совершивших самоубийство, накануне сообщало о своих намерениях товарищам, коллегам, родственникам, но их либо не понимали, либо не придавали значения соответствующим высказываниям

Мифы и предубеждения	Реальность
6. Решение о самоубийстве приходит внезапно, без предварительной подготовки	Анализ суицидальных действий показал, что они являются результатом достаточно длительной психотравматизации. Суицидальный кризис может длиться несколько недель и даже месяцев
7. Если человек совершил попытку самоубийства, он никогда этого не повторит снова	Если человек совершил неудачную попытку самоубийства, то возможность повторной попытки весьма вероятна, причем в первые 1–2 месяца
8. Влечение к самоубийству передается по наследству	Это утверждение никем не доказано. Если в семье были случаи самоубийства или их попыток, то вероятность их совершения другими членами семьи действительно возрастает, хотя фатальной зависимости здесь нет
9. Снижению уровня самоубийств способствует активная просветительская деятельность, пропаганда в СМИ, рассказы о том, почему и как люди совершают самоубийства	Исследования показывают, что существует непосредственная зависимость между сообщениями о самоубийствах и возрастанием суицидальной активности. В печати и других СМИ необходимо обсуждать не сам факт суицида, а какими способами можно разрешать сложные жизненные проблемы и конфликты
10. Прием алкоголя помогает снять суицидальные переживания	Употребление алкоголя с целью избавиться от тягостных переживаний зачастую вызывает противоположный эффект – обостряет тревогу, повышает значимость переживаемого конфликта и тем самым способствует самоубийству

Феномен суицида (самоубийство или попытка самоубийства) чаще всего связывается с представлением о **психологическом кризисе личности**, под которым понимается острое эмоциональное состояние, вызванное какими-то особыми, личностно значимыми психотравмирующими событиями. Причем, это – кризис такого масштаба, такой интенсивности, что весь предыдущий жизненный опыт человека, решившегося на суицид, не может

подсказать ему иного выхода из ситуации, которую он считает невыносимой [24].

Такой психологический кризис может возникнуть внезапно (под влиянием сильного аффекта). Но чаше внутренняя душевная напряженность накапливается постепенно, сочетая в себе разнородные негативные эмоции. Они накладываются одна на другую, озабоченность переходит в тревогу, тревога сменяется безнадежностью. Человек теряет веру в себя, в способность преодолеть неблагоприятные обстоятельства, возникает внутренний конфликт «неприятия самого себя», «самоотрицание», появляется ощущение потери смысла жизни.

В психологических экспериментах не раз было показано, что у некоторых людей любая неудача вызывает непроизвольные мысли о смерти. Влечение к смерти, фрейдовский «Танатос» – ни что иное, как попытка разрешить жизненные трудности путем ухода из самой жизни. Для юношеского возраста это особенно характерно. Из 200 авторов юношеских автобиографий и дневников, исследованных Норманом Килом (1964), свыше трети более или менее серьезно обсуждали возможность самоубийства, а некоторые пытались его осуществить. Среди них такие разные люди, как Гете и Ромен Роллан, Наполеон и Бенджамен Констан, Якоб Вассерман и Джон Стюарт Милль, Энтони Троллоп и Беатриса Уэбб, Томас Манн, И. С. Тургенев и М. Горький.

В основе суицидального поведения (независимо от его типологического своеобразия) лежит конфликт. В любом конфликте существуют [244]:

- объективные требования, предъявляемые к человеку ситуацией;
- субъективное осознание значимости, осмысление этих требований и степени их сложности для личности;
- оценка личностью своих возможностей для преодоления, снятия фрустрирующей ситуации;
- реальные действия личности в такой ситуации.

Конфликтная ситуация приобретает характер суицидоопасной, когда человек осознает ее как высокозначимую, предельно сложную, а свои возможности как недостаточные, переживая при

этом острую фрустрацию ведущих потребностей и выбирая суицидальные действия как единственно возможный для себя выход.

Виды суицидального поведения

Суицидальное поведение может быть истинным, аффективным, демонстративно-шантажным и скрытым.

Истинный суицид – осознанные действия, целью которых является совершение акта самоубийства, желание лишить себя жизни. Серьезность и устойчивость намерения подтверждаются выбором места, времени и способа суицидального действия, активной предварительной подготовкой, а в ряде случаев – наличием предсмертных записок. При истинных суицидальных действиях период, предшествующий самоубийству, отличается большей длительностью (от нескольких суток до месяца и более).

Аффективный суицид – суицидальные действия, обусловленные необычайно сильным аффектом, возникшим в результате внезапного острого психотравмирующего события или под влиянием аккумуляции хронических психотравм. В отличие от истинного суицида, при котором психотравма, осознанная и переработанная человеком, вызывает определенный тип целенаправленного, хотя и неадаптивного поведения, при аффективных суицидальных действиях психотравмирующая ситуация не успевает подвергнуться сознательной личностной переработке. Такие суициды характеризуются «свернутостью» и интенсивностью динамики, стремительным ростом эмоциональной напряженности, крайне эмоционально насыщенными отрицательными переживаниями гнева, обиды, оскорбленного достоинства, чести и т. п. Восприятие конфликтной ситуации становится избирательно фрагментарным, отрывочным. Суициденты не реагируют на обращения окружающих, никакие аргументы в расчет не принимаются. Охваченность суицидальным побуждением обусловливает отсутствие страха смерти и боли.

Демонстративно-шантажное суицидальное поведение – сознательная манипуляция индивидом жизнеопасными действиями при сохранении для него высокой ценности собственной жизни в целях изменения конфликтной ситуации в благоприятную сторону. Личностный смысл демонстративно-шантажных попыток

состоит в оказании психологического давления на окружающих значимых лиц в целях изменения конфликтной ситуации в благоприятную для себя сторону (вызвать к себе жалость, сочувствие, избавиться от грозящих неприятностей и т. п.). При демонстративно-шантажных попытках человек понимает, что его действия не должны повлечь за собой смерть, и для этого предпринимает все меры предосторожности.

Скрытый суицид – это такая ситуация, когда желание покончить с собой не осознается человеком или человек в силу нравственных, религиозных или моральных установок не может совершить самоубийство. Человек как бы неосознанно стремится совершить самоубийство: начинает употреблять наркотики, алкоголь, психоактивные вещества; с ним происходят несчастные случаи; совершает потенциально опасные действия; идет на неоправданный риск. В такой ситуации возможно и развитие психосоматических заболеваний. Скрытое суицидальное поведение достаточно трудно выявить. Комплекс предупредительных мер также достаточно сложен [130].

Необходимо подчеркнуть, что какой-либо единой личностной структуры, специфичной для суицидального поведения и достаточно определенно указывающей на вероятность его возникновения, обнаружить не удалось. Вместе с тем наибольшей уязвимостью, склонностью к ригидному, неадаптивному поведению обладают люди с акцентуированными и психопатическими чертами характера. В одном случае речь идет о практически здоровых людях, отличающихся гипертрофированной заостренностью каких-либо характерологических черт, а в другом – о тех, у кого пограничные расстройства могут в привычных для них условиях жизни быть стертыми, компенсированы адаптивными эталонами поведения. В трудных условиях, на фоне возрастных кризисов, недостаточной социальной и физической зрелости личности компенсаторные механизмы расстраиваются, что и приводит к дезадаптации.

К *характерным личностным особенностям суицидентов* можно отнести:

- низкий или заниженный уровень самооценки, неуверенность в себе;

- высокую потребность в самореализации;
- симбиотичность, высокую значимость для них теплых, эмоциональных связей, искренности взаимоотношений, наличия эмпатии, понимания и поддержки со стороны окружающих;
- трудности при принятии решений;
- высокий уровень тревожности, снижение уровня оптимизма и активности в ситуации затруднений;
- склонность к самообвинению, преувеличение своей вины;
- низкую самостоятельность;
- недостаточную социализацию, инфантильность и незрелость личности.

Знание характера конфликтной ситуации, создавшей предпосылки для возникновения психологического кризиса, а также личностных характеристик военнослужащего дают командирам (начальникам) определенные основания для определения суицидального потенциала личности.

В качестве *наиболее вероятных причин для принятия решения о самоубийстве в условиях воинской службы* выступают: затрудненная адаптация военнослужащего; глумления и издевательства со стороны сослуживцев; потеря социального статуса в воинском коллективе; боязнь ответственности за совершенное преступление, проступок; смерть или измена близкого человека; длительное соматическое или психическое заболевание; слабое физическое развитие. Вероятность возникновения суицида значительно выше в начальном периоде службы, во время несения службы в карауле, а также, если в подразделении сложилась тяжелая морально-психологическая обстановка.

Профилактика суицидального поведения

Определение риска возможного суицида – задача чрезвычайно трудная. Вопросы о том, кого следует считать потенциальным суицидентом, с какого момента и при каких условиях военнослужащий может быть включен в «группу риска» (группу динамического наблюдения), не имеют однозначного решения, поскольку само понятие суицидального риска подразумевает несколько зна-

чений. Сложившийся в превентивной суицидологии подход в это понятие включает:

- ✓ во-первых, вероятность возникновения любой формы суицидального поведения, т. е. общий суицидальный риск;
- ✓ во-вторых, вероятность реализации имеющихся суицидальных тенденций, т. е. риск суицидальных действий – покушений на самоубийство;
- ✓ в-третьих, вероятность рецидива суицидальных актов, т. е. риск повторных суицидов [24, с. 278].

Использование психологического подхода к определению суицидального риска позволяет установить групповые и индивидуально-психологические факторы риска. К числу *факторов, определяющих повышенную вероятность возникновения суицидального поведения*, т. е. общий суицидальный риск, относятся:

а) тяжелая морально-психологическая обстановка в ближайшем социальном окружении – в коллективе, семье;

б) условия семейного воспитания:

- отсутствие отца в раннем детстве;
- матриархальный стиль отношений в семье;
- эмоциональная депривация, отверженность в детстве;
- воспитание в неблагополучной семье («алкогольный климат», наличие психически больных, родственников с асоциальными формами поведения, отбывавшими или отбывающими уголовное наказание);
- воспитание в семье, где были случаи самоубийств, попытки самоубийств или суицидальные угрозы со стороны близких;

в) возрастные особенности потенциального суицидента;

г) хронологические признаки: время года, дни недели, время суток;

д) частая смена места жительства, учебы, работы;

е) активное употребление алкоголя и наркотических средств;

ж) вовлеченность в ретристские группы, совершение суицидальных попыток и пр.

Должностным лицам, отвечающим за жизнь и здоровье подчиненных, необходимо знать, что **суицидальное поведение, как правило, имеет определенную продолжительность и характе-**

ризуется следующей динамикой. Вначале (под влиянием конфликтной ситуации) у военнослужащего возникают *суицидальные мысли*, характеризующиеся размышлениями об отсутствии смысла жизни, фантазиями на тему своей смерти. Затем рождаются суицидальные *замыслы* (разработка плана самоубийства) и *намерения* (принятие решения о самоубийстве). И лишь после этого осуществляются суицидальные *действия*.

Время от возникновения первых суицидальных мыслей до намерения совершить самоубийство есть наиболее вероятный период, когда окружающим возможно удастся остановить потенциального суицидента от реализации задуманного. В этот временной отрезок у самого военнослужащего наблюдается острая потребность в теплых отношениях, в сопереживании и эмоциональной поддержке.

Офицерам и военнослужащим подразделения необходимо обращать внимание на *признаки, которые могут свидетельствовать о приближающейся беде:*

- открытые высказывания о желании покончить с собой;
- косвенные намеки на возможность суицидальных действий, демонстрация материальных атрибутов готовящегося самоубийства;
- утайка патронов, накапливание лекарственных препаратов, поиск отравляющих жидкостей, укрепление веревки и т. п.;
- частые разговоры о самоубийствах;
- стремление к уединению, разрыв привычных связей, изменившийся стереотип поведения;
- чрезвычайно настойчивые просьбы о переводе в другое подразделение, воинскую часть, о госпитализации, о предоставлении отпуска по семейным обстоятельствам;
- внезапное появление щедрости (раздача личных вещей), что сопровождается символическим прощанием;
- утрата интереса к окружающему и т. д.

Признаками эмоциональных нарушений являются:

• потеря аппетита или импульсивное обжорство, бессонница или повышенная сонливость в течение последних дней;

• частые жалобы на соматическое недомогание (на боли в животе, головные боли, постоянную усталость, частую сонливость);

- необычно пренебрежительное отношение к своему внешнему виду;
- постоянное чувство одиночества, бесполезности, вины или грусти;
- ощущение скуки при проведении времени в привычном окружении или выполнении работы, которая раньше приносила удовольствие;
- уход от контактов, изоляция от друзей и семьи, превращение в человека-одиночку; нарушения внимания со снижением качества выполняемой работы;
- погруженность в размышления о смерти;
- отсутствие планов на будущее («Почему это должно меня беспокоить? Ведь завтра я могу умереть»);
- внезапные приступы гнева, зачастую возникающие из-за мелочей.

При оценке суицидоопасности должностным лицам в каждом конкретном случае необходимо учитывать совокупность личностных и ситуационных факторов. При этом для определения степени суицидального риска необходимо выявлять и сопоставлять как *про-*, так и *антисуицидальные предпосылки.* На индивидуальном уровне – это устойчивое позитивное отношение к жизни и негативное к смерти, широта диапазона знаемых и субъективно приемлемых путей разрешения конфликтных ситуаций, эффективность механизмов психологической защиты, высокий уровень социализации личности. Конкретными формами выражения антисуицидальных личностных факторов могут быть, например: эмоциональная привязанность к значимым близким; родительские обязанности; выраженное чувство долга; боязнь причинить себе физическое страдание; представление о позорности и греховности суицида; представления о неиспользованных жизненных возможностях и т. д. Чем больше отмечено антисуицидальных факторов в отношении к данному человеку, тем прочнее его антисуицидальный барьер, тем менее вероятны суицидальные действия, и наоборот.

Безусловно, *эффективность превенции* зависит прежде всего от полноты и своевременности выявления потенциальных суицидентов. Но совершенно очевидно, что профилактика суицидаль-

ного поведения не может ограничиваться только этим. Она должна представлять собой многоуровневую систему, объединяющую меры социального, психологического, медицинского, правового и педагогического характера. К этим мерам следует отнести:

- правильное и четкое планирование и организация повседневной жизнедеятельности, быта и досуга в воинских коллективах;
- организацию мероприятий психогигиенического и психопрофилактического характера, обеспечивающих сохранение психического здоровья военнослужащих;
- обеспечение социальной защищенности, соблюдение конституционных прав людей;
- предупреждение нездоровых взаимоотношений между членами воинского коллектива;
- выявление групп высокого суицидального риска;
- умение должностных лиц распознавать потенциальных самоубийц;
- адекватная и своевременная психологическая помощь военнослужащим, находящимся в состоянии острого личностного кризиса.

Основными направлениями психологической работы, связанными с суицидологической превенцией являются:

- изучение социально-психологических процессов в воинских коллективах, психологических характеристик различных неформальных групп, проведение экспериментально-психологических обследований личного состава в целях выявления людей с повышенным суицидальным риском;
- выявление причин, условий и предпосылок, способствующих суицидальным происшествиям, своевременное информирование и выработка предложений должностным лицам о необходимости проведения тех или иных организационных мероприятий по их устранению;
- активное участие в создании в воинских коллективах благоприятной, уважительной атмосферы;
- своевременная разработка рекомендаций по работе с воинами, имеющими признаки затруднений в адаптации;

- проведение психологического анализа каждого случая суицида и участие в качестве специалиста-эксперта в расследовании дел, связанных с самоубийством;

- организация реабилитационных мероприятий с людьми, совершившими суицидальную попытку;

- проведение занятий со всеми категориями военнослужащих, членами их семей по профилактике самоубийств и покушений на самоубийство, ознакомление их с принципами и методами оказания первой психологической помощи суицидентам, в разрешении кризисной ситуации, своевременном распознавании лиц с высокой вероятностью суицидального поступка.

Свои особенности имеет *профилактическая беседа* психолога с потенциальным суицидентом. *Пригласив такого военнослужащего на беседу* (обязательно лично), должностные лица психологической работы должны стремиться установить с ним тесный эмоциональный контакт, проявить истинную заинтересованность, терпеливо, без сомнения и критики выслушать человека.

Общим эмпирическим правилом является следующее: если в каких-либо высказываниях военнослужащего звучит что-то непонятное или имеющее скрытый подтекст, касающийся вопросов жизни и смерти, то лучшей реакцией станет выясняющий вопрос – что он конкретно подразумевал под своим замечанием. И если после полученного ответа у вас возникнут подозрения, что речь идет о суицидальных намерениях, то следует спросить прямо: «Вы имеете в виду самоубийство?».

После восстановления последовательности событий, приведших к кризису, надо показать (не умаляя значимости происходящего для человека), что подобные ситуации возникают и у других людей, что это временное явление, что его жизнь нужна его близким, другим людям («снятие безысходности», «преодоление исключительности ситуации»). Главное внимание затем требуется сосредоточить на совместном планировании способа преодоления создавшейся ситуации. При этом важно побудить человека к словесному оформлению планов предстоящих действий («планирование»). В заключение беседы высказывается ак-

тивная поддержка, чтобы придать уверенность человеку в своих силах и возможностях.

В профилактической беседе необходимо учитывать, что большинство потенциальных суицидентов характеризует т. н. суженное сознание. В обыденной речи потенциального самоубийцы сужение проявляется в использовании определенных слов, отражающих пресуицидальное дихотомическое мышление – «все или ничего». Мышление такого человека сужено, часто сведено к дихотомии, включающей только два варианта выбора поведения: да или нет; жизнь такая, как я хочу – или смерть; величие – или прах; будет по-моему – или вообще никак. Следом возникает отчаяние, порожденное ограниченным видением только двух альтернатив, а не трех или большего числа вариантов выбора, какие обычно предлагает повседневная жизнь. Фотоаппарат суицидального сознания заряжен только черно-белой пленкой, не воспроизводящей полутонов.

В этой связи одна из первоочередных задач любого добровольного помощника или психотерапевта: «раскрыть ставни», впустив немного света, и хоть в какой-то мере расширить перспективу, помогая человеку увидеть ситуацию под новым углом зрения. Специалисту, проводящему беседу, следует мягко выразить несогласие с предвзятой обращенностью к смерти человека, склонного к самоубийству.

Следует иметь в виду, что потенциальные суициденты и так страдают от невыносимого чувства вины. Если потенциальный помощник говорит о суициде как о чем-то аморальном, то он не только блокирует обсуждение этого вопроса, но может усилить и без того тягостные для человека уныние и депрессию. Важно помнить, что для суицидента саморазрушение ни в коем случае не представляет собой теологической проблемы, а является результатом невыносимого эмоционального стресса.

Люди с суицидальными тенденциями испытывают не только печаль, тоску, уныние и разочарование, но могут проявлять враждебность к своему окружению. Очень часто, к сожалению, семья и друзья в ответ реагируют негодованием, допускают в беседе бурлящие эмоциями доводы, которые только толкают рассерженных

людей к еще большему неистовству. Они могут сосредоточиться на инфантильности депрессивной личности, а не на истинной, заботливой и поддерживающей встрече с отчаянием. Часто вслед за исчезновением раздражения может быть потеряна и жизнь близкого человека. Интервенция может отпугивать.

Что же можно сделать для того, чтобы помочь суициденту? Эрл Гроллман, известный специалист-суицидолог рекомендует следующие практические действия.

1. ности человека, а также приготовления к по*Подбирайте ключи к разгадке суицида*. Ищите признаки возможной опасности: суицидальные угрозы, предшествующие попытки самоубийства, депрессии, значительные изменения поведения или личcледнему волеизъявлению. Уловите проявления беспомощности и безнадежности и определите, не является ли человек одиноким и изолированным.

2. *Примите суицидента как личность*. Допустите возможность, что человек действительно является суицидальной личностью. Не считайте, что он не способен и не сможет решиться на самоубийство. Опасность, что вы растеряетесь, преувеличив потенциальную угрозу, – ничто по сравнению с тем, что кто-то может погибнуть из-за вашего невмешательства.

3. *Установите заботливые взаимоотношения*. Их следует выражать не только словами, но и невербальной эмпатией; в таких обстоятельствах уместнее не морализирование, а поддержка. Для человека, который чувствует, что он бесполезен и не любим, забота и участие отзывчивого человека являются мощными ободряющими средствами. Именно таким образом вы лучше всего проникнете в изолированную душу отчаявшегося человека.

4. *Будьте внимательным слушателем*. Суициденты особенно страдают от сильного чувства отчуждения. В силу этого они бывают не настроены принять ваши советы. Гораздо больше они нуждаются в обсуждении своей боли, фрустрации и того, о чем говорят: «У меня нет ничего такого, ради чего стоило бы жить». Если человек страдает от депрессии, то ему нужно больше говорить самому, чем беседовать с ним. Помните, что этому человеку трудно сосредоточиться на чем-то, кроме своей безысходности. Вы можете

оказать неоценимую помощь, выслушав слова, выражающие чувства этого человека, будь то печаль, вина, страх или гнев.

5. *Не спорьте*. Сталкиваясь с суицидальной угрозой, друзья и родственники часто отвечают: «Подумай, ведь ты же живешь гораздо лучше других людей; тебе следовало бы благодарить судьбу». Этот ответ сразу блокирует дальнейшее обсуждение. Желая помочь таким образом, близкие способствуют обратному эффекту. Можно встретить часто и другое знакомое замечание: «Ты понимаешь, какие несчастья и позор ты навлечешь на свою семью?». Но, возможно, за ним скрывается именно та мысль, которую желает осуществить суицидент. Ни в коем случае не проявляйте агрессию, если вы присутствуете при разговоре о самоубийстве, и постарайтесь не выражать потрясения тем, что услышали. Вступая в дискуссию с подавленным человеком, вы можете не только проиграть спор, но и потерять его самого.

6. *Задавайте вопросы*. Если вы задаете такие косвенные вопросы, как: «Я надеюсь, что ты не замышляешь самоубийства?», то в них подразумевается ответ, который вам хотелось бы услышать. Если близкий человек ответит: «Нет», то вам, скорее всего, не удастся помочь в разрешении суицидального кризиса. Лучший способ вмешаться в кризис – это заботливо задать прямой вопрос: «Ты думаешь о самоубийстве?». Он не приведет к подобной мысли, если у человека ее не было; наоборот, когда он думает о самоубийстве, и наконец находит кого-то, кому небезразличны его переживания и кто согласен обсудить эту запретную тему, то он часто чувствует облегчение и ему дается возможность понять свои чувства и достичь катарсиса.

Следует спокойно и доходчиво спросить о тревожащей ситуации, например: «С каких пор вы считаете свою жизнь столь безнадежной?», «Как вы думаете, почему у вас появились эти чувства?», «Есть ли у вас конкретные соображения о том, каким образом покончить с собой?», «Если вы раньше размышляли о самоубийстве, что вас останавливало?». Чтобы помочь суициденту разобраться в своих мыслях, можно иногда перефразировать, повторить наиболее существенные его ответы: «Иными словами, вы говорите…» Ваше согласие выслушать и обсудить то, чем хотят поделиться с вами,

будет большим облегчением для отчаявшегося человека, который испытывает боязнь, что вы его осудите, и готов к тому, чтобы уйти.

7. *Не предлагайте неоправданных утешений*. Одним из важных механизмов психологической защиты является рационализация. После того, что вы услышали от кого-то о суицидальной угрозе, у вас может возникнуть желание сказать: «Нет, вы так на самом деле не думаете». Для этих умозаключений зачастую нет никаких оснований, за исключением вашей личной тревоги.

Причина, по которой суицидент посвящает в свои мысли, состоит в желании вызвать обеспокоенность его ситуацией. Если вы не проявите заинтересованности и отзывчивости, то депрессивный человек может посчитать суждение типа «Вы на самом деле так не думаете» как проявление отвержения и недоверия. Если вести с ним беседу с любовью и заботой, то это значительно снизит угрозу самоубийства. В противном случае его можно довести до суицида банальными утешениями как раз тогда, когда он отчаянно нуждается в искреннем, заботливом и откровенном участии в его судьбе.

Суицидальные люди с презрением относятся к замечаниям типа «ничего, ничего, у всех есть такие же проблемы, как у тебя» и другим аналогичным клише, поскольку они резко контрастируют с их мучениями. Эти выводы лишь минимизируют, уничижают их чувства и заставляют ощущать себя еще более ненужными и бесполезными.

8. *Предложите конструктивные подходы*. Вместо того чтобы говорить суициденту о том, чтобы подумать, какую боль принесет его смерть близким, попросите поразмыслить об альтернативных решениях, которые, возможно, еще не приходили ему в голову.

Одна из наиболее важных задач профилактики суицидов состоит в том, чтобы помочь определить источник психического дискомфорта. Это может быть трудно, поскольку «питательной средой» суицида является секретность. Наиболее подходящими вопросами для стимуляции дискуссии могут быть: «Что с вами случилось за последнее время?», «Когда вы почувствовали себя хуже?», «Что произошло в вашей жизни с тех пор, как возникли эти перемены?», «К кому из окружающих они имели отношение?». Потенциального самоубийцу следует подтолкнуть к тому,

чтобы он идентифицировал проблему и как можно точнее определил, что ее усугубляет.

Имеет смысл также сказать: «Вы все-таки взволнованы. Может, если вы поделитесь своими проблемами со мной, я постараюсь понять вас».

Если кризисная ситуация и эмоции выражены, то далее следует выяснить, как человек разрешал сходные ситуации в прошлом. Это называется «оценкой средств, имеющихся для решения проблемы». Она включает выслушивание описания предыдущего опыта в аналогичной ситуации. Для инициирования можно задать вопрос: «Не было ли у вас раньше сходных переживаний?». Существует уникальная возможность совместно раскрыть способы, которыми человек справлялся с кризисом в прошлом. Они могут быть полезны для разрешения и настоящего конфликта.

Постарайтесь выяснить, что остается все-таки позитивно значимым для человека. Что он еще ценит. Отметьте признаки эмоционального оживления, когда речь зайдет о «самом лучшем» времени в жизни, особенно следите за его глазами. Что из имеющегося значимого для него достижимо? Кто те люди, которые продолжают его волновать? И теперь, когда жизненная ситуация проанализирована, не возникло ли каких-либо альтернатив? Не появился ли луч надежды?

9. *Вселяйте надежду*. Надежда помогает человеку выйти из поглощенности мыслями о самоубийстве. Надежда возникает не из оторванных от реальности фантазий, а из существующей способности желать и достигать. Когда люди полностью теряют надежду на достойное будущее, они нуждаются в поддерживающем совете, в предложении какой-то альтернативы. «Как бы вы могли изменить ситуацию?», «Какому вмешательству извне вы могли бы противостоять?», «К кому вы могли бы обратиться за помощью?» Основания для реалистичной надежды должны быть представлены честно, убедительно и мягко. Очень важно, если вы укрепите силы и возможности человека, внушите ему, что кризисные проблемы обычно преходящи, а самоубийство не бесповоротно.

10. *Оцените степень риска самоубийства*. Постарайтесь определить серьезность возможного самоубийства. Ведь намерения

могут различаться, начиная с мимолетных, расплывчатых мыслей о такой «возможности» и кончая разработанным планом суицида путем отравления, прыжка с высоты, использования огнестрельного оружия или веревки. Очень важно выявить и другие факторы такие, как алкоголизм, употребление наркотиков, степень эмоциональных нарушений и дезорганизации поведения, чувство безнадежности и беспомощности. Неоспоримым фактом является то, что чем более разработан метод самоубийства, тем выше его потенциальный риск. Очень мало сомнений в серьезности ситуации остается, например, если депрессивный подросток, не скрывая, дарит кому-то свой любимый магнитофон, с которым он ни за что не расстался бы. В этом случае лекарства, оружие или ножи следует убрать подальше.

11. *Не оставляйте человека одного в ситуации высокого суицидального риска*. Оставайтесь с ним как можно дольше или попросите кого-нибудь побыть с ним, пока не разрешится кризис или не прибудет помощь. Возможно, придется позвонить в пункт скорой помощи или обратиться в поликлинику. Для того чтобы показать человеку, что окружающие заботятся о нем, и создать чувство жизненной перспективы, вы можете заключить с ним так называемый суицидальный контракт – попросить об обещании связаться с вами перед тем, как он решится на суицидальные действия в будущем для того, чтобы вы еще раз смогли обсудить возможные альтернативы поведения. Как это ни странно, такое соглашение может оказаться весьма эффективным.

12. *Обратитесь за помощью к специалистам*. Суициденты имеют суженное поле зрения, своеобразное туннельное сознание. Их разум не в состоянии восстановить полную картину того, как следует разрешать непереносимые проблемы. Первая просьба часто состоит в том, чтобы им была предоставлена помощь. Иногда единственной альтернативой помощи суициденту, если ситуация оказывается безнадежной, становится госпитализация в психиатрическую больницу. Промедление может быть опасным, госпитализация же может принести облегчение как больному, так и семье.

13. *Важность сохранения заботы и поддержки*. Даже если критическая ситуация миновала, специалисты и семьи не могут

позволить себе расслабиться. Самое худшее может еще произойти. За улучшение часто принимают повышение психической активности больного. Бывает так, что накануне самоубийства депрессивные люди бросаются в водоворот деятельности. Они просят прощения у всех, кого обидели. Видя это, вы облегченно вздыхаете и ослабляете бдительность. Но эти поступки могут свидетельствовать о решении рассчитаться со всеми долгами и обязательствами, после чего можно покончить с собой. И, действительно, половина суицидентов совершает самоубийство не позже чем через три месяца после начала психологического кризиса.

Любая информация, сообщенная военнослужащим во время беседы, не может быть передана кому бы то ни было без его согласия. После беседы такого военнослужащего нельзя оставлять без внимания, надо создать для него на какой-то период щадящие режим и условия деятельности (не ставить в наряд, особенно с оружием, не посылать в рейс и т. п.). При необходимости надо продумать вопрос о направлении военнослужащего в лечебное учреждение.

В целом условием эффективности оказания психологической помощи военнослужащим является сочетание методов и процедур специального психологического воздействия с повседневной организаторской и воспитательной деятельностью всех субъектов военного управления. Объективными признаками позитивного эффекта являются: многочисленные проявления поведенческого и эмоционального характера, свидетельствующие о качественно ином уровне восприятия военнослужащим ситуаций жизнедеятельности; улучшение результатов в учебно-боевой и служебной деятельности; хорошие отношения с сослуживцами, позитивный настрой на службу, оптимизм, удовлетворенность условиями воинской деятельности и т. п.

Таким образом, острота и актуальность проблемы суицидального поведения требует от специалистов и всех должностных лиц понимания сущности этого явления, владения основными методами его диагностики и организации профилактической работы. Эмоциональные проблемы, приводящие к суициду, редко разрешаются полностью, даже когда кажется, что худшее позади. Поэтому никогда не следует обещать полной конфиденциальности.

Оказание помощи не означает, что необходимо соблюдать полное молчание. Как правило, подавая сигналы возможного самоубийства, отчаявшийся человек просит о помощи. И, несомненно, ситуация не разрешится до тех пор, пока суицидальный человек не адаптируется в жизни.

Психология неуставных взаимоотношений и их профилактика в воинских подразделениях

Существование в воинском подразделении двух достаточно автономных внутригрупповых структур – формальной и неформальной, состоящих из одних и тех же военнослужащих, приводит к появлению сложных *процессов взаимодействия между ними*. В том случае, если обе эти структуры гармонично дополняют друг друга, эффективность деятельности каждой из них значительно возрастает. Однако достаточно часто взаимодействие между этими структурами имеет противоречивый характер. В таком случае реализация управленческих функций командирами наталкивается на активное противодействие со стороны наиболее активных представителей этих неформальных структур. В конце 60-х гг. прошлого столетия появился даже специальный термин для описания подобных явлений – *«неуставные взаимоотношения между военнослужащими»*. Во многом это было обусловлено обстановкой, какая сложилась в армии и на флоте после их массового сокращения, увольнения многих тысяч сержантов сверхсрочников, заменой их на выпускников учебных школ, притоком в Вооруженные Силы лиц, имеющих судимость.

Суть неуставных отношений состоит в том, что система неформальных отношений оказывается в какой-то степени более значимым фактором в жизни подразделения, нежели официально заданная структура подчиненности. Это приводит к значительной деформации служебных отношений в подразделении. Роли и функции начальников во многом заимствуются теми, кому они никогда не принадлежали по праву: воинами более продолжительного срока службы, военнослужащими, призванными из одного региона, представителями одной национальности или народно-

сти и т. д. Особенно ярко это проявляется в те часы, когда командиры и начальники убывают из подразделения.

Неуставные взаимоотношения (НУВ) – это распространение в армейских коллективах безнравственных, а по мере обострения и безнаказанности и противоправных посягательств (моральное и физическое давление) отдельных военнослужащих или групп на личность и права сослуживцев. При этом социально-психологическое содержание НУВ включает: единичные, индивидуальные или групповые искаженные способы самоутверждения, поведения, взаимодействия; отрицательные привычки, лжетрадиции групп, подразделений; нервные срывы и реактивные состояния воинов, приводящие к унижению ими личного достоинства сослуживцев. Таким образом, в основе этого сложного явления лежат конфликтные ситуации либо противоречия, затрагивающие социальный или социально-психологический статус личности или группы, материальные или духовные интересы, их честь и достоинство.

Наиболее распространенными *формами неуставных взаимоотношений* выступают:

- словесные оскорбления;
- шантаж («если не сделаешь… то все узнают… я все сделаю для того, чтобы…» и т. п.);
- принуждение сослуживцев или молодых воинов к выполнению различных прихотей, перекладывание на них своих обязанностей в быту и по службе;
- рэкет, включающий вымогательство денег, предметов обмундирования, продуктов питания;
- избиения и издевательства;
- побуждение к совершению дисциплинарных проступков;
- одиночные и групповые драки;
- чрезмерная требовательность со стороны младших командиров к своим подчиненным;
- доскональное соблюдение устава, доведенное до полного абсурда, муштра в «воспитательных» целях, ущемляющая права военнослужащего как личности;
- расправа над обидчиками, превышающая необходимые пределы обороны.

О существовании в подразделении НУВ можно судить по ряду следующих признаков:

- следы побоев на теле;
- угнетенное, подавленное состояние отдельных военнослужащих;
- выполнение военнослужащими более раннего срока службы наиболее тяжелых и трудоемких хозяйственных работ, в том числе и во время, отведенное для личных потребностей, стирка, чистка и глажение чужих предметов формы одежды, когда все заняты в культурно-массовых и спортивных мероприятиях;
- общественная пассивность, нежелание выступать на собраниях с критикой в адрес солдат более позднего призыва, отсутствие желания идти в увольнение или культпоход;
- попытка сокрытия различного рода травм, в том числе и при медицинском осмотре;
- грязный вид, старое обмундирование, его «пропажа» у военнослужащих младшего призыва;
- «добровольное» размещение на неудобных местах при просмотре кинофильмов или телепередач (или просмотр их стоя);
- элементы одинакового нарушения формы одежды у военнослужащих определенной категории;
- показная требовательность, придирчивость и бравада своими полномочиями сержантами в отношении подчиненных в присутствии офицеров;
- существование особых «зон» сбора только для «избранных» военнослужащих, кому «положено там находиться»;
- казарменный жаргон, подчеркивающий деление военнослужащих на касты, страты;
- конформные реакции основной массы военнослужащих в отношении мнения, негативных поступков неформальных лидеров;
- крайне ироничная и агрессивная оценка сослуживцами личностных качеств друг друга в целях постоянного поддерживания своего реноме;
- «идеологическое» обоснование необходимости подчинения и выполнения определенных ритуалов, действий, направленных на поддержание «порядка» в казарме и в коллективе;

- перекладывание офицерами значительной части обязанностей по воспитанию подчиненных на сержантский состав и неформальных лидеров без строго контроля их действий, при пассивном согласии с методами их работы, противоречащими букве устава и морально-нравственным нормам.

Возникновение неуставных взаимоотношений наиболее вероятно в тех подразделениях и частях, в которых по определенному признаку (признакам) образуются противостоящие друг другу социальные группы, стремящиеся к утверждению своего доминирующего положения. При этом формы утверждения такого положения (статуса) приобретают характер создания для доминирующей группы негласных привилегий и обязанностей по отношению к ней остальных групп, закрепляемых системой морально-психологического и физического насилия.

Неформальное разделение военнослужащих обладает свойствами быстрого распространения, устойчивости и самовоспроизводства в силу своей функциональности: реальная возможность получения со временем (например, после увольнения старослужащих, изменения в национальном составе подразделения) представителями «угнетаемых» групп соответствующих привилегий, характерных для доминирующей (подавляющей) группы.

Специалисты относят систему функционирования неуставных взаимоотношений к элементам экстремальных и силовых субкультур, какой в целом является армейская субкультура. *Субкультура* – это часть общей культуры, система ценностей, традиций, обычаев, присущих большой социальной группе. Она включает ряд ценностей доминирующей культуры и добавляет к ним новые ценности, характерные только для нее. Говорят о молодежной, спортивной субкультуре, субкультуре пожилых людей, профессиональной субкультуре, криминальной субкультуре. Субкультура отличается от доминирующей культуры языком, взглядами на жизнь, манерами поведения, прической, одеждой, обычаями. Различия подчас могут быть очень сильными.

Для армейской субкультуры является характерным культ власти, а также жесткое закрепление статусных позиций ее членов. Одним из механизмов закрепления и смены статуса является ини-

циация. *Инициации* в широком значении – это комплекс действий, посредством которых формально закрепляется смена социального статуса индивида, происходит включение его в какое-либо замкнутое объединение, приобретение им особых знаний, а также функций или полномочий. К инициациям исторически относятся обряды, сопровождающие переход из одного возрастного класса в другой, включение в высшие касты в Древней Индии, посвящение в рыцари в Средневековье, конфирмация, первое причастие, посвящение в сан, коронация и др. В языческую эпоху воинские инициации обычно были связаны с оборотничеством – экстатическим превращением воина в дикого зверя, чаще всего в волка и медведя. Непременным атрибутом современной армейской субкультуры выступает обряд посвящения новобранцев – своего рода испытание, которое те должны пройти для того, чтобы приобщиться к «воинскому братству».

Переход солдат из одной категории в другую часто связан с обрядом перевода. Формы перевода различны в разных воинских частях. Существует, например обряд, при котором солдат должен получить столько ударов ремнем, сколько месяцев ему осталось служить, все это он должен переносить молча.

Традиция разделения военнослужащих на «касты» по сроку службы возникла в армии не сегодня и даже не вчера. Интересны в этом плане воспоминания бывшего царского генерала *А. А. Игнатьева* о своем пребывании в Пажеском корпусе. В то время корпус состоял из семи общих классов, соответствовавших семи классам кадетских корпусов, и двух специальных классов, в которых проходили программу военных училищ. Для поступления в корпус требовался предварительный высочайший приказ о зачислении в пажи, что рассматривалось как большая честь, на которую имели право только сыновья генералов.

Уже вскоре после своего поступления А. А. Игнатьеву привелось на себе испытать, что значит быть представителем младшего специального класса, или «зверя», как их называли в негласной классификации. Так, всей его кадетской выправки оказалось недостаточно для того, чтобы «правильно» доложить дежурному ка-

мер-пажу старшего курса о своем прибытии. Все его действия преследовали крикливые замечания:

– Близко подходите!

– Плох поворот!

– Тихо говорите!

– В итоге торжественный приговор:

– Явиться на лишнее дневальство.

«Окрики и замечания сыпались на меня как горох, – пишет автор, – и вскоре после поступления, я насчитал тридцать лишних дневальств». Пытаясь как-то защититься от несправедливых претензий представителей старшего класса, Игнатьев попробовал однажды доложить об этом капитану Потехину.

«Они – беленькие, а вы – черненькие, – объяснил мне Потехин, не отменяя наложенного на меня наказания, – они всегда правы. Станете сами беленькими – и тоже будете правы».

Факты издевательств и глумлений старших над младшими среди воспитанников юнкерских и кадетских корпусов получили особенно распространение на рубеже 1900–1914 гг. Такие случаи рассматривались самими воспитанниками как утверждение боевого духа и испытание на прочность своих товарищей, то есть как своеобразная форма армейской традиции, через которую обязаны были пройти все для того, чтобы отсеять слабых в физическом и моральном отношении будущих офицеров.

Сохранились материалы военного трибунала времен Гражданской войны, где говорится о неуставных отношениях бойцов 3-й роты 1-го полка 30-й дивизии Красной армии, основанных не на старшинстве в званиях, а на продолжительности времени, проведенного на службе (1919 г.). Тремя старослужащими солдатами был до смерти забит красноармеец Куприянов, 1901 г. р., уроженец Балаковского уезда Саратовской губернии, за отказ выполнять приказание «дедов». Приговор трибунала в соответствии с законами военного времени был суров: расстрел.

В 1920-е гг. «неуставщина» считалась пережитком капитализма – «поганым наследием прошлого». Социально-классовая система комплектования вооруженных сил (до 1939 г.), широкие дисциплинарные полномочия начсостава, вся обстановка тех де-

сятилетий с получившими известность способами пресечения подобных фактов не позволяли дедовщине стать общенародным явлением. Первые уголовные дела по НУВ появились в 1963–1965 гг. – это были единичные факты. Но уже в 1970-е гг. происходит постепенное превращение единичных случаев НУВ в социально-негативные проявления.

Похожие негативные традиции отмечены и в армиях других государств. Этому в частности посвящен один из американских фильмов о проблемах дедовщины. В нем скрытая камера засняла драматическую сцену в туалете: пять-шесть старослужащих производили новобранцев в солдаты: значок военнослужащего с длинной иглой прибивали прямо к груди новобранца-контрактника.

В японском морском флоте солдаты первого года службы обязаны готовить товарищам утренний кофе. В израильской армии новички исполняют всю наиболее грязную работу, не чувствуя себя униженными, так как этот обычай узаконен традицией. В Австрии, где солдаты разных призывов не живут вместе, «неуставных отношений» как таковых нет, зато существует традиция воровать друг у друга береты, без которых нельзя появиться на утренней поверке. И у новичков их новенькие, ненадеванные береты пропадают обычно в первые же дни. За двадцать дней до конца службы австрийские солдаты покупают по ящику пива и в начале каждого дня, чокаясь, осушают по бутылке.

Дедовщина существует и в американской армии. В последнее время это явление называют buddying (приятельство), иронически обыгрывая старую практику, когда старослужащий опекал новобранца (was a buddy for him). Получило распространение и другое слово – bullying. Оно означает: 1) запугивание (образовано от глагола bully); 2) буллинг (физический или психологический террор в отношении ребенка со стороны группы одноклассников или аналогичное явление среди военнослужащих (дедовщина). Используется также как синоним термина моббинг (mobbing). Термины *буллинг* и *моббинг* на русском означают приблизительно одно и то же, а именно травлю [170].

Как мы видим, традиции деления военнослужащих на «касты» в зависимости от срока службы уходят своими корнями в далекое

прошлое, а географически имеют широкое распространение. Вместе с тем необходимо различать проявления такого деления в служебной деятельности и то, что мы теперь называем неуставными взаимоотношениями. Так, в приведенном А. А. Игнатьевым примере все претензии к «зверям» были *реализованы в рамках служебных полномочий.* Претензии к этой категории пажей предъявляли те, кому это было дозволено в соответствии с требованиями устава: дежурный, старший по званию и др. Другое дело, что при этом стиль предъявления этих требований и критерии оценки их выполнения были чрезвычайно «субъективны», что и рождало в душах молодых пажей чувство несправедливости.

В современных условиях под неуставными взаимоотношениями понимаются прежде всего такие ситуации взаимодействия между воинами различных категорий, *когда властные полномочия берут на себя те, кому это по Уставу не положено.* В этой связи неуставные взаимоотношения – это совокупность связей между военнослужащими подразделения, которые характеризуются негативной служебной и нравственно-психологической зависимостью воинов одних групп (чаще всего младшего призыва) от группы сослуживцев, противопоставляющих себя существующей системе военного управления.

Исследователи до перехода на одногодичный срок службы в нашей армии выделяли по меньшей мере шесть различных оснований (механизмов функционирования) неформальных статусно-ролевых систем: дедовщина, землячество, культ силы, религиозный фактор, криминогенный и общественно-политический факторы (В. М. Крук, И. В. Образцов, С. И. Съедин).

Дедовщина представляет собой проявление НУВ, при котором в качестве доминирующего социального признака (а в соответствии с ним и комплекса привилегий или обязанностей в неформальной структуре подразделения) выступает *срок службы.* Разделение военнослужащих на категории с соответствующими для каждой из них своими функциями закрепляется путем создания и проведения военнослужащими старшего периода службы порочных ритуалов и традиций.

Интенсивность проявления неуставных взаимоотношений данного типа различна – от легких форм до крайних и даже патологических разновидностей. Так, еще несколько лет назад И. Попов выделял три степени «дедовства» [239]:

1. Дедовство, не связанное с унижением человеческого достоинства, состоит в том, что новобранцы выполняют некоторые виды работ, рассчитанные, на весь личный состав. Старослужащие также могут приказать сгонять в столовую за хлебом и сахаром или почистить картошку, разгребать снег перед входом в казарму. Такого рода «ненасильственное дедовство» выглядит как слегка испорченная модель наставничества: младших по званию учат уму-разуму, заставляют (без рукоприкладства) подкачать мускулы на спортгородке и следят за внешним видом (пришит ли чистый подворотничок, начищены ли сапоги и т. п.).

2. «Дедовские игры» – промежуточный вид между первым видом дедовства и откровенным насилием. «Деды» используют систему насилия и доминирования ради собственного удовольствия и развлечения. Они, к примеру, могут заставить молодых солдат «сдавать вождение». Новобранец ползает на карачках, двигая перед собой тазик с водой и бибикая, а «деды» сверху подают команды: «Налево!», «Газу прибавь!», «Задний ход!». Самым распространенным игрищем является «дембельский поезд». Старослужащий лежит на своей кровати, которую слегка покачивают два-три молодых солдата, а другие носятся вокруг кровати с ветками в руках, изображая проплывающие за окнами поезда деревья. Ну и наконец «проводник» со стаканом в руках: «Чайку не желаете ли?».

3. Третий и самый жестокий вид неуставных отношений – диктатура «дедов». Она представляет собой систематические избиения, террор, изощренные издевательства, часто замаскированные под тренировки молодых (длительное ползание в противогазе; отжимания до потери сознания), глумление над человеческим достоинством, принуждение к полному обслуживанию «элиты» (стирка портянок и т. п.) и даже несение за «дедов» боевого дежурства или караульной службы.

Сегодня виды неуставных взаимоотношений претерпели существенные изменения. В них значительное место заняли: вымогатель-

ство денег и личных вещей (например, телефонов), принуждение молодых солдат выполнять работу, приносящую насильникам прибыль и т. п.

Землячество – это НУВ, основанные на неформальном разделении военнослужащих *по национальной или региональной принадлежности.* В период с конца 1970-х и вплоть до начала 1990-х гг. шел интенсивный процесс вытеснения дедовщины землячеством (на национальной основе) как следствие сложившейся демографической ситуации, при которой основной прирост населения страны происходил за счет среднеазиатских и закавказских республик. В настоящее время в некоторых воинских частях землячество и дедовщина образуют сложные, взаимопроникающие уродливые явления.

Культ силы – это неформальное разделение военнослужащих по наличию определенных индивидуальных качеств и особенностей. Этот фактор предполагает, что представители доминирующей в подразделении группы, как правило, отличаются высокими *волевыми качествами и физическими данными*. Культ силы особенно ярко проявляется в подразделениях *однопризывного состава*. В некоторых подразделениях доминирует группа неформальных лидеров, умудряющихся подмять под себя не только рядовых сослуживцев, но и формальных лидеров (сержантский состав, общественный актив).

Религиозный фактор – это НУВ, основанные на разделении военнослужащих *по принадлежности к различным религиозным конфессиям.* В противоправные группы собираются представители одной конфессии. Для образования конфессиональной дедовщины необходимо количественное преобладание представителей одной религии. Объектом посягательства при этом выступают представители иных конфессий. В настоящее время данный вид НУВ встречается крайне редко, но опасность увеличения количества подобных правонарушений возрастает.

Криминогенный фактор – это НУВ, основанные на неформальном разделении военнослужащих *по принадлежности к различным группировкам криминогенной направленности* до их призыва в армию. Речь идет о военнослужащих, прошедших до призыва в

Вооруженные Силы исправительно- и воспитательно-трудовые учреждения, содержавшихся в следственных изоляторах МВД, входивших в неформальные группировки противоправной ориентации. Такие лица в короткие сроки добиваются привилегированного положения. При наличии в подразделении нескольких субъектов криминального доминирования возникают условия для их объединения в сплоченную группу.

По оценке исследователя *Н. Я. Лепешкина,* каждый из временных отрезков службы имеет при неуставных взаимоотношениях специфические, четко выраженные социально-психологические роли, исполнение которых обеспечивает военнослужащим второй половины службы «казарменный комфорт» за счет военнослужащих начального периода службы.

Динамика ролевого статуса военнослужащего, отражающего его расположение в неофициальной ролевой структуре коллектива, по мере прохождения службы представляет собой своеобразную иерархическую лестницу. Данный факт, а также устойчивость воззрений, наличие своего рода «идеологии дедовщины» необходимо учитывать командирам и начальникам.

Бытовавший до недавнего времени **«кодекс дедовщины»** состоял из ряда своеобразных суждений, отражающих «психологическое обоснование» правомерности существования неуставных взаимоотношений. Если сохранять специфический язык общения военнослужащих срочной службы, то неписаные правила формулировались следующим образом:

1. «Дед» в войсках – главная фигура, на «дедах» войска держатся. Это умудренный опытом человек, который все знает и умеет, прошел все испытания. «Дед» достоин уважения и должен отдыхать, дожидаться «дембеля».

2. Если «деды» не будут «следить за порядком», не будут «воспитывать» молодых солдат, то те «сядут на голову» и не будут слушаться даже офицеров. Из-за этого в войсках возникнет неразбериха.

3. Молодые солдаты не видели службы, не знают жизни. Их удел – постоянно работать изо всех сил за себя и за старослужаще-

го, не стоять без дела, быть довольными своей службой, беспрекословно выполнять любые желания и требования «дедов».

4. Если не гонять молодых, то они ничему не научатся, из них не получится настоящий солдат.

5. Если молодой, «не понимая службы», пожалуется на старослужащего или на существующие порядки, то ему «не поздоровится», ему не будет места в подразделении.

6. Молодой должен «отработать» первый год службы с тем, чтобы получить право «наверстать свое» на втором году службы.

7. Молодые должны работать, а старослужащие только подгонять и контролировать работу. По мнению старослужащих, так всегда было и так будет в войсках.

В настоящее время в связи с переходом на годичный срок службы и основанием института сержантов контрактной службы явления «дедовщины» претерпели существенные изменения. Однако их сущность остается неизменной.

«Философия» дедовщины входит в резкое противоречие с нормами уставов, с общечеловеческими понятиями о добре и справедливости. Но если в подразделении сержанты не руководят службой и бытом солдат, а офицеры не оказывают своего влияния на подчиненных через сержантов, тогда складывается система неуставной власти «дедов», в среде военнослужащих устанавливаются традиции, имеющие негативное содержание. Как показывает практика, в таких коллективах очень сильна круговая порука, а предание гласности творимых безобразий воспринимается как «стукачество».

Каковы же причины и механизмы, обеспечивающие живучесть неуставных взаимоотношений в воинских частях и подразделениях? В ряду таких причин следует отметить следующие:

- низкий культурный уровень, недостаточный уровень социализированности значительной части призывной молодежи;

- отношение, сложившееся у призывников к НУВ как неизбежному явлению, которое «надо пережить», против которого нет действенных рычагов влияния со стороны командования (эффект выученной беспомощности). Этому в значительной мере способствует и то, что сержанты или неформальные лидеры часто демонстрируют свою «близость» к офицерам, стараясь в разгово-

ре с ними, на виду у своих сослуживцев подчеркнуть свой «особый» статус, лояльность и поддержку их офицерами;

- приверженность подавляющей части военнослужащих к соблюдению ложно понимаемых принципов мужского и воинского достоинства, готовность к терпению, трудностям «армейской школы жизни» начального периода службы, боязнь прослыть «стукачом»;

- незнание правовой основы прохождения военной службы, положений, устанавливающих правомерность защиты себя и собственного достоинства допустимыми законом способами;

- вовлечение к соучастию в насилии военнослужащих младшего призыва, не являющихся лидерами или активными сторонниками поддержания негативных ритуалов и традиций в подразделении;

- целенаправленное стремление к «отсечению» доступа к общению с офицерами военнослужащих младшего периода службы, намеренное искажение сержантами, поддерживающими неформальных лидеров подразделения, морально-нравственных и профессиональных качеств военнослужащих, готовых противостоять казарменному хулиганству;

- слабые навыки, отсутствие опыта, особенно у младших офицеров, а зачастую и необходимой мотивации на систематическую, индивидуальную воспитательную работу с различными категориями военнослужащих;

- умышленное сокрытие фактов неуставных взаимоотношений офицерами подразделений вследствие приоритета «статистического» подхода командования к оценке вклада должностных лиц в профилактику НУВ;

- разрозненность военнослужащих младшего периода службы, отсутствие сплоченности и единого, консолидированного общественного мнения, способного противостоять асоциальной идеологии «неуставщины»;

- проявление конформных реакций, занятие позиции невмешательства в отношении негативного поведения отдельных членов воинского коллектива;

- наличие значительного числа ситуаций, когда военнослужащие остаются вне контроля командиров и начальников.

К основным мерам по профилактике и искоренению НУВ следует отнести следующие:

- сравнительная диагностика дисциплинарного потенциала существующих в подразделении (воинской части) формальной и неформальной структур (оценка дисциплинарной и психолого-педагогической компетентности офицеров и сержантов, состава микрогрупп, их направленности и статуса в воинском коллективе);
- мотивирование офицеров и сержантов на исключение случаев сокрытия НУВ, обучение их практике работы с неформальными лидерами;
- разъяснение военнослужащим из числа пополнения правовой регламентации прохождения военной службы, ориентирование в возможных трудных ситуациях взаимодействия с другими военнослужащими, наиболее приемлемых способах поведения в них;
- систематическое и регулярное изучение удовлетворенности военнослужащих межличностными отношениями и социально-психологическим климатом в коллективе;
- комплектование подразделений (боевых групп, экипажей) с учетом социально-психологической совместимости военнослужащих;
- формирование в подразделении группы военнослужащих различных сроков службы, национально-территориальной принадлежности, которые в качестве актива подразделения готовы способствовать командованию в поддержании здорового морально-психологического климата, пресечению НУВ во время отсутствия в подразделении офицеров или сержантов;
- закрепление за военнослужащими младшего призыва для оказания им помощи в адаптации, освоении воинской специальности профессионально подготовленных военнослужащих, пользующихся уважением в коллективе;
- постоянное стимулирование деловой (деятельностной) основы взаимоотношений, увязывание кадровых перемещений, мер поощрительного характера в отношении воинских коллективов и их командиров (начальников) с учетом состояния межличностных отношений;

- исключение случаев неравномерного распределения нарядов, другой служебной нагрузки на военнослужащих подразделения;

- строгий контроль соблюдения норм снабжения и правил, обеспечивающих сохранность имущества военнослужащих;

- целенаправленная коррекция (с участием психолога) личностных качеств военнослужащих, предполагающих склонность к агрессивному, конфликтному поведению, проявлению жестокости;

- оперативная психологическая помощь военнослужащим, находящимся в депрессивном, подавленном состоянии в связи с событиями и общим качеством межперсонального и внутригруппового общения, взаимодействия с другими военнослужащими.

Таким образом, в ходе анализа проблемы НУВ мы выяснили, что в их детерминации, а соответственно, искоренении задействован целый ряд факторов (социальных, психологических, педагогических, организационных, правовых). Значительное влияние имеют процессы неформального объединения военнослужащих по национальному, «земляческому» и другим признакам, которые зачастую своими действиями вторгаются в сферу военного управления. Это в свою очередь вызывает законное желание добросовестных офицеров *восстановить управляемость в подразделении*, к чему и нужно стремиться всеми законными средствами.

Вместе с тем некоторые из них ошибочно считают, что для этого необходимо существенно ограничить возможности воинского подразделения по формированию и функционированию самих неформальных структур и стремятся действовать методами запретов и жесткой регламентации всей внутригрупповой жизни подразделения. Такой подход, как правило, не дает значимых результатов, поскольку деятельность неформальных структур – это объективная психологическая закономерность жизни любого воинского подразделения. Поэтому вопрос заключается не в том, быть или не быть неформальной структуре, а в том какой ей быть и как строить взаимодействие с ней официальной структуре. Знание офицером содержания процесса сплочения воинского коллектива, формирования здорового социально-психологического климата дает возможность проводить данную работу целенаправленно и более эффективно.

4.5. Психология воинской дисциплины

Психологическая характеристика воинской дисциплины и дисциплинирования военнослужащих

Воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных законами, воинскими уставами и приказами командиров (начальников). Сам термин «дисциплина» в русской военной литературе появился в указе Петра I о призыве иноземцев в Россию (1702), которые должны были помочь тому, «…чтобы армии наши составлялись из людей, знающих воинские дела и хранящих добрый порядок и *дисциплину*» [330]. В последующие годы представители науки, военные деятели неоднократно обращались к проблеме дисциплины. Глубокие мысли о путях ее поддержания в армии и на флоте высказывали М. И. Драгомиров, Н. Д. Бутовский, Б. Б. Жерве, Д. П. Парский, А. А. Свечин, М. В. Фрунзе. Современный период исследования данной проблемы связан с именами военных психологов М. И. Дъяченко, Л. В. Згуро, С. Л. Евенко, А. И. Китова, Е. Ю. Стрижова, Э. П. Утлика и др. В результате исследований этих авторов в отечественной военной психологии разработана психологическая концепция воинской дисциплины, дающая целостное представление о ее сущности, механизмах, путях достижения и поддержания в войсках.

В соответствии с современным подходом предполагается, что дисциплина является результатом совместного и взаимообусловленного функционирования психологических структур и процессов психической регуляции, к которым относятся [330]:

а) индивидуально-личностная дисциплинированность военнослужащего;

б) коллективное само- и взаимодисциплинирование;

в) дисциплинарно-психологическое воздействие военного руководителя;

г) инженерно-психологические, эргономические и экологические условия дисциплины.

Дисциплина как результат выражается в достижении соответствия отдельных поступков военнослужащих или их системы ус-

тановленным в армии и на флоте дисциплинарным нормам, регламентирующим поступки, профессиональные действия военных специалистов, их взаимоотношения и взаимодействие друг с другом. Учитывая то, что дисциплина пронизывает различные сферы жизнедеятельности военнослужащих, говорят, например, о дисциплине боевого дежурства, штабной дисциплине, дисциплине финансовых операций, дисциплине строя и т. д.

Процессом, обеспечивающим достижение нормосообразного поведения военнослужащих, является *дисциплинирование*, различающееся по способу регулирования поведения (действий) военнослужащих и воинских коллективов на самоуправление и внешнее управление. Дисциплинирование – это комплекс операций, включенных в деятельность, быт и общение военнослужащих для их нормативной ориентации и коррекции.

Следует понимать, что достижение дисциплины, основанной исключительно на внешнем регулировании, не обеспечит в долгосрочной перспективе устойчивые результаты. Это в частности обусловлено и тем, что одним из распространенных дисциплинарных мотивов является избегание санкций со стороны начальника, коллектива. Об истинной дисциплине можно говорить только тогда, когда сформированы внутреннее принятие дисциплинарных норм и готовность следовать им в своей повседневной жизнедеятельности вне контроля старших. В этом случае говорят о качестве, обеспечивающем такое поведение – дисциплинированности.

Дисциплина является результатом функционирования имеющейся в воинской части и подразделении *дисциплинарной системы*, в которую входят все военнослужащие. Данная система объединяет взаимодействующие между собой формальную и неформальную структуры.

Направленность работы по укреплению воинской дисциплины определяется наличием дисциплинарных проблем, а также необходимостью поддержания такого состояния воинских подразделений и частей, которое обеспечивало бы качественное решение ими задач по предназначению в мирных условиях и в условиях боевых действий. Такие проблемы встают в дисциплинарных системах всех уровней и инстанций и носят, соответственно, такти-

ческий, оперативный или стратегический характер. Э. П. Утлик [330] выделяет следующие группы дисциплинарных проблем:

1. Проблемы, обусловленные несформированностью (слабость, неустойчивость, неполнота, незавершенность) индивидуальных, групповых или властно-организаторских механизмов нормативного поведения личного состава и управления им.

Данная группа проблем делится на три подгруппы:

а) мотивационные проблемы дисциплины (отсутствие побудителей к соблюдению дисциплинарных норм);

б) проблемы нормативной или организаторской некомпетентности (отсутствие, несформированность навыков дисциплинированного поведения или дисциплинарно-управленческих воздействий);

в) проблемы психической дезорганизации как личностной так и групповой, в том числе управленческой (находят отражение в недостаточной развитости личностных качеств, благодаря которым обеспечивается требуемый нормосообразный уровень поведения).

2. Проблемы, обусловленные наличием явных или скрытых альтернативных, теневых дисциплинарных систем как индивидуальных, так и групповых типа «дедовщины», «землячества» или иной неформальной структуры со своей субдисциплиной, которая не совместима с дисциплиной устава, закона, общечеловеческой морали.

Учитывая сложный характер детерминации таких проблем, работа по укреплению дисциплины также должна носить системный характер. В ней должны принимать активное участие не только офицеры и сержанты, но и рядовые военнослужащие, представители армейской общественности.

Выделим основные направления психологического обеспечения воинской дисциплины [37].

1. Непрерывный инструментальный мониторинг (отслеживание) и оценка динамики дисциплинированности военнослужащих и подразделений с учетом решаемых задач, меняющихся условий службы вообще и дисциплинарных в особенности. Это позволяет

контролировать основные тенденции и своевременно прогнозировать благоприятные и нежелательные перемены.

2. Диагностика стартового уровня дисциплины молодого пополнения, оценка индивидуального стиля и опыта нормативного поведения, полученного до службы, прогнозирование дисциплинарной перспективы, определение необходимости, содержания и методики ранних психокоррекционных мероприятий.

3. Психологическая экспертиза планируемых и оценка эффективности реализуемых мероприятий по укреплению дисциплины, анализ повседневной дисциплинарной деятельности офицерского и сержантского состава. Особое внимание психологи уделяют тому, насколько психологически грамотно ведется эта работа, какие психологические проблемы находят в ней свое решение, какие остаются незатронутыми и, возможно, даже усиливаются, а то и порождаются психологически некомпетентными действиями.

4. Систематическая индивидуальная и групповая психокоррекция (в форме дисциплинарно ориентированного психологического тренинга) – специальная работа военного психолога с военнослужащими, склонными к игнорированию норм воинского поведения, и подразделениями, где имеются трудности в поддержании уставного порядка.

5. Психологическая экспертиза грубых дисциплинарных проступков, происшествий и несчастных случаев в целях выявления и оценки вероятных психологических причин и условий, а также оценки психологических последствий этих событий.

6. Срочная индивидуальная психологическая помощь военнослужащим, находящимся в состоянии стресса из-за тех или иных дисциплинарных событий, прежде всего их дисциплинарных проступков, а также различных конфликтов, неблагоприятного климата подразделения и других обстоятельств, которые могут привести к серьезным беспорядкам, расстройству нормативной регуляции поведения отдельных воинов и коллективов.

7. Психологическая – текущая и перспективная – рационализация обстановки жизни и деятельности личного состава, имеющей дисциплинарное значение, в том числе распорядка дня, оборудова-

ния и обустройства рабочих мест, боевых постов, содержания и структуры учебного процесса, караульной и внутренней служб и т. д. путем приведения их в соответствие с законами психологии вообще и нормативного поведения в особенности.

8. Повышение дисциплинарно-психологической компетентности офицерского и сержантского состава методами индивидуального управленческого консультирования, лекционного обучения, дисциплинарно-психологического тренинга, деловых игр и т. п.

9. Разработка долгосрочных (перспективных) программ и планов, нацеленных на решение хронических дисциплинарных проблем, устранение систематических недостатков, справиться с которыми в режиме текущей работы, как правило, невозможно.

10. Исследовательская работа в области дисциплины, творческая разработка путей совершенствования дисциплинарных систем в целом и методов решения отдельных дисциплинарных проблем.

Укрепление воинской дисциплины – длительный, а в психологическом плане «энергозатратный» процесс, требующий от командира подразделения соответствующих знаний, навыков, мотивации. В частности он должен уметь:

- анализировать и оценивать дисциплинарные поступки и проступки, принимать правильные и взвешенные решения относительно способов воздействия на нерадивых военнослужащих;

- обучать подчиненных сержантов выполнению дисциплинарных функций и оценивать их выполнение;

- определять уровень дисциплинированности военнослужащего (дисциплинарную компетентность, дисциплинарную мотивацию и психологические качества, обеспечивающие соблюдение норм) и воинского коллектива;

- оценивать состояние дисциплины в подразделении за определенный период и прогнозировать ее изменение в будущем;

- проводить индивидуальную работу, групповые беседы по тематике, связанной с воинской дисциплиной.

Важным фактором укрепления дисциплины является личный пример командира, его авторитет в солдатской среде. В книге «Психология и солдат» Н. Коупленд [168], раскрывая источники

авторитета офицера, подчеркивает значимость для эффективности управления подразделением следующих аспектов:

- эмоциональное принятие офицера воинским коллективом;
- понимание военнослужащими того, что именно делает офицер в целях укрепления дисциплины;
- участие военнослужащих в обсуждении предстоящего характера действий подразделения;
- характер применения властных полномочий и пример исполнительской дисциплины со стороны самого офицера.

Эти положения особенно важны для учета теми командирами подразделений, которые планируют строить свою работу по воспитанию подчиненных с учетом долговременной перспективы. С другой стороны, наблюдая за действующей «моделью» (командиром, являющимся примером соблюдения требований устава) обеспечивается требуемая оперативность достижения планируемого результата в укреплении дисциплины в подразделении.

Воинский коллектив как фактор укрепления воинской дисциплины

Мощным мобилизующим воздействием на дисциплинарное поведение военнослужащих обладает воинский коллектив. Задача командира – обеспечить задействование социально-психологического потенциала воинского подразделения в необходимом русле. Общую схему такой работы предложил Э. П. Утлик [330]. По его мнению, она с необходимостью должна включать взаимодействие таких компонентов групповой психологии, как *групповые роли, традиции и обычаи, внутриколлективные нормы поведения, идейно-нравственные ценности общественного сознания.*

Сущность данного подхода состоит в том, что наряду с властными дисциплинарными механизмами, реализуемыми командиром и органами военного управления, возможно формирование коллективного самоуправляемого механизма. Его принципиальная новизна состоит в том, что он строится на принципах *межличностной партнерской координации* действий и отношений в подразделении. В связи с этим интересна мысль Н. Д. Бутовского,

который в свое время отмечал, что «одни карательные меры весьма мало влияют на уменьшение проступков против дисциплины и нравственности. В этом случае полезнее всего влиять на дух в роте, т. е. постараться выдвинуть хорошие элементы и обессилить дурные» [254].

Как любое социально-психологическое явление, коллективно-групповая дисциплинированность имеет своих **социальных носителей**. Это – прежде всего члены воинского коллектива, которые играют роль «стражей порядка». В такую дисциплинарную структуру, поддерживающую порядок в подразделении, входят следующие внутриколлективные роли:

а) «лидер-организатор», выполняющий функции оперативного обеспечения текущего порядка, советующий и требующий, что надо делать, реагирующий на возможные и случившиеся отклонения от принятого порядка, активно участвующий в организации общеколлективных дел;

б) воин, выступающий в качестве «совести коллектива», носителя определенных нравственных ценностей, эксперта в соответствующих спорах и конфликтах, своего рода «судьи», мнением которого в подразделении дорожат и считают, что он не ошибается в оценке человеческих достоинств;

в) воин, вклад которого в коллективную дисциплину заключается в том, что он служит своего рода «ориентиром в поведении», не допускает дисциплинарных ошибок, всегда точно знает требования и способы их выполнения, и поэтому во всех сложных ситуациях на его действия можно смело ориентироваться как на лучший вариант;

г) «страж дисциплинарных обычаев», обеспечивающий поддержание традиций и внутриколлективных норм, хорошо знающий их содержание, придающий им большое значение и чутко реагирующий на любое отклонение от них;

д) член коллектива – «лидер общественного мнения», представляющий личному составу информацию о состоянии дисциплины, хорошо знающий обо всем, что происходит в подразделении и умеющий красочно, в деталях описывать поступки (как хорошие, так и плохие).

Этим представителям положительной тенденции в деле укрепления воинской дисциплины противостоят представители отрицательных тенденций. К таковым можно отнести «дезорганизатора», т. е. того, кто подталкивает своих сослуживцев на всякого рода нарушения, проявляя при этом известного рода изобретательность. Порой их безответственность способна поставить подразделение в критическое положение. Учитывая их ненадежность, командирам необходимо обеспечить особый контроль их деятельности.

Другая роль, отрицательно сказывающаяся на дисциплине, – «носитель круговой поруки». Проблему круговой поруки А. С. Макаренко когда-то сформулировал в виде положения «не выдавать товарища начальнику». В этой формуле нашла свое выражение вся суть противоречий между формальной и неформальной структурами в деле укрепления воинской дисциплины. Это обусловлено тем, что практически у каждого нарушения есть свидетель – такой же воин, как и сам нарушитель, поэтому он рассматривает его как своего товарища. В то же время Устав требует от каждого воина своевременного доклада начальнику о всех замеченных нарушениях.

Решение этого вопроса во многом зависит от социально-психологического климата, который сложился в подразделении. Если отношения в коллективе не отличаются взаимопониманием, то каждый доклад о нарушении приравнивается к «доносительству», «стукачеству». Если же командирам удается создать обстановку взаимного доверия, то действия большинства воинов начинают соответствовать требованиям Устава. Для этого важно, чтобы такой доклад происходил гласно и воспринимался остальными как отвечающий интересам подразделения. В этом случае те, кто не следует требованиям Устава, оказываются в положении носителей круговой поруки.

Еще одна типичная отрицательная роль – так называемые «чепэшники», те, кто всегда попадает в какое-нибудь чрезвычайное положение и при этом не делают из этого никакой тайны. В силу этого начальники постоянно делают им замечания, их постоянно обсуждают на всех мероприятиях. Тем самым они всегда находятся на виду и им это в определенной степени даже нравится. Такие

военнослужащие нуждаются в поддержке, направленной на изменение их социального статуса, которое позволило бы им сохранить всеобщее внимание при изменении социальной направленности поступков.

Основная часть подразделения, как правило, не имеет своих индивидуально выраженных ролей в деле укрепления воинской дисциплины. Они проявляют свое отношение к этой проблеме преимущественно своим личным поведением.

В качестве второго компонента группового самодисциплинирования могут быть рассмотрены **внутриколлективные традиции и обычаи**. В коллективе традиции выступают как исторически сложившиеся и закрепленные в поведении большинства формы деятельности и соответствующие им представления и ценности. Таким образом, в отличие от требований Устава, пришедших в подразделение как бы «сверху», традиции вырастают из жизни самого подразделения. Их сила как раз и состоит в том, что они опираются на реальные события, произошедшие не где-нибудь, а в данном коллективе.

Место традиций в жизни коллектива можно сравнить с привычками в жизни отдельного воина. Привычки означают, что в силу тех или иных причин человек устойчиво воспроизводит определенный способ поведения, почти не задумываясь над этим. Аналогичным образом и традиции предполагают определенную стабильность в осуществлении некоторых форм дисциплинированного поведения. Так, в подразделении могут сложиться традиции высокого качества выполнения задач караульной службы, организованного приема молодого пополнения и др. Основным признаком наличия традиции является присущий только данному подразделению *ритуал*.

***Ритуал** – это упорядоченная система действий, символизирующих определенные социальные ценности.* Ритуал выступает формой поддержания традиции. Например, для поддержания традиции высокого качества несения караульной службы в подразделении может быть создан переходящий вымпел, который после каждого наряда вручается лучшему часовому. В клубе части для таких победителей могут быть отведены специальные места, а

имена лучших перед началом фильма объявляются по трансляции. Эти и другие мероприятия призваны закрепить в коллективном сознании позитивное отношение к выполнению ряда действий, значимых с точки зрения поддержания воинской дисциплины.

Очевидно, что не все традиции поведения работают в интересах укрепления воинской дисциплины. Некоторые устойчивые формы коллективного поведения, наоборот, направлены на осуществление действий, противоречащих требованиям Устава. В первую очередь это относится к традициям, которые приносятся из «гражданской жизни» и связаны с употреблением спиртных напитков. Не секрет, что многие молодые люди считают обязательным отметить выпивкой свой день рождения, празднование Нового года и ряд других дат. Поэтому в условиях службы они, как правило, прилагают множество усилий для того, чтобы обеспечить следование этой традиции. В этом случае от командиров требуются настойчивые организаторские и пропагандистские усилия, чтобы свести на нет влияние этого фактора.

Поддержание положительных традиций и ритуалов – это важная задача, в решении которой каждый военнослужащий выполняет свою роль. В задачу представителей дисциплинарной ролевой структуры входит поддержание традиций организованного поведения. Именно они как наиболее яркие выразители общественного мнения по данному вопросу должны возглавить эту работу в подразделении. В то же время работа по осуществлению ритуалов предполагает наличие определенных распорядительных полномочий, и поэтому эту сторону должны взять на себя официальные лица подразделения – командир, заместитель по работе с личным составом и др.

Отражение традиций в коллективном сознании подразделения приводит к формированию еще одного компонента групповой психологии – **внутриколлективной нормы дисциплины**. Это специфическое социально-психологическое образование, которое выражает требования к обычному уровню дисциплинированности воинов со стороны общественного мнения коллектива. При этом необходимо понимать, что в некоторых чертах данная норма мо-

жет отличаться от уставного эталона. Это может, например, означать, что те формы поведения, которые Устав рассматривает как нарушение, в глазах общественного мнения подразделения таковыми являться не будут. Так, некоторые вольности в отдании чести военнослужащими друг другу могут восприниматься в коллективе как нормальное явление. Такое же отношение может сложиться к сознательному изменению некоторых элементов формы одежды в угоду местным «традициям» и т. д.

В системе обеспечения воинского порядка норма дисциплины служит, во-первых, ориентиром для планирования индивидуальных и групповых поступков воинов. Это означает, что планируя тот или иной поступок, воин невольно соотносит его с тем, как к этому отнесутся его товарищи по службе. И если он надеется на их моральную поддержку, то это может послужить серьезным аргументом в пользу совершения данного поступка. С другой стороны, данная норма выступает критерием оценки поведения воина. Она помогает всем остальным достаточно просто выработать собственное отношение к тому или иному событию в подразделении, опираясь на эти усредненные оценочные суждения.

Норма дисциплины вырастает в коллективе на почве накопленного опыта и традиций поведения. За ней стоят распространенные среди личного состава взгляды на дисциплину, ее значение и роль в службе. Это означает, что, если в подразделении уже имели место серьезные нарушения или даже воинские преступления, ожидать совершения чего-то подобного по тяжести проступка более вероятно, чем, если бы их не было. И, наоборот, в благополучном подразделении даже не слишком серьезное нарушение может быть расценено как «гром среди ясного неба». Вместе с тем характер нормы определяется не столько самими нарушениями, сколько тем отношением, которое сложилось к ним в коллективе, а это во многом зависит от личности нарушителей и от отношения к ним окружающих воинов.

В силу этого данная норма имеет свои индивидуализированные для каждого подразделения черты. В качестве ее обобщенной характеристики предлагается рассматривать так называемый «уровень сознательности», выражающий степень соответствия

общественного мнения требованиям законов, воинских Уставов и общественной морали. По данному показателю различают высокий и низкий уровень сознательности.

В коллективах с высоким уровнем сознательности представления о «нормальном» поведении приближаются к требованиям Устава. В силу этого здесь проявления дисциплинированности приводят к повышению внутриколлективного статуса воина. Низкий уровень сознательности коллектива приводит к тому, что дисциплинированность как качество личности воина не только не ценится, но и определенным образом осуждается. Больше того, воинам, ревностно выполняющим свои обязанности, беспрекословно подчиняющимся начальникам, приписываются скрытые мотивы, выражаются сомнения по поводу искренности их поступков. Задача командиров – всеми силами поддерживать в подразделении высокий уровень сознательности по вопросам воинской дисциплины.

Внутриколлективные нормы во многом обусловлены теми **идейно-нравственными ценностями, которые имеются в общественном сознании** по вопросам дисциплины. Взаимопроникновение коллективной и общественной психологии создает предпосылки для формирования в подразделении *ценностной основы дисциплины*. Уровень ее развития определяет место, которое в коллективном сознании занимает проблема поддержания воинского порядка, меру психологической вовлеченности коллектива в решение дисциплинарных вопросов. Основными элементами рассматриваемой концепции выступают коллективные представления по основным ценностным аспектам дисциплины.

Ценностное содержание дисциплины может быть выявлено, исходя из анализа основных типов отношений, складывающихся между людьми. Считается, что это отношения *подчинения, уважения, согласования и дружбы*. Соответственно выделяют ценности власти, уважения, моральные ценности и ценности дружбы. По поводу каждой из этих ценностей в обществе формируется то или иное общественное мнение. От того, какие ценности окажутся присвоенными в рамках данного коллектива, во многом будет зависеть ценностная основа поведения и отношений. Можно вы-

делить следующие группы ценностей, определяющих общее отношение воинов к вопросам воинской дисциплины:

а) мнения о природе *власти и дисциплины*, об отношении к законам и правилам, о порядке в армии и роли дисциплины в выполнении боевых задач;

б) *мера уважения представителей власти*, отношение к должностным лицам, поддерживающим требования закона и к лицам, нарушающим закон;

в) общие представления о *нравственном и безнравственном*, о справедливости и порядке и способах их поддержания, о роли силы и слабости в отношениях между людьми;

г) взгляды по вопросам *отношений между людьми*, представления о дружбе и взаимной помощи, о влиянии симпатий и антипатий на выполнение служебных задач.

Каждая из этих групп ценностей предполагает наличие многих взглядов и подходов. Процесс формирования тех из них, которые способны обеспечивать коллективно-групповую дисциплинированность, заключается в развитии и обогащении представлений воинов, уточнении их мировоззренческих позиций, преодолении разногласий и конфликтов во взглядах. Для этого командир подразделения, да и все остальные офицеры, должны уметь подниматься над повседневными заботами и вести работу с подчиненными на уровне морального просвещения и ценностного поиска. Дело это весьма сложное, требующее выхода на смысловые основания жизни. Однако, поскольку служебная деятельность и составляет смысл жизни офицера, то именно к такой работе он и должен быть готов, и именно на таком высоком уровне и должен эту работу проводить.

4.6. Психологическое обеспечение боевого дежурства и караульной службы

Психологические особенности несения боевого дежурства и караульной службы

Боевое дежурство и караульная служба являются наиболее важными задачами, которые повседневно и повсеместно решают

войска. Эти виды деятельности имеют свои особенности, обусловленные их спецификой. *Боевое дежурство* – это деятельность военнослужащих по обеспечению высокой готовности боевой техники и оружия к внезапному началу военных действий. *Караульная служба* предназначена для надежной охраны и обороны боевых знамен, военных и государственных объектов (хранилища вооружения и боеприпасов, имущества, боевая техника и т. п.), а также лиц, содержащихся на гауптвахте и в дисциплинарном батальоне.

К факторам, определяющим ***особенности несения боевого дежурства и караульной службы***, можно отнести следующие.

• В настоящее время во многих частях состав боевых смен, караулов превратился в относительно устойчивые микрогруппы, в которых военнослужащие с постоянной цикличностью взаимодействия выполняют боевую задачу. С другой стороны, военнослужащий на длительное время включается в систему отношений, обусловленную не его личными интересами, симпатиями и т. п., а необходимостью выполнения строго регламентированных совместных действий с другими субъектами воинской деятельности.

• Частота и фиксированная временная цикличность несения службы вызывают одновременно действие противоречивых тенденций в сознании и поступках военнослужащих: с одной стороны, отрабатываются и закрепляются необходимые психологические образования (знания, навыки, умения), формируется опыт, а с другой – возникают негативные психические состояния, ведущие к притуплению бдительности.

• Осознание особой значимости выполняемых задач, объективно мобилизующее возможности военнослужащих, со временем сменяется снижением функционального настроя психики вследствие включения ее защитных механизмов, поэтому у военнослужащего формируется привычка выполнять профессиональные действия при пониженном уровне психической активности.

• Условия относительной изоляции, монотония, ограничения в комфортности рабочего места (места несения службы на посту), регламентированный режим труда и отдыха обусловливают относительно длительную депривацию обычных потребностей и при-

вычек военнослужащего. А сочетаясь с такими факторами, как повышенная ответственность, потенциальная опасность, внезапность, новизна, повышенная интеллектуальная сложность, эти условия могут вызывать вследствие значительной нагрузки на психику различного рода негативные психические реакции и состояния.

Кроме общих особенностей, отличающих боевое дежурство и караульную службу от других видов деятельности, существует специфика каждого из них по отношению друг к другу.

Таблица 4.9

Специфика условий выполнения задач боевого дежурства и караульной службы

Основания для различения специфики	Боевое дежурство	Караульная служба
Сфера деятельности военнослужащих	Не ограничена пределами непосредственной видимости	Ограничена пределами охраняемого поста
Степень вооруженности военнослужащих	Сложная радиоэлектронная техника, современные виды оружия большой разрушительной силы	В основном стрелковое оружие
Характер получения информации о состоянии боевой техники и охраняемых объектов	Дистанционный, по каналам связи операторских пультов	Непосредственное восприятие обстановки
Характер выполнения первых действий по отражению нападения	Преимущественно коллективный	Преимущественно индивидуальный
Последствия применения оружия в случае отражения нападения	Значительные политические, социальные последствия, большой людской и экономический ущерб	Непосредственное поражение (уничтожение, захват) нападающих людей

В силу особых социально значимых целей, специфических условий и способов осуществления боевое дежурство (прежде всего) – это всегда балансирование между возможностью и необходимостью применения оружия и техники в мирное время. Такое балансирование связано с особой напряженностью функционирования психики и, естественно, вызывает наиболее интенсивное расходование психической энергии людей. Например, экипажи

ВВС стратегического назначения, осуществляя барражирование воздушного пространства со стороны вероятного противника по 15–20 часов в сутки, испытывают кратковременные, но запредельные психофизиологические и психические нагрузки. Дежурство боевых расчетов ракетных частей стратегического назначения и ПВО растянуто по времени (неделя, месяц) и осуществляется в более благоприятных социально-психологических и иных условиях. Боевая служба экипажей кораблей ВМФ достигает нескольких месяцев и осуществляется в неблагоприятной, по сути дела, вредной для психического здоровья людей среде.

Этапы и содержание психологического обеспечения боевого дежурства и караульной службы

Психологическое обеспечение задач, связанных с несением боевого дежурства и караульной службы, является важной предпосылкой и условием эффективного функционирования психики воинов в процессе их выполнения, предупреждения негативных психических явлений и процессов. ***Психологическое обеспечение как вид деятельности*** характеризуется комплексом мероприятий по формированию, укреплению и развитию у военнослужащих психологических качеств, обеспечивающих их высокую психологическую устойчивость и готовность выполнять боевую (учебно-боевую) задачу в любых условиях обстановки. ***Основной целью*** психологического обеспечения является достижение устойчивого и эффективного функционирования психики военнослужащих в процессе выполнения задач воинской деятельности.

Содержание психологического обеспечения определяется спецификой конкретной задачи. Причем расстановка психологических приоритетов в каждом из видов вооруженных сил и родов войск также имеет свои особенности. Например, в ВМФ специфика психологического обеспечения боевого дежурства связана с рядом существенных факторов: влиянием грозных, необычных явлений морской стихии, качкой («морская болезнь»); длительностью (много месяцев) больших нагрузок; однообразием (монотонностью) воздей-

ствий на психику моряков одних и тех же факторов; психической депривацией; психическим застоем (притуплением); ограниченностью подвижности (гипокинезия, гиподинамия); ограниченностью круга лиц для осуществления контакта, длительным отрывом от семьи, близких; сексуальным воздержанием; сменой климатических зон и времени года; ограниченными условиями отдыха и обитаемостью корабля (приспособленность к жизни человека).

Для деятельности военнослужащих войск ПВО, несущих боевое дежурство, основными факторами, влияющими на психику воинов, являются государственная значимость решаемых задач, внезапность, дефицит времени, неопределенность и т. д. Причем в зависимости от ситуации деятельности (ситуация ожидания сигнала или команды, время которого не определено, ситуация получения сигнала и выполнения задачи по основному предназначению) иерархия данных факторов значительно меняется.

С учетом указанных факторов психологическая работа по обеспечению боевого дежурства и караульной службы имеет свою специфику. ***Основными ее задачами*** являются:

- всестороннее изучение социально-психологических условий боевой деятельности, выявление негативных психологических факторов, влияющих на психику военнослужащих, выработка практических рекомендаций по их профилактике и преодолению;
- выявление у военнослужащих психологических качеств и состояний, препятствующих возможности несения ими службы, а также оценка психологической совместимости личного состава дежурных смен (боевых расчетов, караула);
- обучение военнослужащих приемам психической саморегуляции, позволяющим активизировать служебную деятельность и предупредить возникновение негативных состояний;
- восстановление психических и физических сил военнослужащих после смены с боевого дежурства, караула.

Психологическую работу, проводимую должностными лицами и психологом воинской части, можно разделить на ***четыре основных этапа***.

1. ***Организационный этап.*** На этом этапе (перед началом летнего и зимнего периодов обучения) психолог воинской части проводит психологическое изучение военнослужащих и состояния межличностных отношений в воинских коллективах, инструктивно-методические занятия с командирами и личным составом. По итогам изучения личного состава (в том числе и пополнения) командиру воинской части он представляет *списки военнослужащих, которые не рекомендуются для несения боевого дежурства и караульной службы*. Основанием для такого заключения является наличие у военнослужащих нервно-психической неустойчивости. Форма отчетности психолога: «Акт проведения психологического обследования о допуске к несению боевого дежурства (караульной службы)». С учетом рекомендаций психолога издается приказ по воинской части «О составе дежурных боевых смен». Кроме того, проводятся практические занятия с военнослужащими по ознакомлению и обучению их приемам и методам психической саморегуляции. Ежеквартально осуществляется промежуточное психологическое обследование личного состава (форма отчетности: «Акт проведения ежеквартального психологического обследования дежурных смен», срок хранения – 2 года). Промежуточное психологическое обследование личного состава дежурных смен включает в себя:

- изучение индивидуальных психологических качеств военнослужащих, вновь назначенных в состав расчетов, смен, а также согласно плану психолога воинской части;
- изучение межличностных отношений в составе расчетов, смен.

2. ***Этап подготовки к несению службы.*** Он начинается за 2–3 дня до заступления на боевое дежурство, в караул. В этот период деятельность должностных лиц должна быть направлена на подбор личного состава и расстановку его по сменам и постам. Офицеры подразделений осуществляют включенное наблюдение в целях выявления военнослужащих с признаками повышенной нервно-психической напряженности и дополнительного углубленного психологического их изучения. *Особое внимание уделяется таким проявлениям*, как повышенная рассеянность, несобранность, заторможенность, нескоординированность действий, повышенная

раздражительность, конфликтность, уныние, апатия, тревожность, быстрые колебания настроения, быстрая утомляемость.

Углубленное психологическое обследование военнослужащих проводит психолог воинской части. По результатам обследования оцениваются реальная психологическая готовность и морально-психологическое состояние личного состава, заступающего на боевое дежурство, в караул.

3. ***Этап несения службы на боевом дежурстве, в карауле.*** При несении службы основные усилия направляются на создание обстановки оптимальной готовности к немедленным действиям по боевому расчёту и другим внезапным изменениям. На данном этапе достигается соотношение необходимого и достаточного количества проверок несения службы, осуществляется контроль за материально-техническим обеспечением и своевременным и рациональным питанием личного состава.

В ходе несения боевого дежурства, караульной службы с военнослужащими из состава отдыхающей смены проводятся психогигиенические и психопрофилактические мероприятия (психологическая гимнастика, психотренинги, сеансы нервно-психического восстановления и др.), выполняются психотехнические упражнения, направленные на поддержание бдительности и психологической готовности военнослужащих. Их проводят специально подготовленные психологом военнослужащие.

Визуально или коммуникативным общением оценивается психологическое состояние отдельных военнослужащих, выявляются преобладающие психологические реакции. Офицеры осуществляют включенное, скрытое наблюдение за внешними проявлениями эмоциональных состояний личного состава. Цель наблюдения – выявить воинов с повышенной психической нагрузкой. В конце проверки оформляется специальный план-схема наблюдения (см. рис. 4.8).

По результатам наблюдения в зависимости от количества регистрируемых признаков в отношении военнослужащего принимается определенное решение – усилить контроль, произвести замену в составе смены, расчета и т. д.

Сфера проявления	Разводящий		Пост № 1		И т. д.
	1-й	2-й	1-я смена	2-я смена	
1. Рот, брови, общее выражение: губы сжаты, углы рта опущены, брови сдвинуты у переносицы. Страдальческое выражение лица					
2. Глаза: унылый, недовольный взгляд; горящие беспокойные глаза					
3. Цвет кожи лица: значительное покраснение, появление пятен; бледность, желтизна					
4. Движения: закрепощенность, нарушение точности движений; суетливость, сильный тремор рук					
5. Особенности поведения: замкнутость, апатия; плохой самоконтроль, бравада					

Рис. 4.8. План-схема наблюдения за внешними проявлениями эмоциональных состояний военнослужащих в процессе несения боевого дежурства (караульной службы)

4. ***Этап после смены с боевого дежурства, караула.*** Для личного состава после смены с боевого дежурства, караула организуется комплекс мероприятий по психофизиологическому восстановлению. Кроме спортивно-массовой и культурно-досуговой работы, с номерами расчетов и смен в комнате психологической помощи проводятся групповые и индивидуальные тренинги активной нервно-психической релаксации с прослушиванием (просмотром) специальных аудио- и видеокассет, а также другие мероприятия, направленные на снятие нервно-психической нагрузки и подготовку военнослужащих к очередному заступлению на боевое дежурство (в караул).

Организуя подготовку личного состава к заступлению для несения службы, должностные лица обязаны учитывать некото-

рые правила, связанные с психологическими особенностями несения боевого дежурства и караульной службы. Среди факторов, оказывающих влияние на психологическое самочувствие военнослужащих, на их работоспособность и успешность выполнения обязанностей по службе, следует назвать ***влияние цикличности на психику военнослужащих***. Ученые давно выявили влияние геомагнитных и гравитационных полей на самочувствие людей. Наряду с *долгими биоритмами* (12-летний, годичный, физический (23 дня), эмоциональный (28 дней), интеллектуальный (33 дня), недельный и другие – всего более 300) существуют и так называемые *короткие биоритмы,* цикличность которых колеблется в течение суток, а их периоды составляют 4–6 часов. В течение суток работоспособность человека пять раз достигает максимума и пять раз снижается до определенного минимума. «Подъемы» приходятся на 5 часов, 11, 16, 20 и 24, а «спады» фиксируются около 2, 9, 14, 18, 22 часов.

Замечено, что большинство нарушений, например сон на посту, приходится как раз на время действия циклов «спада». Поэтому необходимо следить, чтобы военнослужащие каждый раз заступали в караул, на боевое дежурство в разные смены. Кроме того, установлено, что для приема пищи тоже существуют свои наиболее благоприятные часы – 0, 5, 10, 15 и 19 часов. В карауле целесообразно предоставить военнослужащим возможность для приема пищи и в ночное время – примерно с 0 до 2 и с 4 до 5 часов.

Серьезная нагрузка на психику военнослужащих ложится в ходе *несения боевого дежурства.* В значительной степени это связано с необходимостью поддержания определенного уровня мобилизованности психических сил. Данное состояние – ***состояние психической готовности*** – рассматривается как мотивационно-волевое состояние психики, обеспечивающее актуализацию профессиональной подготовленности в процессе перехода от ожидания экстренного сигнала, время поступления которого не определено, к активным боевым действиям.

Состояние готовности имеет индивидуальный характер и связано с экономичностью протекания психических процессов, опре-

деляющих уровень психической напряженности военнослужащего. Нахождение в таком состоянии в течение длительного времени может в свою очередь вызывать ***негативные состояния***. А именно:

- состояние *«фрустрации»*, когда нормативные требования превышают профессионально-боевые возможности военнослужащего;
- состояние *«монотонии»*, когда в результате однообразной деятельности, «ненасыщенного» интереса сужается объем внимания и психическое напряжение резко уменьшается;
- состояние *«привычности»*, когда снижается эмоциональность ожидаемого события (возникновение боевых действий), а само оно кажется человеку маловероятным;
- состояние *«усталости, утомления»* как результат истощения физических и психических ресурсов человека под влиянием длительной перегрузки, психического напряжения.

Психические состояния военнослужащих в процессе несения службы тесно связаны с его работоспособностью. Именно ***работоспособность*** раскрывает физиологическое состояние организма – мышц, органов, нервной системы, обеспеченность энергией, которая может реализовываться в конкретных продуктах деятельности. Процесс расходования энергии в ходе деятельности ведет к ***утомлению*** – физиологическому состоянию, препятствующему эффективной деятельности. Различают физическое, сенсорное, умственное и эмоциональное утомление. Остаточные явления утомления нередко проявляются на следующий день или в течение более продолжительного времени. Состояние *переутомления*, связанное с неэффективностью восстановительного периода, имеет различные степени выраженности, каждой из которых должны соответствовать свои коррекционно-профилактические мероприятия: отдых на природе, отпуск, занятия физкультурой, упорядочение сна, лечение у специалистов и т. д.

Степень утомления субъективно отражается психикой как ***усталость***. Это психическое состояние человека, препятствующее реализации работоспособности в конкретные продукты деятельности. В исследованиях военных психологов установлено, что в течение всего периода несения службы уровень работоспособности, определяющий эффективность деятельности, подвержен

значительным колебаниям. Специалистами выделяются, по крайней мере, ***три фазы, связанные с различным уровнем работоспособности и продуктивности деятельности:*** нарастания продуктивности, устойчивой наилучшей продуктивности, падения продуктивности (см. рис. 4.9).

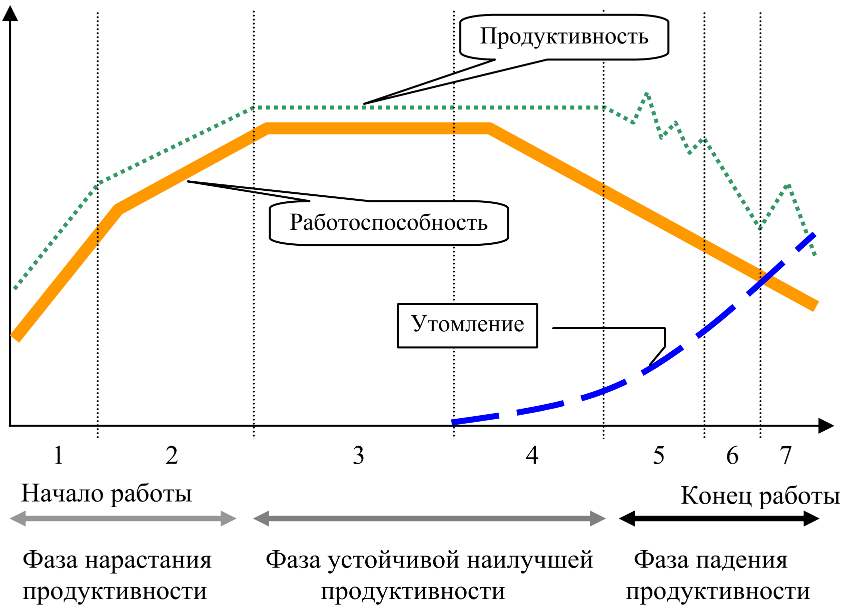

Рис. 4.9. Динамика продуктивности деятельности и работоспособности организма при непрерывной длительной работе

Примечание: 1 – период экстренного врабатывания; 2 – период тонкого врабатывания; 3 – период оптимальной работоспособности; 4 – период полной компенсации утомления; 5 – период неустойчивой компенсации утомления; 6 – период прогрессивного снижения продуктивности; 7 – «конечный порыв».

Фаза нарастания продуктивности связана с так называемым процессом врабатывания человека в осуществляемую деятельность и ее условия. Данный процесс можно разделить на два периода:

грубого и тонкого врабатывания. Процесс *врабатывания* характеризуется привыканием личного состава к обстановке несения службы, «перестройкой» психики на рабочий лад. Примерная продолжительность врабатывания – 10–15 мин., но у разных людей оно происходит по-разному и зависит от многих факторов: психофизиологических особенностей, мотивации, психического состояния, сформированности профессиональных умений и навыков и т. п. Различие во времени связано также и с тем, какой анализатор является ведущим для специалиста той или иной профессии. Например, адаптация слуха происходит в течение одной минуты, обоняния – 3–5 мин., а зрения – 30–40 мин. На этой фазе возможны значительные колебания (до 40%) производительности труда, точности операций, качества работы.

Фаза устойчивой наилучшей продуктивности отличается самыми высокими показателями работы, положительными эмоциями и отсутствием признаков утомления. Энергетические затраты организма успевают полностью компенсироваться. На этой фазе выделяют два периода: период оптимальной работоспособности (3) и период полной компенсации утомления (4). Период *оптимальной работоспособности* характеризуется высокой и устойчивой производительностью труда, положительными эмоциями. В период *полной компенсации* наблюдаются первые признаки усталости, необходимости в отдельные моменты более тщательного сосредоточения внимания на выполняемых действиях и операциях, однако эффективность деятельности остается на уровне нормативных требований. Соотношение периодов и их общее время зависят от многих факторов: от запаса энергетических ресурсов, т. е. выносливости, воинского мастерства, состояния здоровья, режима питания, сложности решаемых задач, слаженности расчета и т. д. Данная фаза занимает основную часть рабочего цикла (не менее 50% рабочего времени).

Фаза падения продуктивности характеризуется действием достаточно сильного нарастания утомления. Военнослужащий уже не может компенсировать утомление полностью. Данная фаза состоит из нескольких периодов.

В период *неустойчивой компенсации* (5) начинают сказываться последствия утомления, волевым усилием уже не удается поддерживать высокий уровень производительности труда, точно и своевременно реагировать на изменение обстановки. Все ярче проявляются признаки утомления и чувство усталости.

В период *прогрессивного снижения эффективности деятельности* (6) происходят значительные сдвиги в функциональном состоянии организма. Утомление быстро нарастает, увеличивается количество ошибок, таких как нарушение последовательности работы, пропуск операции или действия, неправильные решения, сбой в действиях и т. п.

Период *конечного порыва* (7) может наблюдаться за 20–30 мин. до конца несения службы и выражаться в повышении эффективности боевой деятельности. Такое повышение дееспособности связано с улучшением настроения военнослужащего в преддверии окончания боевого дежурства, службы в карауле, с мобилизацией оставшихся энергетических ресурсов.

С учетом приведенной динамики должны планироваться профилактические мероприятия по предупреждению негативных состояний и срывов в деятельности. К числу таких мероприятий, проводимых психологом и другими должностными лицами, относятся следующие.

1. ***Планирование и организация эргономических условий,*** способствующих сохранению оптимального уровня работоспособности личного состава (освещенность, цвет, температурный режим, оборудование рабочего места оператора, устранение лишнего шума и т. п.). Установлено в частности, что красный, оранжевый цвета возбуждающе действуют на эмоциональную сферу человека, повышают артериальное давление, усиливают мускульное напряжение, увеличивают частоту дыхания и пульс. Зеленый, голубой, синий и фиолетовый цвета, напротив, действуют успокаивающе.

2. ***Организация оптимального режима труда и отдыха*** в процессе несения службы. Например, в ходе боевого дежурства зачастую наблюдается очень слабая нагрузка на определенные группы мышц. Регулярная и длительная недогрузка мышц вызы-

вает двигательное голодание – своеобразное заболевание, называемое ***гиподинамией***. Это явление характерно прежде всего для представителей операторских специальностей и проявляется в вялости человека, апатии, нежелании двигаться, быстрой утомляемости, снижении физической силы и выносливости.

Кроме того, длительное пребывание человека в закрытых помещениях, подземных сооружениях вызывает так называемую *сенсорную депривацию* (невозможность удовлетворения потребности в разнообразии красок, свете солнца, смене дня и ночи, запахе земли, деревьев и т. п.). В изоляции человек, лишаясь привычных раздражителей, ощущает сенсорный голод, действие которого проявляется в снижении работоспособности, ухудшении внимания, памяти, мышления, возникновении иллюзий. Нейтрализация этих негативных явлений требует особого внимания со стороны командного звена и психолога.

3. ***Психологическое просвещение***, направленное на разъяснение условий и особенностей несения боевого дежурства и караульной службы, влияния данных условий на психику человека, показ психологической природы трудностей деятельности и возможных ошибок. Важно разъяснять военнослужащим возможные способы профилактики усталости, не допускать ее хронических форм, закрепляющих «привычку усталости» на службе. Данное явление возникает даже при отсутствии реального утомления, становится своего рода профессиональным отягощением. Испытываемые каждый раз при заступлении на службу неприятные ощущения могут значительно опережать реальное утомление и становиться причиной не только ошибок, сбоев в осуществлении деятельности, но и профессиональных кризисов и заболеваний.

4. ***Обеспечение оптимальной системы взаимодействия*** военнослужащих при несении службы, подбор и расстановка по сменам и постам с учетом их психологической совместимости.

5. Проведение в период подготовки к несению службы ***групповых психологических тренингов***. В состав их участников могут входить члены одного расчета, смены. Учебным материалом для тренинга являются возможные боевые ситуации. Задается, как правило, лишь основное направление событий (условия и цель), а

участники должны определить алгоритм решения задачи каждым специалистом в составе расчета. Моделирование боевых ситуаций призвано не только актуализировать профессиональные качества военнослужащих для действий в таких ситуациях, но и вызвать у них (за счет варьирования условий выполнения задачи) сходные с «боевыми» психические состояния. Создаваемые тем самым эмоционально насыщенные элементы будущей деятельности становятся критериальным средством преодоления возможных негативных психических состояний.

Эффективным средством предупреждения негативных состояний, мобилизации сил на успешное выполнение боевой задачи является овладение методиками *психической саморегуляции*. У каждого человека есть свой набор приемов выхода из трудных ситуаций. Эти приемы предполагают нерефлексивное применение методов психической саморегуляции, поддержания требуемого в данный момент психического состояния. Так, некоторые военнослужащие для поддержания бдительности в карауле на посту применяют своеобразную тактику передвижения по маршруту – через каждые четыре шага оглядываться поочередно через правое и левое плечо. Многие знают, что ходьба в темпе 140–150 шагов в минуту создает бодрое самочувствие и хорошее настроение, а чередование темпа шага от замедленного до ускоренного в разном ритме по 10–12 шагов усиливает собранность, заостряет внимание. Для борьбы со сном широко применяются пощипывание кожи рук, элементы самомассажа головы, другие психофизиологические приемы активирующего самовоздействия.

Психическая саморегуляция (ПС) – это целенаправленное управление человеком собственными психическими состояниями. Необходимость освоения приемов ПС обусловлена возможностью для военнослужащих с их помощью предупреждать различные психосоматические расстройства (нарушение сна, снижение аппетита, падение работоспособности, нарастание слабости, повышение артериального давления), невротические расстройства и даже органические заболевания (гастрит, язвенная болезнь, вегетативно-сосудистая дистония и пр.). Такие расстройства являются результатом истощения внутренних энергетических ресурсов человека

вследствие рассогласования циркадианных ритмов организма, нервного напряжения и физического переутомления, вызываемых особыми условиями боевого дежурства и несения службы в карауле.

Способность к освоению приемов психической саморегуляции обусловливается особенностями нервно-психической сферы человека. Так, многочисленными исследованиями установлено, что физиологические процессы, протекающие в организме, опосредованы психической энергией. Задача человека – «направить» эту энергию, используя образно-эмоциональные конструкты, в нужном направлении. Поэтому освоить приемы ПС легче людям с «художественным» типом нервной системы, труднее – тем, у кого логический склад ума. Регулирующее влияние приемов психической саморегуляции осуществляется по типу «возбуждение (мобилизация) – успокоение (релаксация)».

Назовем основные ***методы и приемы психической саморегуляции***.

Аутогенная тренировка (АТ) – система упражнений для достижения состояния аутогенного погружения, в котором открывается возможность влиять с помощью образных представлений, подкрепляемых словесными внушениями, на вегетативную нервную систему и через нее – на функционирование внутренних органов. Лечебное действие АТ связано с мышечным расслаблением за счет произвольного изменения тонуса мышц, использованием активной роли представлений, мыслительных образов и словесным самовнушением, выполняемыми в особом состоянии погружения, когда внушаемость повышена. Сеансы самовнушения можно проводить в любое время 3–4 раза в день, используя для этого тихое помещение с неярким освещением.

В целях предупреждения возможных негативных состояний, вызванных фактором неопределенности, новизны, внезапности, могут проводиться ***идеомоторные тренировки***. Это эффективное средство профессиональной и психологической подготовки специалистов. Основой идеомоторных тренировок является «мысленное проигрывание» своих действий в разных ситуациях. Причем мысленный образ движений обязательно связан с мышечно-сустав-

ным чувством, т. е. с физическими движениями. Идеомоторное действие должно быть представлено настолько ясно, что военнослужащий будет невольно совершать движения. В качестве содержания для «проигрывания» своих действий берутся реальные типичные ситуации из специального банка психологических паспортов возможных боевых ситуаций, созданного ведущими специалистами рода войск, вида Вооруженных сил.

Управляя воображением, караульный может мысленно представить возможное развитие ситуации на посту и последствия тех или иных действий. Например: «А что если за углом нарушитель?» – Значит, надо перед поворотом отойти на 2–3 метра от стены и сосредоточиться…». Это позволяет упредить неблагоприятный исход и быть готовым к неожиданностям.

Мобилизующее и успокаивающее дыхание. В арсенале противострессовых средств особое значение имеет правильное дыхание. Различают два вида дыхания: верхнее (ключичное) и нижнее (брюшное). Правильно поставленное дыхание увеличивает степень оксигенации крови, вовлекает в дыхательный акт все этажи легких, массирует внутренние органы.

Успокаивающий тип дыхания (брюшное дыхание с относительно коротким вдохом и длинным выдохом с последующей задержкой) используется для нейтрализации избыточного возбуждения после конфликтных, стрессовых ситуаций, снятия нервно-психического напряжения и восстановления психического равновесия.

Мобилизующий тип дыхания (ключичное дыхание с вдохом средней величины, некоторой задержкой дыхания и резким выдохом) помогает преодолеть сонливость, вялость, утомление, связанные с монотонной работой, и мобилизует внимание. Такой тип дыхания положительно влияет на сердечнососудистую систему, пищеварительные органы, тканевый обмен, повышает функциональные возможности организма, определяя его общий тонус и бодрое состояние.

Регуляция мышечного тонуса (релаксация). Релаксация (от лат. relaxatio – уменьшение напряжения, расслабление) – это состояние покоя, расслабленности, возникающее у человека вследствие снятия напряжения после сильных переживаний или физи-

ческих усилий. Коротко рассмотрим физиологическую основу релаксации.

Каждая негативная эмоция имеет свое «представительство» в мышцах, составляющих до 40 процентов от массы тела. При нервно-эмоциональном возбуждении головной мозг посылает на периферию повышенный поток информации в виде нервных импульсов, создавая перенапряжение мышц и вызывая возникновение мышечных зажимов. Чем напряженнее мышцы, тем больше проприоцептивной импульсации поступает обратно в головной мозг, создавая в свою очередь в нем очаги повышенной возбудимости. Поскольку между психикой и телом существует тесная взаимосвязь, мышечное расслабление приводит к снижению нервно-психического возбуждения.

Овладение саморасслаблением базируется на сопоставлении ощущений, то есть когда мышца находится в напряженном состоянии и в расслабленном. Каждое упражнение состоит из 2 фаз – напряжения (после глубокого вдоха) и резкого расслабления (после выдоха). Задача заключается в осознании и запоминании состояния расслабленной мышцы, которое в дальнейшем легко вызывается.

Снижать мышечный тонус можно посредством самовнушения (софрология) – особым образом построенных словесных формул, а также посредством самомассажа и воздействия на биологически активные точки.

Практика ***самомассажа*** базируется на том, что некоторые участки кожи отличаются большой активностью, высоким уровнем обменных процессов и особым биоэлектрическим режимом. Поэтому воздействие на них позволяет стабилизировать центральную нервную систему.

Самая большая концентрация биологически активных точек находится на коже ушей, внешней и внутренней поверхностях кистей рук, подошвах ног, лице, шее и под волосами головы. Поэтому в интересах гармонизации деятельности всех жизненно важных органов и приобретения «щита» от стресса рекомендуется по нескольку раз в день производить легкий массаж данных участков (перед этим обязательно умыться холодной водой и помыть руки). Самомассаж проводят подушечками пальцев спиралеоб-

разными надавливающими движениями, последовательно переходя от мышц лба, щек, скул, затылка, шеи к плечам, предплечьям, кистям рук и т. д.

На базе релаксационных упражнений в условиях несения боевого дежурства, службы в карауле военнослужащими может осуществляться ***самоконтроль функционального состояния***. Этот прием используется главным образом в ходе выполнения задачи и основывается на использовании навыка постановки самому себе ряда вопросов, относящихся к основным параметрам функционального состояния, в целях оказания влияния на это состояние.

Первая группа вопросов касается самоконтроля мышечного тонуса. Например: «Не скован ли я? Где мышечные зажимы? Не сильно ли сжимаю оружие?». Обнаружив скованность, человек принимает меры по релаксации соответствующих мышц.

Вторая группа вопросов относится к контролю мимики и пантомимики: «Не сжал ли челюсти? Не втянул ли голову в плечи? Естественна ли поза?». После этого осуществляется соответствующее самовоздействие.

Третья группа вопросов касается контроля ритма дыхания и частоты сердечных сокращений: «Нет ли прерывистого, учащенного, поверхностного дыхания? Не колотится ли сердце?». После этого рекомендуется сделать два-три глубоких вдоха с продолжительным выдохом и перейти на ритмичное брюшное дыхание.

Надо сказать еще об одном приеме – ***пред- и послесонном самовнушении***. Особенностью приема по сравнению с обычным самовнушением является использование не специально вызываемого состояния аутогенного погружения, а естественно возникающих состояний сомнолентности, сопровождающих физиологический сон на его начальной и завершающей стадиях. Перед сном военнослужащий формулирует в соответствии с правилами построения самовнушения одну из наиболее актуальных предстоящих проблем (например, снять чрезмерное волнение перед ответственным этапом, снять усталость и т. п.), а затем по мере погружения в сон на фоне возникающего дремотного состояния вводит в подсознание формулами самовнушения информацию о том, что сон и возмож-

ные сновидения будут способствовать разрешению сформулированной проблемы. После пробуждения, не выходя из просоночного состояния, он закрепляет эту установку в утвердительной форме. Данный прием позволяет повысить субъективную уверенность в успехе ощущением того, что внутренняя работа в направлении цели идет непрерывно, в том числе и в период сна.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы задачи психологической службы ВС РФ?
2. Каковы обязанности и этические нормы деятельности военного психолога?
3. Какова структура компетентностного профиля военного психолога?
4. В каких целях проводится психологическое изучение личности?
5. Каковы этапы психологического изучения военнослужащего?
6. Что такое нервно-психическая неустойчивость и какими признаками она характеризуется?
7. Какие задачи решаются в процессе социально-психологического изучения воинского коллектива?
8. Назовите методы изучения социально-психологических явлений в коллективе?
9. Что понимается под неуставными взаимоотношениями и как они влияют на дисциплину в подразделении?
10. Какова роль неформальной структуры в поддержании воинской дисциплины в подразделении?
11. Каков механизм выработки внутриколлективных норм поведения?
12. Каковы признаки суицидального риска?
13. Какие негативные психические состояния развиваются у военнослужащих на разных этапах боевого дежурства?
14. Каковы направления и методы психологической работы с военнослужащими в мирное время?

Литература

а) основная:

1. *Караяни, А. Г., Сыромятников, И. В.* Прикладная военная психология. – СПб. : Питер, 2006.
2. *Караяни, А. Г., Сыромятников, И. В.* Введение в профессию военного психолога. – М. : Академия, 2007.

б) дополнительная

3. *Анцупов, А. Я., Ковалев, В. В.* Экспресс-оценка военнослужащих и воинских коллектив. – М. : ВУ, 2001.
4. *Боенко, А. В.* Суицидальное поведение военнослужащих срочной службы и его предупреждение : дис. … канд. психол. наук. – М., 1993.
5. *Бурлачук, Л. Ф., Морозов, С. М.* Словарь-справочник по психдиагностике. – СПб. : Питер, 1999.
6. Военная психология : методология, теория, практика / под ред. П. А. Корчемного : в 2 ч. – М., 1998.
7. *Дьяченко, М. И., Кандыбович, Л. А.* Готовность к деятельности. – Мн., 1979.
8. *Змановская, Е. Н.* Девиантология. – М., 2005.
9. *Коломинский, Я. Л.* Психология взаимоотношений в малых группах: общение и возрастные особенности. – Мн. : изд-во БГУ, 1976.
10. *Кон, И. С.* Девиантное поведение // Психология ранней юности. – М., 1989.
11. *Крук, В. М.* Неуставные взаимоотношения и их профилактика у военнослужащих : учебное пособие. – М. : ВПА, 1989.
12. *Кузнецов, Л. Н.* Формирование состояния психической готовности к боевым действиям у офицера-оператора в процессе боевого дежурства (на примере офицера наведения войск ПВО) : дис. … канд. психол. наук. – М., 1989.
13. *Обозов, Н. Н.* Психология малых групп и коллективов // Социальная психология. – Л., 1979.
14. *Полянский, М. С.* Психологические условия предупреждения негативного лидерства в воинских коллективах : дис. … канд. психол. наук. – М. : ВПА, 1991.
15. Профилактика самоубийств : метод. пособие для командиров, офицеров штабов и органов воспитательной работы. – М., 1995.

16. Психологическая диагностика : учебное пособие / под ред. К. М. Гуревича и Е. М. Борисовой. – М. : Изд-во УРАО, 1997.

17. Руководство по психологической работе в ВС РФ.

18. *Сыромятников, И. В.* Психодиагностика. – М. : Академпроект, 2005.

19. *Сыромятников, И. В., Чайка, В. Г.* Психология девиантного поведения военнослужащих и его профилактика. – М., 2001.

20. *Утлик, Э. П.* Психология дисциплины. – М., 1992.

21. *Утлик, Э. П*. Психология личности (личность в общей и военной психологии). М. : ВУ, 2006.

22. Цветовой тест отношений. – Л., 1985.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История войны и военного искусства содержит богатейший опыт использования военно-психологических знаний в интересах достижения победы над противником. Великие полководцы, используя закономерности проявления психики в бою, обладая меньшими боевыми ресурсами, побеждали более сильного противника.

В войнах и военных конфликтах 20-го столетия военная психология проявила себя как сила, способная оказывать существенное влияние на морально-психологическое состояние противоборствующих сторон. Учитывая, что современная война приобретает все более психологический характер (психологической является ее цель – слом воли противника к сопротивлению, все шире привлекаются для победы над врагом психологические средства (ПсО, психологическое оружие), во многом психологическими являются основные формы противоборства и их последствия, командирам всех степеней необходимо настойчиво овладевать военно-психологическими знаниями).

Военному психологу необходимо знать факторы, определяющие боевую активность воинов, характер влияния боевого стресса на психические познавательные и эмоционально-волевые процессы воинов, их личностные качества и поведение, на психологию воинских коллективов. Он должен понимать природу и использовать в целях расширения психологических возможностей воинов позитивные суеверия, слухи, уметь выявлять и предотвращать влияние на них информационно-психологического воздействия противника, используемые им приемы военной хитрости. Не менее важно знать причины и формы проявления девиантного поведения военнослужащих в боевой обстановке, методы профилактики индивидуально страха и групповой паники, деструктивного стресса, боевой психической травмы и посттравматического стрессового расстройства у подчиненных.

Задачей психолога является превращение всех имеющихся обстоятельств боевой деятельности и среды в психологический

ресурс воинов – в точные знания обстановки и противника, способов его уничтожения, высокую боевую мотивацию и настрой, воинское мастерство, умение создавать эмоциональное напряжение, преодолевать боль, психологически воздействовать на противника и т. д.

Военный психолог является непосредственным организатором психологического обеспечения боя и учебно-боевых задач. Он призван глубоко разбираться и активно участвовать в организации и осуществлении психологической подготовки, психологической поддержки, психологической реабилитации, социально-психологической реадаптации военнослужащих.

Предлагаемый учебник призван способствовать психологическому образованию военных психологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдурахманов, Р. А.* Психологические трудности общения и их коррекция у ветеранов боевых действий в Афганистане : дис. … канд. психол. наук. – М., 1994.

2. *Александровский, Ю. А.* Пограничные психические расстройства. – М., 1991.

3. *Ананьев, Б. Г.* Из оборонного опыта советской психологии // Сов. педагогика. – 1943. – № 2.

4. *Андреева, Г. М.* Социальная психология. – М., 2004.

5. Антология тяжелых переживаний. Социально-психологическая помощь. – М., 2002.

6. *Анцупов, А. Я.* Психологический анализ внезапности в вооруженной борьбе // Пути повышения эффективности морально-политической и психологической подготовки личного состава в подразделении, части. – М., 1989. – С. 149–156.

7. *Анцупов, А. Я., Ковалев, В. В.* Экспресс-оценка военнослужащих и воинских коллективов. – М. : ВУ, 2001.

8. *Анцупов, А. Я., Шипилов, А. И.* Конфликтология. – М., 2001.

9. *Арзамаскин, Ю. Н., Бублик, Л. А., Черных, И. И.* Морально-психологическое обеспечение боевых действий советских войск в годы Великой Отечественной войны : опыт, проблемы, уроки. – М. : ВУ, 1996.

10. *Арзамаскин, Ю. Н., Караяни, А. Г, Ососков, В. П.* Морально-психологическое обеспечение подготовки и ведения боевых действий. – М. : МО РФ, 1999.

11. *Арзамаскин, Ю. Н., Черных, И. И.* Морально-психологическое обеспечение боевых действий советских войск в битве под Москвой. – М. : ВУ, 1995.

12. Атлас военной психиатрии. – СПб., 2003

13. *Байков, Л. Л.* Свойства боевых элементов и подготовка войск к войне и бою. – Одесса, 1910.

14. *Барабанщиков, А. В., Феденко, Н. Ф.* Введение // Современная буржуазная военная психология. – М. : Воениздат, 1964.

15. *Барабанщиков, А. В., Феденко, Н. Ф.* История советской военной психологии. – М., 1983.

16. *Батов, П. И.* В походах и боях. – М. : Воениздат, 1966.

17. *Безушко, О. Я.* Социально-психологические особенности стиля руководства командира учебного подразделения : дис. … канд. психол. наук. – М., 2000.

18. *Беленки, Г., Ной, Ш., Соломон, З.* Стресс на поле боя: опыт Израиля // Милитари ревю. – 1985. – № 7. – С. 28–37.

19. *Белоусов, А. В.* Психодиагностика волевых качеств офицеров при принятии кадровых решений : дис. … канд. психол. наук. – М., 2006.

20. *Берк, Я.* Разум против ядра // Современная буржуазная военная психология. – М., 1965.

21. Библиография военно-психологической работы. – М., 2002.

22. *Богданов, С. А.* О современных подходах к теории военных конфликтов и их предотвращению // Воен. мысль. – 1993. – № 7. – С. 36-42.

23. *Богданова, Д. Я.* Психология спорта. – М., 1999.

24. *Боенко, А. В.* Суицидальное поведение военнослужащих срочной службы и его предупреждение : дис. … канд. психол. наук. – М., 1993.

25. *Боринг, Э.* Психология для вооруженных сил. – Вашингтон : Гарвардский университет, 1943.

26. *Брудере, Г.* Партизанская война в Афганистане // Если завтра война? Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений : хрестоматия. – Мн. : Харвест, 2003. – С. 347–368.

27. Буржуазная военная психология и ее использование в подготовке империалистических армий / Н. Ф. Феденко, П. И. Сергеюк, Е. А. Стрельников, Р. Ф. Додельцев. – М., 1978.

28. *Бурлачук, Л. Ф., Морозов, С. М.* Словарь-справочник по психодиагностике. – СПб. : Питер, 1999.

29. *Бурцев, М. И.* Прозрение. – М. : Воениздат, 1981.

30. *Бэрон, Р., Ричардсон, Д.* Агрессия. – СПб. : Питер, 1997.

31. *Варин, В. И.* Опыт организации и проведения советской пропаганды среди немецко-фашистских войск в завершающей кампании третьего периода Великой Отечественной войны (январь – май 1945 г.). – М., 1962.

32. *Ветохов, А. М.* Современная буржуазная военно-инженерная психология : дис. … канд. психол. наук. – М., 1974.

33. Введение в профессию: основы деятельности психолога батальона, полка (корабля I ранга) : учебно-методическое пособие. – М., 2004.

34. Воздействие стресса на работоспособность военнослужащих мужского и женского пола / Р. М. Брей, К. С. Кэмлин, Д. А. Фэабэнк, Д. Х. Дантеман, С. К. Виллис // Армд Форсиз энд Сэсайти. – 2001. – Т. 27. – № 3. – С. 397–417.

35. Военная профессиология / под ред. А. Г. Караяни, Ю. Г. Сулимова. – М., 2005.

36. Военная психология / под ред. А. Г. Маклакова. – СПб. : Питер, 2004.

37. Военная психология: методология, теория, практика : в 2 ч. / под ред. П. А. Корчемного. – М., 1998.

38. Военная энциклопедия. – М., 1995. – Кн. 2.

39. Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII–XIX вв. : в 2 ч. – М., 1993. – Ч. 1.

40. Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII–XIX вв. : в 2 ч. – М., 1993. – Ч. 2.

41. Военно-психологический словарь-справочник / Л. А. Кандыбович, С. Л. Кандыбович, А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. – М., 2010.

42. Война в Персидском заливе. Операция «Буря в пустыне». – М., 1991.

43. Война. Океан. Человек: о морально-политической и психологической подготовке советских моряков / под ред. В. М. Гришанова. – М. : Воениздат, 1974.

44. *Володарская, И. А., Лизунова, Н. М.* Система подготовки психологов в США // Вестник МГУ. – Серия 14. – 1990. – № 1.

45. *Вольф, К. М.* Из дневника командира полка // Военный сборник. – 1908. – № 6.

46. *Воробьев, А.* Разработка методов и средств предупреждения боевых психических травм в армии США // Зарубежн. воен. обозр. – 1992. – № 3–5. – С. 43–45.

47. *Выборнов, С.* Несмертельное оружие // Зарубежн. воен. обозр. – 1993. – № 4. – С. 10–14.

48. *Выготский, Л. С.* Собр. соч. – М., 1999. – Т. 1.

49. *Габриэль, Р.* Героев больше нет. – Нью-Йорк, 1987.

50. *Гаврилов, В. А.* Психологические особенности боевой деятельности личного состава армии Китая в условиях современной войны : дис. … канд. психол. наук. – М., 1989.

51. *Гаврилович, В.* Психологическая подготовка личного состава армий империалистических государств // Зарубежн. воен. обозр. – 1986. – № 10. – С. 16–20.

52. *Гератеволь, З.* Психология человека в самолете : пер. с нем. – М. : Иностр. литература, 1956.

53. *Геродот.* История // Историки античности : в 2 т. – М., 1989. – Т. 1. – С. 33–404.

54. *Гершельман, С. К.* Нравственный элемент в руках А. В. Суворова. – Гродно : Гродн. публ. тип., 1900.

55. *Гибш, Г., Форверг, М.* Введение в марксистскую социальную психологию : пер. с нем. – М. : Прогресс, 1972.

56. *Гилген, А., Гилген, К.* Американская психология во время Второй мировой войны // Психол. журн. – 1994. – № 2. – С. 162–170.

57. *Головин, Н. Н.* Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. – СПб., 1907.

58. *Головин, Н. Н.* Наука и война. – Париж, 1928.

59. *Головин, Н. Н.* Предисловие // *Краснов, П.* Душа Армии. Очерки по военной психологии. Берлин: Медный Всадник, 1927 // Душа армии. – М. : ВУ, 1997. – С. 5–6.

60. *Гончаров, А. И.* Стиль общения военного руководителя: его развитие и формирование у курсантов : дис. … канд. психол. наук. – М., 1991.

61. *Грачев, Г. В., Мельник, И. К.* Манипулирование личностью : организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М. : Алгоритм, 2002.

62. *Григорьев, А.* Из опыта современной малой войны // Если завтра война? Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений : хрестоматия. – Мн. : Харвест, 2003. – С. 477–486.

63. *Григорьев, С.* Чеченская операция в свете ей подобных // Независимая газета. – 1995. – 21 июня.

64. Группа риска : инфор.-метод. пособие. – М. : «Граница» ; ФПС, 1994.

65. *Данилов, А.* Профилактика боевых психологических травм в ВС США // Зарубежн. воен. обозр. – 1991. – № 9. – С. 11–16.

66. *Дедов, Ю., Ярцев, Л.* Психология на службе израильских интервентов // Зарубежн. воен. обозр. – 1988. – № 9. – С. 12–14.

67. *Денисенко, С. И.* Развитие педагогической теории и практики поддержки воинской дисциплины в частях (на кораблях) : дис. … докт. пед. наук. – М., 1998.

68. *ДиДжовани, К. мл.* Человеческий фактор в боевых операциях: поддержание боевого духа и сокращение психических жертв : пер. с англ. – М. : ВУ, 1997.

69. *Дмитриевский, А. М.* «За» и «против» психологии г-на Ш-ва // Воен. сб. – 1912. – № 11.

70. *Дмитриевский, С. К.* Страх и борьба с ним // Журнал общества ревнителей военных знаний. – 1913. – Кн. 1.

71. *Доброхвалов, В.* Подбор, воспитание и обучение разведчиков // Воен. вестн. – 1943. – № 11.

72. *Донцов, А. И.* Психология коллектива. – М., 1984.

73. *Дохолян, С. Б.* Предупреждение агрессивного поведения военнослужащих по призыву в повседневной деятельности : дис. … канд. психол. наук. – М., 1998.

74. *Дрейлинг, Р.* Военная психология. – Белград, 1935 // Душа армии. – С. 156–166.

75. *Дробов, М. А.* Малая война : партизанство и диверсии. – М. : Госполитиздат, 1931 // Если завтра война? Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений : хрестоматия. – Мн. : Харвест, 2003. – С. 6–85.

76. *Дружинин, В. Н.* Экспериментальная психология. – СПб. : Питер, 2001.

77. *Дружинин, К. И.* Исследование душевного состояния воинов в различных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904–1905 гг. – СПб., 1910.

78. *Дубин, Б. В., Толстых, А. В.* Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. – 1993. – № 3.

79. *Дударев, В. В.* Психологические условия эффективного овладения офицером управленческой деятельностью : дис. … канд. психол. наук. – М., 1992.

80. *Дудин, С. И.* Профилактика боевых психических расстройств у военнослужащих специальными методами психологической подготовки // Информ.- метод. сб. ЦВСППИ МО РФ. – 1993. – № 4. – С. 38–45.

81. Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российских Вооруженных сил. – М. : ВУ, 1997.

82. *Дьяченко, М. И., Кандыбович, С. Л.* История русской военной психологии. – М., 2000.

83. *Дьяченко, М. И.* О психологических основах управления поведением воинов в боевой обстановке // Воен. мысль. – 1972. – № 5. – С. 40–51.

84. *Дьяченко, М. И.* Об исследовании боя в русской психологии // Воен.-ист. журнал. – 1993. – № 4. – С. 82–88.

85. *Дьяченко, М. И.* Психологический анализ боевой деятельности советских воинов : дис. … д-ра психол. наук. – М., 1969.

86. *Дьяченко, М. И.* Психологический анализ боевой деятельности советских воинов. – М., 1974.

87. *Дьяченко, М. И., Кандыбович, Л. А.* Готовность к деятельности. – Мн., 1979.

88. *Дьяченко, М. И., Кандыбович, С. Л., Караяни, А. Г.* История отечественной военной психологии : учебник. – М., 2009.

89. *Ждан, А. Н.* История психологии. – М.,1999.

90. *Журавлев, А. Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. – М. : ПЕРСЭ, 2002.

91. *Заглухинский, В. В.* Психика бойцов во время сражений // Воен. сб. – 1911. – № 1.

92. *Загорская, Л. В.* Развитие социально-психологической адаптивности юношей к военной службе в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. … канд. психол. наук. – М., 2004

93. *Захарик, С. В.* Формирование психологической устойчивости у воинов-десантников к влиянию факторов современного боя (на основе боевых действий в Афганистане) : дис. … канд. психол. наук. – М., 1993.

94. *Згуро, В. Л.* Психологические условия предупреждения нарушений в дисциплинарной практике командиров подразделений : дис. … канд. психол. наук. – М., 1991.

95. *Зенченко, М. В.* Сообщение на тему «Анализ нравственных сил бойца». – СПб., 1892.

96. *Змановская, Е. Н.* Девиантология. – М., 2005.

97. *Знаков, В. Н.* Письмо в редакцию // Психол. журн. – 1990. – № 5. – С. 164–165.

98. *Зыков, А. С.* Как и чем управляются люди. – СПб., 1898.

99. *Зыков, А. С.* Дисциплина и инициатива // Разведчик. – 1909. – № 956.

100. *Ибатуллин, Т. Г.* Война и плен // Проблемы военной психологии : хрестоматия / сост. Сельченок. – Мн. : Харвест, 2003.

101. *Иволгин, А.* Тайна греческого огня // Тайны веков. – М. : Молодая гвардия, 1977. – С. 252–258.

102. *Изместьев, П. И.* Из области военной психологии. – Варшава, 1911.

103. *Изместьев, П. И.* Психологические основы тактики // Воен. мысль. – 1921. – Кн. 8.

104. *Ильин, Е. П.* Психология воли. – СПб. : Питер, 2000.

105. Информационно-психологическое противоборство: сущность, содержание, методы / А. Г. Караяни [и др.]. – М. : МО, 2000.

106. *Йеркс, Р.* Предложения по организации психологической службы в вооруженных силах США // Современная буржуазная военная психология. – М. : Воениздат, 1964. – С. 47–49.

107. *Казаринов, О. И.* Неизвестные лики войны. Между жизнью и смертью. – М., 2005.

108. *Казаринов, О. И.* Обратная сторона войны. На полях сражений XX века. – М., 2006.

109. *Калинчук, Л. В., Караяни, А. Г., Логинов, И. А.* Технологии морально-психологического обеспечения: теория, методология, практика. – М. : ВУ, 1997.

110. *Калмыкова, Е. С., Мисько, Е. А., Тарабрина, Н. В.* Особенности психотерапии посттравматического стресса // Психол. журн. – 2001. – № 4. – С. 72.

111. *Кальмансон, А. А.* Война глазами социолога // Социс. – 1995. – № 8. – С. 119–121.

112. *Кампеано, М.* Опыт военной психологии, индивидуальной и общей. – СПб., 1902.

113. *Кандыбович, С. Л.* Психолого-акмеологические основы управленческой деятельности командира войск радиационной, химической и биологической защиты : дис. … д-ра психол. наук. – М., 2000.

114. *Карагалов, В. В., Сахаров, А. Н.* Полководцы Древней Руси. – М.,1972.

115. *Карандашев, В. Н.* Психология: Введение в профессию. – М., 2003.

116. *Караяни, А. Г., Корчемный, П. А.* «Психологическое оружие» в современной войне. Исследования, разработки, опыт применения // Сб. науч. трудов. – М. : ВУ, 1998. – № 2.

117. *Караяни, А. Г.* Влияние боя на психику воина. К чему и как готовятся военнослужащие в зарубежных армиях // Ориентир. – 1994. – Август. – С. 76–78.

118. *Караяни, А. Г.* Влияние боя на психику воина. Пути и способы повышения психологической готовности к выполнению боевых задач // Ориентир. – 1997. – № 2. – С. 54–56.

119 *Караяни, А. Г.* Военная психология в годы Второй мировой войны // 60 лет Великой Победе : история, уроки, современность. – М. : Мегапир, 2005. – С. 144–155.

120. *Караяни, А. Г.* Военная психология в зеркале трех столетий // Ежегодник Российского психологического общества. – 2005. – Т. 3. – С. 151–154.

121. *Караяни, А. Г. Евенко, С. Л.* Психология отклоняющегося поведения военнослужащих в боевой обстановке. – М. : ВУ, 2006.

122. *Караяни, А. Г.* Зоопсихология и война // Журн. приклад. психологии. – 2001. – № 6.

123. *Караяни, А. Г.* Информационно-психологическое противоборство в современной войне. – М. : ВУ, 1997.

124. *Караяни, А. Г.* Место психических явлений в детерминации войны // Ежегодник РПО: Психология и ее приложения. – М., 2002.

125. *Караяни, А. Г.* Морально-психологическое обеспечение боевых действий войск (сил) в локальных войнах и военных конфликтах // Ориентир. – 1996. – № 9.

126. *Караяни, А. Г.* О психологической сущности войны // Ежегодник РПО: Психология и ее приложения. – М., 2002.

127. *Караяни, А. Г.* Отечественная психология в годы Великой Отечественной войны: профессиональный подвиг или упущенные возможности // Ежегодник Российского психологического общества. – 2005. – Т. 3. – С. 190–203.

128. *Караяни, А. Г.* Психологическая реабилитация участников боевых действий // Психологическая реабилитация участников боевых действий / под ред. А. Г. Караяни и М. С. Полянского. – М., 2003.

129. *Караяни, А. Г.* Психологические особенности боевых действий военнослужащих в различных видах боя и в условиях применения ОМП // Военная психология: методология, теория, практика. – М., 1998.

130. *Караяни, А. Г., Корчемный, П. А*. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. – М. : ВУ, 2010.

131. *Караяни, А. Г. Корчемный, П. А., Марченков, В. И.* Психологическая подготовка боевых действий. – М. : ВУ, 2012.

132. *Караяни, А. Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах. – М., 1998.

133. *Караяни, А. Г.* Психология войны // Ежегодник ИРИ АН РФ. –2002.

134. *Караяни, А. Г.* Психология Германии во Второй мировой войне // Воен.-ист. журн. – 2003. – № 5.

135. *Караяни, А. Г.* Психология и война // Психология и война / под ред. А. Г. Караяни и Э. П. Утлика. – М. : ВУ, 2003. – С. 4–28.

136. *Караяни, А. Г.* Психология США в годы Второй мировой войны // Психол. журн. – 2002. – № 2.

137. *Караяни, А. Г.* Пути противодействия психологическим операциям противника // Информационно-психологическая и психотронная война. – Мн. : Харвест, 2003. – С. 157–172.

138. *Караяни, А. Г.* Слухи как средство информационно-психологического противодействия // Психол. журн. – 2003. – № 6.

139. *Караяни, А. Г.* Социально-психологическая реадаптация участников боевых действий // Ежегодник ИРИ АН РФ. – 2003/2004.

140. *Караяни, А. Г., Волобуева, Ю. М., Дубяга, В. Ф.* Социально-психологическая интеграция в российское общество инвалидов боевых действий. – М., 2007.

141. *Караяни, А. Г., Зинченко, Ю. П.* Информационно-психологическое противоборство в войне : история, методология, практика. – М. : МГУ, 2007.

142. *Караяни, А. Г., Сыромятников, И. В.* Введение в профессию военного психолога. – М. : Академия, 2007.

143. *Караяни, А. Г., Сыромятников, И. В*. Прикладная военная психология. – М., 2006.

144. *Караяни, А. Г., Цветков, В. Л.* Психология общения и переговоров в экстремальных условиях. – М. : Юнити-Дана, 2011.

145. *Карвасарский, Б. Д.* Психотерапевтическая энциклопедия. – М., 2002.

146. *Кекчеев, К. Х.* Психофизиология маскировки и разведки. – М., 1942.

147. *Кекчеев, К. Х.* К проблеме работоспособности // Гигиена и санитария. – 1946. – № 11.

148. *Кекчеев, К. Х.* Ночное зрение (как лучше видеть ночью). – М. : Сов. наука, 1942.

149. *Керсновский, А. А.* Философия войны // Философия войны. – М. : Анкил-воин, 1995.

150. *Китаев-Смык, Л. А.* Психология стресса. – М., 1983.

151. *Китаев-Смык, Л. А.* Стресс под прицелом снайпера // Миллениум. – 2001. – № 2–3.

152. *Китаев-Смык, Л. А.* Стресс войны: наблюдения врача-психолога. – М., 2001.

153. *Китов, А. И.* Личность и перестройка : заметки психолога. – М., 1990.

154. *Клаузевиц, К. фон.* О войне : в 2 т. – М. : АСТ, 2002. – Т. 1.

155. *Клаузевиц, К. фон.* О войне : в 2 т. – М. : АСТ, 2002. – Т. 2.

156. *Колодзин, Б.* Как жить после психической травмы. – М., 1992.

157. *Коломинский, Я. Л.* Психология взаимоотношений в малых группах: общение и возрастные особенности. – Мн. : Изд-во БГУ, 1976.

158. *Кольцова, В. А. Олейник, Ю. Н.* Деятельность психологов в годы Великой Отечественной войны // Психол. журн. – 1990. – № 3. –С. 16–24.

159. *Кольцова, В. А., Олейник, Ю. Н.* Работа советских психологов в годы Великой Отечественной войны // Психол. журн. – 1995. – № 3. – С. 3–12.

160. *Кольцова, В. А., Олейник, Ю. Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – М. : МГУ ; ИП РАН, 2006.

161. *Кордуэлл, М*. Психология. А-Я. Словарь-справочник. – М., 1999.

162. *Коробейников, М. П.* Психологические проблемы подготовки советских воинов к современной войне : дис. … д-ра психол. наук. – М., 1969.

163. *Коробейников, М. П.* Современный бой и проблемы психологии. – М., 1972.

164. Коробч*евский, Д. А.* Психология войны. – СПб., 1892.

165. *Корф, Н. А*. О воспитании воли военачальников // Общество ревнителей военных знаний. – 1906. – Кн. 1.

166. *Корчемный, П. А*. Военная психология. – М. : ОВЛ, 2005.

167. *Корчемный, П. А*. Психологическая подготовка летного состава ВВС к активным боевым действиям в условиях современной войны : дис. … д-ра психол. наук. – М., 1990.

168. *Коуплenд, Н.* Психология и солдат. – М., 1991.

169. *Краинский, Н.* Психика и техника как факторы войны. – Париж, б. г. – С. 3–16 // Душа армии. – С. 167–186.

170. *Кравченко, А. И.* Социология девиантности. – М., 2004.

171. *Краснов, П*. Душа армии. Очерки по военной психологии. – Берлин, 1927 // Душа армии / под ред. А. С. Савинкина. – М. : ВУ, 1998.

172. *Крахмалев, А. В., Кучер, А. А.* Причины БПТ, ее проявления и первая помощь // Проблемы военной психологии. – Мн. : Харвест, 2003. – С. 193–200.

173. *Крук, В. М.* Неуставные взаимоотношения и их профилактика у военнослужащих : учебное пособие. – М. : ВПА, 1989.

174. *Крысько, В. Г.* Влияние национально-психологических особенностей на деятельность личного состава империалистических государств : дис. … д-ра психол. наук. – М., 1988.

175. *Крысько, В. Г.* Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). – Мн., 1999.

176. Курс военной психологии : в 2 ч. / под ред. Н. Ф. Феденко. – М., 1995.

177. *Лавренов, С. Я Кузнецов, Л. Н.* Формирование состояния психической готовности к боевым действиям у офицера-оператора в процессе боевого дежурства (на примере офицера наведения войск ПВО) : дис. … канд. психол. наук. – М., 1989.

178. *Лайнбарджер, П.* Психологическая война : пер. с англ. – М., 1962.

179. *Ланг, П. А*. Активная сторона в чувстве самосохранения. Военно-психологический этюд // Воен.-инж. журн. – 1910. – № 2.

180. *Леонтьев, А. Н., Запорожец, А. В.* Восстановление движений. – М. : Воениздат, 1945.

181. *Лешан, Л.* Если завтра война? Психология войны / пер. с англ. Е. О. Рычковой. – М. : ООО «Изд-во Астрель» ; ООО «Изд-во АСТ», 2004.

182. *Ливий, Т.* История от основания Рима // Историки античности : в 2 т. – М. : Правда, 1989. – Т. 2. – С. 51–186.

183. *Литвинцев, С. В., Снедков, Е. В., Резник, А. М.* Боевая психическая травма. – М. : Медицина, 2005.

184. *Лобов, В. Н.* Военная хитрость : из теории и истории. – М., 1992.

185. *Ломов, Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1999.

186. *Луков, Г. Д., Платонов, К. К.* Психология. – М. : Воениздат, 1964.

187. *Лурия, А. Р.* Восстановление функций мозга после военной травмы. – М., 1948.

188. *Лэннинг, М. Л.* 100 великих полководцев. – М., 1998.

189. *Майерс, Д.* Социальная психология. – СПб., 1999.

190. *Макнаб, К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения. – М., 2002.

191. *Магомед-Эминов, М. Ш.* От психотравмы к психотрансформации // Экстремальная психология : в 3 т. – М., 2006. – Т. 2.

192. *Малкина-Пых, И. Г.* Экстремальные ситуации. Справочник практического психолога. – М. : Эксмо, 2005.

193. *Манфред, А. З.* Наполеон Бонапарт. – Сухуми, 1989.

194. *Маркс, Дж.* ЦРУ и контроль над Разумом. Тайна истории науки управления поведением человека. В поисках «манчжурского кандидата». – М., 2003.

195. *Маркин, А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата. – Мн. : Харвест, 2006.

196. *Маркова, А. К.* Психология профессионализма. – М., 1996.

197. Марксистско-ленинское учение о войне и армии. – М., 1984.

198. *Маршалл, С. Л. А.* Американцы в бою // Офицер вооруженных сил : пер. с англ. – Вашингтон, 1991.

199. Международное право ведения боевых действий. – М.,1995.

200. *Мезенцев, В. А.* О суевериях – всерьез. – М., 1989.

201. *Мельников, Д., Черная, Л.* Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. – М. : Новости, 1991.

202. *Меринг, Ф.* История войн и военного искусства. – СПб., 2000.

203. *Михайлов, Б.* Психологические операции ВС США в конфликтах малой интенсивности // Зарубежн. воен. обозр. – 1996. – № 8. – С. 2–8.

204. *Модестов, С.* Война, к которой готовится Америка. Эволюция вооруженной борьбы в эпоху информатизации // Независимая газета. – 1996. – № 5.

205. *Мокор, П. Х.* Военная психология и реальность боя // Современная буржуазная военная психология. – М. : Воениздат, 1964. – С. 47–63.

206. *Мокржецкий, А. А.* Кабинет и казармы // Офицерская жизнь. – 1909. – № 176–177.

207. *Мокржецкий, А. А.* Положение об обучении пехоты // Русский инвалид. – 1914. – № 69.

208. *Мокржецкий, А. А.* Принцип деятельности в деле боевой подготовки армии // Русский инвалид. – 1907. – № 189.

209. *Молчанова, Е. С.* Посттравматическое стрессовое и острое стрессовое расстройство в формате DSM-V: внесенные изменения и прежние проблемы // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2014. – № 1 (24). – С. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://mprj.ru

210. *Момышулы, Б.* Психология войны. – Алматы : Казахстан, 1996.

211 *Монетчиков, С. Б* Стреляющая Чечня // Если завтра война? Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений : хрестоматия. – Мн. : Харвест, 2003. – С. 315–320.

212. Морально-политическая и психологическая подготовка личного состава ВДВ. – М. : Воениздат, 1983.

213. Морально-психологическое обеспечение деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации : в 2 ч. / Ю. Н. Арзамаскин, Л. А. Бублик, А. Г. Караяни, А. В. Черкасов. – М. : ВУ, 1997.

214. Морально-психологическая подготовка личного состава к выполнению задач по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах : учебно-методические материалы и рекомендации. – М. : Академия МВД РФ, 1995.

215. *Незнамов, А.* К вопросу о военной психологии // Военный вестник. – 1922. – № 17–18.

216. *Немов, Р.* Психология : в 3 кн. : учебник для высших пед. учебных заведений. – М. : ВЛАДОС, 1998.

217. *Носиновский, В. Е.* Вооруженные конфликты: поиск решений. – М. : Объед. редакц. МВД РФ, 1996.

218. *Носов, А. В.* Социально-психологическая компенсация профессионально-деструктивных качеств офицера-руководителя : дис. … канд. психол. наук. – М., 2004.

219. *Обозов, Н. Н.* Психология малых групп и коллективов // Социальная психология. – Л., 1979.

220. *Олпорт, Г.* Становление личности. – М. : Смысл, 2002.

221. *Осипова, А. А.* Справочник психолога по работе в кризисных ситуациях. – Ростов н/Д : Феникс, 2005.

222. Основы социально-психологической теории : учебное пособие для социологов, психологов, преподавателей и студентов / под общ. ред.

А. А. Бодалева и А. Н. Сухова. – М. : Международная педагогическая академия, 1995.

223. *Остапенко, П. В.* Тайная война в Древнем мире. – Мн. : Харвест, 2004.

224. *Ответчиков, А. В.* Предупреждение страха и паники в условиях воинской деятельности : дис. … канд. психол. наук. – М., 1980.

225. Парапсихология и современное естествознание / А. П. Дубров, В. Н. Пушкин. – М., 1990.

226. *Перевалов, В. Ф.* Персонализация процесса подготовки офицеров к руководству : дис. … д-ра психол. наук. – М., 1995.

227. *Печень, Н., Семикина, Т.* Особое подразделение или несколько слов о социально-психологической службе армии США // Военный вестник. – 1993. – № 1. – С. 75–77.

228. *Плотинский, Ю. М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – М., 1998.

229. *Плотников, Н.* Бескровное и бесшумное средство // Независимая газета. – 1996. – 27 января.

230. *Плутарх.* Избранные жизнеописания : в 2 т. – М. : Правда, 1987. – Т. 1.

231. Полевой устав армии США FM33-1 «Психологические операции» : пер. с англ. – М., 1988.

232. Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны. – М. : Воениздат, 1971.

233. *Полянский, В. Н.* Иллюзия закрытия // Русский инвалид. – 1909. – № 272. – Приложение.

234. *Полянский, В. Н.* Моральный элемент в области фортификации. – СПб., 1910.

235. *Полянский, М. С.* Психологические условия предупреждения негативного лидерства в воинских коллективах. – М. : ВПА, 1991.

236. *Пономаренко, В. А.* В слове – позиция. – Красноярск, 2004.

237. *Пономаренко, В. А.* Психология жизни и труда летчика. – М., 1992.

238. *Попов, В. Е.* Психологическая реабилитация военнослужащих после экстремальных воздействий (на материале землетрясения в Ленинакане, межнационального конфликта в Фергане и боевых действий в Афганистане) : дис. … канд. психол. наук. – М., 1992.

239. *Попов, И.* «Дедушки» и «салабоны» // Аргументы и факты. – 1994. – № 31.

240. Почему необходимо изучать неэффективного солдата / Э. Гинцберг, Д. К. Андерсон, С. В. Гинсбурк, Д. Л. Эрма // Современная буржуазная военная психология. – М. : Воениздат, 1964. – С. 74–104.

241. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. – СПб. : Питер, 2000.

242. Проблемы психологии воинского коллектива / А. Д. Глоточкин, А. В. Барабанщиков, Н. Ф. Феденко, В. В. Шеляг. – М. : Воениздат, 1973.

243. Проблемы военной психологии / под общей ред. А. Е. Тараса. – Мн. : Харвест, 2003.

244. Профилактика самоубийств : метод. пособие для командиров, офицеров штабов и органов воспитательной работы. – М., 1995.

245. Психогении в экстремальных условиях / Ю. А. Александровский, О. С. Лобастов, Л. И. Спивак, Б. П. Щукин. – М. : Медицина, 1991.

246. Психологическая диагностика : учебное пособие / под ред. К. М. Гуревича и Е. М. Борисовой. – М. : Изд-во УРАО, 1997.

247. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. – М. : ИП РАН, 1997. – С. 105–126.

248. Психологическая подготовка личного состава подразделений Сухопутных войск к бою. – М. : ЦВСППИ, 1993.

249. Психологическая психотерапия в условиях воинской деятельности / под общей ред. П. А. Корчемного, А. Н. Харитонова. – М., 2001.

250. Психологическая работа в железнодорожных войсках Российской Федерации. – М., 1998.

251. Психологические операции и противодействие им. – М. : МО РФ, 1993.

252. Психологические особенности управленческой деятельности офицеров в боевой обстановке / Д. В. Гандер, А. Д. Паркин, Н. Д. Лысаков, А. Г. Караяни. – Монино, 2004.

253. Психологическое воздействие отравляющих веществ на человека // Зарубежн. воен. обозр. – 1991. – № 6. – С. 28–29.

254. Психология и педагогика профессиональной деятельности офицера / Б. П. Бархаев, А. Г. Караяни, В. Ф. Перевалов, И. В. Сыромятников. – М. : Воениздат, 2006.

255. Психология экстремальных ситуаций. – Мн. : Харвест, 1999.

256. Психология: биографический библиографический словарь : пер. с англ. – СПб. : Евразия, 1999.

257. Психолого-психиатрические аспекты реабилитации участников войны // Медицинская реабилитация раненых и больных / В. В. Нечипо-

ренко, С. В. Литвинцев, Е. В. Снедков, Ю. К. Маликов, В. Е. Саламатов. – СПб., 1997.

258. *Пузыревский, А. К.* Исследование боя в древние и новейшие времена. – СПб., 1911.

259. *Пушкарев, А. Л., Доморацкий, В. А., Гордеева, Е. Г.* Посттравматическое стрессовое расстройство. – Мн., 2001.

260. *Раздуев, В. А.* Развитие военной психологии в России (Середина IX – начало XX века) : дис. … канд. психол. наук. – М., 1993.

261. *Резанов, А. С.* Паника. Психологический этюд // Воен. сб. – 1910. – № 7.

262. Рекомендации по психологической подготовке личного состава частей Сухопутных войск ВС СССР. – М. : Воениздат, 1972.

263. *Ремарк, Э. М.* На западном фронте без перемен. Три товарища. Триумфальная арка. – М. : Пушкинская библиотека, 2003.

264. *Решетников, М. М.* Психическая травма. – СПб., 2006.

265. *Ригг, Р.* Боевая подготовка войск : пер. с англ. – М. : Иностр. лит., 1956.

266. *Роговин, М.* Военная психология США // Воен. мысль. – 1959. – № 6. – С. 65–73.

267. *Рокоссовский, К. К.* Солдатский долг. – М. : Воениздат, 1972. – С. 39.

268. *Ронин, Р.* Своя разведка: способы вербовки агентуры, методы проникновения в психику, форсированное воздействие на личность, технические средства скрытого наблюдения и съемка информации. – Мн. : Харвест, 2002.

269. Российские Вооруженные Силы в чеченском конфликте: Анализ. Итоги. Выводы (По материалам открытой российской и зарубежной печати) / Н. Н. Новичков, В. С. Снеговский, А. Г. Соколов, В. Ю. Шварев. – М. : Париж, 1995.

270. *Рубинштейн, С. Л.* Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Под знаменем марксизма. – 1943. – № 9–10. – С. 45–61.

271. *Рубцов, В.* Астравидья: миф или реальность? // Тайны веков. – М. : Молодая гвардия, 1977.

272. Руководство по профессиональному психологическому отбору в Вооруженных Силах РФ. – М., 2000.

273. Руководство по психологической работе в ВС РФ. – М. : МО РФ, 2006.

274. *Руф, К. К.* История Александра Македонского // Историки античности : в 2 т. – М. : Правда, 1989. – Т. 1. – С. 510–574.

275. *Рыбников, Н. А.* Тематика советской психологии в условиях великой Отечественной войны // Сов. педагогика. – 1944. – № 1.

276. *Рыков, С. Л.* Женщина на войне: психологические особенности самореализации // Психологическая реабилитация военнослужащих / под ред А. Г. Караяни и М. С. Полянского. – М., 2003.

277. *Сайрес, М., Кан, А.* Тайная война против Америки. – М. : Воениздат, 1945.

278. *Самсонов, В.* Иная трактовка понятия войны // Независ. воен. обозр. – 1996. – № 23.

279. *Сарычев, С., Спиридонова, В. К* вопросу о воспитании боевой выносливости // Военный вестник. – 1944. –№ 9–10.

280. *Светоний, Г. Т.* Жизнь двенадцати цезарей // Историки античности : в 2 т. – М. : Правда, 1989. – С. 411–522.

281. *Сенокосов, Ж. Г.* Социально-психологическая адаптация военнослужащих по призыву : дис. … канд. психол. наук. – М., ВПА, 1989.

282. *Сенявская, Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

283. *Сенявская, Е. С.* Психология фронтового быта // Психология и война / под ред. А. Г. Караяни и Э. П. Утлика. – М., 2003.

284. *Серебрянников, В. В.* Социология войны. – М., 1998.

285. *Симанский, П.* Паника в войсках : пер. с польск. – М. ; Л. : Госиздат, 1929.

286. *Симонов, В.* Боевой стресс (По ВС США) // Вестник ПВО. – 1988. – № 7. – С. 83–85.

287. *Симонов, К.* Солдатами не рождаются. – М., 1964.

288. *Смирнов, А. А.* Советские психологи – обороне Родины в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. – 1975. – № 2. – С. 13–30.

289. *Смирнов, А. А.* Советские психологи в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психол. – 1975. – № 4. – С. 124–126.

290. *Смолян, Г., Цыгичко, В., Черешкин, Д.* Оружие, которое может быть опаснее ядерного. Реалии информационной войны // Независимая газета. – 1995. – № 3.

291. *Снедков, Е. В.* Боевая психическая травма : автореф. дис. … д-ра мед. наук. – СПб., 1997.

292. *Снесарев, А. Е.* Философия войны. – М., 2003.

293. Современная буржуазная военная психология. – М. : Воениздат, 1964.
294. Современная военная психология. – Мн. : Харвест, 2003.
295. Современная зарубежная социальная психология. Тексты / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. – М. : МГУ, 1984.
296. Содержание и организация морально-психологического обеспечения боевых действий. – М., 1994.
297. Солдат и война. Проблемы морально-политической и психологической подготовки советских воинов. – М. : Воениздат, 1971.
298. *Соловьев, И. В.* Психологическая адаптация военнослужащих внутренних войск к служебно-боевой деятельности в условиях вооруженного конфликта : дис. … канд. психол. наук. – М., 1999.
299. *Соловьев, И. О.* Посттравматический стрессовый синдром: причины, условия, последствия, оказание психологической помощи и психореабилитация. – М., 2000.
300. Социальная и военная психология / под ред. С. И. Съедина. – М., 1990.
301. Социальная психология : краткий очерк / под ред. Г. П. Предвечного и Ю. А. Шерковина. – М. : Политиздат, 1975.
302. Социально-психологический климат коллектива: спецпрактикум по социальной психологии / под ред. Ю. М. Жукова. – М., 1981.
303. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1998.
304. *Сталин, И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М. : Госполитиздат, 1953.
305. *Стендаль*. Итальянские хроники. Жизнь Наполеона. – М., 1998.
306. *Столяренко, А.М.* Экстремальная психопедагогика. – М., 2002.
307. Ст*орм, У.* Психологический эффект массовых потерь // Современная буржуазная военная психология / под ред. А. В. Барабанщикова и Н. Ф. Феденко. – М., 1965.
308. *Суворов, А. В.* Наука побеждать. – М. : Воениздат, 1978.
309. *Сунь Цзы*. Искусство войны. Стратегия и тактика победителя. – М. : Эксмо, 2003.
310. *Сухов, А. Н.* Психология больших социальных групп и движений // Основы социально-психологической теории / под общ. ред. А. А. Бодалева и А. Н. Сухова. – М., 1995.
311. *Съедин, С. И.* Формирование психологической структуры боевой деятельности у воинов-специалистов в ходе изучения современной боевой техники : дис. … д-ра психол. наук. – М., 1984.

312. *Съедин, С. И., Абдурахманов, Р. А.* Психологические последствия воздействия боевой обстановки. – М., 1992.

313. *Сыромятников, И. В.* Организация психологической работы в воинской части в мирное время. – М., 2000.

314. *Сыромятников, И. В.* Психодиагностика. – М. : Академпроект, 2005.

315. *Сыромятников, И. В*. Психология профессиональной субъектности офицеров ВС РФ. – М., 2006.

316. *Сыромятников, И. В*. Становление профессиональной деятельности психолога воинской части сухопутных войск. – М., 1997.

317. *Сыромятников, И. В., Чайка, В. Г.* Психология девиантного поведения военнослужащих и его профилактика. – М., 2001.

318. *Сысоев, В. В.* Психологическая подготовка воздушных десантников к боевым действиям в тылу противника : дис. … д-ра психол. наук. – М., 1989.

319. *Сысоев, В. В., Сысоев, И. В.* Теоретические основы психологии управления. – М. : Изд-во СГУ, 2006.

320. *Таланкин, А. А.* Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. – М., 1929.

321. *Тарабрина, Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. – М., 2001.

322. *Тарас, А. Е., Заруцкий, Ф. Д.* Подготовка разведчика (Система спецназа ГРУ). – Мн., 1999.

323. *Тарле, Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию.1812 год. – М., 1992.

324. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – М., 1998.

325. *Теплов, Б. М.* Бунт звериного инстинкта против человеческого разума (фашистская психология Иенша) // Сов. педагогика. – 1941. – № 11–12. – С. 66–70.

326. *Теплов, Б. М.* Ум полководца. – М., 1990.

327. *Топорков, А*. Метод военных знаний. – М., 1927.

328. *Трошев, Г. Н.* Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. – М. : ВАГРИУС, 2001.

329. *Утлик, Э. П.* Основы психологической теории дисциплинарных систем : дис. … д-ра психол. наук. – М., 1996.

330. *Утлик, Э. П.* Психология дисциплины. – М., 1992.

331. *Утлик, Э. П.* Психология личности (личность в общей и военной психологии). – М. : ВУ, 2006.

332. *Утлик, Э. П.* Учет психологических факторов в руководстве личным составом воинского подразделения : дис. … канд. психол. наук. – М., 1975.

333. *Феденко, Н. Ф.* Буржуазная военная психология на службе психологической войны империализма. – М. : ВПА, 1981.

334. *Феденко, Н. Ф.* Современная буржуазная военная психология. – М. : ВПА, 1964.

335. *Феденко, Н. Ф., Железняк, Л. Ф.* Морально-психологическое обеспечение боевых действий войск в современных условиях. – М., 1986.

336. *Феденко, Н. Ф., Раздуев, В. А.* Русская военная психология (Середина IX – начало XX века). – М. : ГА ВС, 1993.

337. *Федотов, А. И.* Индивидуальный психофизический тренинг как средство повышения эффективности деятельности воинов-десантников в трудных ситуациях : дис. … канд. психол. наук. – М., 1995.

338. *Фомин, В. П., Линдер, И. Б.* Диалог о боевых искусствах Востока. – М. : Мол. гвардия, 1991.

339. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла. – М. : Прогресс, 1990.

340. *Фрейд, З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Зигмунд Фрейд. Избранное : в 2 кн. – М., 1990. – Т. 1.

341. *Фрейд, З.* Психология бессознательного : сб. произведений. – М., 1989.

342. *Фролов, Ю. П.* Предисловие к книге Г. Хаханьяна «Основы военной психологии». – М., 1929.

343. *Хантер, У. С.* Психология на войне // Современная буржуазная военная психология. – М. : Воениздат, 1964. – С. 25–47.

344. *Хаханьян, Г. Д.* Основы военной психологии. – М. ; Л., 1929.

345. *Холл, К. С., Линдсей, Г.* Теории личности : пер с англ. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1999.

346. *Худяков, В.* Исследование воздействия боевых психических травм на израильских военнослужащих // Зарубежн. воен. обозр. – 1989. – № 5. – С. 19–27.

347. *Хьелл, Л, Зиглер, Д.* Теории личности. (Основные положения, исследования и применение). – СПб. : Питер, 1999.

348. Человек и война (Война как явление культуры) : сб. статей / под ред. И. В. Нарского и О. Ю. Никоновой. – М., 2001.

349. *Черепанова, Е. М.* Саморегуляция и самопомощь при работе в экстремальных условиях. – М., 1995.

350. *Чертополох, А. А.* Информационно-психологический фактор в современной войне. – М., 1998.

351. *Шамрей, В.К., Рустанович, А. В.* Атлас военной психиатрии. – СПб. : ВМедА., 2003.

352. *Шапарь, В.Б.* Психология войн и военных конфликтов. – Ростов н/Д., 2005.

353. *Шварц, К.* Психоанализ бойца : пер. с нем // Wirtschafswoche. – 20.02.2003. – № 9. – С. 102–104.

354. *Шемякин, Ф. Н.* Бандиты и человеконенавистники в роли ученых психологов // Сов. педагогика. – 1941. – № 9. – С. 26–33.

355. *Шихи, Н., Чэпмен, Э., Конрой, У.* Психология: биографический, библиографический словарь. – СПб. : Евразия, 1999.

356. *Шрамченко, А. Ф.* Вопросы психологии в управлении войсками. – М. : Воениздат, 1973.

357. *Шульц, Д., Шульц, С. Э.* История современной психологии. – СПб. : Евразия, 1998.

358. *Шумков, Г. Е.* Влияние артиллерийского огня на психику // Военный сборник. – 1914. – № 4. – С. 68.

359. *Шумков, Г. Е.* Духовное состояние воинов в ожидании боя (по наблюдениям врачей) // Военный сборник. – 1913. – № 6. – С. 90–91, 93.

360. *Шумков, Г. Е.* Душевное состояние воинов в ожидании боя (по наблюдениям офицеров) // Военный сборник. – 1913. – № 5.

361. *Шумков, Г. Е.* Душевное состояние воинов после боя // Военный сборник. –1914. – № 11.

362. *Шумков, Г. Е.* Коллективная трусость // Русский инвалид. – 1911. – № 195.

363. *Шумков, Г. Е.* О панике // Русский инвалид. – 1911. – № 84.

364. *Шумков, Г. Е.* О психике бойцов во время атаки // Русский инвалид. – 1910. – № 278.

365. *Шумков, Г. Е.* Предмет и область военной психологии // Русский инвалид. – 1910. – № 270.

366. *Шумков, Г. Е.* Психика бойцов во время сражений. – СПб., 1905. – Вып. I.

367. *Шумков, Г. Е.* Психика командира в опасности // Русский инвалид. – 1911. – № 50.

368. *Шумков, Г. Е.* Пьяная храбрость или алкоголь в бою // Общество ревнителей военных знаний. – 1909. – № 1.

369. *Шумков, Г. Е.* Рассказы и наблюдения из настоящей Русско-турецкой войны. – Киев, 1905.

370. *Шумков, Г. Е.* Тезисы по вопросу военной психологии // Русский инвалид. –1909. – № 227.

371. *Шумков, Г. Е.* Чувство тревоги как доминирующая иллюзия в период ожидания боя // Воен. сброн. – 1913. – № 11.

372. *Шумков, Г. Е.* Психика бойцов под артиллерийским обстрелом // Военный сборник. – 1914. – № 7. – С. 134.

373. *Щербатых, Ю. В.* Психология страха. – М. : ЭКСМО, 2004.

374. *Щербатых, Ю. В.* Искусство обмана. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1998.

375. Эмоциональный стресс. Физиологические и психологические реакции. Медицинские, индустриальные и военные последствия стресса : пер с англ. – М. : Медицина, 1970.

376. *Энгельман, И. Г.* Воспитание современного солдата и матроса. – СПб., 1908.

377. *Якушин, Н. В.* Психологическая помощь воинам-афганцам в реабилитационном центре Республики Беларусь // Психол. журн. – 1996. – № 5.

378. *Ященко, Г.* Преодоление танкобоязни. Морально-психологическая подготовка воинов // Блокнот агитатора. – 1970. – № 22.

379. *Владимир Путин*: «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html

380. Field Manual FM 6-22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers. – Washington, 2009.

381. *Miller, N. L., Matsangas, P., Kenney, A.* The Role of Sleep in the Military Implications for Training and Operational Effectiveness // The Oxford Handbook of Military psychology / edited by J. H. Laurence, M. D. Matthews. – New-York : Oxford university press, 2012. – P. 262–281.

Приложение 1

Занятия по предметам боевой подготовки, ориентированные на развитие необходимых психических качеств и состояний

Тема 7. Действия солдата-мотострелка в бою.

Занятие 2. Тактико-строевое занятие. Переход к обороне в условиях непосредственного соприкосновения с противником.

Цель: сформировать у военнослужащих навыки действий по оборудованию окопа в условиях огневого воздействия противника.

Психологические факторы боевой обстановки моделируются следующим образом.

При отработке учебного вопроса по оборудованию окопа для стрельбы лежа под «огнем противника» обучаемый проползает по-пластунски 10–15 м под колючей проволокой, натянутой на высоте 45–50 см над землей. Закончив переползание, находясь под проволокой, он отрывает окоп.

В целях усложнения условий деятельности имитируется огневое воздействие противника. Для этого на удалении 4–5 м от военнослужащего оборудуется имитационное поле: несколько лунок, огражденных флажками. Во время занятий в лунках производится подрыв боевых наступательных гранат. Лунки оборудуются: с расчетом, чтобы осколки гранат не могли попасть в обучаемых. Кроме этого, могут применяться другие имитационные средства, моделирующие различные фрагменты картины современного боя.

Обучаемые, не участвующие в отрывке окопов, тренируются в выполнении других задач: на безопасном удалении ведут наблюдение за «противником», оборудуют и маскируют окопы и др.

Введение приемов психологической подготовки в процесс занятий позволяет усложнить ситуацию, и в частности смоделировать фактор опасности (свист осколков разрывающихся гранат, возможность травмироваться о колючую проволоку) [248].

Приложение 2

Вариант
ситуативно-образной психорегулирующей тренировки

Ситуативно-образная психорегулирующая тренировка (СОПТ) – метод психологической подготовки военнослужащих к бою, основывающийся на мысленном воспроизведении боевой ситуации, вариантов ее развития, выполняемых действий и эмоционального фона деятельности (разработан С. Дудиным). В процессе тренировки военнослужащие как бы воспринимают боевую ситуацию глазами ее участника (субъекта боевой ситуации) и идеомоторно переживают ее в различных модальностях.

На *первом этапе* тренировки подробно описывается взятая из реальной боевой практики боевая ситуация. Один из ее участников в различных модальностях (визуальной, аудиальной и кинестетической, обонятельной, осязательной и др.) описывает свое восприятие обстановки, действия, чувства, проявившиеся в ходе боя.

На *втором этапе* осуществляются:

- релаксация и приведение военнослужащих в аутогипнотическое состояние;
- формирование образа поведения и действий, развитие уверенности в себе, своих силах путем идеомоторного проигрывания ситуации, проговариваемой вслух ее субъектом;
- целенаправленное, жесткое самовнушение уверенности, самообладания.

На *третьем этапе* проводится рациональный разбор ситуации, ошибок, допущенных ее участниками, анализ возможных вариантов действий, ощущений и переживаний обучаемых. Разбор производится в форме дискуссии.

Ход тренировки:

1. Вступительное слово руководителя, разъясняются цель, форма проведения занятия, задачи участников (внимательно прослушивать и ярко представлять, прочувствовать предполагаемую ситуацию, замечать ошибки в действиях субъекта боевой ситуации).
2. Знакомство участников с описанием ситуации (где, когда и как происходили события, кто их субъект, результат).
3. Образный психотренинг:

а) достижение военнослужащими состояния самогипнотического погружения;

б) образное воспроизведение и образное вживание в боевую ситуацию.

ФРАЗЕОЛОГИЯ (вариант)

– Все ваши ощущения… помогают вам приготовиться к занятию, как можно ярче представить себе боевую ситуацию… свои действия в ней… и это поможет вам всегда быть уверенным, смелым… в бою…

– Представьте себе, что вы находитесь в районе боевых действий… и ваше подразделение… выполняет важную боевую задачу… вы охраняете перевал…

– Позиция вашего подразделения расположена в горах… мысленно осмотритесь вокруг… перед вами горы… и если вы поднимите голову… увидите голубое небо… яркое солнце… погода очень жаркая… душно…

– В нескольких метрах от вас стоит танк и его орудие обращено в сторону гор…

– Вы вместе с товарищами выполняете хозяйственные работы… вы слышите разговоры товарищей… и чувствуете запах пыли…

– Внезапно раздаются выстрелы… стреляют с гор… и вы видите, как пули поднимают фонтаны песка… и слышите их свист… крики…

– Вы падаете… чувствуете горячую землю… и пыль… очень сильный огонь… а вы на открытой площадке… вам хочется укрыться, спрятаться…

– Перед собой вы видите раненых… их кровь… слышите их стоны…

– Свист пуль вызывает сильное биение сердца… частое дыхание…

– Вы знаете, что нужно преодолеть страх… и добежать до танка по открытой площадке… под огнем… вам надо стрелять… и вы знаете, что нужно преодолеть страх… усилием воли справиться с испугом…

– Вы знаете, что от ваших действий… зависит многое… жизнь товарищей… победа… вам нужно стрелять…

– Вы чувствуете, что можете преодолеть страх… и это чувство вызывает у вас… прилив сил и уверенность в себе…

– Вы спокойно намечаете маршрут, по которому преодолеете открытый участок… отталкиваетесь руками от теплой земли… быстро поднимаетесь и бежите к танку… а в мыслях только одно… надо стрелять… надо помочь товарищам… и, преодолев страх, вы чувствуете спокойную уверенность в себе… знаете, что добьетесь успеха… вы добегаете до танка… ощущаете его горячую броню… вы в башне… прицеливаетесь… и открываете огонь… вы ненавидите врага… вы стреляете и стреляете…

– Внезапно огонь противника прекращается… бой окончен… и вы чувствуете усталость и радостный подъем… вы преодолели страх… не подвели товарищей… вы были смелым и решительным.

После этого ситуация повторно проигрывается с построением модели поведения в условиях реальной опасности; развиваются требуемые для боя качества.

РУКОВОДИТЕЛЬ:

– Теперь вспомните ситуацию и представьте, как бы в ней действовал «идеальный» воин… попробуйте вжиться в его образ… и еще раз мысленно проиграйте всю ситуацию в новом образе.

Затем производится самовнушение уверенности в своих силах, смелости и готовности действовать в самых сложных ситуациях боевой деятельности.

– Вы слышите меня и будете мысленно повторять за мной фразы, которые я буду произносить…

– Я спокоен и уверен в любой обстановке… (3 раза).

– Я смел и ловок в бою… (2 раза).

– Я все могу… (3 раза).

– Я выполню любую боевую задачу… (3 раза).

– Я все могу… (3 раза).

– Вы хорошо слышите мой голос… а сейчас каждый из вас начнет мысленно считать до десяти… повторяя после каждой цифры фразу «Я ВСЕ МОГУ»… и на счет «десять» ваши глаза откроются… раз… два… и т. д.

На завершающем этапе проводится рациональный разбор ситуации в форме свободной дискуссии, рассказ участников о своих впечатлениях.

При подготовке к выполнению боевой задачи целесообразно провести 6–8 СОПТ. Такое число тренировок способствует развитию первичных навыков самогипноза и позволяет сформировать устойчивые идеомоторные связи.

Приложение 3

Методика расчета психогенных потерь

Методика расчета психогенных потерь создана на базе исследования С. В. Чермянина и строится на предположении о том, что те или иные проявления психической дизадаптации в виде острых психологических стрессовых реакций выявятся уже в течение первых суток боя не менее чем у 5–7% военнослужащих.

У 80% из них они будут скоротечными (минуты – десятки минут) и редуцироваться при изменениях боевой обстановки. В пункты психологической работы, а тем более на этапы медицинской реабилитации эти лица, как правило, не направляются.

У 20% пострадавших (контингент пораженных с боевой психической травмой) длительность расстройств может превысить 1–2 часа, и они могут поступать в медицинские подразделения или в пункт психологической работы. Предполагается, что 65% из них как кратковременно вышедшие из строя (КВС) в течение суток вернутся в часть. Критерием возвращения в строй считается не полное отсутствие у них патопсихологической симптоматики, а способность к выполнению своих обязанностей.

35% пострадавших могут остаться в подразделения психологической или медицинской помощи воинского соединения (части) в течение суток и более или направляться на следующий этап медицинской эвакуации. Они составят санитарные психологические потери.

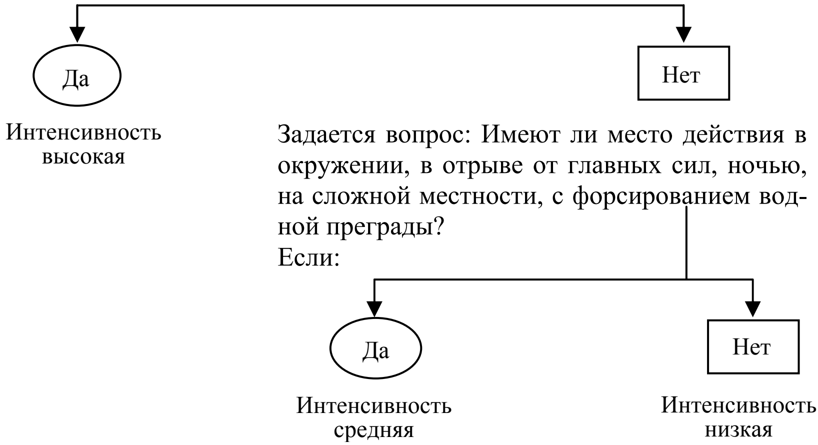
Для удобства пользования А. Г. Караяни разработана методика расчета психогенных потерь в условиях применения обычного оружия «Линейка».

Методика «Линейка»
Последовательность расчета психогенных потерь

1. Расчет интенсивности боевых действий

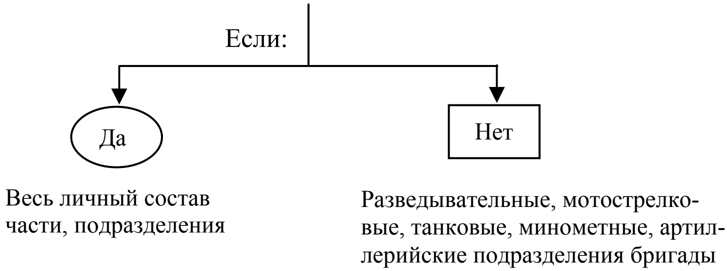
Задается вопрос: Имеет ли место массированное применение высокоточного оружия, авиации, реактивных систем залпового огня, дистанционного минирования, крупнокалиберной артиллерии?

Если ответ:

2. Расчет личного состава, принимающего непосредственное участие в боевых действиях

Имеет ли место массированное применение ВТО, авиации, РСЗО, крупнокалиберной артиллерии, бой в окружении?

3. Расчет общего объема психогенных потерь

Из них около 20% могут составить **ПСИХОГЕННЫЕ ПОТЕРИ**

4. Расчет числа военнослужащих, нуждающихся в психологической реабилитации

65% личного состава – **кратковременные потери** (несколько часов) нуждаются в отдыхе, сне, психологической поддержке. В течение суток возвращаются в строй.

35% – **санитарные потери** (выход из строя на срок более суток) нуждаются в психологической реабилитации в пунктах психологической работы.

Приложение 4

Использование целебных свойств трав

Проверенным средством психорегуляции военнослужащих является фитотерапия. К применению целебных свойств трав в целях коррекции психических состояний располагает целый ряд факторов. Во-первых, их огромное разнообразие, позволяющее постоянно иметь под рукой средства коррекции психических состояний. Во-вторых, биологические вещества растительной клетки хорошо усваиваются организмом.

В настоящее время прошли медицинские испытания и признаны как целебные травы, рекомендуемые при стрессовых и психотравмирующих ситуациях: валериана, пустырник, синюха голубая, пион уклоняющийся, мелисса и др. Перечисленные растения имеют выраженное седативное (успокаивающее) действие. К числу седативных трав относятся также душица обыкновенная, мята перечная, вахта трехлистная, фиалка трехцветная, полынь обыкновенная.

В качестве наиболее действенных успокаивающих сборов специалисты рекомендуют:

СБОР 1:	мелисса (листья)	– 40 г,
	валериана (корень)	– 20 г,
	крапива (трава)	– 30 г,
	горицвет весенний (трава)	– 10 г.

2 столовые ложки смеси заливаются стаканом крутого кипятка, настаиваются 15 мин. Настой принимается по 1/3 стакана 2–3 раза в день перед едой.

СБОР 2:	валериана (корень)	– 30 г,
	мята перечная (листья)	– 30 г,
	ромашка (цветы)	– 40 г,

1 столовая ложка смеси заливается чашкой кипящей воды и выдерживается на тихом огне 10 мин. Отвар пьют при неврозах по 2 столовые ложки 2–3 раза в день.

СБОР 2:	валериана (корень)	– 50 г,
	хмель (шишки)	– 50 г,

1 столовая ложка смеси заваривается 1 чашкой кипятка. Настой пьют вечером перед сном при бессоннице (*Лапкина Т. И.* Траволечение неврозов и стрессовых состояний. – М. : МГУ, 1993).

Приложение 5

Экспресс-методы психической саморегуляции

Выбор метода психической саморегуляции в решающей степени обусловливается особенностями ситуации переживания стресса. Так, в обстановке активного социального взаимодействия (например, на уроке) выполнять процедуры АТ или медитации будет весьма проблематично. В динамично протекающей экстремальной ситуации (катастрофа, боевые действия) некоторые из вышеперечисленных методов покажутся сложными и неуместными. В таких и некоторых других ситуациях наиболее эффективными могут оказаться экспресс-методы психической саморегуляции. Они отличаются следующими особенностями: просты в овладении и выполнении, не требуют много времени на выполнение процедур (1–3 мин.), эффективны (результат обнаруживается уже в процессе выполнения приемов), не влекут негативных побочных явлений (например, сонливости) и др.

Наиболее эффективными из экспресс-методов являются следующие группы приемов.

1. Дыхательные приемы. Известно, что нервные импульсы из дыхательных центров мозга распространяются на его кору и изменяют ее тонус. При этом тип дыхания с коротким и энергичным вдохом и медленным выдохом, вызывает снижение тонуса центральной нервной системы, помогает снять эмоциональное напряжение. Медленный вдох и резкий выдох тонизируют нервную систему, повышают активность ее функционирования. Таким образом, для того, чтобы в стрессогенной ситуации обрести спокойствие, снять чрезмерную или неактуальную психическую напряженность, необходимо выполнить 8–10 коротких вдохов (используя движения нижней части живота) и медленных продолжительных выдохов. И, напротив, для того, чтобы максимально мобилизоваться, побороть сомнения в своих силах, преодолеть «мандраж», необходимо выполнить 8–10 дыхательных процедур с медленным, продолжительным вдохом и резким, энергичным выдохом.

Известны приемы «Успокаивающее дыхание», «Мобилизующее дыхание» и др.

2. Приемы управления тонусом скелетной мускулатуры. Они основываются на том факте, что произвольное расслабление скелетной

мускулатуры действует на человека расслабляюще, успокаивающе, а напряжение, напротив, активизирующе, мобилизующе. Известны приемы «Расслабление по контрасту», «Релаксация» и др. Для «разрядки» негативных переживаний (страха, неуверенности в себе, беспокойства и др.) необходимо выполнить упражнение по типу «*Релаксация»*. Оно выполняется в три этапа. На первом этапе, заметив негативные изменения в своем состоянии (тревога, повышенная чувствительность к внешним воздействиям, раздраженность, сухость во рту, скованность, неспособность сосредоточиться на чем-либо и т. п.), нужно найти ту группу мышц, которая в данный момент наиболее напряжена. На втором этапе необходимо прочувствовать, как непосредственно связаны между собой плохое самочувствие и напряжение в мышцах. На третьем этапе требуется волевым усилием расслабить напряженные мышцы. Для этого можно представить, что они становятся тестообразными, вялыми. Как правило, улучшение психического состояния происходит практически мгновенно.

Разрядке негативных эмоциональных состояний и поддержанию бодрого настроения поможет упражнение *«Расслабление по контрасту*». Здесь релаксация достигается через напряжение. Нужно напрячь, к примеру, кисти рук, а затем максимально их расслабить и т. п. Вместе с расслаблением должно прийти и ощущение освобождения от напряжения, которое нужно всячески усиливать.

3. Воздействие на биологически активные точки и др.

Приемы купирования боли

Прием «Рисунок боли» предполагает в момент эскалации болевого ощущения детальное как можно более детальное изображение образа боли на бумаге. Психологическим механизмом купирования боли является отвлечение внимания от болевого ощущения.

Прием «Выдыхание боли». Находясь в любом положении, расслабиться, установить ровное дыхание. Затем, делая вдох, представить, что в груди формируется облако целительных жизненных сил, к примеру, серо-голубого цвета. Далее представить болевой участок, «увидеть» больной орган, имеющий коричнево-черный цвет. После чего, делая медленный выдох, направить целительное облако на больной орган, наблюдая, как оно обволакивает болевой участок, вырывает куски боли и выбрасывает из тела. Упражнение повторять до тех пор, пока оно не «вычистит» болящий орган и последний не приобретет естественный цвет.

Прием «Образ боли» предполагает работу с субмодальностями – качествами образа боли – последовательное изменение таких качеств образа боли, как температура, цвет, материал от неприятных до приятных. На последнем этапе целесообразно представить боль. Например, в виде воздушного шара, улетающего от болезненного места.

Прием «Перегрузка» предполагает во время переживания боли детально описывать все находящиеся в помещении предметы, последовательно перемещаясь из угла в угол.

Приложение 6

Дебрифинг стресса критических инцидентов

Наиболее распространенной и широко применяемой формой групповой рациональной терапии является психологический дебрифинг стресса критических инцидентов (психологический дебрифинг), то есть организованное обсуждение стресса, совместно пережитого военнослужащими при решении задач боевой деятельности.

Целью дебрифинга ставится минимизация и купирование психических страданий военнослужащих.

Задачами группового обсуждения стресса являются:

- проработка впечатлений, реакций и чувств;
- формирование у участников групповой работы понимания сущности происшедших событий и психотравматического опыта;
- уменьшение ощущения уникальности и паталогичности собственных реакций путем обсуждения чувств и обмена переживаниями;
- мобилизация внутренних ресурсов, групповой поддержки, солидарности и понимания;
- снижение индивидуального и группового напряжения;
- подготовка к переживанию тех симптомов и реакций, которые могут возникнуть в последующем и др.

Дебрифинг проводится с группами до 15 военнослужащих, совместно пережившими психотравмирующее событие в ближайшие 48 часов после его окончания.

Выделяются 7 фаз, через которые проходит группа в процессе своей работы[1].

1. Вводная фаза – знакомство с группой, разъяснение целей, задач и правил проведения группового обсуждения, создание обстановки психологической безопасности и комфорта.

2. Фаза «Факты» – участники группы рассказывают о том, что они наблюдали, что делали в бою и на основе этого составляется более или

[1] Морально-психологическая подготовка личного состава к выполнению задач по защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах (учебно-методические материалы и рекомендации). – М. : Академия МВД РФ, 1995 ; *Черепанова Е. М.* Саморегуляция и самопомощь при работе в экстремальных условиях. – М., 1995.

менее целостная картина происшедшего. Часто представления участников боевых действий о событии оказываются ошибочными. Выяснение этого обстоятельства способствует корректировке таких представлений.

3. Фаза «Мысли» – обсуждению подвергаются первые мысли, которые пришли в голову участникам боевых действий в критической ситуации. Некоторые мысли воинов также могут не отражать реальности и вызывать у них негативные эмоциональные реакции.

4. Фаза «Эмоции и чувства» – осуществляется переход от описания фактов к рассказу о внутренних психологических реакциях военнослужащих на них. Впечатления, эмоциональные реакции, импульсивные поступки каждого участника экстремального события делаются достоянием всей группы.

В процессе обсуждения выясняется, что чувства и переживания воинов во многом совпадают. Осознание этого обстоятельства способствует снятию эффекта уникальности переживаний (в том числе и страха) воинов.

Ведущим принимаются меры для включения всех военнослужащих в групповую работу, недопущения «узурпации» права на высказывание одним и превращения в безмолвных слушателей других. Он обращает внимание на то, что высказываясь о пережитом, военнослужащие переживают сильный стресс, и, хотя это происходит в обстановке отсутствия реальной опасности, они нуждаются в понимании и поддержке сослуживцев.

5. Фаза «Симптомы» – на данном этапе предметом группового обсуждения становятся эмоциональные, физиологические и поведенческие реакции и симптомы посттравматического стресса, изменения в самосознании и самооценке военнослужащих. Знакомясь с перечнем симптомов, характерных для психологических последствий конкретных психотравмирующих событий, каждый участник понимает, что его переживания не уникальны. Отражаясь в других людях через обратную связь, замечая в высказываниях других людей то, о чем сам сказать не смел, каждый участник лучше познает себя, свои чувства, переживания.

6. Фаза «Информирование» – заключается в разъяснении военнослужащим психологической сущности постстрессовых расстройств как «нормальных реакций на ненормальные условия боевой обстановки», способов преодоления отрицательных психологических последствий боевого стресса. Здесь может быть зачитан общий список реакций участников на стресс-факторы боевой обстановки.

7. Фаза «Закрытие прошлого» – подведение своеобразного итога под тем, что было пережито. В терминах будущего определяются стратегии преодоления отрицательных последствий боевого стресса, случаи, в которых участник должен искать дополнительную психологическую помощь. Такими случаями являются: наличие постстрессовых симптомов спустя 6 месяцев после дебрифинга; эскалация названных симптомов; наличие затруднений в выполнении простейшей работы или резкое снижение работоспособности.

При проведении дебрифинга следует строго придерживаться правил групповой работы: добровольность; конфиденциальность; исключение взаимных оценок, критики, недоброжелательности; работа без перерывов с правом выхода участников при необходимости; свобода в постановке любых вопросов, связанных с пережитыми событиями и собственными состояниями; предупреждение участников о возможности повторного переживания во время работы негативных эмоций и чувств и необходимости таких переживаний в интересах поисков путей их преодоления; ведение разговора лишь о своих переживаниях, а не о реакциях других людей.

Дебрифинг помогает лучше понять природу травматического стресса, его симптомы, овладеть способами эффективного их преодоления, предупредить возможность возникновения отсроченных отрицательных последствий.

Приложение 7

Примерный план
индивидуальной беседы с военнослужащим

1. Расскажите, пожалуйста, о себе.
2. Расскажите, пожалуйста, о своей семье:
   - где живут, кем работают родители, их материальное положение и финансовое состояние;
   - какие отношения в семье;
   - какое отношение к детям;
   - кто является лидером в семье;
   - кто из членов семьи уделял большое внимание Вашему воспитанию;
   - есть ли у родителей вредные привычки;
   - каково состояние здоровья близких родственников, какими болезнями болели, болеют;
   - судимы ли Ваши родственники, за что;
   - занимаются ли коммерческой деятельностью;
   - как родственники отнеслись к призыву Вас в ряды ВС;
   - служил ли отец, братья в рядах ВС, где и кем;
   - получили ли Вы письмо от родителей, написали ли им письма;
   - есть ли у Вас родственники в населенном пункте, где вы проходите службу, их адрес и телефон.
3. Ваше семейное положение:
   - женат или холост;
   - состоите ли в гражданском браке;
   - адрес жены;
   - есть ли дети, сколько, их возраст;
   - если не женат, то когда планируете жениться. Есть ли девушка, которая ждет Вашего возвращения из армии.
4. Расскажите об учебе в школе, других учебных заведениях:
   - в каком заведении, где и когда учились;
   - есть ли гражданская или военная специальность;
   - какие предметы и учителя Вам нравились и почему;
   - поступали ли в военно-учебное заведение.
5. Расскажите о своих друзьях и подругах:
   - кто они, какой возраст, чем занимаются;
   - какие совместные интересы вас связывали;

- как Вы проводили свободное время;
- кто Ваш самый близкий друг, расскажите о нем;
- есть ли друзья, которые служат в ВС, учатся в военных училищах;
- принимали ли Вы с друзьями участие в общественной деятельности, работе неформальных молодежных объединений;
- какие музыкальные стили Вы предпочитаете;
- принимают ли Ваши друзья наркотики, какие, как долго;
- употребляли ли Вы спиртное, с какого возраста, что, сколько можете выпить;
- есть ли среди друзей лица, имеющие судимость, за что;
- существовали ли в Вашем населенном пункте трения, столкновения между молодежными группировками, почему;
- принимали ли Вы участие в уличных драках, как часто, какие последствия;
- есть ли среди друзей участники криминальных группировок, уголовные авторитеты;
- есть ли у Вас финансовые и другие долги, которые Вы сделали до призыва в ВС.

6. Расскажите о работе до призыва в армию:
   - где, сколько времени и кем работали;
   - планируете ли заниматься этой работой после службы в армии;
   - какие отношения были в трудовом коллективе;
   - сколько зарабатывали, как расходовали деньги;
   - занимались ли коммерческой деятельностью, каковы результаты этой деятельности.
7. Расскажите о себе как о личности:
   - легко ли Вы сходитесь с людьми;
   - в общении предпочитаете брать инициативу на себя или нет;
   - посещали ли кино и театр, какие фильмы, спектакли смотрели;
   - какие книги читали;
   - какие передачи предпочитали смотреть по телевизору и слушать по радио;
   - занимались ли спортом, каким видом, какие имеются спортивные достижения;
   - принимали ли участие в художественной самодеятельности, играете ли на музыкальных инструментах;
   - есть ли увлечения, хобби, какие;
   - есть или были вредные привычки (курение, алкоголь, наркотики, токсикомания);

- имели ли приводы в милицию, по какой причине;
- каково состояние Вашего здоровья;
- какими болезнями болели, где и когда лечились;
- есть ли в роду наследственные болезни;
- были ли у родственников суицидальные попытки.

8. Расскажите, как готовились к службе в ряды ВС:
   - имелся ли в программе обучения в школе, предмет, который готовил бы Вас к службе в армии;
   - есть ли у Вас воинская специальность, какая;
   - хотели ли служить в рядах ВС, в каком роде войск, почему;
   - готовились ли к службе в армии, каким образом;
   - что Ваши друзья и знакомые рассказывали о своей службе в рядах ВС;
   - как Вы оцениваете свою готовность к службе в армии;
   - какие трудности видите перед собой в ходе службы в рядах ВС, сможете ли их преодолеть;
   - приходилось ли стрелять, водить боевую технику, работать на военном оборудовании.

9. Расскажите, какой Вы представляете свою воинскую службу и чего хотите добиться в рядах ВС:
   - считаете ли Вы свою службу в армии временем, потраченным с пользой для Родины и для себя или нет;
   - какую воинскую специальность хотели бы получить;
   - какие моральные и физические качества хотели бы получить;
   - от каких вредных привычек надеетесь избавиться;
   - хотите ли стать сержантом (командиром отделения, заместителем командира взвода, старшиной);
   - каких спортивных результатов хотели бы достичь;
   - как Вы представляете себе взаимоотношения между командирами и подчиненными, между воинами различных периодов службы;
   - сможете ли Вы подчиняться требованиям командиров, стойко переносить все тяготы и лишения военной службы.

10. Расскажите, какие цели Вы ставите перед собой по окончании срочной службы:
    - планируете ли Вы поступать в военное училище;
    - планируете ли Вы остаться в рядах ВС в качестве прапорщика или военнослужащего по контракту;
    - планируете ли Вы поступать на службу в органы милиции, ФСБ, другие ведомства;

- рассчитываете ли Вы продолжить после службы свое образование;
- планируете ли Вы продолжить трудовую деятельность, где;
- планируете ли Вы открыть свое частное дело или стать фермером.

11. Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы «да» или «нет»:
    - верно ли, что по отношению к Вам часто поступают несправедливо;
    - начинаете ли Вы нервничать, когда замечаете, что за Вами наблюдают;
    - бывают ли у Вас конфликты с окружающими;
    - верно ли, что Вам трудно угодить;
    - часто ли бывает, что окружающие люди раздражают и Вам хочется побыть одному;
    - часто ли Вы испытываете чувство апатии, безразличие к окружающим, подавленность;
    - не кажется ли Вам, что Вы человек особенный, странный и непонятный для других;
    - не создается ли у Вас впечатление, что на Вас обращают внимание чаще, чем на других;
    - не создается ли у Вас впечатление, что Вас преследуют, хотят наказать;
    - часто ли у Вас бывают головные боли, головокружения, расстройства кишечника из-за переживаний.

При достижении цели беседы командир переходит к ее завершению. Это можно сделать словами: «А теперь давайте подведем итог нашему разговору. Может быть, у Вас есть вопросы или проблемы, в решении которых я смогу помочь?» Такое завершение дает возможность выслушать пожелания и проблемы подчиненного, а также заложить основу для последующего индивидуального контакта. Ваш подчиненный должен быть уверен, что информация, полученная офицером, будет конфиденциальной и использоваться только в служебных целях.

В ходе завершающего этапа офицер должен проделать следующую работу:

- зафиксировать полученные данные в педагогическом дневнике или карточке индивидуальной беседы;
- проанализировать ход и содержание беседы;
- сделать психолого-педагогические выводы;
- определить меры последующей индивидуальной работы и способы влияния на военнослужащего.

Приложение 8

Социально-психологический портрет подразделения (воинской части)

№ п\п	Социально-психологические характеристики	офицеры	прапорщики	контрактная служба	Военнослужащие по призыву	
					1-й период	2-й период
1.	Личный состав:					
	- по штату					
	- по списку					
	- % укомплектован					
2.	По возрасту:					
	- 18–20 лет					
	- 21–25					
	- 26–30					
	- 31–35					
	- 36–40					
	- 41–45					
	- старше 45 лет					
3.	По национальности (перечень)					
4.	По социальному происхождению:					
	- из рабочих					
	- из крестьян					
	- из интеллигенции					
	- из коммерсантов					

№ п\п	Социально-психологические характеристики	офицеры	прапорщики	контрактная служба	Военнослужащие по призыву	
					1-й период	2-й период
5.	По семейному положению:					
	- из неполных семей:					
	- в т. ч. без отца					
	- без матери					
	- без родителей					
	- женатых					
	- в т. ч. с детьми					
	- воспит. в детдоме					
6.	Сведения о близких родственниках:					
	- имели суициды					
	- психические расстройства					
	- судимость					
	- алкоголизм (наркоманию)					
	- живут ниже черты бедности					
7.	По образованию:					
	- высшее					
	- среднее профессиональное					
	- среднее					
	- основное					
	- начальное					
	- не имеют образования					
8.	До призыва работали:					
	- в промышленности					

№ п\п	Социально-психологические характеристики	офицеры	прапорщики	контрактная служба	Военнослужащие по призыву	
					1-й период	2-й период
	- на транспорте					
	- в сельском хоз-ве					
	- в гос. секторе					
	- в комерч. структурах					
	- нигде не работали					
9.	Имеют судимость					
10.	Наличие вредных привычек:					
	- к алкоголизму					
	- наркомании					
	- др.					
11.	По состоянию здоровья:					
	- огранич. годные					
	- имели черепно-мозг. травмы					
	- дефицит массы тела					
	- нед. в физ. развитии					
	- заяв. жалобы на другие болезни					
12.	По отношению к религии:					
	- всего верующих					
	- в т. ч. – христиан					
	- мусульман					
	- иудеев					
	- представителей религиозных сект					

№ п\п	Социально-психологические характеристики	офицеры	прапорщики	контрактная служба	Военнослужащие по призыву	
					1-й период	2-й период
13.	Требуют дополнительного психолого-педагогического внимания:					
	- с девиантным поведением					
	- с высоким риском суицида					
	- не допущены к несению службы с оружием					
14.	По военной подготовке:					
	- воен. академии					
	- воен. училища					
	- в/каф. граж. вузов					
	- школа прапорщиков					
	- РОСТО					
	- учебные подраздел.					
15.	Имеют опыт боевых действий/награды					
16.	По сроку службы в занимаемой должности					
17.	Профессиональная подготовка:					
	- отличников б/подготовки					
	- классных специалистов					
	- в т. ч. – мастер					
	- 1-й класс					
	- 2-й класс					
	- 3-й класс					
	- спортсменов-разряд.					

№ п\п	Социально-психологические характеристики	офицеры	прапорщики	контрактная служба	Военнослужащие по призыву	
					1-й период	2-й период
	- в т. ч. – мастер					
	- КМС					
	- 1-й разряд					
	- 2-й разряд					
	- 3-й разряд					
20	Состояние правопорядка и дисциплины					
	- преступлений					
	- происшествий					
	- грубых дисц. проступ					
	в т. ч. по видам					
	Сведения о нарушителях (кол-во)					

Социально-психологический портрет ведется:
- в части – за батальоны, отдельные подразделения и часть в целом;
- в батальоне – за роты, отдельные взводы и батальон в целом;
- в роте – за взводы и роту в целом.

Карта боевого стресса

Симптомы	Диагноз	Коррекционно-профилактические мероприятия
Кратковременные реакции страха, тревоги, внутренней напряженности или расслабления, истероформные эмоционально-экспрессивные проявления, реакции боевой экзальтации (непсихотические яркие психологические переживания), ситуативно обусловленные отклонения в поведении; нарушения сна, утомляемость, раздражительность, вспыльчивость, легкие вегетативные проявления боевого стресса (пигментация, потение, тремор, частота дыхания и сердцебиения и др.)	Адаптивные психологические реакции. Норма	Потребность в специальной психотерапевтической и психокоррекционной работе отсутствует. Профилактика – повседневная работа по формированию психологической устойчивости и готовности к бою
Состояния кратковременного крайнего эмоционального напряжения, обусловленные БПТ, аффективная суженность сознания, резкие нарушения поведения, «однонаправленное» протекание аффекта; непроизвольные пантомимические, вегетативные, экспрессивные проявления. Вслед за фазой аффективного взрыва нередко следует фаза истощения. Воин плохо управляет своим поведением и не дает достаточного отчета о его последствиях. Однако ориентировка в окружающем не страдает, последующей амнезии не наблюдается. Интрапунитивные (самоповреждения, суицид). Экстрапунитивные (злоба, агрессия, гнев, побои). Демостративные ракции (уединение, членовредительство, кражи, мародерство, суицид).	Острые аффективно-шоковые реакции	Временная изоляция, удаление с поля боя в П(Ц) ПпиР. Оружие изымается, форма одежды сохраняется, истории болезни не оформляются, регистрация – по журналу. Отдых, сон, полноценное питание, горячее питье. При необходимости – психокоррекционное и психотерапевтическое вмешательство

Симптомы	Диагноз	Коррекционно-профилактические мероприятия
Продолжительность – от нескольких минут до нескольких часов, постепенно сглаживаются на фоне лечения или без него, заканчиваются выздоровлением		
Менее острое длительное психическое напряжение с вышеперечисленными симптомами	Преневротические состояния	
Кратковременные, парциальные, без формирования целостной клинической картины реакции. Психосоматические нарушения, вегетативная неустойчивость, двигательная и эмоциональная чрезмерность. Поведение в целом адекватно обстановке.	Патологические психогенные реакции	Понимание, дружественный вербальный и физический контакт, апелляция к разуму, побуждение к малым действиям (выпить глоток воды, одеться, заправиться, привести оружие к бою и др.), привлечь к привычной деятельности, фиксировать, убрать из поля зрения травмирующую картину.
- Тревожность, тоскливо подавленное настроение, боязливость	Депрессивные реакции	Убрать из зоны боевых действий в психиатрическое учреждение, утешение, позитивное информирование, активизирующая деятельность
- Заметное снижение психического тонуса	Астенические реакции	Ободрение, призыв к сознательности, четкие приказы, возложение простых задач и небольшой ответственности, сочувствие, тепло, теплое питье, пища, медикаменты не показаны

Симптомы	Диагноз	Коррекционно-профилактические мероприятия
- Истероформные проявления	Истерические реакции	Контакт наедине, внушение о быстром выздоровлении, эвакуация из подразделения, стимулировать вербализацию страха, занять работой, предотвратить уход в болезнь. В отдельных случаях – лечение на госпитальном этапе ТВД (в строй, в тыл, демобилизация)
Стремление любым способом уйти из стрессорной ситуации, добиться направления в госпиталь, перевода в тыл или увольнения из армии, легкомысленность, беспечность, наивность, узость интересов, низкий уровень общей осведомленности, неряшливость, низкая трудоспособность, низкая выносливость, СОЧ	Патохарактерологические реакции неустойчивого типа (неустойчивый и шизоидно-неустойчивый типы)	
Оппозиционно-вызывающее поведение, аффективная взрывчатость, агрессивность (с тяжелыми последствиями), открытое неподчинение, стремление поступать «назло» окружающим, вымещать на них злобу, обиду; развязность, бестактность, аффективная гиперактивность в конфликтах, застреваемость переживаний, изменчивость настроений	Патохарактерологические реакции аффективно-эксплозивного типа (эпилептоидно-истероидный, эпилептоидно-неустойчивый типы)	Воспитание, общественное мнение, контроль, снятие напряженности, психотерапия
Импульсивность, возбудимость, взрывчатость, конфликтность, гиперреактивность при конфликтах (крики, рыдания, позерство), слабый эмоциональный контроль, поиск одобрения (ложь, небылицы), гиперзабота о статусе, эгоцентризм, стремление участвовать в боевых действиях, суицидальный шантаж, демонстративные СОЧ, имитация психопатологических симптомов	ПХР истероидного типа (Истероидный, лабильно-истероидный, гипертимно-истероиный, истероидно-неустойчивый тип).	

Симптомы	Диагноз	Коррекционно-профилактические мероприятия
Встречаются крайне редко. Длятся от нескольких минут до нескольких часов. 1. Аффективное сужение сознания, двигательное возбуждение, поведение утрачивает целенаправленность, кричат, мечутся, нередко бегут в сторону опасности, на лицах – маска ужаса, резкий упадок сил, глубокий сон. При пробуждении – амнезия	Острые, кратковременные реактивные психозы Гиперкинетические	Не учитываются, эвакуации не подлежат. В острых периодах – физическое ограничение, нейролептики, транквилизаторы, в последующем – витамино- и психотерапия
2. Внезапная обездвиженность, помрачение сознания, утрата речи, безучастность, устремленный в пространство взгляд, редкое мигание. До нескольких суток. Последующая амнезия	Гипокинетические	
Употребление алкоголя и ПАВ без формирования физической зависимости	Аддиктивное поведение	Разъяснение, требования, ограничение доступа, контроль, снятие психоэмоционального напряжения
Стойкие, структурированные психические расстройства: а) с сохранением ориентировки: 1. Формирование физической зависимости от алкоголя и ПАВ. 2. Устойчивые депрессивные, астенические, истерические, фобические паттерны. 3. Интрузия, избегание, гиперактивность. б) с нарушением ориентировки	 Алкоголизм, наркомания Неврозы ПТСР Психозы	На госпитальном этапе за пределами ТВД

СОДЕРЖАНИЕ

Учебное издание

Александр Григорьевич КАРАЯНИ
Игорь Васильевич СЫРОМЯТНИКОВ

ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Учебник

Ст. корректор И. В. Садырова
Компьютерный макет подготовлен К. А. Юрасовой

Изд. № I А – 24.125/15. Подписано в печать 02.06.2015.
Бумага офсетная № 1. Формат бумаги 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Объем – 31,25 п. л. Уч.-изд. л. – 30,15. Тираж 300 экз. Зак. № 24

РИО Военного университета.
Типография Военного университета. 123001, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14